

Petr Petrovich Stremoukhov

EVERYTHING IS IN THE PAST.
MEMORIES 1865-1935

VOLUME I

ON THE THRESHOLD. 1865-1904

EDITED BY

Artur Górak & Krzysztof Latawiec

Petr Petrovich Stremoukhov

EVERYTHING IS IN THE PAST.
MEMORIES 1865-1935

V O L U M E I

ON THE THRESHOLD.
1865-1904

E D I T E D B Y

Artur Górak & Krzysztof Latawiec

The publication was created as an outcome of the research project of the Ministry of Science and Higher Education No. NN108 201836.

Grant manager: Artur Górak.

Contractors: Krzysztof Latawiec, Jan Kozłowski

The publication was created as an outcome of the research project of the National Science Centre, Poland, No. 2015/19/B/HS3/01132.

Project Manager: Krzysztof Latawiec.

Contractors: Artur Górak, Jarosław Krajka, Yulia Kiselyova, Piotr Sęczyk

Petr Petrovich Stremoukhov

EVERYTHING IS IN THE PAST.
MEMORIES 1865-1935

V O L U M E I

ON THE THRESHOLD.
1865-1904

E D I T E D B Y

Artur Górak & Krzysztof Latawiec

Lublin 2024

Editors:

Artur Górak, Krzysztof Latawiec

Reviewer:

prof. dr hab. Wiesław Caban

Preface translator (English):

Jarosław Krajka

Proofreading (Russian)

Yulia Kiselyova

Proofreading (French)

Sławomir Górzyński

Copyediting:

Artur Górak

Typesetting and cover design:

Przemysław Tytus Krupski

© ToNiK „Libra”

Publisher:

ToNiK „Libra”

ISBN 978-83-64857-47-8

DOI 10.36121/Stremo.2024.08

Printing:

ELPIL, Siedlce, ul. Artyleryjska 11, www.elpil.com.pl

TABLE OF CONTENTS

Preface	9
Editor's Note	17
P.P. Stremoukhov, Everything is in the past.	
Part One: On the Threshold. 1865–1904	21
Introduction	29
CHAPTER I	33
– Происхождение фамилии Стремоуховых. – Служба моих предков. – Петр Николаевич Стремоухов. – Характерные черты нашего рода. – Мой отец. – Его женитьба. – Семья моей матери. – Дворянская служба отца. – Освобождение крестьян. – Наследник Цесаревич Николай Александрович. – Крестьянский бунт. – Назначение отца Рязанским губернатором. – Семейные неурядицы. – Служебные неудачи отца. – Общая характеристика отца. В.Л. Древинг. – Наши отношения. – Кончина отца. – Моя матушка. – Брат Дмитрий и сестра Елизавета.	
CHAPTER II. CHILDHOOD AND YOUTH. 1865–1885	61
– Мое появление на свет. – В Дерпте. – Кн. Шаховские. – Первые впечатления. – Франко-Прусская война. – Переезд в Петербург. – Барон Штакельберг. – Об авторитете начальства. – В Петергофе. – О петличках и выпускках. – Коковцев, Антон Григорьевич Рубинштейн, Эллис. – Мой первый роман. – Бычков. – Предполагаемый развод моих родителей. – Ф.Ф. Трепов. – Пансион Кауфмана. – Позорные колесницы. – Н. Леонтьев. – Салтыков. – Итальянская опера. – Поступление в Пажеский корпус. – Состав пажей. – Придворная служба. – Привилегии. – Постановка учебного дела. – Общее развитие, воспитание. – Свобода личности. – Внешние условия. – Поведение пажей. – А. Орлов. – Посещение корпуса Императором Александром II. – Разводы в Михайловском манеже. – Царевубийство. – Наше отношение к революционному движению. – Военный министр Д.А. Милотин. – Фронтовые занятия. – Мои первые шаги в корпусе. – Оставление на второй год в VI классе. – В специальных классах. – Семья Салтыковых. – Некоторые товарищи: Джунковский, Зарудный, Сатин, Мансур, Чингиз-Хан, граф Лорис-Меликов, св. князь Чернышев, Кармалин, Гурко, Безак, граф Граббе и его семья, Графиня Орлова-Денисова. – Поэт Апухтин. – Охоты. – Семья Розеншильд-Паулин. – Семья Вейденштраух. – Производство в камер-пажи: представление Императрице Марии Федоровне. – Выпускные экзамены. – В лагере. – Выбор части. – Производство в офицеры.	

CHAPTER III: IN THE MILITARY SERVICE. 1885-1892 105

- Представление Государю. - На устье Луги. - Поступление в полк. - Восьмая рота. - Занятия. - Ротное хозяйство. - Содержание офицеров. - Караульная служба. - Общие впечатления. Отношения с солдатами. - Корпусный командир принц А.П. Ольденбургский. - Караул в Зимнем дворце. - Высочайшие выходы. - Пышность Двора. - Систематическая «Осада власти». - Опрошение. - Несколько мыслей о «демократизации» и «аристократизации». - Большой свет. - Театральные интересы. - Артистка Х. - Цукки, Борги. - Великий князь Михаил Михайлович и его женитьба. - Генерал Фрезе. - Возвращение наших офицеров из Болгарии. - Великий князь Владимир Александрович. - Эрмитажные спектакли. - Женитьба А.А. Салтыкова. - Охлаждение к военной службе. - Попытка купить имение и заняться сельским хозяйством. - Сарны. - Моя болезнь. - Поездка на Кавказ. - Семья князей Меликовых. - Великий князь Михаил Николаевич. - Разбойник Керим. - Светские успехи. - Абас-Туман. - Охота на альпийскую серну. - Принц К.П. Ольденбургский. - В Кутаиси и Батуми. - Поездка в Шамхоры и Эвлах. - В Тифлисе. - Возвращение в Петербург. - Решение оставить военную службу и устроиться на гражданской. - Череванский, Зиновьев и Сиягин. - Семья Журавлевых. - Концертные балы в Зимнем дворце. - Генерал Мальцев. - Князь Н.Н. Оболенский. - Поездка в деревню к Салтыкову. - Я делаю предложение его сестре. - Возвращение в Петербург. - Командировка в Олонецк. - Буря на Ладожском озере. - Семья Салтыковых и несколько черточек из ее прошлого. - Александр Михайлович Салтыков. - Моя невестка и ее жених А.А. Воронин. - Княгиня Юрьевская. Ее семья. - Свадьба моей невестки. - А.Ф. Кони. - Петербургские туманы. - Моя свадьба. - Свадебное путешествие: Берлин, Висбаден, Баден-Баден. - В гостях у немецких офицеров. - В Ницце, в Италии. - В Варшаве. - Встреча с Гурко. - Поступление на гражданскую службу.

CHAPTER IV: IN WARSAW. 1892-1897 191

- Условия жизни в Варшаве. - Начало моей службы в канцелярии. - А.П. Наумов. - Его сын. - Начальник отделения канцелярии ген. губ. Г.М. Ширяев. - М.А. Гурко. - Генерал Гурко и некоторые черты из его прошлого. - Современная его политика. - Отношение поляков к русским и к русской государственности. - Владимир Гурко. - Начальник штаба Пузыревский. - Попечитель учебного округа Апухтин. - Маркиз Велепольский, граф Август Потоцкий, Гурский, кн. Четвертинский, гр. Замоиский, архиепископ Попель. - Приемы на Замке. - Мое назначение чиновником особых поручений. - М-ме Гурская. - Австрийский консул Питнер. - Начальник уезда Буткевич. - Избиение генерала Свистунова. - Мое служебное положение. - Министр финансов Наполеона. - Борьба с немецким засильем. - Управление I отделением канцелярии ген. губ. - Рождение сына. - Поездка в Ченстохов. - П.П. Мейер. - Рождение дочери. - Польский театр. - Болезнь жены. - Болезнь генерала Гурко. - Профессор Лейден. - Закладка собора. - Смерть Императора Александра III. - Прием генерал-губернатором польский депутатов. - Отказ духовенства приводить к присяге на русском языке. - Поездка с генерал-губернатором гр. П.А. Шуваловым. - Его характеристика. - В Плоцкой римско-католической семи-[1040б]-нарии. - Анекдот с гр. Х. - Упразднение должности начальника Варшавского жандармского округа. - Е.Ф. Турау. - Назначение А.И. Петрова на должность помощника генерал-губернатора. - Переход к нему гражданского управления

и происходившие из-за этого недоразумения. – Характеристика Петрова и его прошлое. – Царский обед в Скерневицах. – Столкновение Петрова с Ширяевым. – Графиня Коцебу. – Избиение Варшавского губернатора Андреева. – И.Ф. Горбунов. – Анекдот с моей женой и девицами X. – Лодзинская обводная ж. д. – Столкновение с гр. Шуваловым. – Инцидент с маркизом Велепольским. – Уход гр. Шувалова. – Назначение генерал-губернатором св. князя Имеретинского. – Плохие предзнаменования. – Мои попытки переменить службу. – Увольнение Петрова и назначение на его место кн. А.Д. Оболенского. – М.Э. Ячевский. – Инцидент с архиепископом Флавианом. – Расхождение Имеретинского с кн. Оболенским. – Король Сиамский. – Блюх. – Ожидаемый приезд Государя в Варшаву. – Подготовка торжеств. – Представление о назначении меня камер-юнкером, а затем вице-губернатором. – Царский приезд. – Первая встреча с Дараганом. – Представление И.Л. Горемыкину. – Впечатление от польской знати. – Поездка в Леснинский монастырь. – Мое назначение вице-губернатором. – Общие впечатления от Варшавской службы.

CHAPTER V. IN KALISZ. 1897-1904 273

– Постройка Калишской ж.д. – Поездка в Петербург. – С.Ю. Витте. – Город Калиш. – Памятник русско-прусской дружбы. – Трубачи на костеле. – Н.П. Базин. – М.П. Дараган. – Мои первые служебные шаги. – Некоторое разочарование. – Заграничные поездки. – Мои охоты. – Введение винной монополии. – Вознаграждение за права пропинации. – Бабий бунт. – Обвинительная камера судебной палаты. – Дамы. – Г.Э. Зенгер. – Освящение памятника императору Вильгельму. – Моя жена в руках итальянских бандитов. – Поездка в Ниццу. – Операция. – Профессор Зонненбург. – Смерть дочери. – Бурская война. – С.С. Татищев. – Князь Четвертинский. – Поездка в Крейцнах и на выставку в Париж. – Постройка реального училища и приезд министра народного просвещения Глазова. – Поездка на остров Сильт. – Выборы в земском кредитном обществе. – Речь Дарагана. – Смерть князя Имеретинского. – Падение Дарагана. – Его уход в Сенат. – Сельскохозяйственные комитеты. – Назначение губернатором Н.И. Новосильцева. – Его характеристика. – Болезнь тестя. – Встреча с графом Бнинским. – Поездка в Ниццу. – Кончина тестя. – Получение наследства. – Поездка в Петербург. – Министр Внутренних Дел Плеве. – Пожалование меня камер-юнкером. – Поездка в деревню. – В гостях у Вел. Князя Николая Николаевича. – Первое мое представление Государю. – Японская война. – Граф Келлер. – Опять в деревне. – Впечатления помещичьего быта. – Назначение мое Сувалкским губернатором. – Беседа с Чертковым. – Итоги.

Annex. Genealogy of the Stremoukhov family 351

Index of persons 361

References 379

Preface

This is the first volume of memoirs of Petr Stremoukhov, a Russian middle-level clerk living at the turn of the 19th and 20th centuries. The source seems interesting to us as it illuminates an important period in the history of the Russian Empire and the Kingdom of Poland.

The memoirs are written in a light-hearted and easily readable style. The text contains numerous descriptions of persons, places, and anecdotes. When writing about Poland and Poles, Stremoukhov is kind and understanding, however, displaying also the attitude of superiority characteristic of a person from the state management apparatus. He recollects the high culture of living in Warsaw and the living conditions in Poland with much fondness.

While this type of source is difficult for research criticism, it is at the same time highly pleasing to read especially if the author had at least a little literary talent, which is the case here. Stremoukhov cannot be denied some skill in this respect as the memoirs are easy and enjoyable to read. The descriptions of events and persons are intertwined with anecdotes, also related to the writer himself. One can even notice that he had a high opinion of his own writing skill and erudition and hoped readers would appreciate his work. Ironically, we can also admit that we share Stremoukhov's hopes in this respect while editing the current volume for publication.

Written sources such as diaries (memoirs) have a methodologically complex relation to reality, at sometimes indirect, at others direct. Besides the author's declared intentions, there is also some hidden agenda. Regardless of everything, however, both this and any other diary testify most about their author. Eventually, as our scientific mentor Professor Józef Szymański used to say, the source can answer many questions which, however, first need to be asked. Thus, we are faced with a complex network of relations between the intentions of the source author and the researcher.

Memoirs written by Petr Petrovich Stremoukhov, which are published in the current volume, are surely a source written with a clear intention of publication. However, the author's aims cannot be restricted just to one explanation. On the one hand, he produces a historiographic source as he reports upon past events in a particular order, often supporting his accounts with published sources or official documents, yet without openly admitting to such an intention. Most often he reports and openly expresses his opinions, presenting a one-sided view of the events which he took part in or heard about.

First and foremost, the published memoirs report upon the writer's life story, a kind of evidence of reality and, indirectly, an explanation of his actions and the historical processes. Due to that, the memoirs achieve the quality of autobiography. Moreover, the author feels a part of the bureaucratic elite of the Russian Empire (sometimes exaggerating his own importance), trying to explicate the fall of this system. In this respect, the memoirs are an account of his civil service.¹ It is evident that at the same time he makes a confession, trying to understand and excuse his actions and role. Therefore, the author glorifies and sentimentalises the reality of the Russian Empire, which is in contradiction with its decay and spectacular fall.

The current memoirs are an account of a clerk due to the character and position of the author. Almost all significant initiatives, reforms and problems of the Russian bureaucratic apparatus are addressed in the text. Of particular interest are descriptions of relations in the ruling bureaucratic elites of the Tsarist Russia. While recounting the development of social relations, the author becomes more and more eager to express his political views.

Petr Petrovich Stremoukhov (1865–1951) was a middle-level Russian official. The legend goes that the Stremoukhovs originated from Greeks who escaped from the Byzantine Empire in the advent of its imminent fall. Their Russian descendants believed that the family had lived for some time in Poland, after which they moved to serve the princes of Moscow.²

During the Russian Empire the Stremoukhov family belonged to the class of *dvoryanstvo*, however, for generations they had made their living from state service. Eventually, the writer's father wasted his family's modest estate on women and gambling, after which he left his family to spend the rest of his life with a pianist named

---

¹ See more: J. Szymański, *Nauki pomocnicze historii*, Warszawa 2001, pp. 45–47.

² See the annex to this volume – *Rodoslovnaya*; S. Bogdanov, *The Stremoukhovs. Local Nobility and Administrative Apparatus of the Russian Empire in the 19th-early 20th Century*, "Res Historica" Vol. 51, 2021, pp. 373–385, DOI:10.17951/rh.2021.51.373-385

Drawing in Sankt Petersburg. This finally broke the ties of this branch of the family with real estate and resulted in very modest financial foundations of Petr's and his siblings' early career. The inferiority complex connected with his material status and fondness for gentry and aristocracy are clearly evidenced in Petr Petrovich's memoirs.

The retrospective of the final decades of the Russian Empire is difficult to assess. Obviously, this period attracts a lot of attention due to signs of imminent catastrophe of the state and its society, upcoming doom of millions of people and their cultures, barbarities and cruelties never seen before, which were all brought about by the left-wing revolution. It can be stated that no fault from the past justifies genocide to come. Considerations of the imminence of this doom, though difficult, are necessary for a historian to tackle. Such a task was even more demanding for the author of memoirs who was an important figure in the state apparatus. Stremoukhov not only describes his life and career but also tries to answer the following questions: Why did it all happen? Could all of these be avoided?

The author of the memoirs, Petr Petrovich Stremoukhov³, was born in Ryazan on 16 January 1865. His father was an Orthodox clerk (later privy councillor) with his roots in Ryazan Governorate nobility. He was in charge of the estate of his wife Yekaterina Nikolayevna de domo Bippen (Lutheran, related to Baltic barons), which was located in Nizhny Novgorod Governorate. Subsequently, he was governor of Ryazan, after which he moved to private service to take the post in Ryazan-Orel railway management. He came back to state service to act as member of council for the Minister of Internal Affairs and official in Chief Management for the Press. He lived in Sankt Petersburg with his mistress Viktoria Ludvikovna Drawing (35 years younger) who he married only after his mother died in 1907. Viktoria Ludvikovna committed suicide 2 weeks after her husband's death.

The author's mother, Yekaterina Nikolayevna Stremoukhov nee Bippen, also moved to Sankt Petersburg in 1872, mainly for reasons of her children's education. Thanks to family connections, she managed to approach the brother of Konstantin Antonovich Stackelberg, who served as squad commander of Nicholas Cavalry School for 10 years. The author of the memoirs used his family connections already in his

---

³ A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867–1918)*, second edition, amended and corrected, Lublin 2015, pp. 417–424; А.Г. Горак, Институт губернаторства в Российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П.П. Стремоухова, „Вісник Чернігівського національного педагогічного університету” series „Історичні науки” Vol. 87, no. 8, 2011, pp. 72–76; A. Górak, *The Institution of Russian Imperial Governorship in Historical Retrospective According to P. P. Stremoukhov's Memoirs*, „Russian Studies in History” Vol. 53, Issue 3, 2014, pp. 84–94. <https://doi.org/10.1080/10611983.2014.1020230>.

adult life. The second circle of Stremoukhov's acquaintances was related to education. Initially, he studied with the intention of entering law school, however, eventually he was sent to the Page Corps in spring 1878. As Petr Petrovich underlined, it was not a purely aristocratic school, but it was meant more for the bureaucratic elite. He assessed the education in the Page Corps to be of low quality. As for its ideology (upbringing), he wrote as follows: „There is no emphasis on worldview. Pages graduated from the corps, each one on his own”. During the promotion examination to the 7th grade, a crib sheet was thrown towards him, which was why he had to retake the 6th grade. Thanks to that, though, he made acquaintance with his deskmate Vasilii Iosifovich Gurko, son of Warsaw Governor General. During his time in the corps, Stremoukhov made other acquaintances, which proved useful throughout his career.

Upon graduation, he joined the military service. On 7 August 1885, he was promoted to the rank of leibguard sub-lieutenant and entered the Jaeger regiment. Afterwards, he was sent to the 149th Black Sea Infantry Regiment and the 152nd Vladikavkazsky Infantry Regiment. Suddenly, on 17 May 1892 lieutenant Stremoukhov was moved to the infantry guard reserve (in Warsaw Governorate) and was soon removed from the regiment register.

He was married to Sofya Alexandrovna Saltykova, daughter of chief of war-field chancellery, lieutenant-general Saltykov⁴. She was one of the founders of Saratov Conservatory and a curator of Mariyskiy and Galkin-Vraskoy orphanages in Saratov. During her husband's service as Kostroma governor, she was a curator of Alexandriysky orphanage (1913–1915). After the outbreak of the First World War she worked as a nurse in the Red Cross hospital in Nizhnaya Debra. Stremoukhov made acquaintance with his future wife via her brother, his mate from the Page Corps, Alexander Alexandrovich Saltykov.⁵

When returning from Venice, Petr Petrovich presumably accidentally met Vasilii Gurko (his mate from the Page Corps) in Warsaw, who offered him a position in the civil service, in the office chaired by Gurko's father, Warsaw Governor-General. Initially, he was offered a position of assistant clerk with a salary of 1,200 rubles a year (in 1893 it was raised to 2,000 rubles). At that moment Stremoukhov first experienced

---

⁴ Alexander Mikhaylovich (1828–1903).

⁵ A.A. Saltykov (1865–1940), wealthy estate owner from Tula Governorate, local governance activist, among others, Tula Governorate noblemen's marshal (1906–1913), journalist and Tambov governor since 14 October 1913. In May 1920 arrested and sentenced to imprisonment in forced labour camp (lager). Released after amnesty, he emigrated to Germany, where he was known as a philosopher, historian of the Russian culture and poet – В.А. Демин, *Верхняя палата Российской империи. 1906–1917*, Москва 2006, p. 282.

insufficiency of his education when the head of the bureau asked „What can you do, apart from waving the sabre?” However, he was quick to make up for his lacks and was soon promoted to the position of a special-task clerk, as whom he would often travel throughout the Kingdom of Poland to do audits or investigations.

During service, he would receive distinctions and promotions to higher ranks until the position of Kalisz vice-governor in 1897. An important turning point in his career was obtaining the court rank – on 6 April 1903 he was awarded the title of the Highest Court chamber-junker. Soon (16 October 1904) he was appointed Suwałki governor despite insufficient rank, which was why he was only “acting governor” until he was promoted to the rank of active state councillor in 1907.⁶

Stremoukhov was more than happy that he moved above another glass ceiling in his career and was promoted to an independent position. Moreover, governor was the most important state power representative in the region. However, after some time he started to think about making his career further on in the centre of the Empire. He dreamt of Sankt Petersburg or at least Moscow, however, the authorities decided to test his abilities in some difficult (task-based) positions. On 2 January 1911 he received a displacement telegram, which was followed three weeks later by the highest *ukaz* with his appointment as Saratov governor. The position was difficult and dangerous for his career as a political struggle was going on in Saratov between the authorities and a rebellious monk Ilyodor, who was supported by bishop Hermogen. Apparently, Stremoukhov did his job well in Saratov he was soon (31 December 1912) transferred to Kostroma.

This appointment was announced just before the 300th anniversary of the Romanov dynasty and could be interpreted as a manifestation of the highest level of trust possible. Indeed, Stremoukhov performed his duties perfectly, which resulted in his appointment to the court rank of *jaegermeister* on 20 May 1913. At the same time, the Monarch issued “the highest praise” for him for perfect order during visits of their Imperial Highnesses in the city of Kostroma and the governorate.⁷

---

⁶ А.Г. Горак, *Дело полковника С.Н. Мясоедова в воспоминаниях П.П. Стремоухова*, [in:] *Первая мировая война и российская провинция. Материалы международной конференции*, ed. A.S. Minakov, Орел 2014, pp. 58–68.

⁷ А.Г. Горак, *Петр Петрович Стремоухов в Костроме (31 XII 1912–19 I 1915)*, [in:] *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича: сб. науч. тр.*, eds. А.С. Лазарев, И.С. Наградов, В.Л. Щербаков, Кострома 2021, pp. 250–264.

While Stremoukhov was hoping for a promotion to the capital, he was assigned another difficult task by the authorities – appointment to Warsaw Governor-General during the ongoing war. However, he was constantly enumerated as a candidate for governmental positions. Finally, it was only after the evacuation of the Russian administration from the Kingdom of Poland on 21 March 1916 that he was appointed director of General Affairs Department in the Ministry of Internal Affairs. Before the fall of the monarchy (1 January 1917) Stremoukhov was promoted in court ranks, while in February 1917 he was appointed senator.⁸

Nice, 1935

---

⁸ А.Г. Горак, Революция в воспоминаниях губернатора Петра Петровича Стремоухова, [in:] *1917 год: государство, власть, территория*, ed. Л.Д. Шаповалова, introduction А.С. Сенин, Москва 2017, pp. 125–130.

He spent his final years in state service in the administration of the Armed Forces of Southern Russia, directly as assistant to the chief of Mineralvodsky District, then as assistant to commander-in-chief cavalry general I. G. Erdely⁹ in Chief Management of Northern Caucasus.¹⁰ In 1920 he evacuated himself to Constantinople, then to Bulgaria, where he was employed in a library and started to write his memoirs, which were completed only in Nice. “I stopped taking my notes with the episode of my arrival in Bulgaria. Since that time, I have been a migrant. Currently (1935) I have been living abroad for 13 years, including 2 years in Bulgaria, the rest in France, 10 years in Paris, then in Nice, where I am writing right now.” When living in exile, Petr Petrovich published several articles.¹¹

The memoirs cover the Russian period of his life. The epilogue suggests that the author used his notes while writing. Moreover, he seems to have regarded his work not only as an account of his life story but also as a source for historians. Since, as he admits, he did not take part in the Russian exiles’ lives, he finishes his work at the moment of escape from Russia.

Artur Górak
Krzysztof Latawiec

---

⁹ Ivan Georgievich Erdeli (1870-1939)

¹⁰ A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918)*, second edition, amended and corrected, Lublin 2015, pp. 417-424

¹¹ П.П. Стремоухов, *Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором*, [in:] *Архив русской революции*, Vol. 16, Berlin 1925, pp. 5-48; П.П. Стремоухов, *Императрица Александра Федоровна в Ее письмах*, „Русская летопись” Vol. 6, [Paris] 1924, pp. 85-86; П.П. Стремоухов, *Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев*, „Русская Летопись” Vol. 7, [Paris] 1925.

Editors' note

The State Archive of the Russian Federation in Moscow (*Gosudarstvenniy arkhiv rossiyskoy federatsii*) stores the archival fond with the writings of Petr Petrovich Stremoukhov (fond nr 603) consisting of 43 units. However, the memoirs published in the present volume are in a different fond since they were published and stored abroad. First, they were found in Czechia and were stored in *Zahraniční Historický Archiv* of the Ministry of Foreign Affairs in Prague. After the country was captured by the Red Army, they were taken over by the services of USSR. It is not known when precisely they were placed in the Central State Archive of the October Revolution and Socialist Construction of USSR. Only a few years ago they were disclosed and made available to historians in GARF. Despite that, they were not incorporated into the existing fond, but a separate fond (no. P6546) named „Petr Petrovich Stremoukhov” was established. This fond was made up of 13 units:

- sign. 1: Дневник Стремоухова П.П. За 1865–1904 гг., ч. 1. Машинопись, 345 л., (old signature В-573),
- sign. 2: Стремоухов П.П. «Все в прошлом». Воспоминания, т. 1. «На пороге» 1865–1914. Приложение к воспоминаниям «Родословная рода Стремоуховых». Машинопись, 1935 г., 214 л.,
- sign. 3: Стремоухов П.П. «Все в прошлом». Воспоминания, т. 2. «Моя губернаторская деятельность 1904–1915 гг.». Машинопись, 1935 г., 403 л.,
- sign. 4: Стремоухов П.П. «Все в прошлом». Воспоминания, т. 3. «В центре. 1914–1917 гг.». Машинопись, 1935 г., 162 л.,
- sign. 5: Стремоухов П.П. «Все в прошлом». Воспоминания, т. 4. «Революция 1917–1935 гг.». Машинопись, 1935 г., 234 л.,
- sign. 6: Стремоухов П.П. «Моя борьба с епископом Гермагеном и Илиодором». Воспоминания. Напечатано в белоэмигрантском журнале «Архив русской революции». Т. XVII, издававшемся Г.В. Гессеном в Берлине в 1925 г., 1925 г., 23 л.,

- sign. 7: Письмо бывшего начальника штаба XVII армейского корпуса Стремоухова П.П. генералу Головину о его книге «Галицийская битва» и об описании им «Томашевской операции» в 1914 г., февраль 1930 г.
- sign. 8: Воспоминания Стремоухова П.П. о военных действиях XVII армейского корпуса осенью 1914 г., 14 марта 1930 г.
- sign. 9: Воспоминания Стремоухова П.П. о Костромской губ., в 1913–1915 гг., службе в Сенате, министерстве Штюрмера и Хвостова, февральской революции 1917 года и Временном правительстве, о действиях Добровольческой армии на Кавказе. Гл. VIII–X, 257 л., (Из Ф. Р-5881 оп. 1 д. 198),
- sign. 10: Воспоминания Стремоухова П.П. о Костромской губ. в 1913–1915 гг., службе в Сенате, министерстве Штюрмера и Хвостова, февральской революции 1917 г. и Временном правительстве, действиях Добровольческой армии на Кавказе. Гл. XI–XII, 155 л., (Из ф. Р-5881 оп. 1 д. 199),
- sign. 11: Воспоминания Стремоухова П.П. о Костромской губ. в 1913–1915 гг., службе в Сенате, о министерстве Штюрмера и Хвостова, февральской революции 1917 г. и Временном правительстве, действиях Добровольческой армии на Кавказе. Гл. XIII–XX, (Из ф. Р-5881 оп. 1 д. 200),
- sign. 12: Стремоухов П.П. «В Сувалках». Воспоминания о Сувалкинской губернии в период 1904–1910 гг. Машинописный экз., 401 л., (Из ф. Р-5881 оп. 1 д. 76),
- sign. 13: Старая опись ф. Р-6546 оп. 1, (Старая опись ф. Р-6546 оп. 1. Д.13 присоединено на основании акта о присоединении от 10.11.2008).

As can be seen, this fond had an even more complex origin. The first unit had a „chancellery” signature „В-573”. Would that mean that the writings of Stremoukhov were composed of at least 573 files? Unfortunately, this is something we do not know. Moreover, units 9–12 were excluded from the „Р-5881” fond.

The current edition was based on manuscripts from units 2–5. The author rewrote them carefully using a typewriter and added footnotes as well as appendices with documents. Clearly, he intended their publication in this format, which is why we decided that we would follow his intention doing so.

Stremoukhov divided his work into four volumes (parts) (20 chapters – *glava*), opening the whole with a prologue and concluding with an epilogue. The editorial plan assumes publishing all the writings of Stremoukhov while maintaining his original division of the work into parts. The current volume (Part I. On the Threshold) spans his life until 1904, which was when he was promoted to the position of

---

governor. Stremoukhov was more than clear that appointment to that key independent managerial position (chief power position in a governorate) was fundamental for his career. All his memoirs reflect his life story, starting with the explanation of family origins and connections (*Glava I. Family chronicle*). Further chapters of the first volume were entitled by the author as follows: II. Childhood and youth. III. In the military service. IV. In Warsaw. V. In Kalisz.

The current publication is a critical edition abiding by all necessary scientific rigours. Footnotes were marked by Stremoukhov with an asterisk and placed at the end of the page. We regard them as an integral part of the text and place them right after the paragraph which they refer to, also marked with an asterisk and distinguished by single spacing. Editorial notes are numbered consecutively and placed under the text.

The source text is given in the original format, only with modernized spelling. At the same time, we are working on publishing the source in Polish translation with a comprehensive monographic supplement. Such a double-format edition of the source should result in its wider dissemination, which is what it truly deserves, in our opinion.

Any text in French or German and any text written in the Latin alphabet by Stremoukhov is italicized. Stremoukhov wrote those passages by hand, apparently, there were no such fonts in his typewriter.

The accompanying illustrations were in most cases added by us and they serve a similar purpose to most editorial notes – they facilitate comprehension of the published source.

ΗΑ ΠΟΡΟΓΕ.

1865-1904

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию были [...]»¹²

V. Maximov „Everything In the Past”

Source: Государственная Третьяковская галерея <http://www.tretyakovgallery.ru/>

[-I-] Вероятно, все мои читатели помнят прелестную картину Максимова «Все в прошлом»¹³. У старого, в стиле русского *empire*, помещицкого дома сидит

¹² Poem by Vasilii Andreyevich Zhukovskiy (1783–1851), „Воспоминание (О милых спутниках)”: „О милых спутниках, которые наш свет, – Своим сопутствием для нас животворили, – Не говори с тоской: их нет; – Но с благодарностию: были. (16 февраля 1821 г.) – В.А. Жуковский, *Собрание сочинений в 4-т., Vol. 1, Москва–Ленинград 1959.*

¹³ «Всё в прошлом» (1899) (Everything in the Past) is a painting by Vasilii Maksimovich Maksimov (1844–1911). The painting depicts two elderly women – a lady and her maid, sitting on a sunny spring

старушка и дремлет, и кажется, что снится ей великолепный Зимний Дворец и пышный выход Екатерины¹⁴, блестящие придворные в расшитых золотом кафтанам, дамы в робронах¹⁵ и напудренных прическах, обвитых жемчужными нитями... Старушка открывает глаза и видит покосившиеся стены бывшего помещичьего дома, обвалившуюся штукатурку... Глядеть на это тяжело... Она вновь закрывает глаза и перед взором ее встает роскошный бал в Таврическом дворце; сам великолепный князь Тавриды¹⁶ говорит ей льстивые речи, но она думает не о нем, а о том прислонившемся к колонне гусаре в красном мундире с леопардовой шкурой за плечами... Она вновь открывает глаза... Перед ней развалившиеся ступени парадного крыльца, забитые окна, разбитые стекла... Она опять закрывает глаза и видит себя в этом доме рядом с тем же гусаром, теперь молодым генералом, героем 12-го года¹⁷, храбрым и ласковым, ласковым без конца...

Так и для меня все в прошлом.

Хочется дремать и видеть великую, былую, славную Россию, ее могучего орла, обратившего свои головы с железными клювами на восток и на запад и крепко сжавшего своими мощными когтями скипетр и державу¹⁸... [II] Открываешь глаза и видишь растерзанную Россию с оторванными от нее Польшей, Литвой, Украиной и Кавказом... Задремлешь вновь и видишь Царя на Красной площади Московского кремля в короне и мантии¹⁹, откроешь гла-

---

day at the threshold of an outbuilding, and in the background you can see the main building of the estate, which is in a neglected state, with boarded-up windows. The painting reveals the theme of the collapse of "noble nests".

¹⁴ A reference to the painting by Alexander Nikolayevich Benois (Бенуа) from 1912 entitled "The Exit of Empress Ekaterina II to the Court", depicting the ceremonial entry of the Tsarina from her private chambers to the court on the occasion of the victory over the Turks, the painting idealized the former glory and power of Russia and the splendour of the Russian court. - *Картины по русской истории*, ed. С.А. Князькова, Москва, 1908-1913, no. 38: А.Н. Бенуа. Выход императрицы Екатерины II. 1912.

¹⁵ Robron (Fr. robe ronde) – a popular 18th-century court ball gown made of heavy silk fabrics, with a bell-shaped construction. It was characterized by a wide skirt, flattened at the front, flared at the sides and at the back. Worn on a rigid supporting structure – A. Dulewicz, *Encyklopedia sztuki francuskiej*, Warszawa 1997, p. 406.

¹⁶ Grigory Alexandrovich Potemkin (1739-1791) – Russian field marshal, commander-in-chief in the war with Turkey (1787-1792), one of Catherine II's favourites, since 1873 Prince of Taurica.

¹⁷ 1812 – The year of Russia's victory over Napoleon.

¹⁸ Double-headed black eagle, emblem of the Russian Empire.

¹⁹ Mantilla, Fr. Manteau, a royal cloak, a purple cape often lined with ermine – A. Znamierowski, *Heraldyka i weksylogia*, Warszawa 2017.

за и встают перед ними в Московском дворце Ленин²⁰, Бронштейн²¹, Нехамкес²² и Апфельбаум²³... Хочется вновь заснуть и во сне услышать, как Александр III одним словом останавливает победоносные турецкие войска у самых стен Афин, и вспоминаешь ответ Гирса²⁴ английскому послу о том, что он не дерзает даже доложить своему Государю о требовании английского правительства отозвать свои войска от Кушки²⁵... дальше .... и встают перед взором Костромские торжества и видишь коленопреклоненный народ со слезами радости встречающий своего Царя в дни празднования трехсотлетия дома Романовых²⁶... дальше... блестящий Петербург, шумный Невский проспект²⁷, ныне заросший травой и бурьяном... и вновь закрываешь глаза...

«Эх, кабы ночь настоящая,
Вечная ночь поскорей наступила.»²⁸

Быть может, Россия и восстановится, быть может, она Феникс, который может возродиться только из пепла... Я в это уже не верю, но верую (без этого

²⁰ Vladimir Lenin, real name Vladimir Ilyich Ulyanov, was a Russian social-democratic and communist politician, Marxist philosopher, organizer and leader of the October Revolution, and then the first leader of Soviet Russia and the USSR.

²¹ Lev Davidovich Bronstein (1879-1940), pseudonym Trotskiy - Russian communist revolutionary of Jewish origin. One of the founders and leaders of the RSFSR, the USSR and the Red Army.

²² Ovshiy Moiseyevich Nachamkis (pseud. Yuri Mikhailovich Steklov, Y. Nevzorov) (15 (27) August 1873-15 September 1941), Russian revolutionary, propagandist, lawyer and publicist. In 1918, together with Y. Sheikman, he drafted the first Soviet Constitution of the RSFSR and was a co-author of the first constitution of the USSR of 1924.

²³ Grigoriy Yevseyevich Zinovyev (1883-1936), born Ovsiej-Gerszen Aronowicz Radomyslski, also Hirsz Apfelbaum - Russian social democrat and communist of Jewish origin, a leading activist of the Bolshevik movement.

²⁴ Nikolay Karlovich de Giers - Russian diplomat, during the reign of Alexander III - Minister of Foreign Affairs of Russia in 1882-1895. He was one of the architects of the Franco-Russian alliance, which was later transformed into the Entente.

²⁵ A river in northern Afghanistan. It is about the conflict resulting from the occupation by the Russian army of the territory of Afghanistan (an English protectorate) south of the Amu Darya and the Merv oasis near the village of Panjdeh. As a result, there was a battle (the Panjdeh incident) on March 18 (30), 1885, won by Russian troops. In 1890, the fortress of Kushka was built there - the southernmost town of the Russian Empire.

²⁶ Stremoukhov, as governor, was the organizer of these celebrations in Kostroma, in the local Ipatiev Monastery Mikhail Romanov was hiding in 1613.

²⁷ The main street of Saint Petersburg.

²⁸ The end of the poem "The Flies" („Мухи“) by Alexey Nikolayevich Apukhtin (1873): „[...] My whole life comes to mind, so fruitlessly spent in dreams! - You want to forget, to stop loving, but you still love stronger and more painfully... - Eh! If only the real night, the eternal night would come sooner!“ - А.Н. Апухтин, *Полное собрание стихотворений*, introduction М.В. Отрадин, prep. Р.А. Шацевой, third edition, Ленинград 1991.

нельзя было бы жить!), а это гораздо больше, а может быть, и гораздо меньше... Но я благодарю судьбу уже за то, что видел прежнюю Россию, что служил ей, как раб, и любил ее, как любовник, что прожил долгие годы, о которых должен сказать:

«Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были»

Был некогда старый барин и была у него красавица жена. Был он властен, иногда жесток, несколько эгоистичен, держал свою жену в [-III-] замкнутом терему, но любил, любил всем своим существом, всей душой, всем своим помышлением.

Стар становился барин, красавица молодая жена заскучала в своем высоком тереме, и, несмотря на сопротивление мужа, молодежь ворвалась в его хоромы. Бывали у старика вспышки прежнего гнева, и суров он был с женой и молодежью, но тем не менее последняя овладела его домом.

И был среди этой молодежи один юноша, прекрасный, светлый, смелый, звали его «Свободой» – и увлеклась им красавица, а старый муж все слабел и слабел... И выгнали из дома старого мужа.

Молодые безумствовали от счастья, но прошел медовый месяц любви, и увидела красавица, что нет в ее любовнике всего того, что она видела в нем раньше. Красивые слова, которые увлекали ее, повторялись, а дела не было...

Старый дом стал приходить в упадок, средства таяли. Она взяла другого любовника, который обещал ей еще больше, но и тот ничего не исполнил.

И так она переходила от одного к другому, от другого к третьему...

Красота ее таяла, соседки ей уже не завидовали, а смотрели на нее сверху вниз...

Наконец овладел ею каторжник-хулиган, изнасиловал, поработил, заразил ее и детей дурной болезнью. Последнее достояние ее он расхитил и разбросал между своими единомышленниками, разбойниками и душегубами. Он заставил ее торговать собою, заставлял, голодную, просить и, когда давали много, она должна была расплачиваться за это своим телом, а когда мало, то он выгонял ее благодетеля, а ее бил [-IV-] и обрекал на голод...

И стала она, бывшая красавица, нищей, голодной, униженной, одетой в лохмотья, презираемой соседками.

А там, на чужбине, выгнанный старик-муж плакал и думал: «Тяжело ей, скверно, пусть позовет меня она, я ее, родную, согрею и утешу...».

Appearance of Catherine II by A. Benois (1912)

Source: wikipedia.org

Но нет! По какому-то особому женскому чувству, смеси гордости, стыда, ненависти и любви, она, готовая отдаться первому встречному, не шла только к одному ему, старому любящему мужу.

И дремлет старик, и видит ее прежней, красивой и гордой, и мучительно хочет он прижать ее к своему сердцу, и, просыпаясь, кровавыми слезами оплакивает он ее нынешнюю, больную и несчастную, которую, ненавидя, любит и, любя, ненавидит...²⁹

И, быть может, придет тот день, когда пройдет ее больная гордость, когда в обоих любовь победит ненависть и когда старый муж вновь прижмет к своему сердцу грешную, замученную жену, и вместе прольют они слезы, и уже не в пышном дворце, а в убогой хижине найдут они свое позднее счастье и веру в то, что излечившиеся их дети, внуки и правнуки вернут разрушенной храмине ее бывшее величие.

²⁹ Allegory of the takeover of Russia by the leftist revolution.

Вступление

[-V-] Жизнь моя до революции сложилась удачливо, и мне пришлось видеть и близко стоять ко многим значительным людям, а также наблюдать и даже участвовать в событиях, имевших историческое значение. Судьбе угодно было на старости лет забросить меня политическим эмигрантом в столицу Болгарии, Софию, где у меня оказалось много свободного времени. Последнее я решил использовать для составления моих записок, видя в этом хотя кой какое служение своей родине: может быть, какой-нибудь Карамзин или Соловьев³⁰ выжмет из них две-три полезные для него строчки, и в этом, во всяком случае, более пользы чем в игре в винт или в бридж.

Составляя записки о каком-нибудь историческом событии, коего был свидетелем или тем более участником, всегда рискуешь встретить упрек, что пишешь мемуары о своей собственной личности, которая никому не интересна. Даже о стареющем Талейране³¹, жизнь которого представляла исключительный интерес, *Royer Colland*³² презрительно отозвался: «*Il ne raconte*»³³. Однако, избежать того, чтобы не говорить о себе, совершенно невозможно, так как особенно ценны личные впечатления и переживания, а не хронологический перечень событий, который весьма легко впоследствии подчерпнуть из газет или официальных источников, тогда как впечатления и суждения современника, даже при их ошибочности, могут дать гораздо более материала для будущего историка. Мне

---

³⁰ Nikolay Mikhaylovich Karamzin (1766–1822) and Sergey Mikhaylovich Solovyov (1820–1879) – famous (official) Russian historians.

³¹ Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord, known as Talleyrand – French statesman, politician and diplomat, Minister of Foreign Affairs of France.

³² Pierre-Paul Royer, known as Royer-Collard (1763–1845), French politician and philosopher, royalist and liberal, leading ideologist of the Restoration period.

³³ «Monsieur de Talleyrand n'invente plus, il se raconte.» – „Mr. de Talleyrand no longer invents, he tells his story” – *La Confession de Talleyrand*, vols 1–5 *Mémoires du Prince de Talleyrand (Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord)*, ed. Albert de Broglie, February 11, 2007 [EBook #20564, <https://www.gutenberg.org/files/20564/20564-h/20564-h.htm>]

кажется, что точное установление самого факта не более важно, чем изображение того каким этот факт представлялся современникам даже и тогда, а может быть именно тогда в особенности, когда представление это было совершенно ложно. Все мирозерцание древних эллинов вытекало из представления [-VI-] их о никогда не существовавших богах Олимпа. Средневековье прожило под гнетом мистических представлений, не имевших под собой никакой реальной почвы. Российская революция имела главным двигателем предположение о готовности Государя заключить с немцами позорный мир и об измене Императрицы, предположение, проникшее во все слои общества, от светской дамы до извозчика, от окопов на фронте до захолустной деревеньки, от приемной министра до рабочих на фабриках и заводах. Ныне доказана вся ложность этих предположений, а, между тем, в созданной ими атмосфере жила вся тогдашняя Россия и реагировала на них, как на факты. Ложное представление о несуществующем факте становится иногда самодовлеющим фактом.

Нелегко тоже, составляя свои мемуары, соблюсти цельность масштаба, то есть остановить внимание и записать детали событий пропорционально их исторической ценности, так как мелочи иногда гораздо сильнее отражаются на авторе воспоминаний, касаясь его непосредственно, чем крупные исторические события, от которых он стоял дальше, но, думается мне, мелочи, непосредственно испытанные, могут оказаться для историка даже более ценными, чем описание событий, от которых автор стоял далеко. Ввиду этих соображений, я заранее извиняюсь перед читателем за, быть может, скучные детали, полагая, что скучная деталь для одного, может иметь, напротив, значительный интерес для другого.

Подчеркиваю, что я ни в каком случае не пишу истории, а излагаю лишь свои воспоминания, то есть описываю лишь то, что я лично видел и ощущал. Быть может, меня упрекнут в том, что я проглядел многие важные события, имевшие место в периоде моей жизни, а привожу в своих [-VII-] воспоминаниях разную мелочь. Я их не проглядел, но просто не намерен ими заниматься, хотя бы только по техническим соображениям. Я составляю эти записки, не располагая никакими материалами; возможно ли, опираясь на одну память, браться за изложение исторических событий? Без точности ведь им нет никакой цены. Но ту или другую деталь, то или другое впечатление, отразившееся в моем мозгу, я могу привести точно, а уж дело историка, выбрать то, что ему нужно. Мне кажется, что важны не одни исторические события, приведенные

в «Истории Иловайского»³⁴ (в кавычках), а бытовые черточки, которые нельзя найти ни в исторических актах, ни в прессе. Мне думается, что мемуары простого обывателя, современника фараонов, представили бы для историка не менее интереса, чем описание их подвигов, увековеченных иероглифами придворных историографов. Не так давно я прочитал записки некоей *comtesse de Boigne*³⁵, современницы Великой революции и Первой империи; описывает она все больше пустяки, но какой громадный интерес они представляют: целая историческая эпоха вырастает перед вами! Я узнал целые страницы, несомненно взятые из мемуаров этой блестящей женщины, помещенные глубокомысленным Тэном в его *Ancien régime*³⁶ (например, о быте Людовика XVI и, в частности, описание его *grand et petit levé*³⁷). При этом нельзя не отметить, что завершающаяся на наших глазах социальная революция совершенно изменит условия быта, и то, что я пережил, будет носить характер старины глубокой. Многие через какие-нибудь четверть века будут казаться совершенно невероятным. Например, я помню, что Император Александр II говорил всем «ты» и ему целовали руку. Я помню, что курить на улице считалось неприличным. Я помню наших генералов, щеголявших во французской форме, в красных штанах и кэпи, потом замененной обмундированием прусского образца: [-VIII-] с традиционной каской и шишаком. Я помню, что потребовалось особое Высочайшее повеление, разрешавшее, в виде изъятия, дяде моему, Астраханскому губернатору Биппену³⁸ носить усы, так как его бритая чиновничья физиономия противоречила понятию о мужском достоинстве подведомственных ему калмыков. Я помню, как барыни

---

³⁴ Dmitriy Ivanovich Ilovayskiy (1832-1920), historian, author of textbooks, including the five-volume "History of Russia", exponent of the official ideology of the Russian Empire, first to formulate the thesis that the revolutionary movement in Russia was secretly led by Jews and Poles.

³⁵ Adèle d'Osmond, Countess de Boigne (1781-1866), French aristocrat and writer. She was born and raised in the Palace of Versailles, then was a prominent figure in society after the Bourbon Restoration in 1814. She ran a popular salon in Paris in the 1830s and 1840s, and later became famous for her memoirs describing life during the July Monarchy – Louise-Eléonore-Charlotte-Adélaïde d'Osmond Boigne, *Récits d'une Tante: Mémoires de la Comtesse de Boigne, née d'Osmond (Complete)*, Paris 1921.

³⁶ Hippolyte Taine (1828-1893), *Les Origines De La France Contemporaine*, tome I, *L'Ancien Régime*. Paris 1986.

³⁷ Lever ("rising"), adopted into English as *levée* – the initially simple act of rising in the morning was elevated to a ceremonial custom at the court of Louis XIV. In the court etiquette that Louis XIV formalized, a set of extremely elaborate conventions was divided into the *grand levée*, at which the entire court was present in the gallery before the king's bedchamber, and the *petit levée*, which took place in the king's chamber, where only a very select group were permitted to serve the king.

³⁸ Nikolay Nikolayevich von Bippen (1828-1900), *privy councillor*, governor of Astrakhan 15 November 1868–21 May 1880.

большого света гуляли по Невскому или по набережной Невы, сопровождаемые гайдуками саженого роста. Я помню, и это самое изумительное, как в одном баронском доме серьезно обсуждался вопрос, следует или не следует подавать руку домашнему врачу; правда, такого дикого мнения оказалось меньшинство присутствовавших, и вопрос был решен в положительном смысле... Я привел в этих строках лишь несколько курьезов, сразу пришедших мне на память и я полагаю, что таких бытовых черточек, которые могли бы исчезнуть навсегда, читатель в моем труде найдет множество.

Если сравнивать мемуары с картинной галереей, то в моих воспоминаниях будет очень мало батальных картин, то есть изображения действия в больших общественных явлениях, немного пейзажей, много жанровых картинок, а больше всего портретов, правда, только в виде эскизов. Зато этих эскизов за полстолетия наберется множество. Верно ли они схвачены или нет, не мне судить, но, во всяком случае, я изображал встреченных мною людей всегда добросовестно; конечно, в моих изображениях не может не оказаться некоторая тенденция, естественная при той точке зрения, с которой я смотрел на окружающее, как свойственной среде, к которой я принадлежал.

ГЛАВА I

[-1-] - Происхождение фамилии Стремоуховых. - Служба моих предков. - Петр Николаевич Стремоухов. - Характерные черты нашего рода. - Мой отец. - Его женитьба. - Семья моей матери. - Дворянская служба отца. - Освобождение крестьян. - Наследник Цесаревич Николай Александрович. - Крестьянский бунт. - Назначение отца Рязанским губернатором. - Семейные неурядицы. - Служебные неудачи отца. - Общая характеристика отца. ВЛ. Древинг. - Наши отношения. - Кончина отца. - Моя матушка. - Брат Дмитрий и сестра Елизавета.

На моем веку мне пришлось перечитать много мемуаров, как на русском, так и на французском языке, так как во Франции этот вид литературы особенно распространен. Все эти мемуары обычно начинаются не только с раннего детства их составителей, не только с краткой биографии их родителей, но и с родословной их предков. Я не знаю, насколько это нужно, но, так как это общепринято и имеет, вероятно, поэтому свое основание, то я последую примеру других составителей мемуаров. К тому же, наша генеалогическая наука так бедна, что всякий вклад в нее не лишен некоторой ценности.

Мой прапрадед, Михаил Адрианович, потратил немало труда на составление исторического обзора нашего рода. Чудом один экземпляр этого труда сохранился. Одна моя кузина вышла замуж за сербского офицера Паевича и увезла четверть века тому назад нашу родословную в Сербию, где передала ее моему племяннику Дмитрию, сыну брата моего Николая, случайно, в эмиграции оказавшемуся в Белграде. Несколько [-2-] черточек из этой родословной привожу ниже.

Version of the Stremoukhov coat of arms on the seal of Mikhail Stremoukhov³⁹.

Source: А.Т. Князев, *Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года*, prep. [with introduction] С.Н. Тройницкий, Санкт-Петербург 1912, p. 141, печ. 302, <https://rusneb.ru/>

Начинается она так:

«При дворе Греческого Императора Мануила Палеолога⁴⁰ был в лето 6948⁴¹ (1438) именитый муж Стреморос Афанасий Ухо, коего дети Александр и Юрья, во время продолжавшегося от турок Греческой Империи сильного утеснения, переселились в Польшу, где король Польский, милостиво их приняв, повелел быть в роде и в маетность им место Пржемысль пожаловал. Из них Юрья Афанасьевич, приняв веру римско-католическую и женись, остался в Польше, где дети и потомки его пребывают и доньне и пишутся Стремоуховские, а брат его Александр, не восхотя оставить веры греческой, предков своих исповедания, прибыл в Россию. Великий же князь Василий Васильевич Московский⁴² принял его на службу свою в 6959 (1451) году, определив дать жалование».*

³⁹ The field is silver and red, the arrows are brown, the horse is white, the middle figure and the bow have the colours: yellow in a silver field and gold in red. Russian heraldists suggest that this coat of arms contains two Polish coats of arms: Belty (arrows) and Bończa (unicorn). Apart from graphic similarity, this has no source justification.

⁴⁰ Manuel II Palaeologus (Greek: Μανουήλ Β΄ Παλαιολόγος) (1350-1425) – second son of John V Palaiologos, Byzantine emperor in the years 1391-1425.

⁴¹ The beginning of the Byzantine era was September 1, 5509 BC.

⁴² Vasilij II Vasilyevich the Dark (1415-1462).

* Как видно из «Российского Гербовника», экземпляр которого имеется в Парижской Публичной Библиотеке (там же и герб рода нашего) *дата начала рода нашего в России должна быть отнесена к 6870/1362 году.*

Этот же Александр в 1455 году от Великого Князя Василия Васильевича послан был к Римскому Цезарю.

С этого времени целый ряд Стремоуховых состояли стольниками и занимали должности воевод в Калуге, Орле, Ливнах, Новгород-Северске и других местах, должности соответствующие, по нынешним понятиям, губернаторской, с той разницей, что с воеводством было связано и командование вооруженною силою.

Из родичей моих выделились:

НИКИТА ВАСИЛЬЕВИЧ, который был у Царя и Великого Князя Ивана Васильевича (Грозного)⁴³ в дворянах, в 1551 году, во время Казанского [-3-] похода⁴⁴, написан в строевом полку наместником, а в немецком 1559 года⁴⁵ походе с князем Василием Семеновичем Серебряным⁴⁶ – в товарищах.»

ЕМЕЛЬЯН ДМИТРИЕВИЧ убит в бою при Конотопе [1658].

ЛЕОНТИЙ АНДРЕЕВИЧ упоминается Карамзиным в «Истории Государства Российского»⁴⁷ (Т. IX. прим. 534, 540). «В 1579 году бояре Царя Ивана IV (Грозного)⁴⁸ уговорили его послать к Стефану Баторию⁴⁹ грамоту с целью вступления в переговоры о вечном мире: «С такой миролюбивой грамотой и послали гонца в Вильну (534) – Леонтия Стремоухова. 30 октября (см. Дела Польск. № II, л. 153–175) Полоцкий воевода Доргостинский отнял у него грамоту, распечатал и велел ехать в Литву на Смоленск. Царь дал Стре-

⁴³ Ivan IV the Terrible (Russian: Ivan IV Vasil'evich or Ivan Grozny (1530-1584) was a Russian tsar from the Rurik dynasty, from 3 (13) December 1533 Grand Prince of Moscow, Tsar of "All Russia" in 1547–1584. He was the first ruler of Russia to self-proclaim himself tsar, on 16 January 1547

⁴⁴ The Kazan campaigns were military actions of the Russian Tsardom against the Kazan Khanate, carried out in 1545–1552.

⁴⁵ Part of the Livonian War (the Livonian Order with the Principality of Moscow), the Battle of Tiersen on 17 January 1559.

⁴⁶ Vasilii Semenovich Serebryany-Obolensky († 1570) – prince from the Obolensky family, governor and voivode, "butler of Uglich", boyar.

⁴⁷ "History of the Russian State: in 12 volumes", St. Petersburg, N. Grech Printing House, 1816–1829. – a work by Nikolay Mikhaylovich Karamzin, describing Russian history, from the ancient times to the reign of Ivan the Terrible and the Time of Troubles.

⁴⁸ Ivan IV the Terrible (Russian: Ivan IV Vasil'evich or Ivan Grozny).

⁴⁹ Stephan Báthory (Hungarian: István Báthory 1533-1586) – from 1571 Prince of Transylvania, King of Poland (14 December 1575–12 December 1586).

моухову новую грамоту, в коей бояре жаловались на Доргостинского». (540) Стремоухов вернулся из Литвы 3 февраля с ответом вельмож Литовских.

ТРЕТЬЯК АНДРЕЕВИЧ, состоявший «у служилых татар воеводою», и бывшего в 1604 году «против изменника-расстриги в большом полку с бояры и воеводы у большого снаряду воеводою же. За которую службу дан ему Третьяку Андреевичу, вместе с прочими бояры и воеводы, золотой целой». В 1607 он был воеводою в Калуге.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, после победы боярином князем Никитою Романовичем Трубецким под Новгородком, в 1605 году, над расстригою⁵⁰, был «послан к Царю Борису с ведомостью и сеунчем⁵¹, и Царь Борис⁵² пожаловал его тем самым платьем, которое он тогда на себе имел, да саблю булатную, сверх того, бархату пятнадцать локтей – и серебряный с позолотою кубок.» Тот же Иван Васильевич, заместивший заболевшего князя Василия Григорьевича Ромодановского⁵³, взял город Северск, находившийся тогда во владении короля Польского, за что Царь Михаил [-4-] Федорович⁵⁴ пожаловал ему «из отписных князя Феодора Бяратинского⁵⁵ вотчин, село Зноб с деревнями. В 1640 году, быв воеводою в Ливнах, на реке Сосне устроил город Чернавск⁵⁶». В разделе боярской книги 1647 года написан он, Иван Васильевич, в дворянах под именем князя Семена Григорьевича Куракина⁵⁷. Дети и внуки его служили в стольниках.

⁵⁰ In reality it was a bit different – Nikita Romanovich Trubetskoy (d. 1608), in October 1604 led the Tsar's troops sent to fight the Polish-Lithuanian troops of False Dmitriy I (Lzhedymitr), near Novgorod-Seversky he defeated the troops of Dmitriy I, in 1605 Nikita went over to the side of Dmitriy I and became one of his confidants.

⁵¹ Seunch or Saunch – in the Grand Duchy of Moscow and the Russian state of the 15th – 17th centuries, a report (important, joyful news) of a messenger (who was called “seunschik” or simply “seunch”) from a military leader to the government, usually with news of one or another military success.

⁵² Boris Fyodorovich Godunov (1552-1605) – boyar, brother-in-law of Tsar Fyodor I Ivanovich, de facto ruler of the Russian kingdom in 1587–1598, Tsar from 17 (27) February 1598 to 13 (23) April 1605.

⁵³ Vasilii Grigorievich Romodanovsky, prince nicknamed the Big, was a voivode and boyar during the reign of Mikhail Fedorovich and Alexey Mikhailovich.

⁵⁴ Mikhail Fyodorovich (1596-1645) – son of boyar Fyodor Nikitich Romanov, who later became an Orthodox patriarch under the name of Filaret, the first Russian tsar from the Romanov dynasty. He ruled from 27 March (6 April) 1613, was elected to reign by the Zemsky Sobor on 21 February (3 March) 1613, accepted the throne on 14 (24) March 1613, and was crowned on 11 (21) July 1613.

⁵⁵ Fyodor Petrovich Baryatinskiy-Borets (d. 1638) – prince, Moscow nobleman, diplomat and governor, supporter of the impostors.

⁵⁶ Chernava is a village in the Izmalkovsky district of the Lipetsk region, on the Chernyava River. In 1636, the city's defensive structures were strengthened.

⁵⁷ Grigory Semyonovich Kurakin (d. after 1682) – prince, governor, voivode and boyar during the reign of Mikhail Fedorovich, Alexey Mikhailovich and Fyodor Alexeyevich.

Родичи наши, Федор Константинович, Николай Афанасьевич, Емельян Дмитриевич да Петр Иванович «спорили о местах» с Рьльским воеводою Василием Нелединским и Жданом Кондыревым, и «в обоих случаях оправданы».

На поле чести пали:

ТИМОФЕЙ ГАВРИЛОВИЧ, участвовавший в походе против новгородцев (приблизительно, в 1471 году) под начальством князя Бориса Васильевича (сына Великого Князя Московского Василия Васильевича)⁵⁸.

МИХАЙЛО, сын вышеназванного Тимофея, состоявший в полку Ивана Васильевича Шереметева⁵⁹, «в походе от литовских войск убит под Соколовым.»

ЕМЕЛЬЯН ДМИТРИЕВИЧ убит в бою при Конотопе (1658)⁶⁰.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ [стольник] и брат его АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ в 1708 году убиты в боях против шведов.

За службу свою Великим Князьям, Царям и Родине родичи мои были пожалованы рядом поместий в пределах нынешних Харьковской и Нижегородской губерний.

Былв нашем роде и епископ – Семен Стремоухов; хиротонисан во епископы Суздальские в 1509 году⁶¹; похоронен в Суздальском соборе 21 ноября 1515 года. Была и игуменья – Мать Екатерина – Ярославского монастыря, в конце XIX века.

[-5-] Составитель родословной, Михаил Адрианович Стремоухов, участвовал в прусском походе, а затем привел на военную службу 20000 калмыков в распоряжение генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского⁶² и закончил свои дни председателем Орловской гражданской палаты. Женат он был дважды, на Бутурлиной и на Тургеневой⁶³. По смерти своей он оставил в разных губер-

---

⁵⁸ Boris Vasilyevich (1449–1494), appanage prince of Volotsk and Ruz (1462–1494), from the Moscow Rurikovichs. Son of the Grand Duke of Moscow Vasily II Vasilyevich the Dark, brother of Ivan III Vasilyevich, leading the troops of his appanage, he participated in the campaigns of Ivan III against the Novgorod Republic (1471), as a result of the war Novgorod suffered a heavy defeat, which predetermined the final defeat of the Novgorod Republic and its subordination to Moscow during the following Moscow-Novgorod war of 1477–1478.

⁵⁹ Ivan Vasilyevich Bolshoi Sheremetev (died 27 May 1577), voivode, okolnichy, boyar, supporter of the Shuiskys, then Ivan the Terrible.

⁶⁰ The Battle of Konotop was one of the battles of the Russo-Polish War of 1654–1667, which took place from June 28 to July 2 (from 8 July to 12 July) 1659.

⁶¹ Bishop Simeon (in the world Stremoukhov, according to other sources Bezborodny) – Bishop of Suzdal and Tarusa, from 1507 – Archimandrite of the Moscow Spaso-Androniev Monastery, on 21 August 1509 he was consecrated as Bishop of Suzdal and Tarusa, died on 12 November 12 1515.

⁶² Pyotr Alexandrovich Rumyantsev-Zadunaisky (1725–1796), count (1744), field marshal (1770), Governor-General of Little Russia. He distinguished himself during the Seven Years' War, in the Russo-Turkish campaign of 1768–1774.

⁶³ Yekaterina Alexeyevna.

ниях несколько имений, лично ему принадлежащих, а также доставшихся ему в приданое от первой жены, душ было около 1300, что составляло хорошее состояние. С того времени Стремоуховы разделились на две линии: Курскую и Нижегородскую. Я принадлежу ко второй.

В XIX столетии Стремоуховы в большинстве служили в судебном ведомстве, а также в ведомстве путей сообщения. Мой родной дед, Дмитрий Петрович⁶⁴, и его братья Владимир⁶⁵ и Алексей⁶⁶, все кончили Институт Путей Сообщения, выпускавший тогда своих питомцев с офицерским чином. Все преподавание велось тогда в институте на французском языке, почему мои *grand oncl'*ы владели этим языком в превосходстве. Дед мой умер в молодых годах задолго до моего рождения [женат он был на Казанской помещице Есиповой], в чине полковника. Алексей Петрович построил шоссе между Витебском и Могилевым и пьедестал к памятнику Императрицы Екатерины Великой на Невском проспекте в Петербурге. Оба старика умерли членами совета министра путей сообщения в чине тайного советника, в глубокой старости, пользуясь в своей среде большим уважением.

Все Стремоуховы последнего времени были людьми гражданской складки, так как кроме моего брата Николая⁶⁷, командовавшего корпусом во время войны 1914/16 года, я никого в нашем роду, долго служившим на военной службе, не знаю. По-видимому воинское ремесло перестало быть характерным [-6-] для нашего рода.

Фамилия Стремоуховых упоминается и в «Русской истории Костомарова в жизнеописании ее главных деятелей» (Т. II, 135)⁶⁸, в этом случае довольно непочтенно, не затрагивая, однако, нашей родовой чести. Вдова Стремоухова⁶⁹ (значит,

⁶⁴ Dmitriy Petrovich Stremoukhov (1805–1845) – a railway engineer, in 1834 he was appointed head of surveys, and then of work on the Yaroslavl highway, and from 1843 until his death in July 1845, he was assistant to the head of the Moscow District of Railways

⁶⁵ Vladimir Petrovich Stremoukhov – communications engineer, in service and officer since 1822 (St. Petersburg Institute of Railway Engineers) colonel, manager of the Department of Water Communications (1 January 1870–1 February 1871).

⁶⁶ Alexey Petrovich Stremoukhov (1823–1903), railway engineer, son of a *state councillor*, in service and officer since 1842 (St. Petersburg Institute of Railway Engineers), with the rank of active *state councillor* since 1873, with the rank of *privy councillor* since 1888.

⁶⁷ Nikolay Petrovich Stremoukhov (29 August 1861–8 December 1938, Zagreb) – general-lieutenant of General Staff, during the First World War: 1914 – Major General, Chief of Staff of the 7th Army; 1916 – Chief of the 34th Infantry Division – С.Е. Лазарев, *Стремоухов Николай Петрович*, [in:] *Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т.*, ed. А.К. Сорокин, Vol. 3, Р–Я, Москва 2021, pp. 346–347.

⁶⁸ Н.И. Костомаров, *История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II*, Vol. 2, Москва 2014, p. 658.

⁶⁹ Anna Eremeevna Pashkova, widow of Captain Stremoukhov.

не Стремоухова по происхождению) была выдана Петром I за «Всецпьянейшего Князя-Папу» – Зотова⁷⁰, с которым и обвенчалась в шутовской свадьбе в январе 1715 года. По смерти Зотова, была в третьем браке с преемником Зотова по «должности Князя-Папы» – Бутурлиным. Этот курьезный эпизод привожу подстрочно, в подлинном тексте Костомарова.*

* «В 1715 году Петру вздумалось женить своего шутовского Папу несмотря на то, что последнему было уже 70 лет. Зотов с рабской покорностью не устыдился потешить Царя, просил только, чтобы ему дозволили» в Москве супружество принять не разглашательное ...» Но не так отнесся старший сын Зотова, Конон Никитыч... Сын Зотова беспокоился ничуть не по поводу этого соблазна видеть своего старика делающим дурачества по Царской прихоти: он боялся и будущей своей мачехи, которая, как он справедливо предполагал, для того вступает в супружество: «чтобы детей его лишить от Бога и от Вас, Государя, достойного нам наследства ...» (как он писал Царю челобитную). Но эта слезная просьба осталась неуслышанной: Зотова женили для смеха на вдове Стремоуховой и справили шутовскую свадьбу в Москве. Новобрачных венчал Архангельского собора девяностолетний священник. Сам Петр занялся устройством свадебного торжества, продолжавшегося весь январь 1715 года. На свадьбе присутствовали разные государственные сановники, царица Екатерина, вдовствующая царица с дочерьми, все придворные дамы, из которых одна боярыня Ржевская носила шутовской шишун князь-игуменьи. Все это было разодего, по распоряжению Петра, в разные шутовские наряды, все шло в сопровождении грома музыкальных инструментов, тарелок, свистков, трещоток и нестерпимый шум, с колокольным звоном всех Московских церквей, пьяными криками Московской черни, которую Царь приказал поить вином и пивом, с возгласами: «Да здравствует Патриарх с Патириархшей.» Опасения сына Зотова были не даром: у детей шутовского патриарха с мачехой действительно вышел разлад. Старик Зотов умер, вместо него был выбран Бутурлин. «ПРИМ. По «Брокгаузу и Ефрону», вдова капитана Стремоухова (Петербургск. некрополь Вел. Кн. Ник. Мих.) в третьем браке за Бутурлиным.

[-7-] Как читатель видит, род Стремоуховых является типичным дворянским служилым родом; многие представители его занимали почетное положение в служебной иерархии, но особенно блестящих карьер не делали.

Едва ли не первое место в этом отношении, принадлежит Петру Николаевичу Стремоухову⁷¹ (Курская линия), много лет состоявшему директором Азиатского департамента министерства иностранных дел и едва не возглавившему это министерство. Затем сенаторами были: мой дядя Андрей Михайлович⁷² и я,

⁷⁰ Nikita Moiseevich Zotov (c. 1644–1718), teacher of Pyotr I, Duma clerk (1683–1692).

⁷¹ Petr Nikolayevich Stremoukhov (1823–24 April 1885), *tainiy sovetnik* 1866, *deystvoitelniy tainiy sovetnik* 1875, Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs. Retired since 1878.

⁷² Andrey Mikhaylovich Stremoukhov (3 January 1854–15 December 1913), 1904 – *tainiy sovetnik*, Head of the Main Prison Administration (May 1901–September 1905) – Андрей Михайлович

бывший при том и вторым чином Двора (Егермейстером). Кстати отмечу, что я был последним придворным пожалованным Императором Всероссийским 1 января 1917 года, два месяца спустя императорская власть пала и с нею и слава нашей Великой Родины.

О вышеупомянутом Петре Николаевиче Стремоухове я должен привести один анекдот, имеющий исторический интерес.

[8-] В конце 90-х годов прошлого столетия мой покойный тесть, А.М. Салтыков⁷³, как-то пригласил меня обедать в Английский клуб⁷⁴. (Петра Николаевича тогда давно уже не было в живых). За столом заговорили о перлюстрации писем. Были люди, осуждавшие этот прием, допускавшийся правительством, а другие его оправдывали. В числе лиц, принимавших участие в беседе, был один немолодой уже человек, некий Толстой.

– А, по-моему, заметил он, перлюстрация – дело полезное, и, если вам угодно, я приведу тому пример.

Все выразили желание его выслушать.

– В молодые годы я служил в дипломатическом ведомстве. Директором Азиатского департамента был у нас Стремоухов. Надо ему отдать справедливость, что восточные дела он знал хорошо, но как-то в нашем ведомстве не пришелся ко двору. Характер у него был резкий и неприятный, к тому же он был игрок. Умер наш министр, канцлер, князь Горчаков⁷⁵. Искали ему преемника. Некоторые называли Гирса, другие Стремоухова. Гирса поддерживали старые фрейлины, жившие в Зимнем дворце, Бартенева и другие. Мы же решили провалить Стремоухова. Для этого мы решили использовать слабость Государя читать представляемые ему перлюстрированные письма. И вот, небольшой кружок, к которому принадлежал и я, написал письма другим лицам, корреспонденция которых, по некоторым вероятиям, могла подвергаться перлюстрации. В этих письмах высказывалась тревога, как бы выбор Государя не остановился на Стремоухове. Во

Стремоухов. Некролог, „Тюремный вестник“ 1914, no. 1, pp. 110–113; А.М. Стремоухов, Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России в период с 1900 по 1905 год, Санкт-Петербург 1905.

⁷³ Alexander Mikhaylovich (1828-1903), from the nobility of the Penza province, Chief of the Military Field Chancellery 1877–1878, general-lieutenant 1883.

⁷⁴ The English Club (English Assembly) was the first gentlemen’s club in Russia, the centre of noble social and political life. In the 18th–19th centuries it was famous for its dinners and card games, and largely determined public opinion. The number of members was limited, new members were accepted on the basis of recommendations after a secret ballot.

⁷⁵ Alexander Mikhailovich Gorchakov (1798-1883), Russian politician and diplomat, Minister of Foreign Affairs (1856–1882), the last Chancellor of the Russian Empire (from 1867).

многих письмах, а также и в моем, заключалась фраза: «Грешно было бы Государю отдать наше ведомство игроку.» В это время я получил назначение за границу, почему был принят Государем в прощальной аудиенции. Император был очень [-9-] милостив со мною и спросил рад ли я ехать за границу. Я ответил, что да, но я смущен уезжать из родины, не зная, кто будет поставлен во главе нашего ведомства. Государь тогда спросил меня:

– Ну, а кого называют?

– Гирса⁷⁶ и Стремоухова.

Государь с улыбкой, шутя, спросил меня:

– А ты бы кого желал?

– Гирса, ответил я.

– А Стремоухова не хочешь?

– Нет, Ваше Величество.

– Ну так успокойся: этого не будет, грешно было бы мне назначить игрока министром!

Я понял, что наша парфянская стрела попала в цель. Таким образом, мы этого господина и провалили. Значит, и перлюстрация не без пользы.*

* Что перлюстрация имела широкое распространение в описываемую эпоху можно заключить из слов адъютанта Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, Д.А. Скалона⁷⁷, в разговоре с Вел. Кн. («Мои воспоминания». Т. I, стр. 371)... «К тому же, как говорили сведущие люди, всего более подвержены перлюстрации письма самого Государя» – «Да», ответил Вел. Кн. – «уже нечего сказать»... и т.д.

После этого рассказа, обращаясь к Толстому, мой тесть сказал:

– Ну, а теперь для полной пикантности анекдота, позвольте вам представить племянника Петра Николаевича⁷⁸.

Толстой сконфузился и произошла минута довольно неловкого молчания.

Салтыков несколько преувеличил мою родственную связь: Петр Николаевич [-9-] был троюродным братом отца, а мне приходился уже, что называется, «девятая вода на киселе».

---

⁷⁶ Nikolai Karlovich de Giers (21 May 1820–26 January 1895) – Russian diplomat, during the reign of Alexander III – Minister of Foreign Affairs of Russia in 1882–1895.

⁷⁷ Dmitriy Antonovich Skalon (27 October 1840–1919) – Russian military historian, adjutant of Grand Duke Nikolai Nikolayevich, chairman of the Imperial Russian Military Historical Society, cavalry general, adjutant general

⁷⁸ Petr Nikolayevich Stremoukhov (1823–24 April 1885), *тайный советник* 1866, *действительный тайный советник* 1875, Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs. Retired since 1878.

У этого Петра Николаевича было два сына: Николай⁷⁹ и Петр⁸⁰, оба недолго служившие в Лейб-Гусарах, а затем перешедшие в Изюмский гусарский полк. С последним, Петром Николаевичем, моим тезкою, происходили со мною постоянные *qui pro quo*, о которых я расскажу впоследствии.

Из нашей фамилии в светской хронике выделился один Стремоухов. Будучи уже полковником Конной Гвардии, он убит на дуэли полкового адъютанта Клокачева, был разжалован в солдаты, впоследствии вновь восстановлен в чинах и командовал Владимирским уланским полком.

Другой Стремоухов, Всеволод, будучи уже в чине Действительного Статского Советника (паж выпуска 1822 года), вместе со своим другом, тоже действительным статским советником, Свистуновым, в эпоху покорения Кавказа (1853–1855) перешел в корнеты Нижегородского драгунского полка, где и скончался.*

* «История Нижегородского полка», составленная ген. Потго, Т.Х. стр. 52. Книга «Пажи за 185 лет». стр. 864.

Вот кажется и все, что я мог рассказать оригинального о своих предках. Впрочем, оговариваюсь. Уже в эмиграции, в выходящей в Тулузе газете «*La Depeche*» от 4 августа 1933 года, я случайно прочел статью «*Le Paradis infernal*»⁸¹, подписанную «*R. Labry*»⁸². В статье этой разбирается книга *Victor Boret*⁸³ о коммунистическом строе в России, где, между прочим, приводится нижеследующая цитата:

Elle peut d'ailleurs nous apporter de singulières révélations [-11-] sur les questions les plus brûlantes du bolchevisme contemporain. L'ancien régime a connu lui aussi les Kolkhozes, dont M. Boret, qui a parfaitement vu l'importance du problème paysan en Russie, le seul d'où dépend le destin de la Russie, nous donne dans la seconde partie le statut juridique. Un certain *Strémooukhoff* séduit par les phalanstères de *Fourier*, avait, en 1830, transformé l'appropriation

⁷⁹ Nikolay Petrovich Stremoukhov (29 August 1861–8 December 1938, Zagreb) – Russian general, lieutenant general of the General Staff

⁸⁰ Pyotr Petrovich Stremoukhov, chairman of the Kursk zemstvo council, chamberlain, in 1905, during the first revolution, the peasants destroyed their estate in the village of Fityzh and they moved to Lgov.

⁸¹ There is no such article in the indicated issue.

⁸² Raoul Labry (1880–1950), among others the author of the books: *Alexandre Ivanovic Herzen 1812–1870: essai sur la formation et le développement de ses idées*, Paris 1928; *L'industrie russe et la révolution*, Paris 1919.

⁸³ Victor Boret, *Le paradis infernal* (U.R.S.S. 1933), Published by Quillet, 1933. V. Boret - French writer and literary critic, deputy of the Vienne department from 1910 to 1927, senator of the Vienne department from 1927 to 1944, minister of Agriculture and Supply from 1917 to 1919, Minister of Agriculture.

temporaire de la terre par des familles isolées, suivant le système du *mir*, en une exploitation commune faite par *artels* de travailleurs. Il avait groupé ses paysans par compagnies, composées d'associés volontaires, se divisant les produits en fonction du travail et de l'apport de chacun. C'était la coopérative de production, à laquelle *Staline* a fini par donner son suffrage passager, comme stade nécessaire vers une organisation plus communiste. Cet essai de *Strémooukhoff* fut imité par d'autres et fit l'objet de nombreuses discussions. Voici ce qu'en dit un certain *Maslov* dans la *Revue d'agriculture* de 1835 :

"Nos paysans aiment diviser et ne comprennent pas l'union des forces pour but commun. Chacun veut travailler à part, c'est-à-dire cacher sa situation, ses capitaux, de sorte que l'idée des labours en commun, des bénéfices sociaux, des magasins communs est complètement étrangère à notre paysan. La colonie de Sarepta (c'était une colonie allemande), fondée sur les principes communautaires, est comme une oasis dans le désert africain. Mais, si l'on ordonne, il n'y a rien d'impossible pour le paysan russe."

Ce texte est suggestif [-12-] sur la mentalité séculaire du *moujik* comme sur les rapports du *mir* et du *kolkhoze*. La force seule peut lui imposer le communisme.

Никогда в жизни я не слышал о попытке установления в России коммунистического строя одним из моих родичей. Сильно заинтересованный, я написал об этом г-ну Лабри, от которого получил весьма любопытный ответ. Оказалось, что он профессор Лильского университета и в настоящее время работает в библиотеке Гельсингфорского университета. Он сообщил мне, что сообщенные им в помянутой статье сведения подчерпнуты им из книги: «Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» Москва 1913.⁸⁴ На этом наша переписка и закончилась.

Повторяю, Стремоуховы оригинальностью не отличались: все мы как-то, определенно носили отпечаток той касты, к которой принадлежали. Стремоуховы всегда считались людьми умными, но ни одного особенно даровитого или талантливого между ними не было. Принятые на себя обязательства выполняли толково, но вне их ничем не отличались: не было среди них ни писателей, ни музыкантов, ни художников, никто не пел, не лепил, не изобретал. Ни у кого не было склонности к авантюризму, к большей и подверженной случайностям карьере и к спекулятивным способам обогащения, никто из нашей семьи никогда не рискнул бы своим добрым именем для самых блестящих достижений, поэтому, может быть, их и не было, но зато, я никогда ни об одном лице, носящем нашу фамилию, не слышал даже намек на что-нибудь сомнительное. Если можно так выразиться, фирма была старая, крепкая, но больших дивидендов не давала.

---

⁸⁴ Петр Бернардович Струве, *Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв.*, Санкт-Петербург 1913.

Все Стремоуховы были среднего, а иногда и маленького роста. К зрелым [-13-] годам у всех мужчин волосы были темные, глаза черные, носы крупные, а к старости цвет лица принимал темный оттенок. Каждого из нас легко можно было бы принять за грека... Так крепко, более тысячелетия, держалась в нас Эллинская кровь. Признаюсь, я очень люблю оливки...

Я приведу здесь все более или менее занимательное о моем отце, зато уже мало коснусь его в течение предстоящего рассказа о моей собственной жизни. Я полагаю, что этим путем я более ярко представлю эту интересную личность.

Отец мой, Петр Дмитриевич⁸⁵, родился в 1828 году, т.е. более века назад, и скончался в 1918 году, девяноста лет от роду. Следовательно, значительная часть его жизни протекла при крепостном праве. Образование он получил в Александровском, тогда Царскосельском, Лицее, еще полном заветов Пушкина, окончив его с серебряной медалью. За науки ему полагалась золотая, но он не был ею удостоен, за то, что курил, а это, в то время, считалось крайне предосудительным. Основы образования давались в лицее, по-видимому, довольно солидные, т.к. отец был человеком весьма образованным, в политических науках, а в особенности в истории Франции XVIII и XIX столетий, он был большим знатоком и до глубокой старости пополнял свои познания всеми выходящими новыми мемуарами той эпохи, которые ему неизменно присылал известный книгопродавец Меллье⁸⁶. По этой специальности у него была обширная библиотека, ныне, вероятно, пошедшая на сигарки красноармейцам. В 1915 году он считался старейшим лицеистом, и я помню, как просили отца приехать на лицейский юбилей, но он от этого отказался, говоря : «Поеду туда, да там от старости и помру, [-14-] только праздник испорчу».

Окончив в 1848 году лицей, отец прослужил год в министерстве финансов, а затем, после смерти моего деда, поехал хозяйничать к себе в деревню, село Груцыно, Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Имение это было большое, по-тогдашнему счету, что-то много душ. Перед

---

⁸⁵ Pyotr Dmitrievich Stremoukhov (1828-1918) - graduated from the Aleksandrovsky Lyceum (1848), Nizhny Novgorod provincial leader of the nobility (1861-1862), Ryazan governor (1864-1867), member of the Council of the Minister of Internal Affairs (1871), received the rank of privy councilor (1876). After the death of his wife in 1907, he married for the second time to Victoria Lyudvigovna Drev-ing.

⁸⁶ Emil Mellier, Imperial Court Bookstore in St. Petersburg, French bookseller-publisher, Nevskoy pr., № 20.

этим, совершенно еще молодым человеком, отец мой женился на моей матушке, Екатерине Николаевне, рожденной Бишпен⁸⁷, тогда еще шестнадцатилетней девушке. Дед мой по матери был тоже, как и дед Стремоухов, офицером корпуса инженеров, и они были товарищами по институту. Поэтому мои родители были знакомы с детства. Я не знаю, какую должность исполнял Бишпен, но мне известно, что он занимал казенную квартиру в одном из флигелей Инженерного Замка, там, где в начале нынешнего столетия помещалась фехтовальная школа; там родилась и моя мать. Проезжая мимо этого дома, мать часто показывала мне окно той комнаты, где она появилась на свет. Дед Бишпен, также как и Стремоухов, умер молодым, в чине полковника. Бишпены были лютеране и через мою бабушку, рожденную баронессу Штакельберг, состояли в родстве со всем Остзейским баронством. Я знаю, что бароны Штакельберги, Штейнгели, Шиллинги, Вольфы, Майдели, Мантейфели, Рейтерны [министр финансов] были нам с родни. В раннем моем детстве отношения с этой родней моей матушкой поддерживались, а затем как-то пресеклись, т.к. наши интересы переместились в другую среду.

У моей матушки было три брата: Николай⁸⁸, Александр⁸⁹ и Василий⁹⁰. Первый из них был тем самым Астраханским губернатором, о котором я упоминал в предисловии к моим запискам, которому, по особому Высочайшему повелению, было разрешено носить усы. Впоследствии он был сенатором и, между прочим, вошел в состав Верховного суда по делу [-15-] царубийства 1 марта 1881 года. Второй – Александр, начал службу в Измайловском полку, а потом управлял своим довольно значительным имением на правом берегу реки Луги⁹¹ недалеко от ее устья. Третий – Василий, человек очень оригинальный и умный, ничего не делал, проживая в своем имении на противоположном берегу Луги. Кончил он трагически. Еще в молодых годах сошелся он с

---

⁸⁷ Katharina Nikolaevna von Bippen (Екатерина Николаевна Стремоухова фон Бишпен), Catharina Augusta Anna, (1834–1907).

⁸⁸ Nikolay Nikolayevich von Bippen (1828–1900), Mogilev vice-governor, Astrakhan governor, senator

⁸⁹ Alexander Nikolayevich von Bippen (1835–1888), colonel.

⁹⁰ Vasiliy Nikolayevich von Bippen, rank of *court councillor* (1872), honorary member of the Congress of Justices of the Peace in Tsarskoye Selo.

⁹¹ This estate (Korovina, Preobrazhenka), located north of Dorpat, on both banks of the Luga River, not far from its mouth, was bought by their mother Anna Fyodorovna von Bippen (wife of major general Nikolay von Bippen) in 1841. In 1869, the estate was inherited by Colonel Alexander and Senator Vasiliy, who divided it along the course of the river. – Н.В. Мурашова, Л.П. Мыслина, *Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисептский район*, Санкт-Петербург 2003, pp. 189–196.

женщиной гораздо старше себя и, тяготясь этой связью, отравился морфием. Только через несколько дней после самоубийства нашли его в лесу без всякой записки, но с валяющейся рядом с ним бутылочкой от яда.

После женитьбы отец, проживая в деревне, отдался общественной деятельности. Отличаясь от окружающей среды блестящим образованием, отец скоро выделился и был избран сначала депутатом, а затем и губернским предводителем дворянства и всецело отдался мысли об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Деятельность отца по крестьянскому делу временно прекратилась в Крымскую войну, когда он по примеру всех выдающихся дворян того времени поступил в ополчение. В Киеве он был назначен адъютантом ополченской части, но в поход не выступил, т.к. был заключен мир, после чего отец вернулся домой и преданся вновь любимому делу. Нижегородским губернатором в то время был Муравьев⁹², бывший декабрист, с которым отец был в больших контрах. Нижегородское дворянство оказалось вторым представившим Александру II адрес о необходимости освобождения крестьян. В разработке законов об освобождении отец принимал участие в редакционных комиссиях, но здесь разошелся во взглядах с корифеями освобождения Милютиным⁹³ и Соловьевым⁹⁴. Будучи горячим приверженцем освобождения, что ярко выразилось в том, что предводительствуемое им дворянство проявило в этом деле свою инициативу вторым [-16-] из всех дворянств Империи, отец, однако, находил, что оставлять крестьян сразу безо всякой опеки было неблагоприятно, и потому настаивал на необходимости создания некоторой вотчинной администрации, оставленной в руках помещного дворянства, вероятно, нечто вроде института земских начальников, осуществленного четверть века спустя Императором Александром III. Я полагаю, что это была здоровая мысль и вовсе не ретроградная и скорее выражала желание помочь мужику, чем его подавить. Скачек от рабства к полной свободе преодолеть безболезненно было трудно, и, будь в 1861 году учреждена над крестьянами опека, она вероятно оказалась бы уже совершенно ненужной четверть века спустя, и Александру III предстала бы гораздо более благодарная задача своевременно отменить институт земских начальников,

---

⁹² Alexander Nikolayevich Murav'yov (1792–1863), governor of the Nizhny Novgorod Province 17 September 1856–4 October 1861. П.Д. Стремоухов, *Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев*, „Русская старина“ Vol. 106, no. 5, 1900, pp. 349–361.

⁹³ Nikolai Alexeyevich Milyutin (1818–1872), Russian state activist, senator, member of the State Council, one of the authors of the peasant reform in Russia.

⁹⁴ Yakov Alexandrovich Solov'yov (1820–1876), Russian social activist, senator, one of the authors of the peasant reform in Russia.

чем его вводить. Несмотря на их выдающийся государственный ум, Милотин и Соловьев были людьми кабинетными и, как их тогда называли, «красными»; они были настоящими чиновниками и теоретиками. Мысли моего отца успеха не имели, а Нижегородское дворянство получило за предоставленный отцом проект Высочайший выговор. Тем не менее, я имею основание гордиться тем, что отец мой был одним из крупнейших пионеров освобождения крестьян.

Из периода своего предводительства отец рассказывал мне следующий исторический анекдот.

Покойный наследник, Николай Александрович⁹⁵ (сын Александра II в молодые годы умерший от чахотки в Ницце), еще совершенно молодым человеком, совершал путешествие по Волге. В пределах Нижегородской губернии отец сопровождал его. Как-то возник вопрос о парламентаризме и о применимости его в России. Коснулись и традиционных английских партий – ториев и виггов. Наследник не отрицал возможности [-17-] возникновения когда-либо в России конституционного образа правления, но видел одно затруднение:

– Откуда, спросил он, может появиться у нас оппозиция?

Отец улыбнулся и утешил цесаревича, что об этом правительству заботиться не придется.

Отцу не пришлось увидеть результатов своих трудов в Нижегородской губернии, так как в конце 1860 года он был назначен Рязанским губернатором, где ему пришлось при посредстве мировых посредников вводить уставные грамоты. Дело это давалось не так легко, кое-где происходили волнения. Ожидания крестьян не везде оправдывались в полной мере, а, главное, они были оставлены без всякой опеки. Кстати сказать, тогда никакой сельской полиции не было. Эмбрион таковой, урядники, по одному на волость, были заведены лишь в восьмидесятых годах в министерстве Макова, а государственная стража лишь после волнений 1905 года. На весь уезд был лишь один исправник, да четыре-пять станových приставов. Вотчинная полиция перестала существовать, а на сельскую, выбранную самими крестьянами, очевидно рассчитывать было нельзя. Правда, кое-где были гарнизонные команды, но обращение к ним было уже *ultima ratio*, к которому ни один администратор с легким сердцем не прибегает.

---

⁹⁵ Nikolay Alexandrovich Romanov (1843–1865) – Grand Duke of Russia, from 2 March 1855, until his death Tsarevich and heir to the Russian throne.

В имени некоего Коробьина⁹⁶, впоследствии сенатора, происходили беспорядки. Отец находил, что помещик был не совсем прав, а потому крутых мер не принимал, полагая, что, в конце концов, помещик пойдет на уступки и дело кончится миром. Однако у Коробьина были связи в столице и положение было представлено там в смысле бездеятельности губернатора. Вследствие этого, как это водилось в то время, в Рязанскую губернию для обследования дела, по Высочайшему повелению, [-18-] был командирован флигель-адъютант, граф Бобринский, тоже, как и мой отец, очень молодой человек. Оба они поехали на место волнений в сопровождении одного только исправника, надеясь уговорами успокоить крестьян. Село было большое в несколько сот жителей. Крестьяне приняли приехавшие власти суровым молчанием и никаких уговоров слушать не хотели. После нескольких часов бесплодных стараний губернатор и флигель-адъютант вошли в волостную избу отдохнуть и перекусить. Исправник остался снаружи. Через несколько времени он вошел в горницу и доложил, что крестьяне окружили избу и заявили, что ни губернатора, ни полковника не выпустят, пока их требования не будут удовлетворены. Тогда исправнику поручили дать знать о положении дела в уездный город и вызвать команду. Однако до города было далеко, и исправник опасался, что за ним будут следить и ему не удастся выполнить возложенное на него поручение, и если бы даже оно и удалось, то положение полоненного начальства в случае прибытия команды могло бы сделаться весьма серьезным. Так или иначе, поручение было подтверждено. Исправника из села не выпустили и обратно в избу не пустили, и пленники не знали, что их ожидало. Настроение у обоих было тяжелое. Достали случайно привезенную колоду карт и пикетом старались скоротать время.

А вот, что в это время происходило снаружи избы.

Исправник был местный дворянин, старик, много лет занимавший эту должность, давно известный и любимый крестьянами.

Выйдя от губернатора, исправник уселся на скамейку перед избой и задумался. Крестьяне стояли против него, сначала галдели, а потом смолкли. Так прошло часа два. После этого исправник начал искать глазами кого-то в толпе и, наконец, встретив старого мужика, [-19-] которому оказал когда-то какую-то услугу, попросил его принести лопату.

- А зачем тебе? Спросил тот.

---

⁹⁶ Vladimir Grigoryevich Korob'in (1826-1895), senator.

- Ну, уж это мое дело, а ты только принеси лопату.

Лопату принесли. Исправник встал, отмерил пространство шага три в длину и шага полтора в ширину и стал копать ров. Мужики заинтересовались его работой и спросили, что он делает, но исправник отмалчивался. Покопав с полчаса, он устал и обратился к знакомому мужику с просьбой выкопать ров вместо него. Мужик вновь заинтересовался, но исправник, не ответив ему, возобновил свою просьбу выполнить работу. Мужики сильно заинтересовались всем этим эпизодом и, видимо, какое-то смущение заползло им в душу. Когда яма была готова, исправник тоже длительно разыскал знакомую бабу и попросил ее принести ему чистую рубашку. После таких же вопросов и таких же отмалчиваний, была принесена и рубашка. Тогда исправник попросил принести ему ведро воды. Когда вода была доставлена, он тщательно начал обмываться. Любопытство и беспокойство мужиков достигло крайней степени. Наконец они настоятельно и слезно просили исправника объяснить им свое поведение, на что он спокойно ответил:

- А вот видите, братцы, вы там заперли царского полковника, а он решил, что я виноват в его беде, вот он и велел мне живым закопаться в землю.

- Да неужели?

- Как видите, для чего бы я стал иначе себе могилу копать и готовиться к смерти!

- А если не послушаешься, что будет? Ведь не радость помирать!

- Дураки, вы дураки, да у него такая власть, что коли я его не послушаюсь, то моя жена и все мои дети, до седьмого колена пропадут, сошлют [-20-] их в Сибирь, невесть, что будет.

Мужики задумались.

- А с нами, что будет?

Исправник махнул рукой и свистнул.

- Ну, про это и толковать нечего. Сообразите сами, коли мне, вот я и ордена имею, так плохо будет, чего же вам ждать, подумайте сами.

Через час, стоя на коленях, народ умолял флигель-адъютанта о прощении. Никакие репрессии применены не были и все кончилось благополучно.

Неглуп был исправник и тонко понимал психику тогдашнего народа. Теперь, пожалуй, этот «номер бы не прошел.»

В Рязани родились все дети моих родителей, а в том числе и я.

Пробыл отец в Рязани лет шесть; губернаторствование его кончилось неприятностями, и он вышел в отставку.

Истинной причины этого обстоятельства я не знаю. Как-то отец мельком говорил мне, что на него пало обвинение в сообщении в министерство неверных сведений по важному делу; представление его было основано на рапорте исправника, которому он слишком доверял. По этому поводу отец получил неприятную бумагу, обиделся и подал в отставку.

Моя мать приводила другие причины оставления отцом службы, приписывая его интригам врагов, которым его образ действий давал достаточно материала, чтобы ему повредить.

Как видно из вышеприведенного, отец был назначен губернатором совершенно молодым человеком, едва достигшим тридцати двух лет; женился он рано, прямо со школьной скамьи, прожил много лет в деревне, а затем попал в город, где сразу сделался центром внимания.

[-21-] Власть и положение всегда имеют большое обаяние для женщин, и губернатору не надо искать романов, они сами идут к нему на встречу, и надо иметь много устойчивости им противостоять. Этой устойчивостью, по видимому, отец мой не обладал и он сильно увлекался женщинами. Кроме того, мать утверждала, что отец сильно и несчастливо играл в карты. Так или иначе Нижегородское имение, представлявшее крупное состояние, было прожито. Отец иначе объяснял продажу имения. С 1848 года до 1860 он не получал никакого содержания от казны, а со времени назначения губернатором стал получать всего по три тысячи в год. Этих денег, очевидно, не могло хватать и поэтому, по словам отца, он истратил свое состояние на представительство и на службу общественную, и ставил себе это в заслугу. Я думаю, что в объяснении потери нашего состояния правы и отец, и мать... Отсутствие материальных средств потом тяжело отразилось на нашем быте и, вероятно, осталось не без влияния на наши, детей Петра Дмитриевича, характеры.

Игра в карты, ухаживание за женщинами, как я говорил выше, дали отличный материал недоброжелателям отца, которые группировались около вице-губернатора Болдырева⁹⁷. Болдырев был женат на близкой родственни-

---

⁹⁷ Nikolay Arkadyevich Boldarev (1826–1904), colonel, organizer of the state horse breeding, in the years 1865–1866 deputy governor of Ryazan, in 1866–1873 governor, 1877–1882 member of the Main Board of the State Horse Breeding – *Сборник биографии кавалергардов. 1826–1908*, ed. С. Панчулидзе, Санкт-Петербург 1908, p. 145.

це всемогущего тогда графа Дмитрия Андреевича Толстого⁹⁸, и вся эта интрига кончилась назначением Болдырева на место отца. Самый факт назначения вице-губернатора губернатором в ту же губернию свидетельствует о том, что дело было не чисто. Впрочем, и у Болдырева карьера закончилась неудачно. Он был страстным охотником-борзятником. Как-то, во время губернаторской охоты, крестьянин ударил любимую болдыревскую борзую, растерзавшую его овцу. Губернаторские доезжачие запороли мужика. Дело было замято, но все же закончилось [-22-] увольнением Болдырева.

Я думаю, что не без участия в этих интригах был и управляющий казенной палатой М.Е. Щедрин (Салтыков)⁹⁹. У отца моего сложились дурные отношения со знаменитым сатириком. По настоянию отца он был изъят из Рязани. В отместку Щедрин, сильно его окарикатурив, кое-где изобразил отца в своих «Губернских Очерках.» Я думаю, что Щедрин в данном случае был несправедлив. В чьих-то воспоминаниях, помещенных в «Историческом Вестнике» за 1913 год, я читал, что Щедрин, приезжая в Петербург из Рязани, на вечере у автора воспоминаний презабавно изображал, как «французит Рязанская губернаторша» то есть моя мать. Моя мать вовсе не «французила», а превосходно говорила по-французски и этот язык в детстве моем был преобладающим в нашем доме. Повода для насмешки тут положительно не было и это только свидетельствует о том, что в оценке владения французским языком наш великий сатирик был не компетентен. Поэтому, раз он несправедливо изображал мою мать, то я склонен думать, что также неправ он был и относительно отца.

Нарушение семейных отношений сильно повлияло на нашу мать, она начала харкать кровью и для поправления здоровья она вместе с тремя малолетними детьми переехала в Швейцарию, в Монтрё¹⁰⁰, где проживала моя бабушка. Там мы прожили года три, а оттуда переехали в Дерпт¹⁰¹.

Года два положение отца в материальном и, вероятно, моральном отношениях было довольно тяжелым. Однако в 1870 году он оказался уже

---

⁹⁸ Dmitriy Andreyevich Tolstoy (1823–1889), chief prosecutor of the Holy Governing Synod (1865–1880), minister of public education (1866–1880), minister of the interior and chief of the gendarmes (1882–1889), a member of the State Council (1866–1889), senator (1861).

⁹⁹ Mikhail Yevgrafovich Saltykov-Shchedrin (1826–1889), Russian writer, satirist and publicist. Author of works containing sarcastic criticism of the socio-political life in Tsarist Russia.

¹⁰⁰ Montreux – a town and spa municipality in western Switzerland, in the canton of Vaud, in the district of Riviera-Pays-d’Enhaut.

¹⁰¹ Tartu – a city in Estonia, under Polish rule – Dorpat, Russian rule – Derpt and Jurjew (in the Estland Governorate).

председателем правления Рязано-Орловской ж.д. Эта частная служба, несомненно, давала ему хороший заработок. Затем, в министерство гр. Толстого или Валуева, он вновь поступил на службу в качестве члена совета министра внутренних дел. Это обратное поступление в то же ведомство свидетельствует о том, что в причинах оставления [-23-] им ранее службы не было ничего в чем можно было бы его упрекнуть. Впоследствии, отец очень сошелся с графом Дмитрием Андреевичем Толстым и Валуевым¹⁰². Как доказательство первого у меня хранилась книга, написанная графом «О римско-католическом духовенстве в России»¹⁰³, подаренная им отцу с особым посвящением; как доказательство второго – у отца в кабинете всегда висел большой портрет Валуева с весьма сердечным автографом. Отец показывал мне письма Валуева, в которых он приглашал его к себе в товарищи по управлению Ведомством Уделов, во главе которого он одно время стоял. Однако отец по соображениям личного свойства, о которых речь впереди, от этого предложения отказался. Владельцем Грязе-Орловской ж.д. состоял тогда известный финансист, С.С. Поляков¹⁰⁴. В газетах началась сильная против него кампания и отец нашел невозможным далее совмещать службу у него с правительственной и потому отказался от хорошо оплачиваемой должности председателя правления, предпочитая получать ничтожное содержание члена совета министра внутренних дел. По этой должности он занимался в Главном управлении по делам печати.

В восьмидесятых годах, во время «диктатуры сердца» графа Лорис-Меликова¹⁰⁵ отец не сошелся с диктатором во взглядах на повременную печать и подал записку, излагавшую его мнение. Записка была оставлена без последствий, почему отец подал в отставку. Государь, знавший отца, повелел оставить ему в пенсию получаемое содержание.

Из краткой биографии отца моего читатель усмотрел, что перед ним не раз открывалась перспектива блестящей карьеры, но такова достигнута не была. Где таились причины этого? По выдающемуся уму, по необыкновенному

---

¹⁰² Pyotr Alexandrovich Valuyev (1814–1890), minister of internal affairs (1861–1868), minister of state property (1872–1880), chairman of the Committee of Ministers (1880–1881).

¹⁰³ Д.А. Толстой, *Римский католицизм в России. Историческое исследование*, Vols 1–2, Санкт-Петербург 1876.

¹⁰⁴ Samuel (Shmuel) Polyakov (1837–1888) a Russian businessman, informally known as the “most famous railroad king” of the Russian Empire, the senior member of the Polyakov business family, a Jewish civil rights activist.

¹⁰⁵ Mikhail Tarelovich Loris-Melikov (1826–1888), Russian military officer and politician of Armenian origin, liberal, minister of internal affairs of the Russian Empire in 1880–1881.

умению очаровывать окружающих, по принципиальности своей [-24-] и по исключительной образованности отец имел все права занять первые места в нашем бюрократическом строе. Находясь впоследствии совершенно не у дел, он и тогда исключительно интересовался вопросами государственными и умел их освещать не какой-нибудь поверхностной отсебятиной, а справками из истории, особенно французской. Тьера¹⁰⁶, Гизо¹⁰⁷ и Тэна¹⁰⁸ он мог цитировать наизусть, он мог, не задумываясь, сказать, какие мысли по тому или другому поводу высказывал Бэнжамен-Констан¹⁰⁹, Роизэ-Коллар¹¹⁰, Мартинак¹¹¹ или Виллель¹¹².^{*} А вырасти чему-нибудь большему помешала ... женщина.

* Французские политические деятели времен Реставрации.

В начале это были мелкие увлечения Рязанского периода, а затем серьезная привязанность, продолжающаяся без малого полвека. В конце восьмидесятых годов отец познакомился со сверстницей моей сестры по Смольному институту, Викторией Людвиговной Древинг¹¹³. В.Л. была отличная музыкантша и этим заинтересовала отца, всегда любившего музыку, сама же она, несмотря на свои восемнадцать лет, скоро увлеклась этим пятидесятилетним, но обаятельным человеком. В.Л. несколько лет потом училась у знаменитого Листа и была его любимой ученицей. Впоследствии она давала в Петербурге концерты, где имела успех, впрочем, более у присяжных музыкантов, чем у публики. Музыкальная критика отзывалась о ней с большой похвалой, но публика оставалась холодной. Мне кажется, что ее репертуар был слишком серьезен: это были все какие-то Моцартовские opus'ы № 10 или 15, в которых большая публика слабо разбиралась. Я очень мало понимаю в музыке, но мне казалось, что техника у В.Л. была удивительная, но чувства в ее исполнении [-25-] было мало.

¹⁰⁶ Louis Adolphe Thiers.

¹⁰⁷ François Pierre Guillaume Guizot.

¹⁰⁸ Hippolyte Adolphe Taine.

¹⁰⁹ Henri Benjamin Constant de Rebecque.

¹¹⁰ Pierre Paul Royer-Collard – French philosopher, one of the leaders of the doctrinaires.

¹¹¹ Jean-Baptiste Sylvère Gay, vicomte de Martignac.

¹¹² Jean-Baptiste-Guillaume-Joseph de Villèle

¹¹³ Victoria Alexandrina (Victoria Ludvigovna) Drawing (1854–1918), German-Russian pianist, student of Franz Liszt. Her brother Eduard's son was Alexander Drawing (1869–1924), a Polish journalist, publisher and co-owner, together with A. Milker, of a press printing house, a lithography shop, as well as the owner of a bookstore in Łódź – L.S. Szychowski, *Zarys dziejów drukarstwa łódzkiego 1859–1918*, Łódź 1993, pp. 62–63.

Отец мой и В.Л., несмотря на разницу в годах, превышающую тридцать лет, испытывали друг к другу сильную привязанность. Очевидно, всегда цитируемый в подобных случаях, роман Мазепы и Марии не составляет исключительного явления...

В 72 или 73 году отец предложил моей матери развестись, имея намерение жениться на В.Л. Для осуществления сего моей матери пришлось бы взять вину на себя, без которого бы условия, даже и после развода, в то время ни один священник отца бы не повенчал. Для этого, однако, матери нужно было подвергнуться унижительному, хотя и фиктивному, засвидетельствованию ее, никогда не имевшей места, неверности. Отец предлагал моей матери в случае развода обеспечить ее существование соответствующим капиталом, но даже эта перспектива материальной независимости не могла побудить мою мать пройти через эту оскорбительную и неблагоприятную процедуру. Во всей этой тяжелой драме я не обвиняю никого из трех действующих лиц. Менее всего я осуждаю В.Л., которая естественно хотела обеспечить свое счастье и создать себе положение в обществе не только для себя самой, но и для счастья любимого человека; не мог поступить иначе и мой отец, испортивший, согласно светским условностям, жизнь девушки из порядочного круга; не могла согласиться на незаслуженный позор моя безупречная и добродетельная мать. Во всем этом виноват нелепый и отживший закон того времени, испортивший не одну жизнь. Не будь затруднен развод такими грязными формальностями, эти три хорошие человека разошлись бы полюбовно и все были бы счастливы, а теперь все друг друга ненавидели, взаимно портили жизнь и были несчастливы.

Фальшивое положение сожительства выбило отца из его среды; он никуда [-26-] не мог ввести женщину, которую любил и уважал, на что она приобрела право всей своей последующей жизнью, ибо несправедливо было бы ее упрекнуть за ее единственную ошибку, в которой, как старший годами, мой отец должен был почитаться гораздо белее ответственным. В.Л. считала мою мать виновницей своего унижительного положения, так как неисполнение ею, как казалось В.Л., минутной и пустой формальности, испортило ей и отцу всю жизнь. И, действительно, если бы развод состоялся, то мой отец пошел бы по тому пути, на который давали ему право его способности, ум, образование, опыт и, может, во всем этом пострадали не только он и она, но и родина; теперь же отец был вынужден замкнуться в тесном кругу почитателей музыкального таланта В.Л. и не бывать в той среде, к которой он принадлежал по рождению и воспитанию,

---

так как он слишком любил В.Л., чтобы бывать там, куда бы ее не пустили. Моя мать вряд ли имела основание относиться враждебно как к женщине, отнявшей у нее мужа, так как это делалось уже неоднократно до нее, но страдала от того, что неправильная жизнь отца материально и морально отражалась на быте ее детей и ее самой. Совершись развод, все пошло бы иначе, но мать на это не согласилась, и мы, все дети, горячо любя ее, в этом ее поддерживали.

В силу приведенных обстоятельств отец замкнулся в тесном кругу и его государственная деятельность оборвалась. Был ли он удовлетворен своим положением, я не знаю, но, т[ак] ск[азать], в семейном положении он был счастлив.

В детстве, юности и молодые годы отношения наши с отцом были исключительно формальные. Несмотря на нелады с отцом, мать воспитывала нас в большом уважении к нему. Мы бывали у него раз в месяц, [-27-] поздравляли с праздниками и получали незначительные подарки, чем наши отношения и ограничивались. Никакого сближения между нами не было и никакого влияния на наше воспитание и мировоззрение отец не проявлял. Только впоследствии, когда я сделался губернатором, и начал делать карьеру, отец мною заинтересовался: видимо я напоминал ему его собственное прошлое. С годами наши отношения сделались теплее и теснее, а под конец стали даже нежными. Особенно старик полюбил мою жену. В последний год моего пребывания в Петрограде (1916/17) я часто бывал у отца и находил большое удовольствие в беседе с этим девяностолетним стариком. Мой приход был для него всегда тоже предметом большой радости... Так, хотя и немного поздно, мы полюбили друг друга. Я забыл сказать, что в 1907 году скончалась моя мать, и месяц спустя отец женился на В.Л., о чем сообщил мне весьма элегантно французским письмом. С В.Л. жена и я были в самых лучших отношениях.

В последние годы жизни отцу пришлось пережить большую передрыгу. Объявление войны застало его в Берлине и ему пришлось прожить там в положении пленного и затем с большими затруднениями и лишениями через Швецию вернуться на родину. После такого тягостного эпизода, отец начал, видимо, слабеть и только любящая энергия В.Л. его поддерживала. До самой смерти отец прожил на Знаменской улице в квартире на пятом этаже, в которой прожил лет двадцать. Я, его сын, с трудом к нему взбирался, но старик ни за что не хотел менять квартиры, уверяя, что гимнастика подъема на лестницу поддерживает его физические силы. Я не знаю, какие средства были у отца. В

Петербурге он жил очень скромно, но ежегодно ездил за границу и там помещался всегда в наилучших отелях и не стеснял себя в [-28-] расходах. Как-то я приехал в Берлин, где остановился в одной из лучших и, во всяком случае, самой солидной гостинице «Континенталь». Когда я назвал свою фамилию, то портье сейчас же спросил меня, не сын ли я *Geheimrat'a von Strimmoouhoff*. На утвердительный ответ он сейчас же побежал за хозяином и последний отвел мне тот номер, который обычно занимал мой отец. Я никогда в жизни таких роскошных номеров не брал, а хозяин и портье меня иначе как *Herr Baron* не называли.

Вообще отец был большим барином старинного и несколько старомодного типа; таких теперь уже нет и конечно не будет. Говорил он охотнее всего и превосходно по-французски, манеры у него были удивительные и окружавшие называли его «последним маркизом». В его квартире, впрочем, весьма скромно меблированной, пахло какой-то удивительной смесью тонких духов и хороших сигар. Я увез с собой несколько книг из библиотеки отца и два года спустя они не перестали еще пахнуть его специфическим ароматом старого барина.

В марте 1918 года отец мой скончался в Петрограде от истощения, благодаря отсутствию при большевистском режиме тех предметов питания, к которым привык его организм. О кончине отца известила меня в Пятигорске Виктория Людвиговна.

Я, быть может, слишком много занял времени у моего снисходительного читателя описанием жизни моего отца, но мне казалось, что это такой интересный тип, который вместе с ним умер и не возродится в новой России. Если мы интересуемся созданными воображением наших беллетристов типами, то не ценнее ли живые люди с их нравами и страстями... конечно, минус талант их бытописателя. Поэтому я позволю себе привести подстрочно подлинный текст письма моей мачехи.*

*[...] «На пятый день удалось его причастить – видимо он был этому рад – сложил руки по молитвенному и, со слезами на глазах, усердно молился, смотря на образ Николая Чудотворца [которого он особенно любил и читил]. После Причастия все более и более делался покойным, все менее говорил и почти ничего не ел, лежал тихо, и когда я предлагала ему кофе, вина или сахарной воды, то он с очаровательной улыбкой и с немного насмешливым выражением чудных глаз, все еще полных жизни и красоты, делал отрицательный жест головою и прелестно улыбался и этою улыбкою, казалось хотел выразить, что ему ничего уже ровно не нужно, что без еды, питья и всего земного, материального куда лучше. Так провел он два последних дня – кротко, терпеливо и умер спокойно, как бы заснул.

Позвольте не описывать, что я испытала при виде страданий и смерти, одно, о чем я молила Бога, чтобы мне самой не свалиться и чтобы быть в состоянии похоронить моего дорогого Петра Дмитриевича. Умер он от слабости сердца, в котором начались перебои после последнего восхождения по нашей лестнице, по которой он в этот раз поднялся без передышки, а также истощения – ведь питание ему было самое неподходящее .... Прощаясь с вами, Петр Дмитриевич кажется чувствовал, что более не свидится .... Могила наша (!) на очень хорошем месте и очень приветливая; ходить на могилу радость и утешение, не только мне, но и другим нравится посещать ее, вероятно, в особенности летом, когда вокруг везде зелень и свет [...].»

[29-] Конечно, никому не интересно, как и почему любила какая-то Виктория [-30-] Людвиговна какого то Петра Дмитриевича, – и не поэтому я цитирую это письмо, но привожу его как человеческий документ, интересный в том отношении, что он рисует, какую привязанность может вселить к себе старик и до какой красоты может достичь женская любовь, в особенности если я прибавлю к сему, что моя мачеха не вынесла разлуки с мужем и через две недели после его кончины отравилась.

За неделю до смерти отца его посетил мой двоюродный брат, Михаил Петрович Стремоухов, встретивший меня в 1919 году на Кавказе и передавший мне следующее:

Они разговорились о политике и большевизме, оба находили положение безысходным.

– *Où trouver une issue?* Спросил Михаил Петрович.

– *Il y en a une*, ответил отец, *c'est la mort* и через неделю умер.

Одновременно с письмом мачехи, моя сестра известила меня, что отец оставил порядочное состояние, из которого довольно крупную долю завещал детям. Я не был избалован материальной помощью со стороны отца при его жизни, но иронией судьбы его последняя поправка не изменила положения. Советская власть упразднила право наследования и похитила имущества, помещенные в банках. Наследства отца я никогда не увижу, но все же спасибо за доброе пожелание, мир душе его!

Моя матушка была женщина совершенно другого склада, чем мой отец. Хлопотунья, живая, веселая, энергичная, она всецело была занята хозяйством и детьми. Она была чрезвычайно добра, но очень строга. Наказывала она нас в детстве редко, но ее строгих черных глаз мы очень боялись и никакое послушание было невозможно. Будучи лютеранкой, она тем не менее была, как это часто бывает с русскими немцами, более русской, чем многие русские люди. Обряды

православной веры она очень любила, [-31-] тем не менее каждое воскресенье читала книгу с проповедями какого-то знаменитого пастора под заглавием «*Eins ist Noth*»¹¹⁴. По своему характеру мать была очень светской женщиной, любила общество, любила у себя принимать, была большой хлебосолкой, поскольку ей позволяли ее более чем ограниченные средства. А с деньгами было плохо. Свое небольшое имение – Низки Михайловского уезда Рязанской губернии, мать продала и купила акции какого-то предприятия, которое скоро лопнуло. Отец доплачивал к ее доходу столько, чтобы ровно выходило три тысячи рублей в год. Жить на эти средства в Петербурге, воспитывать четырех детей, было очень трудно, но моя мать с этими тремя тысячами делала чудеса: у нас всегда была приличная квартира, три прислуги, ели мы всегда хорошо и могли накормить неожиданного гостя; кроме того, мать умудрялась еще наряжаться, что она очень любила. Достигалось это необыкновенною расчетливостью и неустанной борьбой за экономию, порядок и бережливость, которые моя мать проявляла сама и требовала от своих детей. Характера она была сильного и твердого.

Например, с детьми она говорила исключительно по-французски и что бы не случилось, она не ответила бы на обращение к ней на русском языке: «*Je ne comprends pas*» – и кончено! Благодаря этому мы все отлично [как это мне прежде казалось; теперь, живя во Франции, и в этом разочаровался], без всяких бонн и гувернанток, на которых у нас не было средств, научились говорить по-французски. За нашими манерами она следила строго. Правила морали вложила в наши души твердо, но, вместе с тем, умела понимать и слабости, и потребности молодежи. Лучшей матери нельзя себе и представить. Всем нашим воспитанием мы исключительно обязаны матери, т.к. отец этим нисколько не интересовался. [-32-] Несмотря на ничтожные средства, она сумела воспитать троих сыновей, которые все были полезными гражданами и достигли порядочных степеней по служебной иерархии: старший сын – Дмитрий был членом Московской судебной палаты, считавшейся по своему личному составу и по ее идейности первой в Империи, средний – Николай командовал корпусом, третий – автор настоящих записок, был сенатором.

В каком-то государстве за воспитание троих таких сыновей матерям выдавали почетную награду. Мать моя скончалась в глубокой старости, 78 лет,

---

¹¹⁴ This is probably the book by Robert Otto Gilbert from 1846 („Eins Ist Noth: Polemische Predigten Gegen Verderbliche Richtungen Unserer Zeit“).

сохранив до последних дней своих свежесть, энергию и жизнерадостность, несмотря на суровую жизнь, исполненную борьбы за существование.

Кроме братьев у меня была еще сестра Елизавета. Здесь я скажу несколько слов о ней и брате Дмитрие, т.к. с Николаем мы еще встретимся в течении моего рассказа.

Брат Дмитрий¹¹⁵, старший меня на десять лет, окончил училище правоведения в 1877 году и всю жизнь прослужил в судебном ведомстве. Был одно время прокурором Смоленского окружного суда, а затем перешел в Московскую судебную палату. Я говорил выше, что вообще Стремоуховы оригинальностью не отличались; в этом отношении брат Дмитрий составлял исключение, о чем я скажу ниже. Дмитрий был горячим поклонником и неукоснительным исполнителем судебных уставов Императора Александра II. Ни на какие компромиссы он никогда не шел, был неумолим в применении принципов этих уставов и на этой почве мог быть весьма резким и неприятным, поэтому в своей профессиональной среде пользовался большим уважением, но не был любим. Он очень любил повторять фразу одного французского министра юстиции: «*Nous rendons des arrest, mais non des services ...*» Не знаю был ли [-33-] он хорошим юристом, но побочными науками и искусствами он очень любил заниматься. Сначала он увлекался фотографией и достиг в ней высокого совершенства, потом увлекался астрономией, завел телескоп и целые ночи наблюдал луну и делал о ней какие-то заметки, писал прелестные сонеты на французском языке, потом занялся устройством летучих змеев, но это были не игрушки, а сооружения, построенные на точных математических вычислениях, и достигавшие изумительного совершенства. Поднявшись за облака, он опустился на землю и специализировал себя на геологии и палеонтологии, заняв среди ученых дилетантов почетное место. Его труды печатались в каких-то известиях и рассылались в Европейские ученые общества на французском языке. Брошюры каких-то *chites mégaló ségaló* он неизменно мне присылал и я, не читая, почтительно отправлял их на верхнюю полку моей библиотеки. Во время большевистского переворота он застрял в Москве. Судебное ведомство было большевиками уничтожено и брат мой, достигший шестидесяти шестилетнего возраста, не имевший никаких личных средств, должен был оказаться в весьма тяжелом положении. До меня доходили слухи, что он получил заработок, читая лекции по палеонтологии и геологии

---

¹¹⁵ Dmitriy Petrovich Stremoukhov (1855–1925), Soviet geologist.

в народном университете в Москве. Дилетантизм столь мною презираемый в людях, призванных к государственной службе, которой, по моему мнению, надо отдавать себя всецело, пригодился. В гораздо худшем положении оказался я, умевший только писать казенные бумаги и управлять людьми: этот товар оказался ныне ненужным...

Два слова о сестре. Замуж она не вышла. Перед большевистским переворотом она застряла в Петрограде, после переехала в Москву. Последнее известие о ней я имел от нее в 1918 году, когда она писала мне, что денег из банка ей более не выдают и что она живет продажей [-34-] домашних вещей, которых осталось у нее немного. После я узнал, что она, а равно и брат мой Дмитрий, скончались в Москве.

ГЛАВА II

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

1865–1885

[-35-] – Мое появление на свет. – В Дерпте. – Кн. Шаховские. – Первые впечатления. – Франко-Прусская война. – Переезд в Петербург. – Барон Штакельберг. – Об авторитете начальства. – В Петергофе. – О петличках и выпускках. – Коковцев, Антон Григорьевич Рубинштейн, Эллис. – Мой первый роман. – Бычков. – Предполагаемый развод моих родителей. – Ф.Ф. Трепов. – Пансион Кауфман. – Позорные колесницы. – Н.Леонтьев. – Салтыков. – Итальянская опера. – Поступление в Пажеский корпус. – Состав пажей. – Придворная служба. – Привилегии. – Постановка учебного дела. – Общее развитие, воспитание. – Свобода личности. – Внешние условия. – Поведение пажей. – А. Орлов. – Посещение корпуса Императором Александром II. – Разводы в Михайловском манеже. – Царубийство. – Наше отношение к революционному движению. – Военный министр Д.А. Милютин. – Фронтовые занятия. – Мои первые шаги в корпусе. – Оставление на второй год в VI классе. – В специальных классах. – Семья Салтыковых. – Некоторые товарищи: Джунковский, Зарудный, Сатин, Мансур, Чингиз-Хан, граф Лорис-Меликов, св. князь Чернышев, Кармалин, Гурко, Безак, граф Граббе и его семья. – Графиня Орлова-Денисова. – Поэт Апухтин. – Охоты. – Семья Розеншильд-Паулин. – Семья Вейденштраух. – Производство в камер-пажи: представление Императрице Марии Федоровне. – Выпускные экзамены. – В лагере. – Выбор части. – Производство в офицеры.

[-36-] Родился я 16 января 1865 года в городе Рязани в губернаторском доме. Появился я на свет Божий несколько преждевременно и очень слабым, почему мне дали имя св. Петра, празднуемого в этот день.

О Рязани я ничего не помню, то же о последовавшем затем пребывании в Швейцарии. Первые мои впечатления связаны с Дерптом¹¹⁶. Почему моя матушка

---

¹¹⁶ Tartu is a city in Estonia, known in most countries by its historical name of Dorpat. It is home to the country's oldest and most famous university, the University of Tartu (founded in 1632). In 1783, the city became the centre of the Dorpat County of the Livonia Governorate. During the Russification wave, its name was changed to Yuryev in 1893, and since 1895, the university has been Russified with the introduction of compulsory teaching of the Russian language.

поселилась в Дерпте, я не знаю. Полагаю, потому, во-первых, что там у нее была кое-какая немецкая родня и, во-вторых, что Дерпт был одним из культурнейших наших городов, и к тому же очень дешевым. В Дерпте, в числе наших знакомых, я помню старика, знаменитого естествоиспытателя, профессора Бера¹¹⁷, который показывал нам свои коллекции; семью польских ссыльных графов Чапских, баронов Кнорринг и князей Шаховских. Последняя семья была весьма многочисленна. В ее составе я помню княжну Надю¹¹⁸ и мальчика моих лет. Первая была впоследствии очень известною сестрою милосердия и настоятельницей общины в Москве, а второй, будучи офицером Преображенского полка, убил на дуэли брата П.А. Столыпина¹¹⁹. Более сорока лет спустя мы с ним встретились в Саратове, я, в качестве губернатора, он – земского начальника¹²⁰.

Из общественных явлений в моей памяти сохранилось, как по вечерам, у нас собирались дамы и щипали корпию для прусских лазаретов. Это был период войны 1871 года. С того времени политическая конъюнктура сильно изменилась!

В то время мы получали немецкий иллюстрированный журнал «*Gartenlaube*». Почему-то одна картинка запечатлелась в моей памяти так ясно, что я мог бы восстановить ее с фотографической точностью. На картинке был изображен прусский солдат в каске, крадущийся [-37-] между кустами; в правом верхнем углу, как большое блюдечко, сияла луна. Подписана была иллюстрация: «*Eine Schleichpatrouille*».¹²¹ Конечно, эта картинка никому не интересна, и я говорю об этом лишь для того, чтобы отметить одно удивительное психологическое явление. Почему некоторые события или образы, ничтожные сами по себе, врезаются в вашу память, а другие, гораздо более близкие к современности, совершенно из нее исчезают? Какие клапаны открываются и закрываются в сложном аппарате человеческого мозга?

Помню, что в Дерпте я горел и тонул.

¹¹⁷ Karl Ernst Ritter von Baer Edler von Huthorn (1792–1876), Rus. Karl Maksimovich Baer, natural scientist, one of the founders of embryology and comparative anatomy.

¹¹⁸ Natalya Alexeyevna Trubetskaya (12 January 1835–1918), daughter of Prince Alexey Ivanovich Trubetskoy from his marriage to Princess Nadezhda Borisovna Chetvertinskaya.

¹¹⁹ Ivan Nikolayevich Shakhovskoy (1853–1884), in 1882 killed Mikhail Arkadyevich Stolypin in a duel and was exiled to the Caucasus.

¹²⁰ Stremoukhov's mistake. Ivan Nikolayevich died in 1884. In 1912, in the Saratov governorate, there was only one prince of the Shah's army – Fyodor Mikhailovich, on the railway.

¹²¹ In this year's issue of the magazine there is an article titled "Meine erste Schleichpatrouille", however, the illustration is different from what Stremoukhov remembered, it shows soldiers lying in an empty field.

Первое произошло так. Моя мать работала, сидя за столиком, на котором горела лампа. Я почему-то захотел усесться на полочке, соединяющей ножки стола. Последний опрокинулся, лампа упала и разбилась, облив меня керосином, и мое платье загорелось. От испуга я начал бегать по комнате и от этого огонь только сильнее разгорался. К счастью, в эту минуту вошел учитель сестры и бросил на меня ковер. Я отделался легкими ожогами.

Как-то зимой мы шли с братом Николаем, возвращаясь от знакомых через озеро Пейпус. Мне было шесть лет, ему десять. Мы не заметили прорубь, слегка затянутую льдом. Мы на него наступили и провалились. Нас скоро вытащили, меня сразу, а с братом пришлось повозиться, т.к. он попал под лед. Эта холодная ванна прошла для нас совершенно благополучно.

В 1872 году мы переехали в Петербург. Железной дороги тогда еще не было, и мы сделали это путешествие на лошадях, на возке.

Поселились мы в маленькой и более чем скромной квартире во второй роте Измайловского полка. Я помню, что отец изредка заходил [-38-] к нам, но мало нами интересовался.

Я заметил, что в течение всей моей жизни моя семья и я сближались с какой-нибудь другой семьей и наши интересы сосредотачивались около нее. В первое время нашего пребывания в столице это была семья двоюродного брата моей матери, барона Константина Антоновича Штакельберга¹²², командовавшего тогда эскадром Николаевского кавалерийского училища.*

* Отмечаю, что эта незаурядная личность подробно и ярко изображена в книге Верещагина «Дома и на войне».¹²³

Я должен отметить, что с годами и расширением влияния прогрессивных элементов, значение должностных лиц, от самых высших до низших, значительно упало, а в те поры «все важны в сорок пуд». Еще в мои офицерские годы командир полка был фигурой значительной, корпусной командир – фигурой недосягаемой. Начальство далеко не всегда подавало руку своим подчиненным,

---

¹²² Konstantin Antonovich Stackelberg (1835–1884), a baron from the nobility of the Estland Governorate. He was sent to the school of guards ensigns and cavalry cadets (later: Nikolayevskoye Cavalry School) on 15 October 1855, attached to the school for testing as a squadron officer on 22 December 1855, transferred to His Majesty's Leibguards Hussar Regiment and renamed to captain (25 July 1864), major general and commander of the 1st brigade of the cavalry division (27 July 1875), commander of the 2nd cavalry division (31 August 1881), lieutenant general (6 May 1884).

¹²³ А. Верещагин, *Дома и на войне. 1853–1881. Воспоминания и рассказы*, Санкт-Петербург 1886.

а сажать на стул и не думало. Было ли это хорошо? Могу только отметить, что тогда начальство имело авторитет, а главное имело уверенность, что отданное им приказание будет исполнено, и правительственный аппарат стоял крепко. С того времени наша передовая мысль стремилась уничтожить этот авторитет, всякая власть непременно опошлялась и осмеивалась. Вспомните нашу литературу, ведь в ней, в изображении властей, нет ни одного положительного типа; перечтите Гоголя¹²⁴, Щедрина¹²⁵, Толстого¹²⁶, Писемского¹²⁷... Как могла держаться Россия, если бы действительно ее правящий класс был бы так пошл и ничтожен! К счастью, это была неправда, но, тем не менее, эта неустанная [-39-] кампания против власти несомненно сыграла глубокую роль. Ведь не все же были в непосредственном соприкосновении с властью, и потому судили о ней по литературе и никого кроме Сквозника-Дмухановского¹²⁸, Щедринских «Помпадуров»¹²⁹ и генерала Дитянина¹³⁰ в ней не находили. В прежнее время в занимаемых должностях сидели долго и имели время и возможность проводить свои взгляды. Например, Штакельберг прокомандовал Николаевским эскадроном лет десять, следовательно, выпустил в офицеры не менее тысячи человек, из которых большая часть поступила в гвардейскую кавалерию. Он создал целую плеяду кавалерийских офицеров, и его знала не только вся кавалерия, но и родители кавалерийской молодежи, следовательно, вся знать, знал его Государь, и особенно любил Великий Князь Николай Николаевич (Старший)¹³¹. Строгости был барон необыкновенной. Я помню, что сидя в спальне моей тетки, я слышал, как он распекал юнкеров так, что стены дрожали; под арест за растянутую пуговицу он сажал беспощадно, но, если юнкер приходил к нему исповедываться в какой-нибудь крупной шалости, то мог быть уверен, что «дядя Костя», как звали его

¹²⁴ Nikolay Vasilyevich Gogol (1809-1852), - Russian writer, poet, playwright and publicist of Ukrainian origin; a classic of Russian literature.

¹²⁵ Mikhail Yevgrafovich Saltykov-Shchedrin - Russian writer, satirist and publicist. Author of works containing sarcastic criticism of socio-political life in Tsarist Russia.

¹²⁶ Lev Nikolayevich Tolstoy, Count - Russian intellectual: novelist, playwright, literary critic, thinker, educator.

¹²⁷ Alexey Feofilaktovich Pisiemsky - Russian writer and playwright.

¹²⁸ *Gorodnichy*, a character from Gogol's "Revizor".

¹²⁹ "Pompadours and Pompadouresses" is one of Saltykov's most popular works. It is a sharp, artistically vivid satire on the highest provincial bureaucracy of tsarist Russia.

¹³⁰ *General Dityatin*, as a literary character, is present in the stories of I.F. Gorbunov.

¹³¹ Nikolay Nikolayevich (the Elder) (1831–1891), third son of Emperor Nicholas I and Alexandra Fyodorovna, Grand Duke, commanded the army during the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Balkans, Field Marshal (16 April 1878), released from his post on 17 August 1880, Emperor Alexander III accused his uncle of embezzlement of state funds and in 1882 seized his property, was under home surveillance in recent years and did not appear in public due to a number of sexual incidents.

юнкера, выручит, хотя бы для этого пришлось ехать к грозному градоначальнику Трепову или к самому Великому Князю. Говорили, что барон был равнодушен к казенному овсу и сену, но зато он нередко платил долги юнкеров и не одному из них помог в экипировке, в покупке хорошей лошади и т.п. Это было доброе, старое, патриархальное время.

В этом периоде лето мы обыкновенно проводили в Петергофе, занимая дачу в «Заячем Ремизе»¹³². Там стояли рядом четыре дачи. В одной из них проживал секретарь Императрицы Оом¹³³, в другой – барон Штакельберг, в третьей – гоф-маклер Плеске¹³⁴, а в четвертой – мы. [-40-] Несколько поотдаль жил знаменитый музыкант Антон Григорьевич Рубинштейн¹³⁵. Все мы были между собой знакомы.

Как-то раз к дяде Штакельбергу приехал кто-то из сослуживцев, с которым они вместе должны были ехать представляться Вел[ико]му Кн[язю] Николаю Николаевичу в его имение Знаменское, недалеко от Петергофа. В это время я сидел у тети. Гость заметил, что у дяди на колодке один орден или медаль были поставлены не на месте, а дядя усмотрел, что орден в петлице у гостя висит на один палец либо выше, либо ниже, чем следует. С таким дефектом в обмундировании ехать к Великому Князю было рискованно, и поэтому наши дамы принялись за спешную перешивку орденских ленточек. Оба полковника страшно волновались: опоздать к Великому Князю было страшно, а приехать не по форме одетым, да еще эскадронному командиру Николаевского кавалерийского училища, который должен быть во всем примером своим юнкерам, было еще страшнее.

Припоминаю еще один анекдот, касающийся форменной одежды, еще более давнего происхождения, рассказанный мне моим покойным тестем Салтыковым. Два брата его служили в Гродненском гусарском полку, квартировавшем в Варшаве. Командующим войсками был в то время грозный Вел[икии] Кн[язь] Константин Павлович¹³⁶. Оба брата, один поручик, а другой

¹³² Historical district of the city of Gatchina.

¹³³ Fyodor Adolfovich Oom (1826–1898), secretary of the empress, one of the tutors of the children of Alexander II, served under Grand Duke Nikolai Alexandrovich, and then under his brother, Grand Duke Alexander Alexandrovich.

¹³⁴ Eduard Dmitriyevich Pleske (1852–1904), statesman of the Russian Empire, manager of the State Bank (1894–1903), minister of finance (1903–1904), member of the State Council (since 1904); *privy councillor* (since 1896).

¹³⁵ Anton Grigoryevich Rubinstein (1829–1894), Russian pianist, composer and conductor of Jewish origin.

¹³⁶ Konstantin Pavlovich (1779–1831), second son of Pavel I and Maria Fyodorovna, Grand Duke, adjutant general (1819), commander of the Guards Corps, inspector general of all cavalry, officially con-

корнет, приехали из лагеря в город и попались на глаза Великому Князю. На следующий день оба были посажены под арест: старший за то, что был одет не по форме, а младший потому, что был одет, хотя и по форме, но не так, как старший в чине.

Была ли, однако, эта формомания, выпушки, петлички и трынчики, такую нелепостью, как это кажется ныне? Пока этими пустяками занимались, наши войска побеждали. Русский мужик перешел Альпы и взял [-41-] Берлин в напудренном парике, и дошел, затянутый в лосины, до Парижа, а разукрашенный лацканами и всякими этишкетами, едва не повесил «щит на воротах Цареграда¹³⁷». Потом решили, что все это пустяки, и над обмужиченным солдатом разразилась катастрофа Мукдена и Лаояна¹³⁸. Конечно, причина катастрофы не в одном отсутствии трынчиков, но и они сыграли известную роль в воспитании солдатских масс.

Я не буду далее обременять читателя примерами яркости воспоминаний ранней своей молодости, но на одном случае хочу остановиться.

Помню я, как к нашим соседям Плеске как-то входит в сад лицеист старшего курса; остановившись в калитке, он произнес следующие строки из Шиллера:

Gefährlich ist's den Leu [Leün] zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn[,]
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn. [!]¹³⁹

Этот молодой человек был В.Н. Коковцев¹⁴⁰, впоследствии граф и председатель Совета министров, в то время ухаживавший за дочерью Оома, на которой впоследствии и женился.

Цитированное стихотворение я, восьми или десятилетний мальчик, слышал только один раз в устах Коковцева, но оно, почему-то, навеки запечатлелось в моей памяти, а многое другое, гораздо более значительное, забыто. Чудеса!

Рубинштейн на своей даче ежедневно по вечерам играл на рояле. Дачные

---

sidered Emperor Constantine I for 25 days (from 19 November (1 December) to 13 (25) December 1825), commander-in-chief of the Polish armies (1815–1830). Overthrown by the Polish Uprising.

¹³⁷ Constantinople, Istanbul.

¹³⁸ Defeats of the Russian army in the war with Japan: Mukden 19 February–10 March 1905, Liaoyang 25 August–3 September 1904.

¹³⁹ F. Schiller, *Gedichte. Aus: Das Lied von der Glocke*, 1799.

¹⁴⁰ Vladimir Nikolayevich Kokovtsov (Kokovtsev) (1853–1943), minister of finance (1904–1905, 1906–1914), prime minister (1911–1914).

соседи собирались у забора и наслаждались его удивительной игрой. Несколько раз он приглашал слушателей к себе [-42-] на веранду. Однажды одна из барышень, очень бойкая, фамилии ее я не помню, обратилась к Антону Григорьевичу:

– Антон Григорьевич, сделайте нечто, чем мы будем хвастаться и гордиться целую жизнь, и чего не мог бы получить ни один царь....

– А что такое?

– Сыграйте вальс, а мы потанцуем!

Антон Григорьевич добродушно уселся за рояль и сыграл несколько вальсов, и мы потанцевали... под музыку самого Рубинштейна!

Приблизительно в 1874 году, мои родители сделали попытку жить вместе, и мы переехали на Николаевскую улицу. Кабинет и спальная отца имели непосредственный выход, и мы очень мало его видели. Это был очень тяжелый год в нашей семейной жизни. Начался роман с В. Л. Древинг. Мать очень страдала от этого, хворала и много плакала.

Дядя Штакельберг получил бригаду и оставил столицу. Чаще всего мы бывали в это время у генерала Эллиса¹⁴¹, командира Л[ейб] Гв[ардии] Егерского полка, казармы которого были расположены недалеко от нашей квартиры. Эллис, сын англичанки, бонны Императора Александра III, был также типом генерала Николаевских времен. Строгости он был необычайной, и офицеры боялись его пуще огня. Окончил он свои дни комендантом Петропавловской крепости. Эллис был женат на Софии Александровне, урожденной Киреевой. У Киреевых была многочисленная семья и родня, и у Эллисов собиралось много народа, и бывало очень весело. Но, типичная черта, среди гостей не было ни одного егеря! Одна из сестер Софии Александровны, Саратовская помещица Хардина, была одною из двух^{*} самых красивых женщин, которых [-43-] я видел на своем веку. Ее постигла трагическая участь: она сгорела при пожаре в ее усадьбе. Об удивительной красоте этой женщины упоминает в своих записках, помещенных в «Историческом Вестнике», некий саратовский помещик Шомпулев¹⁴². В доме Эллисов разыгрался мой первый роман. К ним приехала погостить, тоже саратовская помещица, очень красивая женщина, г-жа Толмачева. Ей было лет тридцать, а мне около десяти. Она, забавляясь, называла меня своим пажем, я переворачивал ноты,

¹⁴¹ Alexander Veniaminovich Ellis (1825–1907), infantry general, commander of the St. Petersburg fortress, member of the Military Council of the Russian Empire.

¹⁴² Viktor Antonovich Shompoulev (1830–1913) was the Saratov provincial leader of the nobility, chairman of the provincial zemstvo assembly, provincial zemstvo council, and also a honorary justice of peace, author of the book “Notes of an Old Landowner” and the autobiographical novel “Byl’” (Быль).

когда она пела, таскал за нею шаль и т.д. Когда она собралась уезжать, я и мой товарищ Хардин, сын красавицы, тоже в нее влюбленный, решили взять у нее что-нибудь на память, и мы не нашли ничего умнее, как вырезать клок меха из воротника ее собольей шубы. Ну и попало же нам за это и надолго отняло охоту к любви и сувенирам! Когда я в 1912 году поехал губернаторствовать в Саратов, М-ме Толмачева еще здравствовала. Мне не советовали ее увидеть, говорили, что старость необычайно жестоко отразилась на ее внешности, но она вспомнила своего ребенка-поклонника и писала мне письма с разными просьбами, которые я неизменно удовлетворял...

* Другая, самая красивая женщина была Орловская помещица Варвара Александровна Офросимова¹⁴³, рожденная Офросимова же. Разведясь с мужем, она вышла замуж за кн. Мещерского, и ее тоже постигла трагическая участь. В 1917 году большевики забрали ее в имении ее мужа в Подольской губернии и, голой, в мороз, поволокли в уездный город, где и расстреляли.

Во время проживания нашего на Николаевской улице, мой брат Николай готовился в Пажеский корпус в пансионе Бычкова.

[-44-] Этот педагог оказался совершенно особого свойства: выяснилось, что на ночь он брал своих питомцев к себе в постель. Его судили и сослали на каторгу. В это время в Александровском театре процветала оперетка. В одной из них актер Завадский спел куплет:

Из-за нескольких тычков
В непоказанное место
Угодил в Сибирь Бычков
Из-под строгого ареста
Не моя в том вина ... и т.д.

За эту импровизацию его самого посадили под арест.

Кажется другой актер, Монахов, позволил себе в то же время следующую выходку. Известному финансисту Губонину¹⁴⁴ было пожаловано дворянское достоинство, и вот в одной пьесе Монахов сказал: «Это у нас скоро делается: хлоп, хлоп по щекам, и вышел дворянин Хлопонин!»

¹⁴³ Varvara Alexandrovna Princess Meshcherskaya (Ofrosimova) (1858–1917).

¹⁴⁴ Pyotr Ionovich Gubonin (1825–1894), 1st guild merchant, industrialist and philanthropist. Until 1858 – a peasant, from 1872 – a nobleman.

После годового неудачного опыта совместной жизни мои родители опять разошлись, и моя мать с детьми переехала на отдельную квартиру. В это именно время между родителями моими шла размолвка из-за развода, и атмосфера в доме была очень тяжелая. Брат Дмитрий, бывший тогда на последнем курсе училища правоведения, решительно восстал против принятия матерью вины на себя и поссорился с отцом. Это еще более осложнило положение. Я помню, что к нам несколько раз приезжал градоначальник Ф. Ф. Трепов¹⁴⁵, который одинаково был дружен как с моим отцом, так и с матерью, и старался установить какое-нибудь соглашение, но из этого ничего не вышло.

В это время мой брат Николай поступил в Пажеский корпус, а [-45-] меня отдали в пансион Каушман близ Поцелуева моста¹⁴⁶ с тем, чтобы меня подготовили в училище Правоведения¹⁴⁷. Три года я зубрил латынь по Кюннеру¹⁴⁸: много есть имен на *“is, masculinum generis, canis, panis, piscis, finis, igris, grinis, pelris”* и т.д. Если мне не изменяет память, во втором упражнении этого замечательного учебника помещена фраза *“rane coexat”* – “лягушка квакает”. Полагаю, что можно прочесть всего Вергилия¹⁴⁹ и Горация¹⁵⁰, и надобности в этих словах не встретится. Неужели нельзя было начать с чего-нибудь более полезного?

Только фирма нашего пансиона была Каушман, на самом деле им владела некая Екатерина Васильевна Берг. Женщина эта была необыкновенной строгости, и я никого так, как ее, в жизни не боялся. Учение было поставлено в пансионе превосходно. Нас не только учили, но обучали. Утром шло преподавание, и у нас спрашивали уроки учителя, а вечером мы готовили уроки с учительницами. При такой системе не приготовить урока было совершенно немислимо: нам его вдалбливали в голову.

Я помню, что зимы были тогда необычайно суровы. Часто, идя утром в пансион, я находил замерзших голубей, галок и воробьев. Я положительно

¹⁴⁵ Fyodor Fyodorovich Trepov (1812–1889), adjutant general (1867), cavalry general (1878).

¹⁴⁶ The Potseluev Bridge is a metal arched bridge across the Moika River in the Admiralty District of St. Petersburg, connecting Kazansky and 2nd Admiralty Islands. The bridge's name has been known since 1790 and was given by the name of the Potseluy pub owned by the 3rd guild merchant Nikifor Vasilyevich Potseluev, which was located on the left bank of the Moika River, on the corner of Nikolskaya Street since 1739.

¹⁴⁷ The Imperial School of Law is one of the most prestigious higher educational institutions in pre-revolutionary Russia. The school was opened in December 1835.

¹⁴⁸ Raphael Kühner (1802–1878), German philologist and teacher, author of numerous works on the grammar of ancient languages.

¹⁴⁹ Publius Vergilius Maro (70 BC–19 BC), an ancient Roman poet of the Augustan period.

¹⁵⁰ Quintus Horatius Flaccus (65 BC–8 BC), the leading Roman lyric poet during the time of Augustus.

утверждаю, что за полстолетия климат в Северной столице совершенно изменился: зимы стали гораздо теплее, а лето холоднее.

Путь мой к пансиону шел между Большим театром¹⁵¹ и Мариинским¹⁵², следовательно, весьма близко от Литовского Замка¹⁵³. Утром я не один раз встречал высокие позорные колесницы, на которых восседали преступники, которых везли показывать народу на Конной площади; на груди у них висели дощечки с обозначением содеянного ими преступления [-46-]: убийство, детоубийство и т.п. Помню я надпись «кровосмесительница». Моей матери оказалось очень трудно объяснить мне этот род преступления, но зато не затруднились сделать это мои десятилетние сверстники по пансиону. Впоследствии эти демонстрации были отменены.

В числе интересных товарищей по пансиону был некий Леонтьев, впоследствии известный путешественник в Абиссинию, друг негуса Менелика и генерал-губернатор Экваториальной Африки¹⁵⁴. Он уже в пансионе проявлял большую предприимчивость, т.к. ухаживал, и не без успеха, за одной из наших гувернанток *M-lle B.* По крайней мере, мы не один раз подкарауливали их, когда Леонтьев целовал ей ручки, не встречая никакого сопротивления.

В пансионе я сошелся с двумя товарищами, Лелюхиным и Салтъковым. С последним, на сестре которого я впоследствии женился, нас связала полувековая дружба.

Мать Лелюхина была абонирована в Итальянской опере и часто приглашала меня в Большой театр. Мне не раз пришлось слышать знаменитых Патти¹⁵⁵, Нильсон¹⁵⁶ и Мазини¹⁵⁷. Мне кажется, что лучших певцов, кроме

¹⁵¹ The Bolshoi Theatre (Stone Theatre) was a theatre in St. Petersburg that existed from 1784 to 1886, and since 1886, the St. Petersburg Conservatory. It was located on Theatre Square.

¹⁵² Mariinsky Theatre – an opera and ballet theatre in St. Petersburg, named after Empress Maria Alexandrovna, opened in 1860.

¹⁵³ Litovskiy zamok (The Lithuanian Castle) – a former prison in Saint Petersburg, in the Kolomna district, at the intersection of the Moika River and the Kryukov Canal, opposite New Holland.

¹⁵⁴ Nikolay Stepanovich Leontyev (1862–1910), Ethiopian Count Abay, Russian military and political figure, explorer of Ethiopia, organizer of the Abyssinian army. He laid the foundation for diplomatic relations between Russia and Ethiopia.

¹⁵⁵ Adelina Patti (full name Adela Juana Maria Patti) (1843–1919), an Italian coloratura soprano. One of the most important and popular opera singers of her time. The crater Patti on Venus is named after her.

¹⁵⁶ Christina Nilsson, Countess de Casa Miranda (1843–1921), Swedish opera singer (coloratura soprano). In 1872–1885 she toured St. Petersburg and Moscow.

¹⁵⁷ Angelo Masini (1844–1926), an Italian opera singer (tenor). In St. Petersburg, Masini performed in 1877 at the Imperial Italian Opera and participated in it until its closure. After that, he visited St. Petersburg many times, taking part in Italian opera performances at the Panayevsky Theatre, the Maly Theatre, and the Aquarium.

Шляпина¹⁵⁸, мне с того времени слушать не пришлось. Впрочем, может быть, это уже свойство старости находить, что слышанное и виденное в молодости превосходит современное. По крайней мере, в то время старики и старухи говорили, что Мазини ничего не стоит перед прежними певцами, Марио¹⁵⁹ и Тамберликом¹⁶⁰. Лучше всего Патти была в партии Розины в «Севильском Цирюльнике», где один романс («Соловей мой, соловей») она, ко всеобщему восторгу пела по-русски. Мазини пел превосходно, но, как актер, был настоящий сапожник. Публикой он был избалован донельзя и мог позволять [-47-] себе все что угодно. Однажды, будучи простуженным, он пел свою партию в «Риголетто» в толстом шерстяном кашне и галошах. За эту выходку ему аплодировали только громче.

В начале третьего года моего пребывания в пансионе отец изменил свое намерение отдать меня в училище правоведения и решил определить меня в Пажеский корпус¹⁶¹. Я, конечно, очень этому обрадовался, т.к. это избавляло меня от несносного изучения латыни и «гречки». По существу же это была ошибка. К военной службе у меня впоследствии никакой охоты не оказалось, а училище правоведения могло бы развить во мне именно те способности, которыми Господь меня наделил и которые совершенно ненужны были на военной службе, и дать те познания, которых мне потом не хватало на гражданской.

Я впоследствии проявил отличные успехи по, так сказать, литературно-политическим предметам: по истории, литературе, географии, языкам, законоведению, военной истории я всегда имел высшие баллы. Сочинения я писал для всех товарищей и мог написать пять совершенно разных на одну и ту же тему; язык был у меня хорошо подвешен. В молодости я был боек, смел и не лишен остроумия и из меня, вероятно, вышел бы хороший прокурор или адвокат, но зато на математику я был безнадежно глуп. Геометрия, тригонометрия и аналитика мною положительно не усваивались, и если я кое-как выкарабкался из своего непонимания этих наук, положенных в основание военного образования,

---

¹⁵⁸ Fyodor Ivanovich Chaliapin (1873–1938) was a Russian opera and chamber singer (high bass) who was at various times a soloist at the Bolshoi and Mariinsky Theatres, as well as the Metropolitan Opera.

¹⁵⁹ Giovanni Matteo Mario, Mario di Candia (1810–1883), Italian opera singer, tenor.

¹⁶⁰ Enrico Tamberlik (1820–1889) was an Italian tenor who sang to great acclaim at Europe and America's leading opera venues.

¹⁶¹ Stremoukhov in the memorial book of the Corps of Pages: «Stremoukhov 1, Petr Petrovich, enrolled as a page on 25 March 1876, entered the corps on 12 October 1877, captain from 25 September 1884, second lieutenant of the Leibguards Jaeger Regiment, lieutenant from 30 August 1889, with seniority from 7 August of the same year.» - *Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей с портретами*, prep. and ed. О.Р. Фон-Фрейман, Фридрихсгамн 1894, p. 725.

то только благодаря хорошему черчению и бойкому языку, которыми я мог замаскировать свое незнание у не всегда внимательного экзаменатора.

[48-] Весной 1878 года я выдержал экзамен в третий класс Пажеского корпуса, где мой брат был уже в шестом.

Я не буду описывать здесь в хронологическом порядке все мое восьмилетнее пребывание в Пажеском корпусе, но постараюсь в общих чертах дать понятие об этом учебном заведении, ныне переставшем существовать.

В Пажеский корпус могли поступать лишь внуки и сыновья генерал-лейтенантов и тайных советников. Этот закон определял сословное положение корпуса. Это не было чисто аристократическое учреждение, а оно, скорее, являлось последствием бюрократических тенденций правительства. Ведь в России не так трудно было даже из кантонистов попасть в генералы, а из семинаристов в тайные советники. Однако, т.к. лицам, принадлежавшим к знати, карьера все же давалась легче, то в корпусе, разумеется, было много князей, графов, баронов и сыновей столбовых дворян, но немало было и простых смертных. Собственно, придворного, вопреки его названия, в корпусе было очень мало. В общих классах в очень редких случаях, может быть два раза в год, брали во дворец самых маленьких пажей, где их ставили парами у дверей. Пажи старшего специального класса, имеющие 9 баллов в среднем, производились в камер-пажи, которые назначались к Императрицам и Великим Княгиням, чтобы нести за ними шлейф во время Высочайших выходов во дворец и следовать за ними во время балов. Такая служба выпадала раз десять-двенадцать в году и, очевидно, никакой особой близости ко двору не создавала, и если таковая и была, то она, скорее, вытекала из личного семейного положения того или другого пажа. Фельдфебель Пажеского корпуса считался камер-пажом Государя.

[49-] Во время исключительных событий, как то свадеб или похорон в Императорской Фамилии и, в особенности, коронаций, представительная роль пажей, разумеется, увеличивалась. Вне этой незначительной, в общем, придворной службы, Пажеский корпус был просто привилегированным военно-учебным заведением. Привилегия эта заключалась, главным образом, в сравнительной легкости выхода в гвардию: для этого достаточно было иметь в среднем 9 баллов, причем пажи выходили в любую часть, не считаясь с вакансиями, тогда как из военных училищ прямо в гвардию выходили только фельдфебели, а остальные юнкера, приобретшие ценз по баллу, принимались только на имеющиеся вакансии, и то с предварительного согласия общества

офицеров, которого для пажей в мое время не требовалось. Преимущество это было довольно существенно, но допущено оно было не только в интересах пажей, но и частей гвардии, т.к. гарантировало им однородность офицерского состава. Попастъ в камер-пажи и иметь 9 баллов при выпуске было нетрудно. Правду сказать, как следствие известных требований, учились мы «чему-нибудь и как-нибудь», но многие из нас по собственной инициативе занимались сверх программы теми или другими предметами, и среди пажей можно было встретить впоследствии людей вполне образованных. Несомненно, широте умственного развития пажей сильно способствовала их домашняя обстановка. Многие из них были сыновьями людей значительных, почему дома вращались в сфере крупных общественных и государственных интересов. Было много людей состоятельных, и поэтому уже попутешествовавших по Европе, видевших много произведений искусства; все бывали в лучших театрах, многие превосходно владели английским, французским и немецким языками. Все это до [-50-] известной степени компенсировало то, что мог вынести студент из университета и что последний не мог получить при столь обычных условиях у нас его бедности.

Я не могу сказать, чтобы учебная часть в корпусе была поставлена хорошо. Среди преподавателей я не припоминаю ни одного талантливого человека, лекции которого доставили бы нам удовольствие и давали бы что-нибудь нашему уму и сердцу. Отбывался номер и больше ничего.

Программа преподавания была выработана какая-то странная. Гораздо больше посвящалось времени, так сказать, предисловию, чем самому предмету. Мы изучали славянский и даже древнерусский язык, посвящали много времени совершенно ненужному нам «юсу», но в русской литературе дальше Гоголя¹⁶² и Пушкина¹⁶³ не шли. О Тургеневе¹⁶⁴, Толстом¹⁶⁵ или Достоевском¹⁶⁶ с нами уже не

---

¹⁶² Nikolay Vasilyevich Gogol (1809–1852), Russian writer, poet, playwright and publicist of Ukrainian origin; a classic of Russian literature.

¹⁶³ Alexander Sergeyevich Pushkin (1799–1837), Russian writer, the main representative of Russian romanticism. Classic of Russian and world literature, reformer of the Russian literary language. Camer-junker of Emperor Nicholas I Romanov.

¹⁶⁴ Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–1883), Russian writer, one of the main representatives of Russian critical realism, master of psychological analysis. Author of works about village life, Russian society of 1840–1870 and generation conflict. Classic of Russian literature.

¹⁶⁵ Lev Nikolayevich Tolstoy (1828–1910), Russian intellectual: novelist, playwright, literary critic, thinker, teacher. One of the representatives of realism in European literature. Classic of Russian and world literature.

¹⁶⁶ Fyodor Mikhailovich Dostoyevskiy (1821–1881), Russian writer and thinker. One of the most influential novelists of Russian and world literature.

разговаривали. Мы потеряли немало времени на историю мидян¹⁶⁷, которая осталась и для нас «темна и непонятна», но остановились на изучении отечественной истории на Екатерине Великой¹⁶⁸. По военной истории мы знали боевые построения вавилонян¹⁶⁹ и ассирийцев¹⁷⁰, и македонскую фалангу¹⁷¹, но дальше Бородинской битвы¹⁷², в русской, и сражения при Верте¹⁷³, в иностранной военной истории, не пошли. О Севастопольской кампании¹⁷⁴ и войне 1877/[187]8¹⁷⁵ нам не говорили ни слова. По артиллерии мы могли объяснить устройство древней осадной катапульты, а обучались мы около старой пушки, давно вышедшей из употребления, тогда как в нашей артиллерии были уже усовершенствованные орудия. Начальство как будто сознательно сторонилось от всякой современности. Религия была поставлена тоже довольно странно: мы изучали Ветхий и Новый Заветы, катехизис, знали наизусть многие молитвы, разные кондаки¹⁷⁶, ирмосы¹⁷⁷ и [-51-] тропари¹⁷⁸, но живого слова веры никогда от нашего пастыря не слышали... Веру мы принесли из дома, и добро было тому, кто ее не потерял.

Никакого политического воспитания нам не давали. Казалось бы, что «Пажеский Его Императорского Величества корпус» был учебным заведением, которое должно было воспитывать особых патриотов и столпов самодержавия,

¹⁶⁷ Media, an ancient state in the Middle East, the Median Kingdom existed in 670 BC–550 BC.

¹⁶⁸ Catherine II, Russian: Yekaterina II Alexeyevna; born Sophie Friederike Auguste von Anhalt-Zerbst (1729–1796) – German princess of Anhalt, wife of the Grand Duke, later Emperor of Russia Pyotr III, after a coup d'état she ruled independently in the years 1762–1796

¹⁶⁹ Babylon, an ancient city located in Mesopotamia, on the Euphrates.

¹⁷⁰ Assyria – an ancient Semitic state in northern Mesopotamia, existing from the second half of the 3rd millennium BC to the first half of the 1st millennium BC.

¹⁷¹ Phalanx – a compact linear combat formation of the Greek, and later Macedonian and Hellenistic infantry.

¹⁷² The Battle of Borodino – a battle fought on 5–7 September 1812 at Borodino near Mozhaysk between the French army commanded by Napoleon Bonaparte and the Russian army commanded by Mikhail Kutuzov. As a result, Kutuzov withdrew his troops from the battlefield, thus opening the way for Napoleon to reach Moscow.

¹⁷³ The Battle of Wörth, also known as the Battle of Reichshoffen and the Battle of Fröschwiller, was a battle of the Franco-Prussian War that took place on 6 August 1870 between French forces under Marshal Patrice de MacMahon and Prussian forces under Crown Prince Friedrich. The battle ended in complete defeat for the French.

¹⁷⁴ The Siege of Sevastopol was a siege of the main Russian naval base on the Black Sea during the Crimean War by the forces of the British-French-Turkish coalition. It lasted 349 days, from 17 October 1854 to 11 September 1855, and ended with the capture of the city by the coalition forces. One of the most important battles of the Crimean War, which largely determined its outcome.

¹⁷⁵ Russo-Turkish War of 1877–1878.

¹⁷⁶ Kontakion is a genre of Byzantine church hymnography in the form of a poetic narrative sermon.

¹⁷⁷ Irmos, in Byzantine and Russian Orthodox services – the first stanza in each of the nine songs.

¹⁷⁸ Troparion, in the Orthodox Church – one of the short prayer hymns, which reveals the essence of the holiday.

быть хотя бы вроде Катковского лицея¹⁷⁹, но таких тенденций нам не прививали нисколько. Мы не слышали ни от нашего начальства, ни от преподавателей ничего того, что заставило бы нас любить Родину, ничего не слышали о пользе самодержавного строя, которому мы должны были служить. Преподавание истории западных народов останавливалось у нас на Французской революции, но все же скрыть ее от нас не могли, и она при самостоятельном чтении представлялась нам, как всякий запрещенный плод, скорее, в прекрасном, чем в отрицательном смысле. Я, конечно, не намерен здесь вдаваться в защиту принципов самодержавия, но всем известно, что этот способ управления имеет своих принципиальных приверженцев и что пользу самодержавия можно доказывать, хотя бы по мнению его противников, софизмами. Но начальство «Пажеского Его Императорского Величества корпуса» этого не делало. Оно было в высшей степени либерально, как была либеральна и вся монархическая Россия, в том смысле, что пропаганды в свою пользу она не делала, это казалось неловким. О, если бы делали пропаганду в пользу монархии хотя бы в сотой доли той, которую делают большевики в пользу коммунизма, монархия не перестала бы существовать! Достаточно, если я отмечу, что преподавателем русской литературы у нас был еврей Мандельштам¹⁸⁰, а истории – поляк Меньжинский¹⁸¹. [-52-] Это были весьма добросовестные и порядочные люди, но можно ли ожидать от них какого бы то ни было патриотического пафоса, и неужели директор и инспектор Пажеского корпуса, правда их фамилии были Завадский¹⁸², Страдецкий¹⁸³ и Дидерикс¹⁸⁴ не могли найти кого-нибудь другого. Может быть, такая

---

¹⁷⁹ The Moscow Imperial Lyceum in Memory of Tsarevich Nicholas (unofficially: Katkovsky Lyceum) in Moscow is a privileged closed higher educational institution for children from noble families, founded with the personal funds of the publicist Mikhail Nikiforovich Katkov, which existed from 1868 to 1917.

¹⁸⁰ Iosif Yemelyanovich Mandelstam (1846–1911), historian of Russian literature, linguist, was a private lecturer at St. Petersburg University, then a professor of Russian language and literature at Helsinki University.

¹⁸¹ Rudolf Ignatyevich Menzhinsky (1835–1919), Russian teacher, from 1861 he taught at the Mariinsky Institute, from 1864 to 1882 at the 1st St. Petersburg Military Gymnasium, as well as at the Page Corps, the Roman Catholic Theological Academy, from 1885 – professor.

¹⁸² Alexander Ignatyevich Zavadskiy (1938–1916), Roman Catholic, Pole, inspector of classes at the Nikolayev Cavalry School (1878), inspector of classes at the Page Corps (1879), director of the Nizhny Novgorod Count Arakcheyev Cadet Corps (1884–1892), director of the 1st Moscow Cadet Corps (1892–1904), general for assignments at the Main Directorate of Military Educational Institutions (1904–1905), retired artillery general.

¹⁸³ Semyon Ivanovich Stradetskiy (1840–1892), Russian military engineer and educator, 1884 – inspector of classes of the Page Corps. Major General (1888), 1890–1892 – director of the Poltava Pyotrovskiy Cadet Corps.

¹⁸⁴ According to various sources, this is Dieterikhs – Fyodor Karlovich Dieterikhs (ger. Friedrich

свобода политического воспитания и лучше, чем дрессировка в каком-нибудь определенном политическом направлении, я не собираюсь здесь заниматься разрешением этого вопроса, но лишь констатирую факт, что в нашем корпусе со стороны начальства никакого давления на нашу личность не было. Пажеский корпус не вырабатывал никакого типа, как другие привилегированные учебные заведения, училище Правоведения или лицей. Пажи выходили из корпуса, каждый сам по себе.

В 1902 году Пажеский корпус праздновал свой столетний юбилей¹⁸⁵. В числе бывших пажей на празднестве присутствовали три министра: путей сообщения – князь Хилков¹⁸⁶, иностранных дел – граф Ламздорф¹⁸⁷, народного просвещения – Зенгер¹⁸⁸. Любопытно, что среди них военного министра не оказалось. Пажеский корпус не помешал Хилкову поехать в Америку и сделать с самых низов железнодорожную карьеру, начиная с машиниста¹⁸⁹, графу Ламздорфу – выдержать дипломатический экзамен, а Зенгеру – сделаться одним из превосходнейших знатоков латинского языка: его комментарии к Горацию считаются вкладом в науку классицизма¹⁹⁰. На том же празднике у нас оказался и собственный архиерей – преосвященный Тверской Серафим (в мире артиллерийский полковник

Gustav Dieterichs) (1831–1899), artillery general, head of the preparatory boarding school of the Nikolaevsky Cavalry School, director of the St. Petersburg Military Gymnasium, on 15 February 1878 he was appointed director of the Page Corps, on 4 November 1894, Fyodor Karlovich was appointed to serve on assignment at the Main Directorate of Military Educational Institutions, in addition to the staff, with the retention of field foot artillery and with enrolment in the lists of the Page Corps.

¹⁸⁵ Д.М. Левшин, *Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет 1802-1902*, Санкт-Петербург 1902.

¹⁸⁶ Mikhail Ivanovich Khilkov (1834–1909), prince, in 1894 he was appointed Chief Inspector of Railways, on 4 January 1895 – Minister of Railways, retired in October 1905. From 1906 – member of the State Council.

¹⁸⁷ Count Vladimir Nikolayevich Lamsdorf (also Lamsdorf or Lambsdorf) (1845–1907) – Russian diplomat from the Baltic nobility, *active privy councillor* (1901), state secretary (1902), minister of foreign affairs of the Russian Empire in 1900–1906.

¹⁸⁸ Grigoriy Eduardovich Zenger (1853–1919), philologist, rector of the University of Warsaw (1897–1899), trustee of the Warsaw Educational District (1900–1901), deputy minister (1901–1902) and minister of public education (1902–1904), corresponding member of the Academy of Sciences, see more: see more: K. Latawiec, A. Górak, J. Legieć, S. Bogdanov, *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny*, Vol. 1, *Ministerstwo Oświecenia Publicznego*, Lublin 2015, pp. 81–87.

¹⁸⁹ In 1864, Khilkov, under the name of John Magill, went back to America and entered the service of the Anglo-American company building the Transatlantic Railway, first as a simple worker; four years later he became the head of the rolling stock and traction service. After leaving America, he served for about a year as a mechanic at a locomotive factory in Liverpool.

¹⁹⁰ Zenger's scientific and literary work was devoted primarily to criticism of the texts of ancient Roman poets (*Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация*, Варшава 1886); Zenger received his doctorate in Roman literature (*honoris causa*) in 1894 from Moscow University; he translated poems by Russian and European poets into Latin.

Чичагов¹⁹¹). Быв у нас и, разумеется, не присутствовавший на торжестве свой собственный анархист и притом самый знаменитый – князь Крапоткин¹⁹².

Такое уклонение влево было не исключением: из моих товарищей [-53-] «в народ» ушел Зарудный¹⁹³, а из товарищей года на три старше – М. Бульгин¹⁹⁴... Гамма от знаменитого покорителя Пресни в 1905 году¹⁹⁵, полковника Л[ейб] Гв[ардии] Семеновского полка Римана¹⁹⁶, моего товарища по классу, довольно обширная...

Повторяю, свобода личности в корпусе не была стеснена.

Начальство мало занималось нашим воспитанием, предоставляя это нам самим, правда, принимая во внимание тот запас воспитания, который пажи приносили из дома, из своей семьи, и оно, может быть, и было право. Мы сами следили друг за другом: правила товарищества, закрепленные традициями, были крепки и нерушимы. Все непорядочное, неблагородное, смешное подмечалось многоглазой наблюдательностью товарищей и каралось иногда с такою жестокостью, на которую способна только молодость. Мы сами воспитывали друг друга. В специальных классах это воспитание получало уже законный характер. Камер-пажи пользовались относительно пажей младшего специального класса дисциплинарною властью, и широко ею пользовались. «Подтяжка» шла самая суровая, но никогда не достигала тех диких форм издевательства, до которых она доходила в Николаевском кавалерийском училище. «Подтяжка» встречала осуждение в обществе, сильно тяготила тех, кто должен был ее переносить, но *summa summarum* не лишена была пользы. Она приучала всегда быть начеку, не зевать и всегда следить за собой.

---

¹⁹¹ Metropolitan Seraphim (Leonid Mikhailovich Chichagov) (1856–1937), graduated from the Page Corps in 1875, bishop of the Russian Orthodox Church; from February 1928 to October 1933 – Metropolitan of Leningrad, executed in 1937.

¹⁹² Pyotr Alexeyevich Kropotkin (1842–1921), anarchist activist, revolutionary, writer and essayist, as well as scientist: philosopher, political scientist, sociologist, geographer, biologist and historian, graduated with honours from the Corps of Pages (1862).

¹⁹³ Sergey Sergeevich Zarudnyy (1866–1898), son of senator, entered the Page Corps, which he left a year later.

¹⁹⁴ Mikhail Vasilyevich Bulygin (1863–1942), in 1886 he entered the Petrovskaya Agricultural Academy, and in the spring of 1887, he was expelled from it for participating in student unrest, a like-minded person and friend of L.N. Tolstoy, who lived for a long time near the writer's estate.

¹⁹⁵ Presnya, a district of Moscow named after a river that was dammed in a pipe in 1908, a place where workers in the district fought during the Revolution of 1905–1907.

¹⁹⁶ Nikolay Karlovich Riman (1864–1938), officer, active participant in the suppression of the 1905 revolution, major general (1912).

Чтобы покончить с общей характеристикой корпуса, отмечу, что он помещался в великолепном дворце гр. М. Воронцова на Садовой улице, подаренном когда-то Императором Павлом Мальтийским рыцарям, поэтому в нашем здании помещалась не только православная, но и католическая церковь. В подвале последней был похоронен [-54-] один из герцогов Лейхтенбергских. Согласно легенде, из этого подавала был подземный ход в Инженерный замок. Мы, пажи, неоднократно делали попытки этот ход найти, но успеха не имели.

Imperial Corps of Pages Building (former Vorontsov Palace), St. Petersburg, ca. 1858. Lithograph after a drawing by J. Charlemagne

Source: www.columbia.edu/cu/lweb/eresources/exhibitions/pages/1a001_lg.html

Судя по меню, пища нам отпускалась прекрасная, на самом же деле, она не всегда была приготовлена удовлетворительно и ее было слишком мало, почему мы пополняли казенное довольствие сладкими пирожками. Обмундировывали нас неважно и как-то нелепо. Никто не получал никогда одежды на него сшитой, а она непременно переделывалась из каких-то запасов, а между тем портной наш, Каплун, жил тут же в здании корпуса и свободно мог бы шить на каждого пажу в отдельности.

Поведения были пажи, по моему мнению, более чем удовлетворительного. Пьянства, как характерного явления, не существовало вовсе. Изредка в

специальных классах, бывало, что кто-нибудь и кутнет, но никогда безобразий никаких не происходило. Женский вопрос был поставлен тоже довольно тихо. «Жить» в этом отношении пажи начинали обычно с шестого класса, когда кто-либо из товарищей брал на себя «просветить» новичка. Все это делалось потихоньку, тогда как у наших сверстников по привилегированным заведениям были уже содержанки.

Из явлений более общего характера, имевших место в бытность мою в корпусе, отмечу следующие.

Однажды во время урока немецкого языка, в класс вбежал один из товарищей с криком: «Плевну¹⁹⁷ взяли» – «Бей немца!», – было ответом всего класса. Почему надо было бить немца, осталось невыясненным. К счастью, настроение изменилось: немца не только не побили, но начали качать, причем немного помяли бока.

[–55–] В 1878, [18]79 и осенью 1880 года Государь Император Александр II посетил корпус. Первые два раза, в нашем младшем возрасте, происходила гимнастика. Государь у многих пажей спрашивал их фамилии. Спросил он об этом и меня. После моего ответа, он спросил:

– Ты, Азиатского¹⁹⁸ сын? (см. стр. 7–9)

Я ответил, что нет, а бывшего Рязанского губернатора.

– А, знаю, отозвался Государь.

В следующем году произошло буквально то же самое, и товарищи начали меня изводить и называть «азиатским» и настаивали на том, что в следующий раз я должен ответить, что я не сын азиатского, а европейского.

Осенью 1880 года я лежал один в лазарете, больной ангиною. Вдруг вбежал дядька и сообщил, что в корпус приехал Государь. Я был очень огорчен, т.к. не надеялся увидеть Государя, полагая, что из-за одного больного пажа он не зайдет в лазарет, куда идти было довольно далеко. Совершенно неожиданно, послышались шаги в соседней комнате. Я привстал и увидел Государя, идущего ко мне со свитой.

---

¹⁹⁷ The Siege of Plevna (20 July–10 December 1877) was an important episode of the Russo-Turkish War of 1877–1878, a military operation by Russian-Romanian troops against the Turkish troops of Osman Pasha who had fortified themselves in the city of Plevna. The stubborn defence of the Turkish troops delayed the advance of the Russian army and allowed the Ottoman government to fortify Istanbul and Adrianople, but due to the inept actions of the Turkish high command, the Plevna garrison was forced to capitulate.

¹⁹⁸ Pyotr Nikolayevich Stremoukhov (1823–1885) – director of the Asian Department.

– Лежи, лежи! Сказал он.

Потом Государь подошел ко мне вплотную и сказал:

– Здравствуй Стремоухов (фамилию мою он, конечно, прочел на дощечке, помещенной над кроватью)

– Здравия желаю Вашему Величеству.

– И тебе желаю. Чем болен?

– Ангиною, Ваше Величество.

– А почему заболел?

[-56-] – Был в бане, не застегнул пальто и простудился.

Государь присел ко мне на кровать и заговорил с директором об эпидемических болезнях, тогда свирепствовавших в городе. Я имел время свободно его рассмотреть. По-моему, он был удивительно красив, и в нем было что-то такое, чего не было в других людях: всякий бы сказал, что это царь. В это время он был уже довольно стар, и лицо его носило печать большого утомления: ведь в это время на него был сделан ряд покушений.

Кончив беседу с директором, Государь встал и сказал:

– Ну поправляйся, пажи мне нужны здоровые, а то, видишь, как мне далеко пришлось изза тебя идти.

И действительно, сколько надо было иметь доброты, чтобы дать себе труд посетить одного больного мальчика, дабы не огорчить его.

В это время по воскресеньям в Михайловском манеже¹⁹⁹ происходили разводы, на которых неизменно присутствовал Государь. Пажам разрешалось посещать манеж и любоваться на развод. Я лично не был особенным любителем парадов и на разводы ходил редко. Так не пошел я и на развод 1 марта 1881 года. Я сидел дома на Ивановской улице и читал какую-то книгу. Вдруг послышался громкий взрыв, за которым последовал второй. Я сразу догадался, что это покушение на Государя, оделся и выбежал на улицу. На Невском были уже толпы народа, и все уже знали о случившемся несчастии. Вечером я снова пошел в город и добрался до площади Зимнего дворца. Стояла большая толпа народа и ожидала сведений о состоянии здоровья Государя. Уже известно было, что положение его безнадежно. Наконец, на балкон

¹⁹⁹ *Mikhailovsky manezh* – Neoclassical building of an early 19th-century riding academy, the name “Mikhailovsky” comes from Archangel Michael, a heavenly patron of the House of Romanov, “manège” is French for “riding academy”, since the area was originally used as a dressage area for horses of the imperial cavalry.

дворца вышел генерал-адъютант Суворов²⁰⁰ и объявил народу о смерти Царя-Освободителя²⁰¹.

[-57-] Стоявший рядом со мною, какой-то статский старичок перекрестился и сказал: «Ну, слава Богу!»

«Что ты сказал?», – набросился на него кто-то из соседей, и скоро его начали бить. Полиция едва вырвала его из рук толпы. Избитый старик слезно объяснял, что слова его выражали мысль, что он обрадовался тому, что кончились мучения обожаемого Освободителя, которому он обязан всем своим существованием, как бывший крепостной, а вовсе не радость о смерти Государя. Объяснения его, звучавшие правдивостью, и мое заступничество, мальчика, одетого в пажескую форму, привели к тому, что его с миром отпустили, но я уже тогда понял, что за страшный зверь толпа...

Нас, пажей, водили прощаться с Государем в собор Петропавловской крепости²⁰², где были выставлены его останки. Мы по очереди подходили и целовали его руку. Несмотря на мелкие поранения, лицо Государя было прекрасно набальзамировано, и оно олицетворяло величие и спокойствие. С утра до вечера несметные толпы приходили прощаться с Царем-Освободителем.

Дней через десять имели место похороны. Меня особенно поразили участвовавшие в церемониале рыцарь печали и рыцарь радости: *le roi est mort, vive le roi!* Один был весь закован в черные латы, а другой сиял в золотых, как какой-нибудь Лоэнгрин²⁰³.

Пажи, в том числе и я, шли рядом с траурной колесницей в мундирах, покрытых крепом, и с огромными, аршинными свечами в руках.

Александр II в той среде, к которой я принадлежал, горячо оплакивался. Он был очень любим. Это был последний патриархальный Царь. Он многих знал

---

²⁰⁰ Alexander Arkadyevich Suvorov (1804–1882), in 1848–1861 – Governor-General of the Baltic region and military governor of Riga, His Serene Highness Prince (since 1851), in 1861–1866 – military governor-general of St. Petersburg, later – inspector-general of the infantry. On 1 (13) March 1881, the day of the assassination of Alexander II by the Narodnaya Volya, he announced his death to the people gathered at the Winter Palace.

²⁰¹ Alexander II was awarded this epithet in Russian and Bulgarian historiography in connection with the abolition of serfdom and the victory in the Russo-Turkish War (1877–1878), in Poland he is known as the bloody punisher of the uprising of 1863–1864.

²⁰² Pyotr and Paul Fortress (Petropavlovskaya krepost') – a fortress located on Zayachy Island in St. Petersburg, the historical core of the city, a prison, in the Pyotr and Paul Cathedral was the burial vault of the Russian imperial house of Romanov.

²⁰³ Lohengrin – a character from Arthurian legend, from the 13th-century anonymous French poem The Knight of the Swan (French: Le Chevalier au cygne). Son of Parsifal (Percival), knight of the Holy Grail, sent in a boat pulled by swans to save a maiden who cannot ask Lohengrin about his identity.

лично и его многие знали. Сделавший много [-58-] для величия России, преемник его Александр III заперся в Гатчине, окружил себя немногими верными людьми, но его мало кто знал, и он немногих знал. Его нельзя было не уважать, но было мало поводов любить.

Революционное движение мало понималось тогда высшим обществом, его считали только проявлением злой воли небольшой кучки террористов.* Быть может, виновато было в этом и само правительство, тщательно скрывавшее от общества то, что оно само знало о революционном движении. Если бы тогда появилось что-нибудь вроде книги Глинского «Революционное движение в России»²⁰⁴, многое стало бы ясным и тем лицам, которые по своему общественному и служебному положению лучше должны были разбираться в окружающей обстановке, но в то время книга Глинского не преодолела бы цензурных препятствий.

* Скажу более, даже в 1916 году, уже после опыта 1905 года, наши руководящие сферы не понимали значительности того социального явления, накануне которого мы стояли, а между тем предостерегающие голоса уже раздавались. Едва ли кто-либо из государственных людей дал себе труд прочесть замечательную книгу Спиридовича о революционных партиях в России²⁰⁵. В ней уже была изложена вся программа Ленина и средства к ее достижению.

Пажеский корпус посещали также и военные министры. Помню, как я однажды, спускаясь по лестнице, наткнулся на поднимающегося по ней графа Милютина²⁰⁶. Он остановил меня вопросом:

- Какая книга у вас в руках?
- Шекспир, - ответил я.
- А что читаете?

²⁰⁴ Boris Borisovich Glinskiy (1860–1917), Russian writer, publicist, publisher, editor, public figure. Glinskiy did not write such a book. Perhaps Stremoukhov has another book of his in mind: *Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): исторические очерки*, Санкт-Петербург 1913, 2 volume The book (*Революционное движение в России*) was written by someone else - Alexander Ivanovich Spiridovich.

²⁰⁵ Alexander Ivanovich Spiridovich (1873–1952), major general of the Separate Corps of Gendarmes, employee of the Moscow and head of the Kyiv security department, head of the imperial palace guard. In 1914–1916 he wrote the book “The Revolutionary Movement of Russia”. The book was printed in the printing house of a separate corps of gendarmes and was intended for official use in the police, and not for open sale. Spiridovich presented one copy of each part to Nicholas II.

²⁰⁶ Dmitriy Alexeyevich Milyutin (1816–1912) - in 1861 he was appointed deputy minister of war, on 16 May 1861 - manager of the Ministry of War, and on 9 November 1861 - minister of war, on 27 March 1866 he was promoted to general of infantry, after the accession to the throne of Emperor Alexander III on 22 May 1881 he was dismissed from his post.

[-59-] – Гамлета.

– Ну объясните мне, как вы понимаете Гамлета.

В вопросах литературы я разбирался хорошо и ответил министру толково. На поднятую тему о нерешительности Датского принца мы побеседовали минут десять, а затем Милютин пошел дальше. Простоты в обращении он был необыкновенной. Милютин приезжал только во время уроков и никогда не во время фронтовых занятий.

Физические наши упражнения заключались в гимнастике, обучении фронту, верховой езде, фехтовании и танцах. Я не помню, чтобы пажи в этой области достигали особого совершенства. «Павлоны» и «Константоны» (юнкера Павловского и Константиновского военных училищ) по фронту, а юнкера Николаевского кавалерийского училища по езде стояли, несомненно, выше нас. И в этом, как и по наукам, мы учились «чему-нибудь и как-нибудь», но в результате по образованию, по развитию, по широте взглядов, проявляемых впоследствии на самых разнообразных поприщах, пажи часто стояли выше своих товарищей по военным училищам.

После первого полугодия моего поступления в корпус в третий класс я оказался первым учеником, но на этом рекорде не удержался. В конце года я был уже восьмым или десятым; в четвертом, пятом и шестом классах я болтался где-то намного ниже середины. Как я говорил выше, меня выручали языки, литература и черчение, по математике же, приобретающей с годами все большее значение, я проявлял положительную тупость. Этот неуспех оказался не без влияния на мою судьбу.

При переходе из шестого в седьмой класс со мной приключился следующий казус. У доски стояло нас двое, я и мой товарищ Обручев²⁰⁷. [-60-] Мы вытащили билеты. По заданным мне вопросам товарищи успели мне перебросить так называемую «шпаргалку», по которой я все и списал на доску. По написанному я, разумеется, сумел бы ответить удовлетворительно. Совершенно спокойный, я повернулся спиной к доске и ожидал очереди отвечать. Обручева спросили раньше меня. Окончив свой ответ, Обручев по рассеянности стер с доски и свою, и мою половину. Наступила моя очередь. Оборачиваюсь к доске и, к ужасу своему, вижу пустое место. Шпаргалка была мною уничтожена, я не мог ничего написать

---

²⁰⁷ Vladimir Nikolayevich Obruchev (1864–1906), graduated from the Page Corps in 1884, commander of the 61st Vladimir Infantry Regiment from 27 July 1904, killed on 9 December 1906 by militants of the Polish Socialist Party.

вновь и получил двойку. Переэкзаменовку мне не дали и оставили на второй год в шестом классе. Мне это казалось большим несчастьем. Я помню, что очень страдала моя мать в своем самолюбии, т.к. ни с кем из ее детей ничего такого не случилось. Однако, последствия показали, что Бог все делает к лучшему. В новом составе товарищей я встретился с Василием Гурко²⁰⁸, который сидел со мною на одной скамье, и дружеские отношения с которым сыграли немаловажную роль в моей жизни.

Оставление на второй год в классе имело большое на меня моральное влияние. Характера я был в то время довольно бойкого и задорного, но физически я был очень слаб. Такое отсутствие равновесия моральных и физических качеств ставило меня нередко в неприятное положение.

Припоминаю один такой случай. На парте позади меня сидел некий П. Рыжов²⁰⁹. * Мальчик этот был здоровенный и любивший «изводить». В [-61-] течение целого урока он толкал меня пребольно ногою в то место, «где спина теряет свое честное имя». Я сильно злился, но ничего не мог сделать. Наконец, я вышел из себя и обернувшись к Рыжову сказал:

* Впоследствии генерал-лейтенант генерального штаба и начальник кавалерийской дивизии. В 1933 году влачил бедственное состояние в Монте-Карло.

– Если ты меня еще раз толкнешь, то я ткну твою ногу циркулем!

– Не посмеешь!

– Даю тебе честное слово!

– И слова не сдержишь.

Не прошло и минуты, как он снова толкнул меня.

Я всею силою ударил его циркулем, который воткнулся ему в ногу. Я заметил, как он побледнел; тем не менее, не пикнув, он просидел до конца урока. Я сидел ни жив ни мертв. Когда урок кончился, Рыжов, оставляя за собой кровавый след, побрел в лазарет. Я подошел к нему и выразил сожаление, что сделал ему больно.

---

²⁰⁸ Vasilii Iosifovich Gurko (Romeyko-Gurko) (1864–1937), in 1892 he graduated from the Nikolayev Academy of the General Staff, after a number of staff positions, on 9 August 1896 he was appointed staff officer for special assignments to the commander of the Warsaw Military District, cavalry general (1916), author of several books, a monarchist, in the spring of 1917 he was the commander of the troops of the Western Front of the Russian army.

²⁰⁹ Pyotr Nikolayevich Ryzhov (1864–1936), graduated from the Corps of Pages (1884), major general (1908), died in Nice.

– Ничего, – ответил он, – ты был прав, будем друзьями; вот, если бы ты не исполнил честного слова, я бы тебя избил!

С того времени мы сделались приятелями.

Оставление в классе давало мне по традиции «майорский чин» и большой авторитет среди новых товарищей, который я сумел использовать и поставить себя хорошо. Независимо от того, «майорство» обеспечивало меня от «подтяжки» старшего класса, а потому и «зверский» период младшего специального класса я перенес довольно легко.* Отмечу здесь, что пажи младшего специального класса назывались [-62-] «зверями», а старшего «корнетами». Повторяю, пребывание в классе сделало для меня учение весьма легким, и я еще более обленился. Моя неспособность к математике осталась та же, но я научился скрывать ее своим бойким языком. Припоминаю такой анекдот в младшем специальном классе. На экзамене по топографии мне достался очень трудный билет. Начертил я на доске превосходно какую-то местность. Экзаменовал меня милейший полковник Даниловский²¹⁰, так называемый «Тотошка», преподававший топографию и в академии генерального штаба.

* Дикое явление «подтяжки» далеко не специальность русских военно-учебных заведений. Такое же явление имеет место даже в немецких университетах и в С[ен]-Сирской школе во Франции²¹¹. Я лично присутствовал в Версале на празднике производства младшего специального класса в старший, когда старший выпускной вахмистр, на белом коне и одетый Наполеоном, публично «обкладывал» коленопреклоненных младших самыми грубыми и оскорбительными словами. Для этого есть даже особое название: “*crimade*”.

Наступила моя очередь отвечать, и я начал описание изображенной мною местности и понес вообще какую-то ахиною, не имевшую никакого отношения к делу. «Тотошка» слушал меня, выпучив глаза.

– Ну, садись, сказал он, ставлю тебе за нахальство 8, для военного человека и в нахальстве есть цена!

В числе моих старых товарищей по пансиону наиболее тесную дружбу я завязал с моим однокашником А. Салтыковым, в семье которого я стал бывать очень часто. Отец его, мой будущий тесть, занимал тогда должность начальника

---

²¹⁰ Anatoliy Alexeyevich Danilovskiy (1845–1917), graduated from the Nikolaev Academy of the General Staff (1871), officer-educator of the Page Corps 1871–1876), colonel (1883), inspector of classes of the Page Corps (1894–1902), simultaneously a teacher.

²¹¹ The school was founded in 1802 by Napoleon Bonaparte in Fontainebleau to replace the royal military school, which was dissolved during the Revolution. The school received its name after being transferred in 1806 to the Parisian suburb of Saint-Cyr-l'École.

военно-походной канцелярии Государя и был одним из наиболее близких к Александру II людей. Я здесь не буду говорить ни о своем товарище, ни о его отце. С первым так тесно сплелась моя жизнь, что он все время будет появляться в течение моего рассказа, а о втором, как о личности заслуживающей особого внимания, я буду в свое время говорить отдельно. У Салтыкова были три сестры: Екатерина, лет на десять старше меня, Александра – на пять и София – моложе на столько же. Старшая вскоре, уже не очень молодой, вышла замуж за офицера л[ейб]-гв[ардии] Семеновского полка Д.Д. Левшина²¹² и при первых же родах [-63-] скончалась. Левшин впоследствии жил всегда в деревне в Тульской губернии и в последние годы состоял членом Государственного Совета по выбору от дворянства. С покойной Екатериной Александровной произошел такой случай. На заутрени в домово́й церкви графини Медем на ней загорелось тарлатановое платье и ее с сильными ожогами, полуживую, привезли домой. Мясо на плечевой части руки у нее значительно обгорело. По этому поводу я видел у нее официальную бумагу от министерства Двора: «по докладе Ее Величеству ... Государыня Императрица изволила разрешить фрейлине Ее Величества Екатерине Салтыковой на балах и выходах при Высочайшем Дворе и во всех случаях, где в Высочайшем присутствии полагается быть *decolleté* и *manches courtes* носить кисейные рукава».

Мать Салтыковых давно умерла и вскоре первенствующее место в доме заняла вторая дочь, Александра. Это была девушка светская, умная и очень приятная в обществе. У нее собиралось много подруг, столь же бойких, как она, по большей части воспитанниц великосветского пансиона М-ме Труба, и товарищей брата. Бывало очень весело, и дом Салтыковых занял не последнее место в моих воспоминаниях.

Из товарищей по корпусу я отмечу Джунковского²¹³, впоследствии Московского губернатора и командира корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел, сыгравшего значительную роль в деле Распутина. На меня, и тогда, и впоследствии, он производил впечатление не очень умного человека, но он обладал весьма располагающей внешностью, тактом и умел себя поставить. В старшем специальном классе он был назначен фельдфебелем, и

---

²¹² Dmitriy Dmitriyevich Levshin (1854–not earlier than 1916), Tula zemstvo activist, member of the State Council.

²¹³ Vladimir Fyodorovich Dzhunkovskiy (1865–1938), adjutant of Grand Duke Sergey Alexandrovich (1891–1905), Moscow vice-governor (1905–1908), Moscow governor (1908–1913), deputy minister of internal affairs and commander of the Independent Gendarme Corps (1913–1915).

эту должность [-64-], требовавшую большого такта и выдержки, он умел нести с достоинством.

В числе старых товарищей был и Сергей Зарудный, о котором я упоминал выше. Его отец был сенатором и одним из редакторов судебных уставов Императора Александра II. Характер у моего товарища был совершенно неукротимый. Занимали Зарудные квартиру в четвертом этаже в доме Аннenschуле на Кировской улице²¹⁴. Часть квартиры выходила на двор, образуя вогнутый угол. Окно комнаты Сергея примыкало к самому углу, а другое угловое окно принадлежало кухне. Любимым занятием Зарудного было перепрыгивать из своей комнаты в кухню. Такой прыжок на высоте четвертого этажа при малейшей ошибке мог привести к печальному концу. Я не помню той крупной шалости, которую совершил Зарудный, будучи в четвертом классе. По ее поводу между ним и директором корпуса, генералом Дидериксом, произошел следующий разговор:

– Что вы хотите, Зарудный, чтобы я вас выпорол или снял погоны?

Должен отметить, что порки вообще в то время не существовало и что снятие погон считалось наказанием крайне позорным не только в глазах начальства, но и товарищей, и подвергало наказанного как бы остракизму. На вопрос директора Зарудный ответил:

– На вопрос ваш, я отвечу тоже вопросом: а вы сумасшедший или дурак?

Его моментально исключили из корпуса. Мы слышали, что Зарудный пошел затем крайне влево и как-то исчез.

Из числа исчезнувших товарищей отмечу еще одного. Среди моих сверстников был некий паж Сатин. Мальчик это был большой, сильный, красивый и очень черный. Характер у него был злой и неприятный. [-65-] По совокупности всех этих признаков его звали «Чертом». За какую-то крупную шалость его из четвертого класса исключили. Тридцать лет спустя, когда я был Саратовским губернатором, полицеймейстер докладывал мне, что среди местных босяков и обитателей ночлежек по своему крайнему нравственному падению отличается некий Сатин, будто бы бывший паж. Я навел справки, и по всем данным это был, как будто, мой товарищ. Я хотел ему помочь чем-нибудь, дать ему место, но мне отсоветовали это сделать, так как многочисленные в этом отношении попытки ни к чему не приводили: со всякого места он уходил, а вещи неизменно пропивал.

---

²¹⁴ Annenschule – school at the Lutheran Church of St. Anne, Grammar School, Physics and Mathematics Lyceum.

Странно в этой истории и то, что фамилия Сатин фигурирует и у одного из босьяков в «На Дне» Горького²¹⁵. Случайное ли это совпадение или Горький видел где-нибудь моего Сатина?

В числе пажей всегда были какие-нибудь экзотики. Со мной в классе был Эмир-Мир-Мансур Бухарский²¹⁶ и Чингиз²¹⁷. Первый, очевидно, был бухарцем, а второй – киргизом. Оба они в пятом классе оставили корпус и по одной и той же причине: оба они, будучи в отпуске, женились, причем Чингиз так и не вернулся из своих Астраханских степей, а Мансур перешел в Николаевский кадетский корпус. Высшее начальство почему-то считало положение женатого человека более приличным для кадета, чем для пажа. По окончании училища Мансур поступил в Сумской полк в Москве, а затем вернулся в Бухару, где и наследовал трон своего отца. Осенью 1920 года я читал в иностранных газетах, что большевики овладели Бухарой и что эмир со своими приверженцами перешел Афганскую границу.

Впоследствии в числе экзотиков в Пажеском корпусе воспитывался Чакрабон²¹⁸, принц Сиамский.

[–66–] В числе моих новых товарищей я остановлюсь на графе Захаре Лорис-Меликове²¹⁹, светлейшем князе Льве Чернышеве²²⁰, Василии Гурко, Кармалине²²¹, графе Николае Граббе²²², Федоре Безаке²²³, Владимире Жеребко-

²¹⁵ «Na dne» is a play by Maxim Gorky, written in late 1901 – early 1902, depicting a group of residents of a shelter for the poor.

²¹⁶ Said Mir Mansur (1863–1918), a representative of the ruling Uzbek Manghit dynasty, was appointed bek of Karmana after returning to Bukhara and was killed by the Bolsheviks in March 1918.

²¹⁷ Gubaidulla Dzhangerovich Genghis Khan (1840–1909), Sultan Haji Gubaidulla Dzhanger Khan ogly, Kaz. Gubaidolla Shyngyskhan, son of the Khan of the Bukey Horde Zhangir, grandson of Bukey Khan, Chingizid Tore, participant in the Russian-Turkish War of 1877–1878, cavalry general (1894).

²¹⁸ Chakrabong Puwanath, Prince Phitsanulok (1883–1920), Thai field marshal, son of the King of Thailand Rama V Chulalongkorn, in the summer of 1898 he was sent to St. Petersburg to study in the Page Corps, graduated from the Page Corps on 10 (23) August 1902, cornet of the Leibguards Hussar Regiment of His Majesty, colonel on 9 (22) September 1908, after returning to Siam he was appointed Chief of the General Staff of the Thai army.

²¹⁹ Zakhar Mikhailovich Loris-Melikov (1866–1898), graduated from the Page Corps on 7 August 1885, officer.

²²⁰ Lev Lvovich Chernyshev (1864–1892), graduated from the Page Corps, in 1883 it was reported that he had a mental illness, on 7 August 1885 – he was promoted from a chamber page to a cavalry guard, on 10 December 1887 – he was assigned to the embassy in Paris, on 23 December 1887 – due to his health, he was enrolled as a cornet in the reserve of the guards cavalry.

²²¹ The only known son of N.N. Karmalin is Alexander Nikolayevich (1870–1928).

²²² Nikolay Nikolayevich Grabbe (1863–1913), adjutant of Grand Duke Mikhail Mikhailovich.

²²³ Fyodor Nikolayevich Bezak (1865–1940), Russian public figure and politician, member of the State Duma from the Kyiv province, member of the State Council for Elections, in exile in France, lived in Nice.

ве²²⁴, Владимире Нотбеке²²⁵, Александре Ефимовиче²²⁶ и Николае Розеншильд-Паулине²²⁷.

«Захарка», так звали Лорис-Меликова, сын диктатора, был малым порядочно беспутным, но очень хорошим. Я припоминаю два забавных анекдота с ним приключившиеся. Как я говорил выше, русскую литературу у нас читал еврей Мандельштам. Однажды он объяснял нам литературные формы и между прочими одну из них, техническое название которой я забыл, смысл ее заключается в том, что автор, желая произвести большее впечатление на читателей, прогрессивно увеличивает значение сравнения с тем предметом, смысл которого он желает увеличить. Как пример, он привел нам выдержку из Пушкинского «Голуб». Отец упрекает своего сына, объяснял Мандельштам, и говорит ему: «Ты трус». Сын перенес это невыносимое для горца оскорбление. Отец идет дальше и говорит: «Ты раб», оскорбление уже более тяжкое. Наконец, он наносит уже самое невыносимое для туземца Кавказа оскорбление, которое уже выдержать невозможно: «Ты армянин!».

В эту минуту с задних скамей, так называемой Камчатки, раздается голос Лорис-Меликова: «А ты паршивый жид!»

Скандал вышел невообразимый: начальство, однако, не наложило на обиженного армянина никакого взыскания, не знаю, потому ли, что оно признало самого преподавателя виновником выходки Лориса или учитывало положение его отца.

По случаю окончания младшего специального класса в ресторане [-67-] зоологического сада у нас был небольшой кутеж. После ужина мы разбрелись по саду. Подхожу я с некоторыми товарищами к медвежьей яме, и вдруг мы с ужасом видим Захарку, расхаживающим между медведями и бесцеремонно их похлопывающим.

---

²²⁴ Vladimir Alexeyevich Zhrebkov (born 1866), participant in the Russo-Japanese War, volunteer from the Don Cossack Army, centurion of the 2nd Verkhneudinsky Regiment of the Transbaikalian Cossack Army.

²²⁵ Vladimir Vladimirovich Notbek (1865–1920), lieutenant general (1915), joined the Red Army in 1918, served in the army of Admiral A.V. Kolchak, killed in 1920.

²²⁶ Alexander Fyodorovich Yefimovich (1866–1940), promoted to major general and assigned to serve with Grand Duke Pavel Alexandrovich (14 April 1913), retired (15 April 1917).

²²⁷ Nikolay Konstantinovich Rozenschild-Paulin (1864–1898), captain of the army cavalry, died in Warsaw from tuberculosis on 15 July 1898.

Лорис вышел в кавалергарды и скоро умер. Как я узнал впоследствии, на скачках он упал с лошади и раскроил себе череп. Эта катастрофа сильно отразилась на его психике. Года два спустя он застрелился.

Светлейший князь Чернышев, внук знаменитого Николаевского военного министра, был круглым сиротой и воспитывался одним, специально для сего приглашенным, высокопоставленным лицом. Занимал он небольшой особняк на углу Гороховой и Малой Морской (впоследствии улица Гоголя). До поступления в корпус Чернышев воспитывался в Париже и говорил по-французски лучше, чем по-русски. По природе своей он был, несомненно, даровит и любил серьезное чтение, но проявлял какие-то странности, был большим бирюком и никуда не ходил. Жизнь он с пятнадцати лет вел вполне самостоятельную, и его воспитатель почти никогда не показывался. Был у него прекрасный повар, буфетчик и камердинер, ходившие в ливреях. Двух-трех товарищей, которых он любил, а в особенности меня, он постоянно оставлял к обеду, за которым превосходное *Château la Rose*²²⁸ подавалось в изобилии. Последним Чернышев стал, несомненно, злоупотреблять, и никто его в этом не останавливал. Пил он не только в компании, но и «по-фельдфебельски», в одиночку. К этой дурной привычке присоединилась и другая, нередко отравляющая юношей. Производилось впечатление, что никто не только не заботился об этом последнем носителе блестящего [-68-] исторического имени и огромного состояния, но что кто-то сознательно допускает его спаиваться и опускаться во всех отношениях.

Чернышев вышел в кавалергарды, но его странности скоро заставили его оставить службу. Тогда им заинтересовалась мать моего товарища, Мария Андреевна Gurko²²⁹, жена Варшавского генерал-губернатора. Она взяла его к себе в деревню и попыталась укрепить еще сохранившиеся в нем моральные силы. По моей рекомендации к нему поступил домашним врачом мой большой друг, д-р Кинаст²³⁰, но ничего нельзя было уже сделать. По совету врачей ему как-то привели женщину, но вскоре она выскочила от него вся исцарапанная и избитая, а его нашли в состоянии полного исступления.

²²⁸ *Château la Rose* – a classic red wine from the Saint-Émilion appellation in Bordeaux.

²²⁹ Maria Andreyevna Gurko (1842–1906), daughter of Count Andre Henry Salias de Tournemir and Yelizaveta Vasilyevna Sukhovo-Kobylyina, a famous writer (Yevgeniya Tour). In 1862 she married I.V. Gurko. Mother of Vladimir and Vasily Gurko.

²³⁰ Rudolf Rudolfovich Kinast (ger. Rudolf Friedrich Wilhelm von Kienast) (1863–1942), son of Rudolf Vasilyevich Kinast (Ger. Kienast) (1823–1888), who served in the Ministry of War and Emilia, née von Dehler (1841–1892), military doctor, he served m.in the 23rd Artillery Brigade and the 148th Caspian Infantry Regiment.

Молился за него и о. Иоанн Кронштадтский²³¹, приглашенный к нему на квартиру, но и молитва не помогла, и этот несчастный юноша, которому судьба принесла от рождения все: знатность, богатство, приличную внешность и несомненную даровитость погиб самой жалкой смертью, как результат невнимательного, а может быть и преступного, отношения к нему окружающей среды. Его огромное состояние досталось его троюродному брату, известному кутиле, князю Лобанову-Ростовскому.

Упомяну Николая Кармалина и не столько его самого (он скончался уже в седьмом классе) сколько его семью. Отец его²³² был ранее наказным атаманом Кубанского войска, а в описываемое время состоял членом Военного совета. Кармалины много принимали и, только что приехавшие с Кавказа, придавали своему гостеприимству особо широкие и задушевные формы. М-ме Кармалина²³³ была очень умная и начитанная женщина. Через нее я получал, ходившие тогда еще в рукописи, [-69-] графа Л. Толстого «Мое Евангелие» и другие.

Василий Гурко, поступивший в корпус, закончил уже классическую гимназию, уже тогда выделялся сильным характером, и не приходится удивляться той блестящей карьере, которую он сделал, на которую, впрочем, не без влияния оказалась и его громкая военная фамилия. С Гурко мы очень сошлись и мне часто придется упоминать о нем в течении моего рассказа.

Федор Безак впоследствии оказался одним из членов Государственной Думы.

Владимир Жеребков, очень красивый мальчик, вышел в лейб-казаки. На романтической почве он поссорился со своим товарищем Иловайским и убил его, был сослан на каторгу, которую и отбыл. Во время Японской войны вновь поступил на службу и получил офицерский чин. Весной 1919 года я встретил его на Кавказе счастливым отцом и мужем.

---

²³¹ Ioann of Kronstadt (real name – Ivan Ilyich Sergeev) (1829–1909), priest of the Russian Orthodox Church, mitred archpriest, rector of St. Andrew’s Cathedral in Kronstadt, member of the Holy Governing Synod since 1906 (avoided participation in meetings); “the inspirer of the creation and honorary member” of the Union of the Russian People (*Chernaya sotnya*), preacher, spiritual writer, church and public figure of right-wing conservative and monarchist views.

²³² Nikolay Nikolayevich Karmalin (1824–1900) was the Erivan military governor, then the head of the Kuban region and the acting ataman of the Kuban Cossack army (1873–1882); later – a general of infantry (infantry) and a member of the Military Council.

²³³ Lyubov Ivanovna Karmalina (born Belenitsyna) (1834–1903), was a famous amateur singer of her time, the author of interesting memoirs about M. I. Glinka, published in “Russkaya Starina”, and other articles. In the late 1850s, was applauded by such cities as Vienna, Paris, Warsaw, Rome, and other European cities that she toured.

Александр Ефимович, на редкость красивый и очень милый человек, постоянно шел первым учеником и был назначен фельдфебелем нашего выпуска. Фельдфебель Пажеского корпуса был в то время немаловажной особой и его знал весь высший свет и сам Государь, камер-пажом которого он состоял. В фельдфебеля попадали обыкновенно молодые люди, выдающиеся во всех отношениях. От фельдфебеля требовалась представительная внешность, отличное знание службы, успехи в науках, безукоризненное поведение, такт и авторитет не только у товарищей, но и у начальства. Требования большие для девятнадцатилетнего юноши.

Прослужив десять лет в Конной Гвардии, Ефимович перешел в [-70-] адъютанты к Вел[ико]му Кн[язю] Павлу Александровичу и по большей части жил в Париже. С ним мы еще встретимся в течении моего рассказа.*

* Из бывших фельдфебелей я отмечу Родзянко²³⁴, будущего председателя Государственной Думы. Несмотря на всю мою антипатию к этой личности, нельзя не признать, что престиж свой он соблюдал умел.

В 1913 году фельдфебелем корпуса состоял князь Багратион²³⁵. Это была личность совершенно исключительная. Когда в 1915 году масса пехотного офицерства была выбита из строя, то он оставил блестящий Кавалергардский полк, в котором служил и принял роту в армейском пехотном полку. В одном из первых же боев он был убит, а казалось вся жизнь улыбалась этому прекрасному молодому человеку. Женат он был на дочери Вел. Кн. Константина Константиновича.

Кроме фельдфебеля из числа пажей старшего специального класса назначалось еще несколько должностных лиц: четыре старших камер-пажа, из них два по пехотному и два по кавалерийскому отделению. Они несли обязанности взводных унтер-офицеров. В мое время это были: Гурко, гр. Граббе, Нотбек и Рооп²³⁶. Кроме названных должностных лиц было еще шестое, замещающее по

---

²³⁴ Mikhail Vladimirovich Rodzianko (1859–1924), politician, deputy to the Third and Fourth Duma, chairman of the Duma in 1911–1917, activist of the Octobrist party. Right-wing liberal, supporter of constitutional monarchy in the Russian Empire.

²³⁵ Konstantin Alexandrovich Bagration-Mukhranskiy (1889–1915), descendant of the Georgian kings, was enrolled as a candidate page of the Imperial Court on 26 February (11 March) 1901, from August 1909 – cornet of the Cavalry Guards Regiment of Her Majesty Empress Maria Fyodorovna, on 1 (14) May 1911 he married Tatiana, daughter of Grand Duke Konstantin Konstantinovich, died in the war.

²³⁶ Vladimir Khristoforovich Roop (1865–1929), graduated from the Page Corps (1885), major general (22 April 1907), chief of the 6th Cavalry Division (15 November 1913–8 February 1917), commander of the 2nd Cavalry Corps (8 February–2 April 1917), in April 1917 sent to the United States at the head of a special military mission, representative at the Headquarters of the United States of America until 6 September 1918, participated in the White movement in Siberia (chief of supplies for the Siberian Army in Vladivostok), emigrated to France.

выборам и утверждаемое начальством. Он не носил третьей нашивки, но пользовался правами старших камер-пажей, т.е. третьим отпуском на неделю. Это был паж-библиотекарь. На эту должность был избран я. К Императрицам назначались по два камер-пажа, а остальные назначались по одному к Великим Княгиням и Княжнам. Таких должностных камер-пажей в мое время было шестнадцать, остальные камер-пажи, т.е. человек 10–12 определенных обязанностей не имели.

[-71-] Из товарищей, вышедших со мною впоследствии в Егерский полк, от мечу двоих: Владимира Нотбека²³⁷ и Николая Коптева²³⁸. Первый из них во время войны 1914/[191]7 года дослужился до корпусного командира. В 1920 году он служил в красной армии, но затем со всем своим корпусом перешел к белым. Затем он почему-то застрелился.

О Граббе мне придется распространяться более подробно, т.к. в доме его родителей мне пришлось провести много дней и общение с ними не осталось без влияния на мою личность.

Семья эта была в полном смысле слова аристократическая. Дед моего товарища, граф Павел Христофорович Граббе, был известным атаманом Войска Донского, два родных дяди его были убиты на войне: Михаил – под Карсом, а младший, Александр, – польскими мятежниками в 1863 году. Отец, граф Николай Павлович, служил в Конной Гвардии, а затем командовал во время покорения Кавказа славным Нижегородским полком и участвовал в пленении Шамиля. Граф был милейшим человеком, много рассказывал интересного, но иногда несколько увлекался. За Кавказскую войну он был отличен бриллиантовой пашкой с надписью «За трехкратный переход Кавказского хребта». Друзья его, а в особенности известный генерал Черевин²³⁹ (самое близкое к Императору Александру III лицо), постоянно изводил его, говоря: «Как же у тебя пашка за трехкратный переход хребта, ну, – раз: ты пошел туда, два – вернулся, три – опять перешел хребет, как же ты здесь?» Графа эта шутка очень раздражала. Мне впоследствии (1933 г.) рассказывали причину выхода графа в отставку из командиров Конного полка. При Императоре Александре II происходили

---

²³⁷ Vladimir Vladimirovich Notbek (1865–1921), graduated from the Page Corps (1885), Lieutenant General (23 March 1915).

²³⁸ Nikolay Nilovich Koptev (1865–1907), from the nobility of the Pskov province, son of a lieutenant general, enrolled as a page on 19 December 1874, graduated from the Page Corps on 7 August 1885, zemstvo chief of the Novgorod province, Perm vice-governor (13 January 1906–11 June 1907).

²³⁹ Pyotr Alexandrovich Cherevin (1837–1896), adjutant general (1 January 1882), lieutenant general (30 August 1886), deputy minister of internal affairs and chief of the gendarmes, the last head of the Third Section, close associate of Emperor Alexander III.

похороны какой-то Высочайшей Особы. По уставу войска на похоронах берут ружья «на караул» только для воздаяния почести праху почившего. На похороны прибыл Государь. Граббе, [-72-] по ошибке, скомандовал ему «на караул», Государь разгневался и сказал: «Рано ты меня хоронить собрался!» и уволил Граббе с должности командира Конной Гвардии и свитского генерала.

Во время нашего знакомства граф занимал должность председателя правления Закавказской железной дороги. Конечно, его держали на этом хорошо оплачиваемом частном месте не за познания в железнодорожном деле, а за огромные связи, которыми он обладал. К тому же названная дорога немало была ему обязана своею постройкой. В Комитете министров постройка эта вызвала большие возражения, в особенности со стороны министра финансов Бунге²⁴⁰. Благоволивший к графу, Великий Князь Михаил Николаевич²⁴¹, бывший в ту пору председателем Государственного совета, устроил так, что граф был приглашен на заседание Комитета министров по вопросу о постройке Закавказской ж.д. в качестве сведущего лица. Бунге резко выступил против этого проекта, указывая на то, что эта ж.д. будет бездоходна, т.к. возить по ней решительно нечего. Засим слово было дано Граббе, который сказал приблизительно следующее:

– На слова г. министра финансов я могу ответить только следующее: если бы ученик четвертого класса гимназии на заданный вопрос ответил, что в Баку нет неистощимых запасов нефти, в Елизаветпольской губернии – колоссальных залежей марганца, в окрестностях Кутаиси – каменного угля, а в устьях Куры²⁴² – сказочной массы рыбы, то учитель поставил бы ему единицу. Я больше ничего сказать не имею!

Дело Закавказской ж.д. было выиграно.

Этот анекдот рассказывал мне сам Николай Павлович, и соответствие его действительности я оставляю на ответственность графа.

[-73-] Жена графа Граббе была рожденной графиней Орловой-Денисовой²⁴³. В свое время Николай Павлович, отличавшийся широкою натурой, прожил большое приданое, полученное за женой, и теперь вся семья, в сущности, жила на

---

²⁴⁰ Nikolay Karl Paul von Bunge (1823–1895), minister of finance (6 May 1881–1 January 1887), chairman of the Committee of Ministers (1 January 1887–3 June 1895).

²⁴¹ Grand Duke Mikhail Nikolayevich (1832–1909) – the fourth and last son of Emperor Nicholas I and his wife Alexandra Fyodorovna; military leader and statesman; viceroy of the Caucasus, Field Marshal (1878).

²⁴² Kura (Mtkvari) – a river flowing from the Armenian Highland through Georgia to the Kura Lowland (present-day Azerbaijan), flows into the Caspian Sea.

²⁴³ Alexandra Fyodorovna Grabbe (Countess Orlova-Denisova) (1837–1892).

средства его тещи, графини Орловой²⁴⁴, очень властной старухи. Храбрейший из храбрых, Николай Павлович до смешного боялся этой маленькой, щедедушной на вид, но своенравной старухи.

У графини Орловой в ее особнячке на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы, против дома Мурузи, собиралось все, что было самого знатного в столице, и там я видел весь наш большой свет. Граббе были очень близки ко Двору, и великие князья, в особенности Михайловичи и Константиновичи, совершенно запросто бывали у них. Несмотря на такие грандеры, граф и графиня были людьми необыкновенно простыми, гостеприимными и добрыми, и сердечно относившимися к товарищам сыновей, беседуя с ними и уделяя им много времени. Я повторяю, что это были аристократы в лучшем значении этого слова, потому что не делали никакой разницы в обращении с молодым Великим Князем и со мною, пажом, затем незначительным офицером, и тех и меня звали попросту «Михаилом Михайловичем» и «Петром Петровичем». В течение пяти-шести лет я не менее раза в неделю бывал у Граббе и подолгу гостил у них на даче «Пудость», близ Гатчины, и общение с этой семьей не в малой степени отразилось на моем складе. Здесь я получил то светское воспитание, которое так много принесло мне впоследствии.

Семья Граббе состояла из четырех детей: моего товарища Николая, женатого впоследствии на княжне Марии Николаевне Оболенской²⁴⁵, умершего лет сорока от роду, Александра²⁴⁶, женившегося на М.Н. Безак²⁴⁷, впоследствии командира конвоя Его Величества, Михаила²⁴⁸, женатого на [-74-] С.И. Всеволожской²⁴⁹, дочери директора Императорских театров, и бывшего последним наказным атаманом Войска Донского,* и дочери Марии, вышедшей замуж за герцога Н.Н. Лейхтенбергского²⁵⁰. У троих сыновей было много товарищей среди которых Николай Павлович меня особенно выделял.

²⁴⁴ Yelizaveta Alexeyevna, Countess Orlova-Denisova (Countess Nikitina) (1817–1898).

²⁴⁵ Maria Nikolayevna Obolenskaya (1868–1943), married 10 (22) January 1893.

²⁴⁶ Alexander Nikolayevich Grabbe (1864–1947), graduated from the Page Corps in 1887, from 25 June 1897 to 3 January 1910 – adjutant to Grand Duke Mikhail Nikolayevich, on 2 January 1914 he was appointed commander of the Personal Escort of His Majesty Nicholas II

²⁴⁷ Maria Nikolayevna Bezak (1869–1951).

²⁴⁸ Mikhail Nikolayevich Grabbe (1868–1942), lieutenant general, participant in World War I, the last acting ataman of the Don Army, ataman of the Great Don Army Abroad (1934–1942).

²⁴⁹ Sofia Ivanovna Countess Grabbe (Vsevolozhskaya) (1869–1952), maid of honor, daughter of Ivan Alexandrovich Vsevolozhsky, Ober-Hofmeister of the Court, Director of the Hermitage, and the Most Serene Princess Yekaterina Dmitriyevna Volkonskaya, married Count Mikhail Nikolayevich Grabbe.

²⁵⁰ Nikolay Nikolayevich of Leuchtenberg (1868–1928), Highness Duke, major general, married to Countess Maria Nikolayevna Grabbe (1869–1948) from 24 April 1894.

* Ныне, за границей, избран атаманом *Войска Донского* (1935 г.)

У Граббе часто бывал известный поэт А.Н. Апухтин²⁵¹. Едва ли не у них в доме впервые был прочитан А.Н. прелестный его роман «Архив графини Д». Чтец он был прекрасный: его из без того звучные стихотворения в его передаче звучали особенно красиво. Но, Боже, какое противоречие между внутренним содержанием и внешностью: безобразнее Апухтина трудно было себе представить. Он был уродливо толст и лицо его напоминало раздавленную лягушку.

Рядом с аристократическим знакомством, подчерпнутым из сфер Пажеского корпуса, у меня была еще другая сфера отношений и приязней.

Я говорил выше, что мои дяди владели имениями близ устья реки Луги. Лето мы обычно проводили у них (имение покойного дяди Василия перешло к его брату Николаю) или нанимали какую-нибудь усадьбу недалеко от них, а иногда поселялись на морском купании в курорте Силламяги за Нарвой. Одно лето мы нанимали усадьбу близ Сойкино²⁵² (мыс в Балтийском море восточнее устья Луги) и там познакомился с владельцем названного имения бароном А.Ф. Шредерс. Последний, тогда человек лет тридцати пяти, очень полюбил меня, шестнадцатилетнего мальчика и стал брать меня с собою на охоту, к которой я пристрастился, и она сделалась доминирующей страстью моей жизни.

[–75–] Во время одного из моих пребываниях у Шредерса я был свидетелем редкого атмосферического явления. Поздно вечером, когда уже совершенно стемнело, мы возвращались с охоты. Вдруг на восточной части неба появилась какая-то блестящая точка, которая все увеличивалась и, оставляя за собой блестящий свет, быстро поднималась к зениту и затем, пролетев вторую часть дуги, на западном горизонте треснула и рассыпалась в мелкие искры. Огненный след, оставленный на небосклоне, продолжал еще светиться несколько минут. Очевидно, это был болид, но столь блестящего мне никогда более видеть не пришлось. Я не намерен писать здесь охотничьих воспоминаний, но в течение всего моего рассказа опишу несколько замечательных охот, на которых мне впоследствии пришлось присутствовать. Читатель, которого охота не интересует,

²⁵¹ Alexey Nikolayevich Apukhtin (1840–1893) was a Russian poet, writer and crier, among other things the author of the story "The Archive of Countess D." (1890).

²⁵² Soykino is a manor house owned by the Gulf of Finland and wells, 1887, the Soykino manor house with an area of 1808 dessiatines belonged to Baron A. F. Schneiders, it was acquired before 1868. The manor house together with the garden, residential building, shop and fisheries was rented out.

да соблаговолит пропустить страницы, занятые ее описанием, и продолжать читать последующие. Говорить об охоте я считаю себя вправе, потому что она во многих отношениях и формах, с совершившимся социальным переворотом, отошла в область преданий.

Охота в Ямбургском уезде в то время была не особенно важной, много было только бекасов, поэтому, как это ни странно, лучше всего я стрелял по этой, самой трудной по своему полету, птице. Стрелял я хорошо и необычайно быстро, «на вскидку», но стоило мне тщательно прицелиться, чтобы непременно промахнуться. Из-под собаки я стрелял превосходно, на облавах – хуже, на перелетах – плохо, пулей – прямо-таки скверно. От пятнадцати до девятнадцатилетнего возраста я много побродил по лесам и болотам с ружьем и собакой и горячо полюбил нашу, не блестящую красками, северную [-76-] природу.

Частью моими спутниками были проживающие в Силламягах студент-медик Р.Р. Кинаст (впоследствии состоявший при Чернышеве) и некий Вейденштраух²⁵³ – воспитанник коммерческого училища, полуангличанин по матери, рожденной Говард, из семьи владевшей в Угличе первой в России писчебумажной фабрикой. Эти молодые люди, впоследствии перероднившиеся, с их родителями представляли совершенно другой мир в столице, и меня забавляло иногда уходить из аристократической среды в совершенно другую обстановку, тут же в столице сложившуюся. У Вейденштраухов в доме все было поставлено на английский лад. Это было какое-то сытое, широкое довольство, совершенно не стесняемое условностью и роскошью большого света, иногда поглощавшими все средства на внешний блеск и не оставлявшими ничего для удовлетворения своих желаний. Я никогда не ел таких удивительных ростбифов, фаршированных индеек, плумпудингов и необыкновенных пикулей со сногшибательным соусом, как у Вейденштраухов, причем все это не было результатом творчества дорогого повара, которого впрочем никто никогда не видел, как у графини Орловой, а забот хозяйки.

Ростбиф и индейки ставились на стол и удивительно разделялись самим хозяином; все это поливалось портером, выписанным из Англии, и превосходным красным портвейном, который милейшая хозяйка дома уверила меня и себя, что я особенно люблю. Сфера интересов была тут совершенно иная

---

²⁵³ Fyodor Yakovlevich Weidenstrauch (Friedrich Weidenstrauch (1865–after 1919), officer, in the Russian volunteer self-defense detachment, in the North-Western Army (1919), after its liquidation remained in Estonia, family: wife Emilia Rudolfovna née von Kienast, son Dmitriy, daughter Nina.

и вращалась около столь любимой мною охоты; чины, ордена, назначения и Двор здесь решительно никого не интересовали. Впоследствии в этом доме появился и интерес к живописи. Дочь Вейденштраухов вышла замуж за известного [-77-] впоследствии художника и академика Бергтольца²⁵⁴ – кто из петербуржцев не любовался его чудными пейзажами северной природы: березки, болото, яркая травка.... тихая святая Русь.... Так мало содержания и так много настроения! У Вейденштраухов часто бывали вечера и танцы, но носившие совершенно другой характер, чем, например, в роскошных залах и зимнем саду графа Левашева, куда я был введен Граббе, но я скажу, что жизнерадостности и искреннего веселия здесь было гораздо больше. Кстати, не могу не отметить, что блестящие балы у Левашевых (Фонтанка, 18) делались для их глухонемой дочери. Какое она могла испытывать от этого удовольствие, не понимаю. Припоминаю, замеченную мной в доме Вейденштраухов забавную черточку английского патриотизма. Брат М-ме Вейденштраух, А.А. Говард²⁵⁵ управлял огромной бумагопрядильной фабрикой на Лиговке. Сам англичанин, он был женат на англичанке. У них было несколько детей. М-ме Говард каждый раз, когда она была беременна, перед родами уезжала на родину в Англию, в Брейтон, чтобы иметь удовольствие сознавать, что ее дети родились в Англии.

В октябре 1884 года я был произведен в камер-пажи. Нас повезли в Гатчину представлять Императрице Марии Феодоровне. Тут произошел презабавный случай. Один из наших товарищей, Розеншильд-Паулин, человек несомненно немецкого происхождения, захотел сделать карьеру. Когда его фамилию назвали Императрице, она спросила:

– *Vous êtes allemand ?*

– *Plutôt danois*, ответил Розеншильд.

– А... сказала бывшая принцесса датская Дагмара²⁵⁶ и никак не реагировала [-78-] на знакомство со своим, якобы, соотечественником.

²⁵⁴ Richard Alexandrovich Bergholz (1865–1920), watercolor artist, painter, graphic artist, full member of the Imperial Academy of Arts, master of the Russian landscape school of the turn of the 19th–20th centuries, wife Maria.

²⁵⁵ Andrey Andreyevich Howard, “Henry”, British subject, manager of the Novo-Bumagopryadilni partnership, on 24 June, 1881, it was given the name Andreyevsky Bridge, wife Yelizaveta Iosifovna, in 1905–1906 he transferred management to William Andreyevich Howard, the company also employed Alexander Andreevich Howard, mechanical engineer, and Arthur Andreyevich Howard, mechanical engineer. <http://www.citywalls.ru/house2334.html>

²⁵⁶ Maria Fyodorovna (born Maria Sophie Frederica Dagmar, Danish: Marie Sophie Frederikke Dagmar) (1847–1928), daughter of Christian, Prince of Glücksburg, later Christian IX, King of Denmark, Russian Empress, wife of Alexander III (from October 28, 1866), mother of Emperor Nicholas II.

Легко себе представить, как мы потом изводили Розеншильда. Долгое время его никто иначе, как «Розенскиолд», не называл.

Ко Двору мне пришлось ездить только два раза. Как средний ученик, я не был прикомандирован специально к какой-либо Великой Княгине, а болтался, так себе, без дела.

На большом придворном балу я как-то очутился вблизи Государя Императора Александра III. Он сделал мне знак подойти к нему и сказал:

– Позовите ко мне Голицына.

Голицыных при Дворе было много, я не знал, кого именно Государь хотел видеть, а переспрашивать Государя, по этикету, не полагалось. Я растерялся и не знал, что делать, и наконец решился обратиться за помощью к первому попавшемуся придворному. Таковым оказался какой-то пожилой гофмейстер. На мои слова старик улыбнулся и сказал:

– Я охотно вам помогу, я князь Голицын, и подошел к Государю. Это было очень счастливо.

Другой раз я поехал во дворец во время Георгиевского праздника, где камер-пажи прислуживали* Великим Княгиням за столом [-79-]. Не нужно понимать «прислуживание» слишком буквально. Блюда, соуса и т.д. подавались лакеями, равно ими же убирались грязные тарелки и приборы; камер-пажи ставили только чистую тарелку, которую им самим подавал камер-лакей. Моя дама, королева Греческая (приезжая), почему-то не прибыла и я оказался без дела. Поэтому я присоединился к своему товарищу фельдфебелю Ефимовичу, стоявшему за Государем и державшего его шапку. Я взял ее у Ефимовича и стал ее рассматривать, потом отдал ему, сказав: «Возьми, брат, тяжела мне шапка Мономаха». В этот самый момент Государь обернулся, смерил меня своими холодными серыми глазами и, поискав ими кого-то позади себя, повернулся и спокойно продолжил есть спаржу. Слышал ли меня Царь или не слышал, или просто случайно обернулся, я не знаю, но я тогда понял выражение, что «душа может уйти в пятки.»

* При таком церемониале раз произошел следующий случай. Камер-паж Цесаревны, Мещеринов²⁵⁷ нечаянно толкнул лакея и тот пролил соус на декольтированные плечи Марии Феодоровны (тогда еще цесаревны). Мещеринов так растерялся, что начал вытирать плечи Цесаревны своим носовым платком, что еще более увеличило неловкость. Вернувшись в корпус, Мещеринов хотел от стыда застрелиться, но товарищи отговорили его от этого безрассудного поступка.

²⁵⁷ Alexander Grigoryevich Meshcherinov (1863–1896), graduate of the Page Corps (1885).

В это же время мой слишком бойкий язык привел меня, в первый и последний раз, под арест. Я и мой товарищ Гурко во время лекции по тактике капитана Орлова²⁵⁸ (впоследствии так неудачно командовавший дивизией под Ляояном) играли в крестики. По поводу игры мы заспорили, и Орлов потребовал, чтобы мы сидели тише. Минут через пять производимый нами шум возобновился. Тогда Орлов своим методическим тоном офицера генерального штаба спросил:

– Неужели в Пажеском Е[го] И[мператорского] В[еличества] корпусе нет отдельных помещений для разговоров?

Я встал и ответил:

– В Пажеском Е.И.В. корпусе нет отдельных помещений для разговоров.

[-80-] – В таком случае, я вам найду. – Ступайте под арест!

Туда меня, и правду сказать, поделом и посадили.

В мае 1885 года были выпускные экзамены. Выдержал я их посредственно, за исключением экзамена французского языка, на котором я отличился. На экзамене присутствовал помощник начальника военно-учебных заведений, барон Зеддлер²⁵⁹. После моего ответа по билету Зеддлер спросил меня, что я могу сказать о современной французской реалистической и романтической школе в литературе.

Наш француз *Mr Flint*²⁶⁰ заметил генералу, что современная литература не входила в нашу программу. Генерал на этом успокоился, но я позволил себе сказать, что я могу ответить на поставленный вопрос. Зеддлер выразил желание меня выслушать. В течение последних лет я перечитал всего Зола, Додэ, Гонкуров, Флобера, Мопассана, Гюго, прочел несколько критических статей в «*Revue des deux mondes*»²⁶¹. В этот день я был в ударе и прочел сравнительно блестящий реферат на заданную тему. Генерал был в восторге. Благодарил меня и *Flint*, причем

²⁵⁸ Nikolay Alexandrovich Orlov (1855–1917), taught at the Pavlovsk Military School and the Page Corps, professor at the Nikolaev Academy of the General Staff, major general (1899), participant in the Russo-Japanese War of 1904–1905, where he gained fame for the extremely unsuccessful actions of his division near Liaoyang.

²⁵⁹ Login Loginovich Seddeler (Ludwig Baron Seddeler) (1831–1899), baron, infantry general, educated in the Page Corps, from 1872 – commander of the Leibguard Grenadier Regiment, on 30 August 1872 promoted to major general, assistant to the Chief of Military Educational Institutions.

²⁶⁰ Alexander Ivanovich Flint, *active state councillor*, French citizen, full-time teacher of French at the Page Corps in 1860–1886, had the nickname Papa Flint.

²⁶¹ *Revue des Deux Mondes* (Review of the Two Worlds) was a French monthly magazine founded in July 1829 by Prosper Mauroy and Pierre de Ségur-Dupeyron. The aim of the periodical was to create a cultural, economic, and political bridge between France and the United States – the Old and New Worlds.

честный француз заявил: *je n'y suis pour rien* и поставил мне 12+, каковой отметки не получили даже наши парижане Чернышев и Ефимович.

– *D'où savez-vous tout cela ?* спросил меня Flint.

– *Monsieur, c'est la récompense de faire connaissance avec les fruits défendus!* ответил я.

Чтение современных французских романов было у нас запрещено, а в крайнем случае подвергалось цензуре дежурного офицера, а какова она была, характеризует следующий случай.

Один из моих товарищей как-то принес в корпус роман Бурже «*Une page d'amour*»²⁶² и представил его на просмотр дежурному офицеру [-81-] Потехину²⁶³. Перевернув несколько страниц, офицер глубокомысленно заметил: «Ну, что ж, дело специальное – любовь пажа, это читать можно».

Впрочем, вообще этот Потехин был человеком остроумным. Как-то он посетил лазарет, где один из пажей лежал с не совсем приличною болезнью. Прочитав название болезни, написанное на дощечке, Потехин сказал: «Ну под несчастной планидой родились – минута наслаждения и море огорчения!» – «Что подделаешь, под Венерой», – ответил паж. – «Это ничего, вот я под Меркурием родился, это много хуже!»

Летом пажей во время лагерного сбора прикомандировывали к офицерской стрелковой школе, причем пажи младшего специального класса несли службу рядовыми, а старшего – унтер-офицерами, кроме выходявших в кавалерию прикомандировываемых со второй половины лета к офицерской кавалерийской школе. Жили мы в отдельном бараке на самом левом фланге передней линейки гвардейского корпуса близ самого Дудергофа²⁶⁴. Служба была необременительная и жилось нам весело.

Припоминаю два забавных случая из нашей лагерной жизни.

Команда нижних чинов в стрелковой школе была сборная от всех полков. Ротные командиры не знали всех своих людей по фамилиям и отличали их по околышкам на фуражках. Однажды ротный командир равнял строй нашей роты. Вдруг раздался его голос:

---

²⁶² Stremoukhov confused two novels. “*Une page d'amour*” is a novel by Émile Zola published in 1878. Paul Bourget wrote “*Un crime d'amour*”.

²⁶³ Vladimir Filippovich Potekhin (1850–after 1893), captain, officer-educator of the Page Corps 1893.

²⁶⁴ Duderhof (Swedish: Duderhof, Finnish: Tuutari) is a historical district of Krasnoe Selo in the Krasnoselsky District of Saint Petersburg.

– Ей ты, там, паршивый солдатишка первого полка (красный околышек) убери пузо!

Пузо, по-видимому, осталось на месте.

– Говорят тебе, с.с. [сукин сын], убери пузо!

[-82-] Пузо ни с места.

Тогда ротный командир выдвинулся перед фронтом и усмотрел, что обладатель пуза не солдат первого полка, а, также имевший красный околышек, камер-паж Шереметев. Тогда командир, приложив руку к козырьку, сказал:

– Виноват, камер-паж Шереметев, уберите животик.

Несмотря на нахождение в строю, раздался гомерический хохот.

Уже в старшем классе произошел следующий анекдот.

Смотр пажам делал начальник школы генерал Виламов²⁶⁵. Ранее всего он о чем-то спросил камер-пажа Мейера²⁶⁶. Тот, почему то, отвечая ему, приветствовал его не словами «ваше превосходительство», как полагалось по уставу, а «господин генерал-майор». Виламов поморщился, но ничего не сказал. Следующим стоял камер-паж, князь Козловский²⁶⁷. Виламов спросил его, какие имеются принадлежности для чистки винтовки. Следовало ответить: шомпол, отвертка и протирка, но по какому-то *lapsus linguae*, вместо последнего слова, Козловский сказал «подтирка». Виламов рассердился и объяснил, что подтирка употребляется не для ружья, а для... Третьим стоял князь Чернышев. Мы только что хорошо позавтракали, и князь успел уже выпить свою неизменную бутылку *Chateau la Rose*. «Покажите стрельбу лежа», – приказал генерал.

Чернышев довольно неукложе принялся ложиться, и, вероятно, от натуги раздался совершенно неожиданно неприличный звук.

– Экие свиньи! – сказал Виламов, махнул рукою и пошел прочь.

Чернышев очень был подавлен этим инцидентом и несколько дней приставал ко мне, спрашивая:

– *Est-ce que je ne dois pas émigrer en France ?*

²⁶⁵ Vladimir Alexandrovich Villamov (pseudonym V. Sulkovsky) (1836–1889), from 1878 a major general, was fond of music and painting, as commander of Oranienbaum, he commanded a training infantry battalion, transformed into the Officer Rifle School (chief of the school from 1882), the author of works on military affairs.

²⁶⁶ Fyodor Karlovich Meyer (1864–after 1917), graduated from the Page Corps (1885), on 16 March 1909 he was assigned to serve in the Independent Gendarme Corps, from 9 May 1915 he was the head of the Lodz branch of the Warsaw Gendarme Police Department of the Railway, lieutenant colonel of the Independent Gendarme Corps.

²⁶⁷ Dmitriy Ionovich Kozlovskiy (1864–after 1913), Prince, graduated from the Page Corps (1885), wife since 6 February 1905, Sophia Vladimirovna von Schöpping.

[-83-] Из типичных особенностей лагерного времени следует отметить маркитантов, нас сопровождавших не только в лагере, но и на стрельбе, и на маневрах, они вырастали, как из-под земли. Продавали они лимонад, конфеты, шоколад, фрукты. Так как нас, по обыкновению, кормили не очень сытно, то, волей-неволей, приходилось удовлетворять свой молодой аппетит этими лакомствами. Маркитанты эти наживали большие деньги, занимаясь кроме торговли еще ростовщичеством. Наш «придворный поставщик» Матфей, по прозвищу «шакал», как говорили, имел дома в Петербурге.

По окончании экзаменов надо было решить важнейший вопрос, в какую часть выйти. Моя склонность к большому свету и дружба с Салтыковым тянули меня в Преображенский полк, в который он вышел. Брат мой Николай служил в Егерском полку, но уже в это время был в академии и, по всей вероятности, не должен был более вернуться в полк. Решение вопроса всецело зависело от моих материальных средств. Отец сказал, что будет давать мне по 60 рублей в месяц: казенных, за всеми вычетами, я мог получать около сорока, что составляло в общей сложности около 100 рублей. От матери я должен был получать квартиру, стол и т.д. Независимо от того отец дал мне две тысячи на экипировку. С такими средствами в Преображенском полку я, вероятно, был бы из числа последних, в Егерском – скорее принадлежал бы к состоятельным. Последнее соображение решило мой выбор.

Перед производством в офицеры весь выпуск по традиции снялся в общей группе, причем каждый в той форме и с тем оружием, которые более всего характеризовали его специальность. Мне, как библиотекаря и «книжнику», дали газету в руки.

[-84-] 7 августа 1885 года Государь Александр III принял парад от войск Петербургского военного округа на военном поле близ Красного Села. После смотра пажи и юнкера были подозваны к Государю. Александр III сказал нам небольшую речь, призывающую к честному служению родине, и произвел нас в офицеры.

Этот момент считается одним из счастливейших в жизни. Нам казалось, что у нас выросли крылья. Через час сотни молодых офицеров, одетых с иголочки, спешили в столицу, чтобы впервые насладиться запретными до того времени ресторанами, Ливадиями и Аркадиями.

Оглядываясь теперь, на склоне лет, на восемь лет, проведенных в Пажеском корпусе, я не могу не выразить душевной благодарности этому прекрасному заведению.

Corps of Pages token

Source: <https://www.ria1914.info/>

Повторяю, учились мы не особенно усердно, муштровали нас мало, но начальство у нас было доброе, гуманное и понимающее молодежь. Большинство из нас вышло людьми порядочными и верными слугами Царю и Родине. Узлы дружбы, заключенные в ранней молодости, остались на веки нерушимыми. Мальтийский крест на груди пажа остался навсегда эмблемой рыцарства, обязывающей к порядочности и чести, а чугунное выпускное кольцо обручало нас, пажей-однокашников, на верную дружбу. Спасибо тебе, дорогая *alma mater!*

ГЛАВА III

НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ.

1885 – 1892

[85-] – Представление Государю. – На устье Луги. – Поступление в полк. – Восьмая рота. – Занятия.[.] – Ротное хозяйство. – Содержание офицеров. – Караульная служба. – Общие впечатления. [-] Отношения с солдатами. – Корпусный командир принц А.П. Ольденбургский. – Караул в Зимнем дворце. – Высочайшие льготы. – Пышность Двора. – Систематическая «Осада власти». – Опрошение. – Несколько мыслей о «демократизации» и «аристократизации». – Большой свет. – Театральные интересы. – Артистка Х. – Цукки, Борги. – Великий князь Михаил Михайлович и его женитьба. – Генерал Фрезе. – Возвращение наших офицеров из Болгарии. – Великий князь Владимир Александрович. – Эрмитажные спектакли. – Женитьба А.А. Салтыкова. – Охлаждение к военной службе. – Попытка купить имение и заняться сельским хозяйством. – Сарны. – Моя болезнь. – Поездка на Кавказ. – Семья князей Меликовых. – Великий князь Михаил Николаевич. – Разбойник Керим. – Светские успехи. – Абас-Туман. – Охота на альпийскую серну. – Принц К.П. Ольденбургский. – В Кутаиси и Батуми. – Поездка в Шамхоры и Эвлах. – В Тифлисе. – Возвращение в Петербург. – Решение оставить военную службу и устроиться на гражданской. – Черванский, Зиновьев и Сипягин. – Семья Журавлевых. – Концертные балы в Зимнем дворце. – Генерал Мальцев. – Князь Н.Н. Оболенский. – Поездка в деревню к Салтыкову. – Я делаю предложение его сестре. [-] Возвращение в Петербург. – Командировка [-86-] в Олонек. – Буря на Ладожском озере. – Семья Салтыковых и несколько черточек из ее прошлого. – Александр Михайлович Салтыков. – Моя невестка и ее жених А.А. Воронин. – Княгиня Юрьевская. – Ее семья. – Свадьба моей невестки. – А.Ф. Кони. – Петербургские туманы. – Моя свадьба. – Свадебное путешествие: Берлин, Висбаден, Баден-Баден [. -] В гостях у немецких офицеров. – В Ницце, в Италии. – В Варшаве. – Встреча с Гурко. – Поступление на гражданскую службу.

На следующий день после производства в офицеры состоялся наш выпускной обед у Донона²⁶⁸. После обеда все мы поехали в загородный театр слу-

²⁶⁸ Donon – a restaurant founded in 1849 by the Frenchman Jean-Baptiste Donon, located in St.

шать запретную для нас до того времени оперетку. Шла «Жюлет де Нарбон»²⁶⁹, и в главной роли пела прелестная Монбазон²⁷⁰. Слушали мы ее, однако, довольно рассеянно, т.к. выпили порядочно.

Два дня спустя мы представлялись Государю Александру III в Петергофе. Нас выстроили в одну шеренгу перед дворцом, и директор называл нас по фамилиям. Государь, молча, протягивал каждому из нас руку. При этой церемонии с нашим товарищем Гурко произошел следующий случай. Роста он был небольшого, на голове его была одета шапка Гродненского гусарского полка с султаном. Когда Гурко поклонился Его Величеству, то султан его угодил как раз в подбородок Государя. После представления нам был предложен завтрак, в воспоминание о котором мы по традиции уносили маленькие тарелочки с Императорским гербом.

После этих церемоний мы все разъехались, кто куда, т.к. нам полагался двухмесячный отпуск. Сначала я поехал в Силламягги²⁷¹ показаться [-87-] матери в офицерском мундире, а затем, по обыкновению, к дяде Биппену²⁷² в Преображенское²⁷³ на охоту, куда для компании захватил и двух своих приятелей, Андриюшу Вейденштрауха²⁷⁴ и Кинаста²⁷⁵. Наша, впрочем, удачная охота ознаменовалась одним не совсем обыкновенным случаем – мы заблудились. Дело было на Липовском полуострове (между устьями Луги и Наровы). Попали мы в местность, где, вероятно, от давней бури лежал поваленный лес. Деревья лежали друг на друге на высоте моего роста, а в свободных промежутках проросли осины. Вступив в эти дебри, которые мы впоследствии назвали хаосом, мы не знали какое они занимали пространство и думали пройти его в короткое время, но мы шли час, другой, третий и обстановка не менялась, а идти становилось становилось все

Petersburg on the embankment of the Moika River, one of the most fashionable.

²⁶⁹ Gillette de Narbonne – an operetta composed by Edmond Audran on a libretto by Alfred Duru and Henri Chivot, first performed on November 11, 1882 at the Théâtre des Bouffes in Paris. Its libretto is inspired by the IXth story of the third day of the Decameron by Jean Boccaccio: La femme vaillante.

²⁷⁰ Marie Grisier-Montbazon (born Marie-Rose Livergne) (1859–1922), a French actress and singer.

²⁷¹ Currently the town of Sillamäe in Estonia, situated on the Gulf of Finland.

²⁷² Vasilii Nikolayevich von Bippen, nobleman of the St. Petersburg Governorate, honorary judge of the Tsarskoye Selo district of the St. Petersburg Governorate, from 1869 owner of the Preobrazhenskoye estate.

²⁷³ A small noble estate with a residence located on the Luga River. It was in the possession of the von Bippen family since 1841. – Н.В. Муранова, А.П. Мыслина, *Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисептский район*, Санкт-Петербург 2003, pp. 192–196.

²⁷⁴ Andrey Weidenstrauch (Veidenstrauch), probably a relative of Friedrich Yakovlevich Weidenstrauch, who owned the Rabitsy estate and paper mill.

²⁷⁵ Rudolf Rudolfovich Kinast (1863–1942), Russian military doctor, served, among others, in the 23rd Artillery Brigade and the 148th Caspian Infantry Regiment.

труднее, так как поваленные деревья, по которым приходилось перепрыгивать, с одного на другое, оказывались подгнившими и ломались под нашими ногами. Мы и наши несчастные собаки, которым было еще тяжелее, окончательно замучались. К довершению неприятностей, какие-то особенно злобные комары нас невыносимо изводили. Поминутно срывались выводки рябчиков, но нам было не до них. Компаса мы не захватили, ориентироваться было не по чему, и к вечеру положение наше становилось уже довольно неприятным. Наконец, нам попала осина повыше и потолще. Кинаст влез на нее, и с вершины раздался радостный крик: «море, море!» Часа через два, взяв правильное направление, мы вышли на берег моря, откуда нам уже легко было найти дорогу домой. Я привожу этот случай, чтобы указать насколько еще мало было культуры в то время: ведь эта местность по прямой линии была вряд ли более двухсот верст от столицы, между тем дебри, в которых мы заблудились, были [-88-] достойны центральной Африки.

В конце сентября я вернулся в Петербург и начал свою строевую службу. Определили меня в 8-ую роту к капитану Перепелицину²⁷⁶, старшим офицером был Кузьмин²⁷⁷ (впоследствии Раненбургский [уездный] предводитель дворянства²⁷⁸ и член Государственной Думы). Командовал полком генерал Фрезе²⁷⁹.

Наши занятия в роте начинались в 8 часов утра и продолжались до 12. После сего до 2-х часов был перерыв на обед, в течении которого мы или ходили домой позавтракать или делали это в офицерском собрании. От 2-х до 4-х вновь производились занятия. Таким образом, наш труд был всего шестичасовой, т.е. такой минимальный, что о каком не мечтали и социалисты. Кроме того по разу в месяц приходилось идти в караул, дежурить по полку или в одном из военных госпиталей.

---

²⁷⁶ Nikolay Nikolayevich Perepelitsyn (1850–1917), colonel, officer of the Russian army, served in the Yeger Regiment of the Leibguards.

²⁷⁷ Pyotr Petrovich Kuzmin (1861–1938), nobleman of the Ryazan Governorate, landowner of the Ryazan and Novgorod Governorates, graduate of the 2nd Cadet Corps, officer of the Yegierskiye Regiment of the Leibguards, head of the land of the Dankov district of the Ryazan Governorate, official of the central structures of the Ministry of Internal Affairs. He held the rank of active state councillor. Marshal of the nobility of the Dankov district, deputy of the 4th State Duma. After 1917 he lived in exile in France.

²⁷⁸ The author of the memoirs mistakenly attributed to P.P. Kuzmin the function of the Ranenburg district marshal of the nobility in the Ryazan province. In fact, in 1911–1917 Kuzmin held the position of the Dankov district marshal of the nobility in the Ryazan province.

²⁷⁹ Alexander Alexandrovich Freze (1840–1918), general of the Russian army, in the years 1880–1887 commander of the Yegierskiy Leibguard Regiment.

Вновь произведенным офицерам обычно поручалось заниматься со старослужащими. Т.к. в то время гарнизонная служба в столице была весьма велика, то людей, свободных от наряда, было очень мало и поэтому старослужащих, с которыми приходилось заниматься, набиралось не более двадцати человек.

Занятия заключались в следующем:

1. Ружейные приемы и сборка и разборка винтовки.
2. Словесность, т.е. изучение солдатской науки, например, гарнизонной службы: «что есть солдат, что есть знамя, присяга» и т.п.

3. Гимнастика

4. Треугольники. Под этим названием понималось обучение стрельбе. Винтовка вставлялась в станок и обучавшийся, найдя прицельную точку, заявлял об этом, и таковая отмечалась на бумажке, [-89-] приклеенной к стене, затем он отходил от ружья и потом дважды вновь проделывал эту операцию; полученные точки соединялись черточками и получался треугольник; очевидно, что чем треугольник был меньше, тем прицеливание обучающегося выявлялось более правильным. Все стремления были направлены к тому, чтобы этот треугольник обратить в точку.

После обеда те же солдаты обучались грамоте.

Все эти занятия были полезны и даже необходимы для обучения солдата, но читатель согласится, что это давало мало пищи уму и сердцу, молодого человека.

Столичная жизнь складывалась в то время так, что ранее двух часов ночи никто не ложился. Чтобы поспеть на службу, надо было встать в 7 часов утра почти в течение полугода при свечах, затем ехать или идти в казармы по Петербургской слякоти или морозу. Приближаясь к нашим кирпичным облезлым казармам на Рузовской улице²⁸⁰, я уже испытывал некоторую скуку. Подымаешься по нашей темной лестнице, пахнувшей щами и дезинфекцией отхожего места, и кошками, и входишь в ротное помещение, еще полное запахами проведенной в ней сотней людей ночи; газовые рожки едва светят, двенадцать человек уже ожидают вас и начинается словесность, равнение штыков и мучительно скучные треугольники. Послеобеденное занятие грамотой несомненно было очень полезно. Наша армия была в то время громадной школой грамоты, по численности своих учеников вероятно превышавшей начальные училища всего Министерства

---

²⁸⁰ Ruzovskaya Street – a street in Saint Petersburg built in the second half of the 18th century. The barracks of the Yegierski Regiment of the Leibguard were located there.

народного просвещения. 50% новобранцев приходило к нам неграмотными, и все возвращались домой, умея читать и писать. С этой стороны армия делала великое дело. Но был ли каждый молодой офицер [-90-] по призванию своему учителем грамоты? Ведь в корпусе нам никто не говорил, что наше призвание быть учителями, и никто не учил нас учить, как это делается в семинариях. По крайней мере, мне этот вид службы субалтерн-офицера не пришелся по характеру и послеобеденные часы были мне так же скучны, как и утренние занятия.

Ротный командир во все это вовсе не входил, а целые часы беседовал с фельдфебелем о ротном хозяйстве. Наше хозяйство в то время было поставлено в высшей степени дико. Были предметы, совершенно необходимые для ротного и полкового хозяйства, на которые никакого отпуска от казны не полагалось. Так, например, не было никакого кредита на оркестр музыки для полка, а для роты на содержание ротной лошади, на переканчивание наших белых выпушек на мундирах и на другие поправки солдатского гардероба, а все это должно было быть. Поэтому происходила экономия на отоплении, на фураже, на довольствии солдата, на хлебном припеке. Конечно, солдату отпускатось все, что ему полагалось, но на отпускаемых на его довольствие деньгах производились разные манипуляции. Например, устраивались ротные огороды, обрабатываемые солдатами. Продукты с них получались очевидно дешевле, чем по интендантской расценке, и вот эта разница и шла на разные улучшения ротного быта. Однако, по разным табелям и рапортам расход следовало показывать по нормам, установленным законом, а не действительный, а потому у ротных командиров заводилась двойная бухгалтерия: одна – фиктивная для контроля, а другая – действительная – для себя. Но и этих обходов оказывалось мало. Полковое хозяйство, как и указывал уже выше, тоже нуждалось в деньгах на свои специальные [-91-] потребности, и поэтому поверяло частную бухгалтерию ротных командиров и львиную часть экономии отбирало для себя. Это страшно раздражало ротных командиров, т.к. приводило к тому, что чем более сумел сэкономить ротный командир, тем более у него отнимали. Поэтому приходилось вести уже не двойную, а тройную бухгалтерию, т.е. скрывать свои доходы не только от контроля, но и от заведующего полковым хозяйством. Все это требовало большой умелости, ухищрения, и несмотря на благую цель с формальной стороны было преступлением. Любого, и в особенности, самого лучшего, хозяйственного и рачительного ротного командира, всегда можно

было отдать под суд. Поэтому все их время и уходило на борьбу за интересы вверенной им части и на обеспечение себя от законных последствий невольных и неизбежных злоупотреблений. Ведь ротный командир, который не захотел бы производить все эти манипуляции, не мог бы представить свою роту ни на один смотр в приличном виде и скоро испортил бы свою репутацию, а тем самым и карьеру. Наши солдаты видели, что с хозяйством происходит что-то неладное, что ротный и фельдфебель вечно о чем-то таинственно шушукуются и фабрикуют счета, не отвечающие действительности, и, Бог весть, какие мысли и чувства уже тогда затаивались в солдатской душе. А вместе с тем такие подозрения были совершенно несправедливы, т.к. наши ротные командиры были вполне порядочными людьми и, конечно, скорее приплачивали кое-что к службе, чем на ней наживались. Это была просто ошибка системы. Держали огромную армию, но денег тратили на нее недостаточно. Солдаты получали тогда жалование 42 копейки в месяц, на которые должны были себе приобретать мыло, иглы, нитки, табак и всякую другую мелочь, так называемые «шилльце [-92-] и мыльце». Младший офицер получал по требовательной ведомости 67 рублей в месяц, а фактически на руки не более сорока. Все еще рассчитывали на состоятельное дворянство, комплектовавшее тогда своими сыновьями гвардию, но забывалось то, что с [18]61-го года оно шло по уклону к оскудению. Полковое хозяйство наше было так бедно, что ежегодно осенью назначались, так называемые, вольные работы, иначе говоря, солдат отдавали в аренду на какой-нибудь завод или помещику. Получаемый заработок потом делился на три части: одна из них шла в полк, одна на роту, третья отдавалась солдату. Таким образом, этим путем известная часть призывного времени уходила на работу, ничего общего с военной службой не имевшую. Уже в царствование Николая II вольные работы были отменены.

Караульная наша служба была отчасти тоже довольно нелепой; было очень много караулов, в которых не было решительно никакой надобности, как-то на Сенной площади, в Государственном банке, в Экспедиции заготовления государственных бумаг и т.п. Многие из этих караулов были впоследствии заменены вольнонаемными командами. Пробежав раз тридцать в военных госпиталях, я ни разу не почувствовал своей там необходимости. Офицерские, да и солдатские силы, затрачивались как-то неумело и зря.

Однако самое главное зло заключалось не в приведенных выше обстоятельствах, а в том, что военного, или, вернее, боевого в нашей службе ничего не было.* О войне в строевых частях никто никогда и не думал. Это было

что-то далекое, чуждое. Конечно, посланная в бой гвардия дралась бы, как всегда, превосходно, но к войне она вовсе не готовилась и военным делом офицерство не интересовалось. Я говорю здесь исключительно о полковой жизни, что делалось [-93-] в штабах, я не знаю. Слегка более военными были кавалеристы, постольку поскольку это касалось лошади, впрочем, это было скорее спортивное, чем военное чувство.

* Я очень задумывался над этим явлением и, быть может, нашел ему объяснение. В описываемое время подавляющее число офицеров принадлежало к б[ывшим] воспитанникам военных гимназий. В царствование Имп[ератора] Николая I были кадетские корпуса, из которых выходили боевые характеры. В царствование Александра II кадетские корпуса были преобразованы по мысли военного министра гр. Милютин в военные гимназии. Самое название это указывает на внутреннее значение их преобразования, и из них начали выходить другие люди. Очевидно, это было понято в царствование Александра III, и военные гимназии вновь стали кадетскими корпусами с ротами, знаменами и другими элементами стимулирующими воен[н]ый дух. Как я приводил выше, воен[ный] мин[истр] Милютин никогда не приезжал в корпус во время строевых занятий, а со мной, пажом, говорил о... Гамлете. Время моего пребывания на службе, может быть характеризуемо «сумерками» воинского духа.

Что же побуждало молодежь идти на военную службу? В блестящие гвардейские полки шла молодежь известного круга, чтобы возвращаться в высшей среде или в нее проникнуть; в менее блестящие, чтобы жить в Петербурге, где у многих были свои жизненные интересы. В кавалерию шли спортсмены, а в армейскую пехоту, потому что получение офицерского чина требовало меньшего напряжения труда, чем для аттестата зрелости; к тому же и скорее достигалось, чем получение должности по гражданскому ведомству после окончания университета. Офицером легко было сделаться уже в 19 лет, тогда как получение платной должности, например, по министерству юстиции ранее 25 лет было невозможно. Многие шли в офицеры с твердым намерением через три года уйти в академию или иначе пристроиться, но что бы кто-либо выходил в полк с жаждой войны, т.е. того дела, в котором заключается весь смысл предпринятой карьеры, я такого случая не наблюдал. И я должен отметить здесь, что часто то, что было сколько-нибудь даровито, или просто имело к тому возможность, скоро уходило из строя и в полку оставалось все самое серое. Наши полковники, просидевшие четверть века на Рузской улице и в лагере под Красным Селом, где все военные упражнения проделывались от известного дерева до другого, не менее известного, становились совершенно мертвыми людьми и были полезны

только как воспитатели офицерской молодежи и как носители полковых традиций.

Попытки чисто военного воспитания успеха не имели. Раз в месяц [-94-] под наблюдением старших офицеров мы решали какие-то военные задачи; раза два в год была военная игра, но от этих занятий мы отлынивали, а высшее начальство оставалось к этому равнодушным.

Описывая свое пребывание в Пажеском корпусе, я отметил, что корпус не вырабатывал из нас военных специалистов и давал полную свободу развитию нашей индивидуальности. До известной степени это продолжалось и в полку. Служба в полку обязывала к выполнению некоторых, вовсе не стеснительных, офицерских традиций и требовала весьма ничтожного напряжения сил в самой работе, а затем каждый из нас был совершенно свободным человеком и мог заниматься, чем ему было угодно, на что у нас досуга оставалось совершенно достаточно. Среди нас были художники, писатели, музыканты, спортсмены, игроки, скульпторы, сельские хозяева, куроводы, присяжные Дон-Жуаны и танцоры... Я не знаю только ни одного строевого офицера, который изучал бы военную науку и рвался бы где-нибудь подражать и повоевать. Насколько «отхожие промыслы» считались нормальным явлением, отмечу, что офицерам, желавшим заниматься посторонними делами, охотно давали должности, требовавшие для службы минимального времени. Так, например, поручик Бунин²⁸¹ был жалонерным офицером, единственная обязанность которого расставлять жалонерных унтер-офицеров во время парадов, которые бывали раза два в год; предоставленное ему свободное время дало возможность развить его недожинному таланту художника-баталиста. Поручик Бух²⁸² лепил фигуры солдат, отливаемые потом на продажу фирмой Верфеля²⁸³; поэтому он был сделан батальонным адъютантом, который буквально ничего по службе не делал. Поручик Зотов²⁸⁴ [-95-] подозревался в литературном таланте, а потому он лет на десять был куда-то откомандирован для написания истории полка. Автор настоящих записок просто хотел охотиться и повидать свет, а потому постоянно находился в отпусках и т.д.

---

²⁸¹ Narkiz Nikolayevich Bunin (1856–1912), officer of the Russian army, served in the Yegierskiy Leibguard Regiment in 1878–1900, painter, author of mainly battle scenes.

²⁸² Nikolay Nikolayevich Buch (1860–1921), colonel of the Russian army, in the 1880s and 1890s an officer of the Yegierskiy Leibguard Regiment.

²⁸³ A company producing bronze castings and stone products founded by Theodor Werfel in 1842. In the 1880s it was owned by Karl Werfel.

²⁸⁴ Vasilii Ivanovich Zotov (before 1860–after 1905), in the 1880s and 1890s an officer of the Yegierskiy Leibguard Regiment.

При таком отношении к делу, спросит меня читатель, каким же образом воспитывались воинские части, каким же образом достигалась дисциплина, каким же образом держались самые во[и]нские части. Ранее всего тем, что в гвардии жили еще военные традиции, что существовала еще инерция, нажитая прежней боевой славой и привычкой одного класса повелевать, а другого подчиняться. Пропаганда еще не сделала своего дела... Независимо от того, в без малого сотне офицеров полка было всегда человек двадцать любителей военного дела мирного времени. Строевые занятия, ружейные приемы, гимнастика их увлекали, и они умели достигать в этих упражнениях большого совершенства, несмотря на то, что некоторые из них, напр. по строевой части, так назыв[аемая] «ломка фронта»: «Первое отделение левое плечо вперед, по первому отделению рота стройся влево», – требовали большой точности и идеальному его выполнению мог бы позавидовать директор кордебалета. Повороты, ружейные приемы были доведены до виртуозности, а при «шагистике» люди «блоху давили». Было ли это нужно при современных условиях ведения войны – это иной вопрос, хотя я должен отметить, что участники германской войны говорили мне, что именно те части, которые «блоху давали» долее всего сохраняли дисциплину и боевую мощь. Большим подспорьем в деле обучения солдат были фельдфебеля и сверхсрочные унтер-офицеры, которые отдавались этому делу с увлечением и жаром.

Отношения с солдатами у нас были наилучшие. «Рукоприкладство» [96-] составляло редкое и осуждаемое явление. Солдат относительно офицеров держался в «дисциплине», но весело и непринужденно. Никакого высокомерия никогда офицер перед солдатом не проявлял, не говоря уже о пренебрежительном отношении. Никакого трепета солдат перед офицером не испытывал. Отношения наши более всего подходили к понятию «добротного барина» и идиллического мужичка, как мы его себе представляли, и чем более офицер был барином по своему складу, тем более он был любим солдатами. Двух-трех сереньких офицеров, переведенных из армии, солдаты определенно не любили. Их забавляло, когда молодой офицер был князь или граф, и на его приветствие надо было от[в]ечать не каким-нибудь «ваше высокоблагородие», а «ваше сиятельство». Когда, в 1917 году наши солдаты начали избивать офицеров и проявлять относительно их необычайную ненависть и жестокость, то это явление было и осталось для меня совершенно неожиданным. Я утверждаю, что в [18]90-х годах не было и после этого не произошло ничего такого, что бы могло

развить эту ненависть. Я убежден, что это явление наносное и является результатом самой подлой пропаганды. Наш офицер не сделал ничего такого, чтобы в общей своей массе заслужить ненависть со стороны нижних чинов. Конечно, в этом отношении, как и везде, могли быть исключения.

До какой степени в это время солдат смотрел на офицера как на барина, иллюстрирует следующий случай. В первый год моей службы я как-то вел караул в так называемую «Лабораторию», помещавшуюся очень далеко за Охтою²⁸⁵. Дело было осенью, шел дождь, и в одном месте, уже за городом, оказалась огромная лужа, шагов в сто [-97-] шириной. Сберегая свои новые лакированные сапоги, я начал выбирать, как бы пройти посуше. Караул был от роты Его Величества²⁸⁶, люди не меньше десяти вершков роста. Вдруг, фланговый унтер[-]офицер подхватил меня и, несмотря на мои протесты, пер[е]нес меня через лужу и поставил меня на ноги на сухом месте. Я страшно ругался, но зд[о]ровенный унтер[-]офицер только улыбался... На следующий день, идя обратно, я нарочно несколько обогнал караул и по колена в грязной воде перешел лужу. Вернувшись в роту, мои люди получили от меня ведро водки, и караульный унтер[-]офицер лишний раз оценил «доброе барина».

Заговорив о караульной службе, я не могу не привести здесь двух интересных случаев, приключившихся со мной во время их несения.

Едва ли не первый раз я пошел в караул в Экспедицию заготовления государственных бумаг²⁸⁷. В этом карауле была одна комната для арестованных офицеров. В этот день арестованным оказался какой-то немолодой уже капитан, морской механик. Караульное помещение было расположено следующим образом: прямо с улицы было помещение для нижних чинов, затем следовала комната для караульного офицера, а потом камера для арестованных. После зари, часов в 10, инженер-механик вдруг вышел из камеры в фуражке и шинели и сказал мне:

– Ну, подпоручик, теперь я иду в гости и вернусь часа в два, желаю вам весело провести время!

– Как так? [-] сказал я, вы ведь арестованы; вам нельзя выходить.

– Вот вздор какой, я каждый вечер ухожу в гости!

²⁸⁵ Right tributary of the Neva River.

²⁸⁶ Military unit created in 1881 to protect Tsar Alexander III and his family.

²⁸⁷ A state administration body in Russia in the years 1818–1918 engaged in the production of various types of securities and banknotes.

– Я не могу этого допустить.

– Ну, молодой человек, [-] сказал старый капитан, [-] вы видимо еще не [-98-] знаете офицерских традиций, и если я расскажу вашим товарищам о вашем поступке, то вам самому впоследствии будет неловко.

Арестованный попал на мою слабую струнку, и я его отпустил. Минут через пять, вошел ко мне караульный унтер[-]офицер и сказал:

– Ваше благородие, вы отпустили капитана?

– Я.

– Эх, ваше благородие, не хорошо, этого нельзя.

Я уже сам был смущен, но мое молодое офицерское самолюбие было задето, хотя и справедливым, упреком унтер[-]офицера. Я резко ответил ему:

– Убирайся, я сам знаю, что я делаю!

Однако слова унтер[-]офицера еще более меня расстроили. Я прилег на диван, но не мог заснуть. Я встал и зашагал по комнате. Встав перед зеркалом, я привел свой довольно сложный туалет в порядок: надетый накрест башлык, шнур, портупья, револьверный и ремень, все это было приведено в идеальный порядок. Вдруг, в эту минуту, в караульной комнате раздался шум и несколько голосов ответило: «Здравия желаю вашему высочеству!», и в ту же минуту вошел корпусный командир, грозный принц А.П. Ольденбургский²⁸⁸. Я подошел к нему и отрапортовал. Принц оглядел меня с ног до головы и видимо остался доволен моим щегольским и аккуратным видом.

– Есть арестованные? [-] спросил он меня.

– Один, [-] ответил я.

Принц подошел к камере и схватился за ручку двери, чтобы ее отворить. Душа у меня ушла в пятки. Я видел как, стоявший за принцем, унтер[-]офицер побледнел. [-99-]

– Кто такой? – спросил принц.

– Морской инженер-механик, [-] ответил я.

– Ну, Бог с ним – сказал принц и ушел, поблагодарив меня за отличный порядок в карауле.

Читатель поймет, как у меня отлегло от сердца, ведь вся моя будущность висела на волоске. Содеянный мною поступок грозил судом и, в лучшем случае, переводом в армию. Ну и ругал же я капитана, когда он вернулся в третьем часу

---

²⁸⁸ Alexander Konstantin Friedrich von Oldenburg (1844–1932), general of the Russian army, senator, member of the State Council. In 1885–1889 he commanded the Guard Corps.

ночи. Ни до, ни после этого случая, я никому таких горьких истин не высказывал... «Добрый барин» оказался и на этот раз. Караульный унтер[-]офицер получил 25 рублей на чай, а люди ведро водки.

Другой случай был следующий. Дело было осенью. Люди были на вольных работах, а потому караулы в столице были заняты не одной частью, а были собраны ото всех пехотных частей гарнизона. При разводе караулы стояли в своей маршрутной постепенности, и я помню, что правее меня караул от Финляндского полка²⁸⁹, я же шел в Петропавловскую крепость. Должен отметить, что Финляндский полк, также четвертый полк в дивизии, как и Егерский, почти не отличался в шинелях от нашего полка по своей форме; была разница в вышущках, которую издали нельзя заметить. По пути пришлось пересекать Царицын Луг²⁹⁰, т.е. проходить под самыми окнами грозного принца Алек[с]андра Петровича.

В сознании сего я подтянул свой караул: штыки были выровнены, люди шли в затылок, в ногу и вытаптывали такт под мой окрик: «левой, правой», – словом мой караул шел, как на параде. Я тут же заметил, что, шедший впереди меня, Финляндский унтер[-]офицерский караул брел в самом небрежном виде: ряды расстроились, ружья торчали [-100-] по всем направлениям и т.п.

Сутки спустя, окончив свою караульную службу, я вернулся домой. Не успел я разоблачиться, как прибежал вестовой от командира полка с требованием немедленно явиться к последнему. Командиром в то время был милейший и добрейший генерал Долуханов²⁹¹. Генерал встретил меня весьма взволнованным:

– Принц, [-] сказал он мне, [-] сейчас передал мне по телефону, что вчера мимо его окон проходил караул от нашего полка в самом безобразном виде и приказал отправить под арест. Вот и ступайте – на одни сутки!

– Слушаюсь.

– Вам, молодой человек, все равно, «слушаюсь», посидели сутки под арестом и дело с концом, а мне то какво из-за вашей небрежности выслушивать реприманды от принца: сейчас же обобщения делаются, полк, де, распущен, а вот у меня седая борода и мне неприятно выслушивать из-за вас такие вещи!

---

²⁸⁹ Finnish Leibguard Regiment, a military unit of the Russian army operating in the years 1806–1918.

²⁹⁰ Historical name of the Field of Mars in Saint Petersburg.

²⁹¹ Khozrew Mirzabekovich Dolukhanov (1837–1893), general of the Russian army, in 1878–1887 commanded the cadre battalion of the Reserve Infantry Regiment of the Leibguard, and then in 1887–1890 he was the commander of the Yegierskiy Regiment of the Leibguard.

– В таком случае, [-] заметил я, [-] позвольте, ваше превосходительство, доложить вам, как было дело. Ваше приказание идти под арест я принял без возражений, но если вы становитесь на моральную сторону, то я должен оправдаться... [-] и я рассказал ему обстановку вчерашнего дня, прибавив, что, быть может, по остальному пути караул шел плохо, но по Царицыну Лугу караул прошел, как на параде, и что я даю в том честное свое слово.

– Хорошо, [-] ответил Долуханов, [-] отдайте вашу шашку, сидите здесь, а я поеду к принцу.

Через час Долуханов вернулся сияющий.

– Вы знаете, что сказал мне принц: «Я скорее не поверю своим глазам, [-101-] чем не поверю честному слову офицера. Значит я ошибся».

Я не мог не привести этого случая, дабы не оставить неотмеченным редкое благородство чувств подчас бешенного, но рыцарски четного принца, а также доброту и доверчивость милейшего Долуханова.

Из числа караулов только два представляли некоторый интерес, а именно в Аничковском²⁹² и Зимнем²⁹³ дворцах.

Во время редких пребывания Александра III в столице он занимал первый из названных дворцов: в эти дни всегда бывали большие приемы, и караульная служба была особенно интенсивна. Караул приходилось вызывать едва ли не каждые полчаса и все время быть начеку. Хлопотливость службы компенсировалась превосходным довольствием, отпускаемым от Царского стола.

В Зимний дворец в караул ходила целая рота со знаменем. Кроме того, там же помещался дежурный по караулам и рунд. Поэтому нас набиралось не менее пяти офицеров, и мы довольно весело проводили время, тем более что все довольствие, и притом весьма хорошее, нам отпускалось от Двора. Вина нам давали вдоволь: полагалась одна бутылка водки на троих, полбутылки мадеры и по бутылке красного или белого вина на каждого офицера, и все это отличного качества. Помещение для караула в Зимнем дворце было очень хорошее, но отличалось одной особенностью, которую мне нигде не приходилось видеть в других зданиях. Вследствие какой-то особой системы отопления сухость воздуха в помещении была так велика, что ночью положительно нельзя было дышать: мы мочили полотенца и развешивали их на веревках, и только тогда [-102-] атмосфера становилась сколько-нибудь сносной, полотенца же высыхали совершенно.

²⁹² One of the Tsar's palaces located on the banks of the Fontanka River in Saint Petersburg.

²⁹³ The main royal palace located on Palace Square in Saint Petersburg.

В караульном помещении Зимнего дворца, на камине, стояли часы. Когда-то Император Павел, посмотрев на них, отправился на парад и опоздал. Когда выяснилось, что это произошло от того, что часы опаздывали, то он приказал посадить их под арест, где они находились более полувека спустя.

Это было то самое помещение, под которым был произведен взрыв в царствование Императора Александра II, когда погиб весь караул от л.-гв. Финляндского полка. Над караулом помещалась столовая. Государь и вся Царская Семья не погибли только потому, что Государь вернулся во дворец на пять минут позднее назначенного времени, что произошло потому, что поезд, который должен был привезти брата Императрицы, великого герцога Гессенского, которого поехал встречать Император, опоздал.

По службе нам приходилось ездить в царские дни во дворец на Высочайшие выходы, а также на придворные балы.

Я не знаю для кого я пишу эти записки: если для моих сверстников и для людей моего круга, то описывать выходы в Зимнем дворце не стоит: они видели их много раз, а если для обитателей коммунистической России, то стоит ли это моего труда? От этого зрелища они отвернутся с презрительной улыбкой. Но не буду мудрствовать лукаво, факты всегда останутся фактами и найдут себе место в истории.

На Высочайшие выходы съезжались весь Государственный Совет, Сенат, все придворные, особы первых четырех классов, гвардия и все пребывающие в столице генералы и штаб-офицеры. Все присутствующие [-103-] были в парадных формах. Высшие чины и придворные, «имевшие вход за кавалергардов» (от названия кавалергардского караула разделявшего помещение Зимнего дворца на две неравные части: ультра селективную и менее знатную), собирались в зале поближе к церкви. Для каждой из поименованных выше групп были отведены особые залы. Все присутствовавшие становились шпалерами. Императорская фамилия, собравшаяся во внутренних покоях, направлялась в церковь, и начинался торжественный вход. Впереди шли камер-лакеи и гоф-фурьеры в своих роскошных красных мундирах, за ними придворные, младшие впереди, камер-юнкеры, камергеры, гофмейстеры, шталмейстеры, егермейстеры, обер-шталмейстеры, обер-егермейстеры, обер-гофмейстеры. Затем Государь, ведущий под руку Императрицу, а за ними Великие Князя, Княгини и Княжны, причем дамы в так называемых русских платьях, шлейфы которых носимы камер-пажами, а затем статс-дамы и фрейлины. Государь и Императрица

приветливо улыбались направо и налево, проходили перед склонявшейся перед ними расшитой золотом толпой.

По окончании богослужения Императорская Фамилия тем же путем возвращалась во внутренние покои.

– Как все это нелужно! – воскликнет иронически сын современной демократической России, а я скажу, как это было красиво и уже по этому одному нужно. К тому же я полагаю, что причина полезности таких церемоний лежит гораздо глубже.

Полезен ли или вреден монархический образ правления – вопрос, разрешаемый нынешним веком. По-видимому, он разрешается отрицательно. Будущее покажет, насколько состоятельно такое решение. Но что монархия в свое время была политической необходимостью, [-104-] в этом не может быть спора. Из хаоса, внесенного в Европу переселением народов, последние организовались лишь благодаря феодальному строю. В свою очередь т.ск. мелкопоместный строй феодализма был поглощен королевской властью, равно заинтересованной во благе всех своих подданных; и во имя равноправия, государственности и права Иоанн Грозный²⁹⁴, Генрих VIII Английский²⁹⁵, Людовик XI Французский²⁹⁶ и Филипп II Испанский²⁹⁷ рубили головы своих феодалов. Монархии создали Европу XIX столетия, и на смену им явились идеи народоправства. Но и та, и другая идеи суть фикции: монарх на троне далеко не всегда является действительным властелином, народ же абсолютно никогда не правит собою: правит только группа, стоящая у власти, далеко не всегда представляющая желания и идеи большинства. С другой стороны, самодержавие монарха даже меньшая фикция, чем народоправство, т.к. история знает ряд монархов, которые действительно правили лично, например, Карл Великий²⁹⁸, Людовик XIV²⁹⁹, Наполеон³⁰⁰, Петр Великий³⁰¹. Конечно, нельзя требовать от судьбы, чтобы она [о]дарила страну рядом монархов, отмеченных даровитостью. Тогда отсутствующий талант

---

²⁹⁴ Ivan IV the Terrible (1530–1584), Grand Prince of Moscow from 1533 to 1547, gave himself the title of tsar (1547–1584).

²⁹⁵ Henry VIII Tudor (1491–1547), King of England from 1509 to 1547.

²⁹⁶ Louis XI (1423–1483), King of France from 1461 to 1483.

²⁹⁷ Philip II, Holy Roman Emperor (1527–1598), King of Naples and Sicily from 1554 to 1598, King of Spain from 1556 to 1598, King of Portugal from 1580 to 1598.

²⁹⁸ Charles I the Great (742 or 747–814), King of the Franks and Lombards, Roman Emperor from 800 to 814.

²⁹⁹ Louis XIV the Great (1638–1715), King of France and Navarre from 1643 to 1715.

³⁰⁰ Napoleon Bonaparte (1769–1821), Emperor of the French from 1804 to 1814.

³⁰¹ Pyotr I (1672–1725), Tsar of Russia from 1682 to 1725.

маскируется пышностью, недостижимостью, церемониями. Монарх обращается в полубожество. Он один имеет право носить определенную одежду, он восседает на троне; чтобы дойти до него, надо пройти через ряд затруднений, он окружен всем, что есть великого в стране, и это самое великое и грозное, в представлении народа, склоняется во правах перед монархом, ибо оно велико и значительно не само по себе, но потому, что оно близко к монарху.

Я где-то вычитал такой анекдот. Один иностранец, присутствовавший во дворце, в царствовании Императора Павла³⁰², спросил своего [-105-] соседа, ука- зывая на одного из сановников:

– Кто этот вельможа?

Павел услышал слова иностранца и, обратившись к нему, сказал:

– Знайте, сударь, что в России вельможа только тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю!

В этих словах принцип абсолютизма выразился, быть может, еще более ярко, чем в знаменитой фразе Людовика XIV: „*L'État, c'est moi!*”

Обряд коронации царя «Божией милостью» закрепляет за монархом, если и не его лично, то его власти божественное происхождение, и эта фикция поддерживается всем аппаратом монархического управления, и народная масса невольно ей верит. Без пышности, без церемониала, без корон, порфир, мантий, скипетров и держав, расшитых золотом придворных мундиров и атмосферы преклонения монархия немислима, как, конечно, не религия, а философия, церковь без фимиама, нимбов, таинств, икон и статуй. Но если помянутые аксессуары, скажет мне современный читатель, существуют только для того, чтобы покрыть пустое место, то это лишь доказательство того, что не только они не нужны сами, но тем более и то, что они покрывают. Это не так. Все эти декорации необходимы лишь на время, когда на престол[e] нет действительного таланта, а за него действуют организация и традиция, способные, однако, дотянуть время до появления нового таланта. Вспомните хотя бы период от Петра Великого до Екатерины Второй³⁰³: почти сто лет на престоле сидели бездарности, но это не помешало России по инерции развивать свою мощь и завоевывать себе положение в Европе. После этого Господь благословил Россию даровитыми тремя

---

³⁰² Pavel I Romanov (in reality Oldenburg-Schleswig-Holstein-Gottorp) (1754–1801), Tsar of Russia in 1796–1801.

³⁰³ Catherine II (1729–1796), Sophie Friederike Auguste von Anhalt-Zerbst, wife of Tsar Pyotr III of Russia, Tsarina of Russia in the years 1762–1796.

Александром³⁰⁴. Наступило царствование [s. 106] Николая II³⁰⁵. Я не буду здесь останавливаться на анализе его личности, но и враг этого Государя не поставит его на одну доску с какой-нибудь Анной Иоанновной³⁰⁶, которую сумела вытерпеть Россия. Немного терпения и Россия перескочила бы неблагоприятный период своей истории, война была бы победоносно кончена и нет тех красок и того пера, чтобы описать то величие, которого достигла бы наша родина. Когда подумаешь об этом, то слезы душат и кулаки сжимаются от злости... И я уверен, что одной из причин падения монархического принципа было его опрощение. Ведь такой необыкновенный знаток человеческой психики, как Наполеон, лишь только он стал Императором, окружил себя необыкновенной пышностью до такой степени, что даже для себя лично он [п]остановил какой-то необычайный костюм, изобретенный для него художником Давидом³⁰⁷: смесь одеяния Римского императора и Карла Великого... Однако опрощение поддерживалось всеми и едва ли не имело первоисточником давно начатую какую-то таинственной силой кампанию против монархов.

Вспоминаю наш театр, несомненно, имеющий воспитательное, в данном случае развращающее, влияние на народные массы. Ведь цари на сцене, их министры и двор всегда выставлялись как предмет осмеяния или презрения. Атрибуты царской власти, скипетры и державы, обращались в кнут самодура и в бубенчики шута. Один еврей Оффенбах³⁰⁸ в этом отношении сделал своими оперетками для развращения (с моей точки зрения, а с иной – для просвещения) масс более чем сотни тысяч брошюр Каутского³⁰⁹ и Карла Маркса³¹⁰. А как легко из великого сделать смешное: не даром Наполеон говорил: „*Du sublime au ridicule, il n'y a qu'un pas !*“. Цари должны появляться пред [-107-] народом во всей красоте атрибутов своей власти, и, каковы бы ни были они на самом деле, они всегда будут казаться великими и сильными. И как это понимает мудрая Англия!

---

³⁰⁴ Three Russian Tsars: Alexander I (1801–1825), Alexander II (1855–1881) and Alexander III (1881–1894)

³⁰⁵ Nicholas II (1868–1918), Tsar of Russia from 1894 to 1917.

³⁰⁶ Anna Ivanovna Romanova (1693–1750), Tsarina of Russia in 1730–1740.

³⁰⁷ Jacques-Louis David (1748–1825), French painter, representative of classicism, court painter of Napoleon Bonaparte.

³⁰⁸ Jacques Offenbach (1819–1880), French composer of Jewish origin, creator of operettas.

³⁰⁹ Karl Johann Kautsky (1854–1938), Austrian social democratic activist, opponent of Bolshevism and Lenin's views.

³¹⁰ Karl Marx (1818–1883), German philosopher, sociologist, economist and revolutionary, founder of scientific socialism.

Первое делалось постепенно все затруднительнее. Революционные силы своими постоянными террористическими актами сделали общение монарха с народом весьма трудным, и его личное воздействие на народные массы, его личное обаяние, это могущественное средство в руках каждого государственного деятеля, выпадало из его рук. Царственная пышность все реже и реже имела возможность себя проявлять, и монарх мало-помалу совершенно исчезал из народной идеологии. Этой «осадой власти», по меткому выражению нововременского публициста Меньшикова³¹¹, достигалось то, что кому-то было нужно.

Опрощение принимало иногда странные формы.

Николай II в последнее время часто принимал представляющихся ему в малиновой рубашке Стрелкового батальона, подпоясанный каким-то веревочным кушачком. Императрица Александра Федоровна³¹² в учрежденном ею во время войны лазарете стригла ногти на ногах солдат. Нужно ли Императору принимать внешность мужичка, а Императрице делаться Магдалиною³¹³, умывающей ноги «богоносцу»-мужику, перед которым будто бы так виновата правящая Россия! Я уверен, что посетитель выносил совершенно разные чувства, уходя из кабинета затянутого в мундир Николая I³¹⁴ или благодушного Николая II, а солдат – при виде недосыгаемой, напудренной и окруженной придворными, хотя и ничтожной, Анны Иоанновны или склонявшейся перед ним *honoris causa* доктором Кембриджского университета, Императрицы Александры Федоровны.

Пусть я неправ в превозношении пышности в политическом или, [-108-] вернее, психологическом его значении, но она имела еще другую сторону – красоту. Весь царский обиход, дворцы, выходы, коронации, похороны, свадьбы были обставлены сказочной красотой, о которой трудно себе составить понятие лицу, их не видавшему. Мне скажут, что нет основания делать из красоты привилегию монарха, она должна принадлежать всем. Есть же красота жизни во Франции, где давно уже нет монарха. (Да и прекраснейше, что в ней есть, создано при королях). Я отвечу на это, что чувство изящного врожденное у французов, а у нас требует воспитания и поддержки. Русские так легко готовы обратиться в серое стадо. Для того чтобы существовала красота жизни нужно, чтобы она у кого-нибудь достигала

---

³¹¹ Mikhail Osipovich Menshikov (1859–1918), hydrographer, party ideologist Russian national newspaper newspapers «Novoe Vremya» from 1901 to 1917.

³¹² Alexandra Fyodorovna (born Alice of Hess-Darmstadt) (1872–1918) – the last Empress of Russia as the wife of Emperor Nicholas II

³¹³ Stremoukhov compares Alexandra Fyodorovna to St. Mary Magdalene.

³¹⁴ Nicholas I (1796–1855), Tsar of Russia from 1825 to 1855.

высоты совершенства, и конечно она никому не доступна в той степени, на какую ее может возвести монарх, которому это и принадлежит по праву, как выразителю народных идеалов и мощи. Но для чего нужна красота, обслуживающая только одного? Для того, чтобы она облагораживала всех остальных. Кому нужны Рубенсы³¹⁵ и Рафаэли³¹⁶, Праксители³¹⁷ и Торвалдсены³¹⁸, гобелены и брабантские кружева? Они нужны для общего поднятия искусства, у которого учится средний талант, в свою очередь обслуживающий широкие массы. Кому нужна Английская скаковая лошадь или Орловский рысак, кому нужно, чтобы лошадь проскакала без секунд версту? Ведь на этакой лошади никуда не поедешь, и пользоваться ею для практической надобности невозможно. Однако за Галтимора³¹⁹ заплатили 200000 рублей, что весьма понятно, потому что такой рысак или скакун своей кровью облагораживает сотни других лошадей, практическая необходимость коих очевидна каждому... Где нет высшей селекции, там нет и превосходной середины.

Мнестраннонынепостояннослышатьиличитатьфразу:[-109-]«Лучшее, что есть в народе, это его демократия!» Это же абсурд! Лучшее, что есть в народе – это его аристократия. Она может временно, под влиянием тех или других исторических причин, опуститься, но это только доказывает ослабление творческой силы в самой природе народа. Если селектированные семена какого-нибудь поля плохи, то не могут быть хороши семена всего произраставшего на этом поле растения. Если четверть века тому назад под словом аристократическая наружность понималось выражение благородства, то теперь хотят заставить преклониться перед всем, перед чем поставлено прилагательное «демократическое». Ведь это все равно, что уверять, что молоко лучше сливок! Аристократия нужна каждому народу, и если он потеряет способность ее производить, то он сам от того потеряет. Необходимо лишь чтобы доступ в аристократию был открыт для широких масс, и, конечно, не в этом грешна Россия, про которую сказал поэт: «Не погиб еще тот край, что выводит из народа столько славных то и знай!». В России были графы Василье-

³¹⁵ Pyotr Paul Rubens (1577–1640), Flemish painter, representative of Baroque painting.

³¹⁶ Raffaello Santi (1483–1520), Italian painter and architect, representative of Italian Renaissance painting.

³¹⁷ Praxiteles (4th century BC), a Greek sculptor from Athens, created in the late classicist style.

³¹⁸ Bertel Thorvaldsen (1770–1844), a Danish sculptor of Icelandic origin, created in the classicist style.

³¹⁹ Galtee More (1894–1917) was an Irish-bred, British-trained Thoroughbred racehorse and sire. In October 1897 it was purchased by the Main Board of State Stud Farms for 200,000 gold rubles. In 1904 he was sold to the German government for £14,000 and relocated to Graditz.

вы³²⁰, Никитины³²¹, Евдокимовы³²², Сперанские³²³, Сольские³²⁴, князя Меньшиковы³²⁵, которые не могли бы сказать, кто был их дед. Россия скорее виновата в том, что не умела сохранить и организовать свою аристократию, как сделала мудрая Англия своей системой палаты лордов³²⁶, майоратов и пэрства, и, быть может, самый большой грех русских венценосцев заключается в том, что они были слишком большими демократами...

Я знаю заранее, что в ответ на мои аристократические тенденции мне укажут на счастливые демократии: Швейцарию и Соединенные Штаты. Швейцария маленькая страна, которая не может быть сравниваема с условиями великой России, а так ли уже хорошо живется в «Величайшей [- 110-] демократии мира», с ее двенадцати миллионами безработных и гангстерами, терроризирующими целую страну! Во всяком случае, ничего эти страны для человеческого духа не создали.

И опять я предвижу возражение. Мне скажут, что не аристократия выдвинула из своей среды тех гениев мысли, которыми гордится и гордился мир. Отчасти это возражение справедливо, но аристократия (в широком понимании этого слова) была той средой, которой воспринимались и вскармливались гении. Можно ли себе представить великих художников Возрождения – Леонардо да Винчи³²⁷, Микель-Анджело³²⁸ и Рафаэля без Сфорц³²⁹ и Медичи³³⁰, Гете³³¹ без атмосферы

³²⁰ The Vasilyev family descends from Ivan Vasilyevich Vasilyev, who was ennobled during the reign of Pyotr I. The title of count was given to Alexey Ivanovich Vasilyev in 1801, who held the position of Minister of Finance during the reign of Alexander I.

³²¹ The Nikitin family had already been ennobled in the 17th century. The title of count was awarded to the cavalry general Alexey Petrovich Nikitin in 1847. A few years later (1852), the title of count was given to the Orlov-Denisov family – they were called Orlov-Denisov-Nikitins.

³²² In 1859, Nikolay Ivanovich Yevdokimov received the title of count. After his death without heirs, in 1862, the title passed into the hands of the Dolivo-Dobrovolskiy family – who named themselves Counts Dolivo-Dobrovolskiy-Yevdokimov.

³²³ In 1839, Mikhail Speranskiy received the title of count from Nicholas I. In 1872, the count's title passed to Prince Mikhail Rodionovich Kantakuzin.

³²⁴ In 1902, Dmitriy Martynovich Solskiy received the title of count from Tsar Nicholas II for more than half a century of service to the ruling house and the fatherland.

³²⁵ The family descends from Alexander Danilovich Menshikov, who in 1707 received the princely title for his faithful service to Pyotr I. The princely title passed into the hands of the Koreisha family.

³²⁶ House of Lords in Great Britain.

³²⁷ Leonardo da Vinci (1452–1519), Italian artist and scholar. Active during the Renaissance.

³²⁸ Michelangelo (1475–1564), Italian sculptor, painter, poet, and architect. Active during the Renaissance.

³²⁹ The Sforza family was an aristocratic Italian family that ruled the Duchy of Milan since the mid-15th century.

³³⁰ Medici – a banking and merchant family present in Florence since at least the beginning of the 13th century. From 1477, the Medici held the princely title.

³³¹ Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832), German poet active at the turn of the 18th and 19th centuries. Representative of classicism and forerunner of romanticism.

Веймарского двора³³², Вольтера³³³, Даламбера³³⁴ и других энциклопедистов вне утонченного круга высшей французской знати, вскормившей их себе на погибель!

Извиняясь за это длинное отступление, возвращаюсь к своему повествованию.

Как усмотрел читатель, служба того времени в полку представлялась мало интересной, но доставляла большой досуг, которым каждый офицер мог пользоваться согласно своим вкусам и желаниям. По большей части молодежь отдавалась светской жизни. В первый год моего офицерства я продолжал мои знакомства в большом свете, но вскоре меня постигло разочарование. Мой скромный Егерский мундир слишком затмевался в среде, где блистали конногвардейцы, кавалергарды и лейб-гусары. В этой среде я был почти одинок и вызывал как бы некое недоумение.

Наша форма для танцевальных вечеров, сюртук с эполетами, ни на одну йоту не отличалась от конногвардейской. Как-то на одном вечере у графа Левашева³³⁵ одна великосветская барышня спросила [-111-] меня, что поделывает мой товарищ Х. Я ответил, что не знаю, т.к. Х. мне не товарищ. Барышня сделала удивленную физиономию и сказала:

– Как же он вам не товарищ? Ведь вы конногвардеец.

Я ответил, что я не конногвардеец, а егерь.

– А это что за полк, [-] спросила меня барышня, [-] он тоже стоит в Петербурге?

Вопрос этот был поставлен в присутствии офицеров других частей, и я заметил, как они улыбнулись. Меня этот случай очень уязвил, и я начал отставать от большого света, не разрывая со своими друзьями, но избегая балов, танцевальных вечеров и других подобных сборищ.

С сожалением должен отметить печальную черту гвардии того времени, что каждый полк занимал в ней особое место и снобировал своих товарищей по оружию.

---

³³² The Weimar Court during the reign of Duke Charles Augustus (1758–1828). This ruler was known for maintaining extensive patronage of the arts.

³³³ Voltaire (1694–1778), French philosopher, writer, and historian. A great flatterer of Russia. Active during the Enlightenment.

³³⁴ Jean Le Rond d'Alembert (1717–1783), French philosopher, mathematician, and physicist. Active during the Enlightenment. He was a member of the group of encyclopedists.

³³⁵ Vladimir Vasilyevich Levashov (1834–1898), count, artillery general, in the 1880s he held the position of deputy at the Ministry of War.

Первое место в большом свете занимали кавалергарды³³⁶, затем конногвардейцы, лейб-гусары³³⁷ и гвардейская конная артиллерия³³⁸, но и между этими частями были оттенки, дававшие повод каждой из них считать себя выше. Затем шли Преображенцы³³⁹, Лейб-Уланы³⁴⁰, потом Семеновцы³⁴¹ и Егеря. Хотя Семеновцы и гордились тем, что входили, вместе с Преображенцами в так называемую Петровскую бригаду, но то обстоятельство, что в Егеря почти исключительно выходили пажы, давало повод и этим полкам к соревнованию. Отличительно чертой Семеновского полка было обилие в нем немцев. Как-то демонстрировали приказ по Семеновскому полку в день, когда он занимал караулы, причем в наряде офицеров свыше двадцати человек не было ни одной русской фамилии. Затем следовали кирасиры, Измайловцы³⁴², а о второй гвардейской пехотной дивизии, в том кругу в котором [-112-] я вращался, никто и не разговаривал.

Отказ от светских развлечений оставил большую пустоту в моей жизни, но на мое счастье, я всегда очень любил чтение и охотно мог просиживать за книгами целые вечера дома. Произведения Тургенева³⁴³, Достоевского³⁴⁴, Толстого³⁴⁵, Гончарова³⁴⁶, Писемского³⁴⁷, начинающего Чехова³⁴⁸ не только читались с жадностью,

---

³³⁶ Cavalry Guards – a military unit of heavy cavalry of the Russian army existing in the years 1724–1917. It was an elite military unit serving for representative purposes at the tsar's court.

³³⁷ His Majesty's Leibguard Hussar Regiment was a military cavalry unit of the Russian army that existed in the years 1774–1917. It was an elite military unit serving for representative purposes at the tsar's court.

³³⁸ The author of the memoirs had in mind the Horse Artillery Brigade of the Leibguard operating since 1870. It was created as a result of a long-term process of transforming various military units of the horse artillery of the Leibguard.

³³⁹ Preobrazhenskiy Leibguard Regiment – an elite military infantry unit of the Russian army existing in the years 1690–1917.

³⁴⁰ The Leibguard Uhlan Regiment was a military cavalry unit of the Russian Army operating in the years 1803–1917.

³⁴¹ Semyonovskiy Leibguards Regiment – an elite military infantry unit of the Russian army existing in the years 1683–1917.

³⁴² Izmaylovskiy Leibguards Regiment – an elite military infantry unit of the Russian army existing in the years 1730–1917.

³⁴³ Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–1883), Russian writer. He was one of the representatives of realism in literature.

³⁴⁴ Fyodor Mikhaylovich Dostoyevskiy (1821–1881), Russian writer. He was one of the representatives of realism and naturalism in literature.

³⁴⁵ Lev Nikolayevich Tolstoy (1828–1910), Russian writer, playwright, and teacher. He was one of the representatives of realism in literature.

³⁴⁶ Ivan Alexandrovich Goncharov (1812–1891), Russian writer. He was one of the representatives of realism in literature.

³⁴⁷ Alexey Feofilaktovich Pisemskiy (1821–1881), Russian writer and playwright.

³⁴⁸ Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904), Russian playwright and short story writer.

но о них было принято говорить в обществе, спорить о них. Были дома, куда можно было ездить с книгой и читать вслух. Было в моде и знать наизусть стихи и их декламировать. Я сам мог продекламировать наизусть страниц тридцать из «Демона»³⁴⁹, а равно и все «Горе от ума»³⁵⁰. К тому же я и сам пописывал стихи и небольшие рассказы, не слишком, как говорили, плохие. Два моих стихотворения были помещены в «Русском Вестнике»³⁵¹, тогда издававшемся Бергом³⁵², три рассказа в «Природе о Охоте»³⁵³ и рассказ «Жизнь» в фельетоне «Нового Времени»³⁵⁴. Последний получил полное одобрение от сурового критика Буренина³⁵⁵.

Но и помимо чтения, моя жизнь наполнилась новым событием, моим первым романом, длившимся четыре года.

Я не стал бы останавливаться на этом эпизоде моей жизни, если бы героиня его не представляла собою самодовлеющего интереса.

Предметом моей первой привязанности была довольно известная артистка Александринского театра Х.³⁵⁶ Мой друг и товарищ, а впоследствии шурин, А.А. Салтыков³⁵⁷, вышедший в 1884 году в Преображенский полк, своим отцом³⁵⁸ был представлен Х. и вскоре влюбился в ее дочь³⁵⁹. В свое время Салтыков-отец сам ухаживал за Х. Вместе со своим другом я стал бывать в доме последней. Разница в наших годах была велика. Вскоре мы сблизились. Комбинация была несколько, что называется «Черт с младенцем». У нас в России не [113] очень молодых женщин весьма быстро сдают в архив, и близость с ними вызывает не только удивление, но и насмешку. Совсем иное отношение к ним на Западе. Вспомните

³⁴⁹ „Демон“ – a poem by Mikhail Lermontov.

³⁵⁰ „Горе от ума“ – a comedy by Alexander Sergeyevich Griboyedov.

³⁵¹ „Русский Вестник“ – a literary-artistic and scientific-publicistic (propaganda) magazine published in Moscow in 1856–1906. Its founder was Mikhail Katkov

³⁵² Fyodor Nikolayevich Berg (1839–1909), Russian poet, translator, journalist and publicist. From 1887 he was editor of the journal “Русский Вестник”.

³⁵³ „Природа и Охота“ – an illustrated magazine published monthly in 1878–1912 in Russia.

³⁵⁴ „Новое Время“ – a literary and socio-political newspaper published in Saint Petersburg in 1868–1917.

³⁵⁵ Viktor Petrovich Burenin (1841–1926), Russian literary and theatre critic, publicist, poet and playwright.

³⁵⁶ Under the female initial “Х.” the author of the memoirs hid Antonina Ivanovna Abarinov nee Reichelt (1842–1901), a Russian theatre actress and opera singer.

³⁵⁷ Alexander Alexandrovich Saltykov (1865–after 1921), graduate of the Corps of Pages, official and local government activist, including member of the State Council and Governor of Tambov.

³⁵⁸ Alexander Mikhailovich Saltykov (1828–1903), adjutant general, head of the military chancellery of Alexander II.

³⁵⁹ Nadezhda Alexeyevna Voyeykova (1864–after 1921), married to Alexander Alexandrovich Saltykov from 1885.

Нинон-де-Ланкло³⁶⁰, М-ме Рекамье³⁶¹, М-ме де Сталь³⁶², причем последняя была даже очень некрасива, сводившую с ума таких людей как Шатобриан³⁶³, Бенжамен-Констан³⁶⁴ и принц Прусский, и 44-х лет, вышедшая замуж за безумно в нее влюбленного молодого человека³⁶⁵. В 1885 году Х. была еще красивой женщиной, игравшей на сцене Александринского театра роли *grande coquette*. Ее коронными ролями были: роль Наталии Петровны Ислаевой³⁶⁶ в Тургеневском «Месяц в деревне»³⁶⁷ и в «Блуждающих огнях»³⁶⁸ – роль старшей сестры³⁶⁹. По успеху в этих пьесах Х. соперничала с М[арией] Г[авриловной] Савиной³⁷⁰. В 1886 году специально для бенефиса Х. известным издателем и редактором «Гражданина»³⁷¹, кн. Мещерским³⁷², была написана пьеса «Болезнь Века»³⁷³, где она в главной роли изображала кокетку, разоряющую какого-то князя. Большой успех имела она и в «Смерти Агриппины»³⁷⁴ Буренина, где она выступала в заглавной роли. Близость к актрисе всегда имеет большое обаяние. В театре, на сцене, под гримом она кажется особенно красивой; она посылает вам улыбки, играет будто бы для вас, подчеркивая те или другие выражения, имеющие интимный смысл и значение. Приятно сознавать, что существо, вызывающее похвалы и аплодисменты, близко к вам. Но и вне сцены, в домашнем быту, жизнь актрисы содержательнее жизни

³⁶⁰ Anne de L'Enclos (1615/1623–1705), writer, patron of the arts, and French courtesan. Active in Paris during the reign of King Louis XIV.

³⁶¹ Juliette (Julie) Récamier (1777–1849), French intellectual, patron of art and literature in Paris in the first half of the 19th century. The literary and political salon she ran was considered the intellectual centre of Paris.

³⁶² Anne-Louise Germaine de Staël von Holstein née Necker (1766–1817), writer, literary theorist and French publicist, known as Madame de Staël. She led a literary salon. Expelled from France in 1803 by Napoleon Bonaparte. She proclaimed the cultural superiority of Germany.

³⁶³ François-René de Chateaubriand (1768–1848), French writer, politician and diplomat.

³⁶⁴ Henri-Benjamin Constant de Rebecque (1767–1830), French-Swiss writer, poet, philosopher and publicist.

³⁶⁵ Albert Jean-Michel de Rocca (1788–1818), French army officer, second husband of Anne-Louise Germaine de Staël-Holstein.

³⁶⁶ One of the main characters of Ivan Turgenev's play „Месяц в деревне”.

³⁶⁷ „Месяц в деревне” – a play by Ivan Turgenev written in 1850. It was published in 1855.

³⁶⁸ „Блуждающие огни” – a theatrical play (drama) written in 1873 by playwright Luka Nikolayevich Antropov.

³⁶⁹ The role of Lidia Grigoryevna Mariyeva in the play “Блуждающие огни”.

³⁷⁰ Maria Gavrilovna Savina (1854–1915), Russian actress. She performed on the stages of imperial theatres.

³⁷¹ „Гражданин” – a literary and political magazine in Russia published in 1872–1879 and 1882–1914.

³⁷² Vladimir Petrovich Meshcherskiy (1839–1914), prince, writer and Russian publicist. Publisher of, among others, the newspaper “Гражданин”.

³⁷³ The author was rather referring to the play “Болезнь сердца”.

³⁷⁴ „Смерть Агриппины” – a play (drama) written in 1886 by Viktor Petrovich Burenin.

обыкновенной светской женщины. У нее всегда появляются литераторы, артисты, поклонники из самых разнообразных слоев общества. Разговоры вращаются около искусства, литературы, далеких от ничтожных тем светского будуара или салона, заполненного сплетнями. Но, когда эта актриса сверх того умна, опытна, много видела и путешествовала, то [-114-] сфера интересов становится еще обширнее.

Antonina Ivanovna Abarinova née Reichelt

Х. происходила из хорошей дворянской фамилии. Отец ее до чина полковника³⁷⁵ служил в л.-гв. Егерском полку и в молодых годах принимал

---

³⁷⁵ Ivan Alexandrovich Abarinov (before 1805–after 1859), major general, official with the rank of *active state councillor*, head of the city prison in Saint Petersburg, landowner in the Tula Governorate.

участие в знаменитом штурме Варны³⁷⁶. Вообще мне пришлось заметить, что в среде актрис гораздо более попадалось женщин из хорошего круга, чем среди актеров, от которых они выгодно отличались; последние бывали по большей части самого темного происхождения. Это обстоятельство ставило актрис в нравственном отношении гораздо выше своих коллег мужчин, поражавших своим цинизмом, хамством и некультурностью. Я никогда не мог понять, как могли наши актеры, никогда не видевшие вблизи великосветского быта, так удачно изображать иногда наших аристократов. Немудрено изобразить какого-нибудь короля или герцога прошлых веков, которого никто из здравствующих людей не видел; кто их знает, каковы они были на самом деле, но представить правдиво наши современные типы, никогда их не наблюдав, для этого должна быть особая интуиция.

Окончив Екатерининский институт³⁷⁷, Х. очень еще молодой вышла замуж за горного инженера³⁷⁸, с которым была очень несчастлива и вскоре от него бежала. У Х. был недурной голос, почему она поехала в Париж учиться пению у знаменитой Виардо³⁷⁹, где провела около двух лет. Она рассказывала мне о том возмутительном третиговании, которому подвергся И.С. Тургенев со стороны Виардо. Этот замечательный человек был у нее просто на побегушках и трепетал перед ней, как мальчишка.

Усовершенствовавшись в пении, Х. вернулся в Россию и пела на казенной Императорской сцене Александровского театра³⁸⁰ в оперетке. [-115-] Когда-то она считалась лучшей русской Периколай³⁸¹. Через некоторое время Х. сошлась с весьма известным в свое время морским министром Краббе³⁸². Старик был очень в нее влюблен и много из-за нее делал глупостей. Эта связь не помешала Х. влюбиться в некоего К. и бросить Краббе. Адмирала сразил удар, от которого он вскоре и умер.

---

³⁷⁶ The Storming of Varna - military operations during the Russo-Turkish War of 1828–1829. Russian troops besieged and captured Varna in 1828.

³⁷⁷ In fact, Antonina Ivanovna Abarinova graduated in 1858 from the so-called Patriotic Institute operating under the auspices of the Imperial Women's Patriotic Society.

³⁷⁸ Nikolay Petrovich Reichelt (before 1840–1899), mining engineer, state councillor.

³⁷⁹ Pauline Viardot (1821–1910), singer, composer and singing teacher of Spanish origin.

³⁸⁰ Imperial Theatre operating in Saint Petersburg since 1832.

³⁸¹ La Perricholi (Maria Micaela Villegas Hurtado) (1748–1819), Peruvian theatre actress and singer.

³⁸² Nikolay Karlovich Krabbe (1814–1876), admiral of the Russian fleet, high-ranking official, headed the Maritime Ministry in 1860–1876.

Х. была женщиной характера страстного и довольно неукротимого. На Александринской сцене у нее была соперница – певица Кроненберг³⁸³. Однажды поклонники Кроненберг сделали последней после дуэта, спетого с Х., шумную овацию. Х. рассердилась и энергично плюнула в публику, т.е., вернее, сделала соответствующий жест и произнесла «тьфу». Поднялся страшный скандал..., Х. пришлось оставить Императорскую сцену. Она перебралась в Тифлис³⁸⁴, где тоже на казенной сцене она пела уже в опере. Между прочим, при исполнении партии Вани³⁸⁵ в опере «Жизнь за Царя»³⁸⁶ с ней произошел следующий случай. Во время известной сцены у ворот Ипатьевского монастыря³⁸⁷, когда Ваня поет арию «Бедный конь в поле пал», которая заканчивается троекратным призывом: «О[т]ворите, отворите» [ворота], раздался из райка крик какого-то армянина: «Да отворите же, может быть, в самом деле ему очень нужно!»

В Тифлисе Х. приобрела расположение Вел. Князя Михаила Николаевича³⁸⁸. Припоминаю, что даже много лет спустя, гуляя с Х. по Летнему саду, мы встретились с Великим Князем, который очень долго с ней разговаривал, а меня шутя спросил: «А ты, что такое при ней делаешь?» Также мило относился к ней и Великий Князь Владимир Александрович³⁸⁹. [-116-]

Не знаю почему, но Х. скоро потеряла голос для пения. В жизни и на сцене, в комедии и драме, у нее был очень красивый и звучный контральто, но когда она изредка, желая тряхнуть стариной, пыталась дома петь, то ее голос поражал своим неприятным тембром и нельзя было поверить, что когда-то на сцене он мог доставить кому-то удовольствие.

Потеря голоса заставила Х. переменить род деятельности, и она поступила на драматическую сцену Александринского театра, где быстро заняла почетное положение в ролях *grande coquette*. Немало способствовало ее успеху знание быта действительной светской жизни и необходимого в некоторых ролях французского языка, ужасный выговор на котором, например, у М.Г. Савиной, положительно резал ухо.

³⁸³ Zinaida Dmitriyevna Kronenberg (1847–1884), Russian opera artist and ballerina.

³⁸⁴ Currently Tbilisi is the capital of Georgia.

³⁸⁵ A character from the opera “Жизнь за Царя”, contralto.

³⁸⁶ “Living for the Tsar” – an opera by Mikhail Ivanovich Glinka.

³⁸⁷ Ipatievskiy Monastery – an Orthodox men’s monastery located in Kostroma.

³⁸⁸ Mikhail Nikolayevich (1832–1909), Grand Duke, son of Tsar Nicholas I, viceroy of the Caucasus in 1862–1881 and then chairman of the State Council 1881–1905.

³⁸⁹ Vladimir Alexandrovich (1847–1909), Grand Duke, son of Tsar Alexander II, infantry general, in 1884–1905 commander-in-chief of the Guards troops in the St. Petersburg Military District.

Я не сказал бы, что Х. обладала большим талантом, но она была актриса умная и работавшая над своими ролями, а потому ее игра всегда доставляла удовольствие. Я часто, в свое время, репетировал с ней роли и высказывал свои замечания, а также выражал их после исполнения на сцене, и она принимала их не только к «сведению», но и к «исполнению», что конечно тешило мое самолюбие.

У Х. было много друзей в так называемых «сферах». Иногда посещал ее, впрочем очень таинственно, председатель департамента Государственного Совета, Э.Э. Фриш³⁹⁰, а чаще товарищ министра народного просвещения, кн. М.С. Волконский³⁹¹. Последний производил на нас, молодежь, самое обаятельное впечатление своею утонченной любезностью и вниманием. У Х. я встречал многих писателей, в числе их кн. Мещерского, Лугового³⁹², Бежецкого³⁹³, Гнедича³⁹⁴. Чаще всего бывал у нее Нововременский критик В.П. Буренин. Необычайно злой, В.П., [-117-] был совершенно добродушен в доме Х., от которой он получал частые и жестокие головомойки за травлю поэта Надсона. Насколько Буренин был зол, характеризует следующее посвященное ему стихотворение:

По улице идет собака,
За ней Буренин, тих и мил,
Городовой смотри, однако,
Что б он ее не укусил!

У Х. я не один раз встречал Савину. Последняя имела массу поклонников, но на меня лично, вне сцены, всегда производила неприятное впечатление свойством говорить исключительно о себе и своих интересах. Тоже малосимпатичное впечатление произвела на меня знаменитая Ермолова³⁹⁵, иногда приезжавшая из Москвы и бывшая у Х. Она была как-то ужасно суха и сдержанна. У Х. я познакомился и со знаменитой итальянской танцовщицей Виргинией Цукки³⁹⁶ и испанской певицей Адель Борги³⁹⁷.

³⁹⁰ Eduard Wilhelm Vasilyevich Frisch (1833–1907), senator, deputy minister of justice, chairman of the State Council.

³⁹¹ Mikhail Sergeevich Volkonskiy (1832–1909), prince, senator, deputy minister of public education.

³⁹² Alexey Alexeyevich Tikhonov (1853–1914), pseudonym Lugovoy, writer, poet and editor.

³⁹³ Alexey Nikolayevich Maslov (1852–1922), pseudonym Bezhetskiy, writer, publicist, general-engineer.

³⁹⁴ Pyotr Petrovich Gnedych (1855–1925), writer, playwright and translator.

³⁹⁵ Maria Nikolayevna Yermolova (1853–1928), actress of the Maly Theatre in Moscow.

³⁹⁶ Virginia Zucchi (1847/1849–1930/1933), Italian ballerina, prima-ballerina of the Mariinsky Theatre in 1885–1888.

³⁹⁷ Adelaide Borghi-Mamo (1829–1901), Italian singer.

Ни до, ни после Цукки я не видел такой замечательной драматической артистки. Танцы ее не представляли ничего исключительного, но мимика ее была изумительна и действовала на зрителя сильнее всяких слов. Она была поразительной Эсмеральдой³⁹⁸ (балет на тему «Собор Парижской Богоматери»³⁹⁹ Виктора Гюго⁴⁰⁰), а также изумительна в балете «Тщетная предосторожность»⁴⁰¹. В последнем балете она изображала девушку, увлекшуюся юношей. Последний ведет ее на чердак. Через четверть часа она спускается по лестнице, опираясь на плечо своего возлюбленного. Для всякого ясно было, что произошло на чердаке: ее лицо выражало и стыд и радость, и страх и раскаяние, и любовь и страдание.

[-118-] Г-жа Борги была когда-то любовницей Испанского короля Альфонса XII⁴⁰², умершего, как гласила скандальная хроника, вследствие истощения от любви к этой женщине. На мой взгляд она не была красива, но на сцене проявляла необычайный темперамент. Ее коронной ролью была Кармен⁴⁰³, в которой она буквально горела. По этому поводу со мною произошел довольно забавный, но в ту минуту для меня достаточно неприятный анекдот.

Как-то у пришедших в полк новобранцев Воронежской губернии, я заметил очень красивые вышитые полотенца, из которых я купил несколько штук и подарил их Х. Последней они очень понравились, и она отделала ими свой туалетный стол. Посетившая ее Борги пришла в восторг от русских вышивок и просила меня доставить ей таковые. Мне удалось найти в полку еще штук шесть воронежских полотенец. Дня два спустя Борги пела в Кармен. Я купил коробку в несколько фунтов конфет, завернул ее в четыре [полотенца], а из других сделал нечто вроде банта. Придя в театр, я отдал коробку с конфетами капельдинеру и приказал передать их Борги.

После известной партии «*L'amour est un enfant bohème*» и грома рукоплесканий из оркестра стали подаваться Борги разные подношения: были бриллианты, серебро, венки, букеты и, вдруг, последним номером, к ужасу моему, капельмейстер передает ей большую коробку с развевающимися около нее солдатскими полотенцами. Я готов был провалиться сквозь землю. Но дальше пошло еще хуже! На повторные требования Борги вновь спела свою арию, держа

³⁹⁸ Esméralda – the main character of Victor Hugo's historical novel "Notre-Dame de Paris".

³⁹⁹ "Notre-Dame de Paris" is a historical novel by Victor Hugo published in 1831.

⁴⁰⁰ Victor Marie Hugo (1802–1885), French writer, poet, and playwright. One of the leading creators of French Romanticism.

⁴⁰¹ "La Fille mal gardée" – French ballet. Its premiere took place in Bordeaux in 1789.

⁴⁰² Alfonso XII (1857–1885), Bourbon King of Spain from 1874

⁴⁰³ Carmen – the main role in Georges Bizet's opera "Carmen".

в руках мою злосчастную коробку, перевязанную грошовыми полотенцами, развевавшимися во все стороны. Все вероятно думали, что в этой коробке [-119-] заключалось какое-нибудь сокровище, а я мучился мыслью, что мои конфеты разлетятся по сцене. На следующий день мне пришлось обедать у Х. с Борги, и я страшно конфузился, но милая испанка уверяла меня, что мое подношение доставило ей большее удовольствие, чем драгоценности и цветы, которые ей надоели, и, что русские вышивки будут украшать ее дом в Севилье⁴⁰⁴.

Знакомство с Х. естественно создало для меня крупный интерес к сцене: я постоянно бывал не только в Александринском театре, но и в других; видел все пьесы репертуара, знал способности и игру каждого более или менее выдающегося артиста. Посещение театров облегчалось последовавшим распоряжением о предоставлении офицерам за полцены неразобранных билетов после поднятия занавеса. При некоторых приятельских отношениях с кассирами, при таких условиях, можно было сидеть в опере и балете, в первом ряду, за три рубля, в Михайловском театре⁴⁰⁵ – за два с полтиною, а Александринском – за полтора. За эти гроши, на которые ныне не попадешь на хорошее место и в кинематографе, можно было слушать Славину⁴⁰⁶ и Стравинского⁴⁰⁷ и наслаждаться игрой Лины Мент⁴⁰⁸ и Гитри⁴⁰⁹, Савиной, Давыдова⁴¹⁰ и Варламова⁴¹¹.

Видел я не один раз и знаменитых трагиков итальянцев, Сальвини⁴¹² и России, а также очаровательную Дузе⁴¹³. Наслаждался игрой Мейнингенцев⁴¹⁴. Поразительно было изображение ими древнего Рима в смерти «Юлия Цезаря»⁴¹⁵.

Театральные интересы заполнили пустоту моей жизни, которой служба и полковая обстановка не давали никакого удовлетворения. Хождение в роту на

⁴⁰⁴ Seville – a city in Spain.

⁴⁰⁵ Mikhailovsky Theatre – a ballet and opera theatre in Saint Petersburg. It was opened in 1833.

⁴⁰⁶ Maria Alexandrovna Slavina (1858–1951), opera singer and singing teacher.

⁴⁰⁷ Igor Fyodorovich Stravinsky (1882–1971), composer.

⁴⁰⁸ Caroline Munst (c. 1850–1909), French stage actress. In the 1880s and early 1890s she performed at the Mikhailovsky Theatre in Saint Petersburg.

⁴⁰⁹ Lucien Germain Guitry (1860–1925), French actor and playwright. In the 1880s he performed at the Mikhailovsky Theatre in Saint Petersburg.

⁴¹⁰ Vladimir Nikolayevich Davydov (1849–1925), actor and director.

⁴¹¹ Konstantin Alexandrovich Varlamov (1848–1915), actor.

⁴¹² Tommaso Salvini (1829–1915), Italian actor.

⁴¹³ Eleonora Duse (1858–1924), Italian actress.

⁴¹⁴ Actors of the drama theatre (Meininger Theater) existing from 1831 to 1891 in Meiningen in the Duchy of Saxe-Meiningen.

⁴¹⁵ “Julius Caesar” is a play written by William Shakespeare in 1599.

занятия было только отбыванием номера, тем более что мой ротный командир, Н[иколай] Н[иколаевич] Перепелицын, никакой службы от [-120-] своих субалтерн-офицеров не требовал. Не могу не сказать о нем несколько слов.

Перепелицын командовал ротой уже во время Турецкой компании 1877 года⁴¹⁶ и считался одним из лучших офицеров в полку. В 1886 году, т.е. в первый же год моей службы, на Майском параде командир корпуса, принц Ольденбургский, заметил, что Перепелицын неправильно нес шашку, спустив ее на два вершка ниже плеча, за что и посадил его под арест на три дня. Перепелицын отбыл наказание, но подал прошение об отставке, весьма резко отметив, что его продолжительная служба и капитанский чин требовали более бережного к себе отношения. Принц употребил все усилия, чтобы Перепелицын изменил свое решение, но он остался непреклонным. Этот поступок Н.Н. остался не без влияния на принца, за мою бытность в полку сажание под арест офицеров сделалось редким и исключительным явлением.

Вскоре к нам в полк поступил Великий Князь Михаил Михайлович⁴¹⁷, сменивший своего брата Георгия Михайловича⁴¹⁸, перешедшего в артиллерию и получивший в командование роту Его Величества. Около Великого Князя скоро составилась кружок офицеров, в который я, однако, не вошел, хотя мне сделать это было легче, чем кому бы то ни было, т.к. при нем состоял мой друг по корпусу, гр. Н[иколай] Н[иколаевич] Граббе⁴¹⁹, но неровность характера Великого Князя меня от него отшибала. Будучи очень любезным, Михаил Михайлович иногда, и притом совершенно неожиданно, любил дать почувствовать, что он великий князь, и это могло быть весьма неприятным.

Михаил Михайлович был влюблен в графиню Игнатьеву⁴²⁰, дочь нашего посла в Константинополе⁴²¹, и захотел на ней жениться. Т.к. [-121-] в осуществлении этого желания заключалось нарушение закона об Императорской Фамилии, то Государь запретил Михаилу Михайловичу думать об этом браке и приказал ему выехать за границу, где во время продолжительного отпуска забыть

⁴¹⁶ The Russo-Turkish War of 1877–1878.

⁴¹⁷ Mikhail Mikhaylovich (1861–1929), Grand Duke, son of Grand Duke Mikhail Nikolayevich.

⁴¹⁸ Georgiy Mikhaylovich (1863–1919), Grand Duke, son of Grand Duke Mikhail Nikolayevich.

⁴¹⁹ Nikolay Nikolayevich Grabbe (1863–1913), count, officer, civil servant, chamberlain of the Imperial Court.

⁴²⁰ Maria Nikolayevna Ignatyeva (1866–1953), countess, daughter of Count Nikolai Pavlovich Ignatyev and Princess Yekaterina Leonidovna Golitsyna.

⁴²¹ Nikolay Pavlovich Ignatyev (1832–1908), count, ambassador to Constantinople (1864–1877), minister of state property (1881) and minister of internal affairs (1881–1882).

о своих матримониальных намерениях. Граббе был назначен сопровождать Великого Князя с нарочитым приказанием не допустить женитьбы Великого Князя.*

* Я здесь несколько забегаю вперед, настоящий эпизод относится к более позднему времени.

Прошло около полугода. Я как-то посетил стариков Граббе, и при мне они получили телеграмму, что на следующий день их сын возвращается. Я поехал на вокзал, где встретил его весьма радостно настроенным. В момент, когда мы сходили с перрона, к Граббе подошел придворный скороход и сказал ему, что Государь Император немедленно требует его к себе. Ничего не понимая, Граббе страшно взволновался и просил меня поехать к его родителям и предупредить их о случившемся. Граф и графиня терялись в разгадке этого происшествия, а более оптимистический граф уже видел на сыне царские вензеля, в награждение за выполненное поручение – недопущение женитьбы Великого Князя.

Через час приехал Граббе, страшно расстроенный, побывавший не только у Государя, но и у Великого Князя Михаила Николаевича.

Государь встретил Граббе весьма сурово.

– Я вас посылал с Великим Князем, дав вам инструкцию не допустить его женитьбы, и вы ее не выполнили, Великий Князь женился.

– Никак нет, ваше величество, Великий Князь не женился, графини Игнатьевой даже нет за границей.

– Он женился не на Игнатьевой, а на графине Меренберг⁴²², я имею об этом телеграмму от нашего посла. [-122-]

Это известие ударило Граббе, как обухом по голове. Действительно, в Ницце Михаил Михайлович познакомился с графиней Меренберг и слегка ухаживал за одной из ее дочерей, но ничего не предвещало возможности брака. Недели за две до описываемого происшествия, Великий Князь поручил Граббе заказать какую-то люстру в Париже для своего, строившегося в Петербурге, дворца (рядом с Панаевским театром⁴²³) и следить за выполнением этого заказа, а затем, по телеграфу, поручил ему ехать по каким-то делам в Петербург.

⁴²² Sophia Nikolayevna Marenberg (1868–1927), daughter of Prince Nikolaus Wilhelm zu Nassau and Natalia Alexandrovna Pushkina.

⁴²³ The Panayevskiy Theatre was a winter theatre founded in 1887 in Saint Petersburg by Valerian Alexandrovich Panayev (1824–1899). The theatre operated in the years 1887–1917.

За это время Великий Князь съездил в Венецию с графиней Меренберг, где и повенчался с ней при посредстве какого-то греческого попа. Бедный Граббе был оставлен им в полном неведении положения дела. Узнав о нем, Государь не взыскал с Граббе, но его карьера была кончена; несомненно, ожидавшие его вензеля никогда получены им не были. Граббе тяжело заболел, потом женился на княжне М[арии] Н[иколаевне] Оболенской⁴²⁴, переехал в Москву, где много и добросовестно работал по управлению детскими приютами. Здоровье графа никогда уже не восстановилось. Он умер в 1911 году⁴²⁵ в своем чудном имении Коломяги⁴²⁶ под Петербургом, унаследованном им от дяди графа Орлова-Денисова-Никитина⁴²⁷. Николай Николаевич был милейшим и душевнейшим человеком и прекрасным товарищем. Мир душе этого благороднейшего человека.

Скажу несколько слов о жене Великого Князя. У великого нашего поэта, А[лександра] С[ергеевича] Пушкина⁴²⁸, была дочь⁴²⁹, вышедшая замуж за генерала Дубельта⁴³⁰. С ним она развелась и вышла вторично замуж морганатическом браком за владетельного герцога Нассауского⁴³¹, получив титул графини Меренберг. У нее были две дочери, из которых одна [-123-] и вышла замуж⁴³² за Михаила Михайловича, получив фамилию графини Торби⁴³³.

На следующий день по приезде Граббе в Петербург в «Инвалиде»⁴³⁴ был опубликован Высочайший приказ о лишении Великого Князя Михаила Михайловича флигель-адъютантского звания, исключения из списков полка и

⁴²⁴ Maria Nikolayevna Obolenskaya (1868–1943), duchess, wife of Nikolay Nikolayevich Grabbe from 1893.

⁴²⁵ The author of the memoirs incorrectly gives the date of N.N. Grabbe's death. He died in October 1913.

⁴²⁶ Kolomyagi – a landed estate located in the St. Petersburg Governorate.

⁴²⁷ N.N. Grabbe inherited the Kolomyagi estate from Yelizaveta Alexeyevna Orlovo-Denisova, Countess Nikitina (1817–1898). Her eldest daughter Alexandra (1837–1892) was married to N.N. Grabbe's father – Nikolay Pavlovich Grabbe (1832–1896).

⁴²⁸ Alexander Sergeyevich Pushkin (1799–1837), poet, prose writer and playwright.

⁴²⁹ Natalia Alexandrovna Pushkina (1836–1915), daughter of Alexander Sergeyevich Pushkin, was married from 1853 to General Mikhail Leontiyevich Dubelt and then from 1868 to Prince Nikolaus Wilhelm zu Nassau.

⁴³⁰ Mikhail Leontiyevich Dubelt (1822–1900), lieutenant general of cavalry. In 1853–1868 he was married to Natalia Alexandrovna Pushkina.

⁴³¹ Nikolaus Wilhelm zu Nassau (1832–1905), German aristocrat, officer of the Prussian army.

⁴³² The wedding of Grand Duke Mikhail Mikhaylovich and Sophia Alexandrovna Merenberg took place in 1891 in Italy.

⁴³³ Zofia Alexandrovna Merenberg received the title “de Torby” in 1891 from her grandfather, Grand Duke Adolf of Luxembourg (1817–1905), former Duke of Nassau.

⁴³⁴ „Русский Инвалид” – official press periodical of the Russian Ministry of War, published from 1862 to 1917.

военной службы. Кроме того Великий Князь был лишен содержания от уделов по 200000 рублей в год. Последняя мера была через край сурова и вряд ли даже законна. Это распоряжение было отменено⁴³⁵ уже Императором Николаем II, смотревшим на браки великих князей с простыми смертными с меньшим ригоризмом.

При моем поступлении в полк им командовал генерал А.А. Фрезе, впоследствии Карский губернатор, помощник командующего войсками на Кавказе, командующий войсками Виленского военного округа и, наконец, член Государственного Совета. А.А. был человеком очень добрым к подчиненным, но с начальством, а в особенности с гвардейским, не ладил.

Очень скоро по поступлении моем в полк Болгарский князь Александр Баттенбергский⁴³⁶ круто изменил свою политику, направив ее в сторону противную русским интересам, а потому Император Александр III отозвал многочисленных наших офицеров, со[с]тоявших на службе в Болгарии. К нам в полк вернулось свыше десяти, между прочим, блестящий флигель-адъютант Баттенберга, А.⁴³⁷[Петр] В[ладимирович] Ползиков⁴³⁸ и его шурин, В[ладимир] Н[иколаевич] Данилов⁴³⁹. Наши офицеры встретили своих бывших полковых товарищей довольно сухо. Действительно, на болгарской службе они пользовались многими преимуществами, а теперь садились на шею товарищам, отодвигая их движение по службе, [-124-] бывшее в то время без того весьма тутим: роты получались на десятом, а то и на двенадцатом году службы, батальоны на двадцатом, а полки на двадцать пятом. Конечно, поздно получать роту на 32-ом, а полк на 45-ом году жизни, в эти годы для названных должностей люди уже достаточно отяже[ле]ли и устарели. Как раз в мою роту попал штабс-капитан Данилов. Мне, как молодому офицеру, это было совершенно безразлично, но Данилов чувствовал себя неприятно (в Болгарии он командовал полком) и смотрел в лес; потом он обтерпелся. И кто мог думать, что этот, казалось, заурядный и скромный офицер будет впоследствии генерал-адъютантом, командиром гвардейского корпуса и комендантом Петропавловской крепости.

---

⁴³⁵ Tsar Nicholas II restored service rights to Grand Duke Mikhail Mikhailovich in 1899, and two years later recognised the validity of his marriage.

⁴³⁶ Alexander Battenberg (1857–1893), Prince of Bulgaria from the German Battenberg dynasty. He ruled Bulgaria from 1879 to 1886.

⁴³⁷ The author of the memoirs incorrectly gave the initial of the name. Instead of A. it should be P.

⁴³⁸ Pyotr Vladimirovich Polzikov (1854–1918), infantry general.

⁴³⁹ Vladimir Nikolayevich Danilov (1852–1914), infantry general.

Кстати, об Александре Баттенбергском. По принятии Болгарского престола Баттенберг, племянник Императрицы Марии Александровны⁴⁴⁰, служил, если не ошибаюсь, лейтенантом в Прусском Gardes de Corp. Предварительно принятия решения сделаться монархом Болгарии князь посетил Бисмарка⁴⁴¹ и просил его совета. Канцлер ответил ему: «Что же, поезжайте, по крайней мере в старости у вас будут интересные воспоминания!»

Вспоминаю несколько забавных случаев из службы в полку.

Приходивших на службу в гвардию новобранцев разбивали по полкам согласно их типу. В Преображенский полк поступали самые рослые, в л.-гв. Саперный батальон⁴⁴² – рослые, вполне грамотные, знавшие плотничье ремесло, а в Павловский полк⁴⁴³ – курносые, в Лейб-Гренадеры⁴⁴⁴ – смуглые и чернобородые, а Егеря – коренастые и т.п. Эту разбивку производил в Михайловском манеже⁴⁴⁵ сам главнокомандующий, Великий Князь Владимир Александрович. За ним шел [-125-] начальник штаба и мелком отмечал на одежде новобранцев ту часть, в которую они назначены. Как-то заболел батальонный адъютант и я был назначен на его место на разбивку.

Великий Князь, окруженный свитой, шел вдоль фронта и опрашивал подряд новобранцев из каких они губерний. Они отвечали громко и молодецки, называя свои, самые лучшие, губернии: «Я – Московский, Тверской, Ярославский, Тамбовский... и т.д.». Вдруг раздался голос с польским акцентом:

– Нечем похвастать, ваше высочество, я – Витепский!

Великий Князь и все присутствовавшие разразились гомерическим хохотом.

Служил у нас в полку некий поручик Аничков⁴⁴⁶. У него была привычка опаздывать на службу. Происходил какой-то смотр в Михайловском манеже. На подъезде командир полка, генерал Фрезе, поджидал приезда

---

⁴⁴⁰ The wife of Tsar Alexander II, Maria Alexandrovna, was the aunt of Alexander Battenberg.

⁴⁴¹ Otto Eduard Leopold Fürst von Bismarck-Schönhausen (1815–1898), chancellor of the Second German Reich (German Empire).

⁴⁴² The Leibguards Sapper Battalion was a unit of engineering troops of the Russian Army existing in the years 1812–1918 (in the years 1916–1918 it operated with the rank of a regiment).

⁴⁴³ The Pavlovskiy Leibguards Regiment was a military infantry unit of the Russian Army that existed in the years 1790–1918.

⁴⁴⁴ The Leibguard Grenadier Regiment was a military infantry unit of the Russian Army that existed in the years 1756–1918.

⁴⁴⁵ Mikhailovskiy Manezh is an architectural object in Saint Petersburg built in 1798–1800 in the classicist style by the Italian architect Vincenzo Brenna.

⁴⁴⁶ Viktor Viktorovich Anichkov (1859–after 1914), officer.

главнокомандующего. Вдруг, одновременно, подъезжают на великолепных рысаках Великий Князь и на ободранном «Ваньке» – Аничков. Великий Князь обратился к Фрезе: «Что это такое?»

Фрезе растерялся и довольно неуместно ответил:

– Это поручик Аничков, он всегда опаздывает.

– Аа... – протянул Великий Князь и спокойно вошел в манеж, ничего не прибавив. Таким образом, простым констатированием факта, что «поручик Аничков всегда опаздывает», как с неизбежностью, дело и ограничилось.

В описываемое время Двор увлекался театром, и в Эрмитажном театре Зимнего дворца⁴⁴⁷ ставилась трилогия Толстого⁴⁴⁸, разыгрываемая гвардейскими офицерами. В «Смерти Иоанна Грозного»⁴⁴⁹ Папского Нунция [-126-] изображал мой однокашник по корпусу, преображенец⁴⁵⁰ Нейдгарт⁴⁵¹. В одном месте своей роли он должен был заявить: «Я папский нунций». Но язык у Нейдгарта как-то свернулся и он торжественно провозгласил: «Я пупский Нандий». Великосветская публика едва удержалась от хохота. Впоследствии Нейдгарт был не особенно удачным Одесским градоначальником, затем сенатором и, наконец, членом Государственного Совета.

Зимние сезоны [18]85/[18]86 и [18]86/[18]87 годов я провел по большей части в обществе Х. и в театральных интересах, не забывая ни Салтыковых, ни Граббе.

Я слегка ухаживал или, вернее, дружил со старшей сестрой моего друга и мало обращал внимания на девочку Соню⁴⁵². Александра Александровна⁴⁵³ была девушка умная и очень любезная. Будучи фрейлиной, она вела светский образ жизни, что не мешало ей много читать и интересоваться литературой. Читая какую-нибудь книгу вслух, я нередко просиживал у нее целые вечера. На балу

⁴⁴⁷ The Hermitage Theatre – a theatre building built in 1783–1789 according to the design of the Italian architect Giacomo Antonio Domenico Quarenghi (1744–1817).

⁴⁴⁸ Alexey Konstantinovich Tolstoy (1817–1875), count, writer, poet, playwright and Russian translator.

⁴⁴⁹ „Смерть Иоанна Грозного“ – a drama (tragedy) written in 1866 by Alexey Konstantinovich Tolstoy. It is the first part of a trilogy consisting of the following works: “Царь Фёдор Иоаннович” and “Царь Борис”.

⁴⁵⁰ Officer of the Preobrazhenskiy Leibguards Regiment.

⁴⁵¹ Alexey Borisovich Neidgardt (Neidhardt) (1863–1918), graduate of the Imperial Page Corps, officer of the Preobrazhenskiy Leibguards Regiment, member of the State Council.

⁴⁵² Sophia Alexandrovna Saltykova (after 1865–1922), daughter of Alexander Mikhaylovich Saltykov (1828–1903) and Sophia Yakovlevna Bologovskaya. Later wife of the author of the memoirs.

⁴⁵³ Alexandra Alexandrovna Saltykova (1862–1899), daughter of Alexander Mikhaylovich Saltykov (1828–1903) and Sophia Yakovlevna Bologovskaya. Lady of the Imperial Court since 1881.

младшая ее сестра простудилась и заболела легкими. Знаменитый Боткин⁴⁵⁴ заподозрил у нее признаки чахотки, почему вся семья уехала в Ниццу, что было для меня большим лишением. С отъездом семьи мой друг Салтыков все чаще стал бывать у Х., где мы одновременно ухаживали: один за маменькой, другой за дочкой. Последняя тоже служила на сцене Александринского театра, но играла незначительные роли и не проявляла большого таланта. Недурна она была в «Баловне»⁴⁵⁵, специально написанном для нее Виктором Крыловым⁴⁵⁶, и в феерии «Волшебные пилюли»⁴⁵⁷. Однако ухаживание за дочерью оказалось чреватым последствиями. Салтыков решил жениться, о чем и сообщил отцу в Ниццу. Последний очень восстал против этого брака уже по одному тому, что женитьба на актрисе в то время влекла за собой необходимость оставить полк и тем самым [с] ломать свое будущее. Но Салтыков был [-127-] упрям и решил жениться помимо воли отца, и бросить военную службу. В сентябре 1887 года Салтыков обвенчался и уехал в Тулу⁴⁵⁸, где поступил на службу чиновником особых поручений при губернаторе Н[иколае] А[лексеевиче] Зиновьеве⁴⁵⁹. Женитьба не принесла ему семейного счастья, но перемена деятельности оказалась полезной: был он уездным и губернским предводителем дворянства, членом Государственного Совета по выборам от земства и, наконец, губернатором. Вряд ли военная служба дала бы ему такую интересную деятельность.

Отъезд семьи Салтыковых, а в особенности женитьба моего друга, были для меня большой потерей.

Но не одно это меня заботило. Надо было вообще думать, что из себя делать. Тянуть лямку в полку я положительно отказывался. Перспектива казарм на Рузовской улице и Красносельского лагеря⁴⁶⁰ в течение четверти века, для того чтобы получить полк в Царевококшайске⁴⁶¹, представлялась мне мало обаятель-

---

⁴⁵⁴ Sergey Petrovich Botkin (1832–1889), physician, professor of the Imperial Medico-Surgical Academy in Saint Petersburg.

⁴⁵⁵ „Баловень” – a comedy written by Viktor Alexandrovich Krylov in 1885.

⁴⁵⁶ Viktor Alexandrovich Krylov (1838–1906), playwright.

⁴⁵⁷ “Волшебные пилюли” (“Les Pilules du diable”) – libretto by Ferdinand Laloue (1794–1850), Auguste Anicet-Bourgeois (1806–1871) and Laurent-Charles Nombret Saint-Laurent (1791–1833) completed in 1839

⁴⁵⁸ Tula is a provincial city located in the European part of Russia.

⁴⁵⁹ Nikolay Alexeyevich Zinovyev (1839–1917), Russian statesman, governor of Petrokov, Tula and Mogilev, senator.

⁴⁶⁰ Krasnoselsky camp – since the mid-1760s, a place where military manoeuvres were carried out by Russian army units stationed in the St. Petersburg Military District.

⁴⁶¹ Currently, Yoshkar-Ola is a city in the Russian Federation – in the 19th century it was a seat of a district within the Kazan Governorate.

ной. Военная строевая служба ведь есть только постоянная подготовка к чему-то, что может никогда не произойти и чего ни один благоразумный человек не может желать. Недаром существует у солдат такая легенда. Какой-то солдат нагрубил угоднику Николаю; тогда святой проклял все солдатское племя, сказав: «Век вам учиться и не выучиться, век вам чиститься и не вычиститься». И, действительно, военный всю жизнь учится для того, чтобы наступившая война показала, что все надо делать совершенно иначе. Весьма характерно в этом отношении замечание Великого Князя Константина Павловича⁴⁶², что «война портит солдата». Всякая другая деятельность заключает в себе хоть какое-нибудь творчество нужное для данной минуты, а не для отдаленного и [-128-] неведомого будущего. В академию мне тоже идти не хотелось. В это время брат мой Николай, который жил с нами в той же квартире, был слушателем Академии Генерального Штаба⁴⁶³. По моим наблюдениям, Драгомировская⁴⁶⁴ академия обращала взрослых офицеров в каких-то мальчишек, трепетавших за свое существование.

Моя страсть к охоте привязывала меня к мысли о деревне. Моя матушка с обычным самоотвержением согласилась отдать свои небольшие средства на покупку имения, где я бы хозяйничал и, вероятно, впоследствии поступил бы на государственную либо на земскую службу. Я приобрел десятка два книг по сельскому хозяйству и начал теоретически к нему подготавливаться. В это время в большой моде было приобретение имений в Западном Крае, в чем правительство оказывало всякую поддержку лицам русского происхождения. Многие сделали на этом крупное состояние. Мой приятель, барон Шредерс⁴⁶⁵, о котором я говорил выше, в то время приобрел в Ровенском уезде Волынской губернии огромное имение Сарны⁴⁶⁶ и очень советовал мне купить имение там же, поэтому осенью 1888 года, после лагеря, я взял отпуск и поехал к нему.

Уже в 1905 году мне пришлось читать о крупных волнениях на станции Сарны и о разных формировавшихся там революционных комитетах; большие бои разыгрывались во время войны 1916/[19]18 года за обладание Сарнами, и

---

⁴⁶² Konstantin Pavlovich (1779–1831), Grand Duke, son of Tsar Pavel I, commander-in-chief of the army of the Kingdom of Poland (1815–1830).

⁴⁶³ Nikolayev Academy of the General Staff – a higher-level military educational institution operating in Saint Petersburg since 1832.

⁴⁶⁴ The term comes from the then head of the Nikolayev Academy of the General Staff, Adjutant General Mikhail Ivanovich Dragomirov (1830–1905).

⁴⁶⁵ A.F. Schroeders, owner of the Soikino estate.

⁴⁶⁶ The Sarny landed estates, before their acquisition by Baron Szreders, belonged to the Pruszyński family of the Rawicz coat of arms.

там же происходили крупные революционные события. Лицу, посетившему эти местности в 1888 году, трудно этому верить. В то время там была сплошная глушь. Имение Сарны было огромное, но в нем не было даже господского дома, а сам помещик жил в каком-то, довольно унылом, хозяйственном строении. Железнодорожная станция была крохотная. Газет никто не получал, так [-129-] что я по телеграфу выписал «Новое Время», которое у меня брали нарасхват. Кто бы мог в это время подумать, что Сарны, через какие-нибудь пятнадцать лет обратятся в крупный центр! Что бы ни говорили, Россия в последние четверть века, а в особенности в царствование Николая II, шла быстрым темпом вперед; все видели это кроме русских, всегда недовольных, ну а те, кто видели и понимали, усиливали свою работу, чтобы не допустить Россию до полного ее расцвета... Повторяю, что Сарны были глушью необыкновенной: на истоках реки Случь⁴⁶⁷, через них протекавшей, еще водились бобры, которых давно уже считали исчезнувшими в Европе. Там не было плотин, какие строят американские бобры, но я видел много деревьев, аккуратно обгрызанных этими зверями. Две-три ночи я караулил бобров в указанном мне лесниками месте; я слышал их возню, видел силуэт плывущего зверя, но выстрелить по нему не удалось.

Еврей-фактор искал для меня подходящее имение, но ничего, соответствовавшего моему незначительному капиталу, не находилось. Лишь в конце моего пребывания одно оказывалось, как будто бы, подходящим. Расположено оно было, как помнится, поближе к станции Ровно. Мы поехали со Шредерсом его осматривать, но не сошлись с владельцем в цене. Помню, что здесь случилось со мною одно явление, которое никогда после того не повторялось. Продавец-помещик угостил нас обедом, во время которого щедро угощал нас венгерским. Я совершенно не хмелел и чувствовал себя прекрасно, но когда после обеда надо было встать, то ноги отказались мне повиноваться. Хозяин добродушно довел меня до дивана, с которого я мог встать только часа через два.

Мечты о покупке имения ввиду незначительности средств, которыми [-130-] я располагал, пришлось оставить, и я, разочарованный, вернулся домой, не зная, что с собою далее делать; полковая же служба меня по-прежнему тяготила.

Глубокой осенью я поехал на охоту в Витебскую губернию к моему товарищу Розеншильду-Паулину⁴⁶⁸. Пришлось проехать по отвратительной до-

⁴⁶⁷ The Sluch River, a right tributary of the Pripyat River. Currently, it flows in Belarus.

⁴⁶⁸ Alexey Alexandrovich von Rozenschild-Paulin (1857–1919), officer, including adjutant of the Leibguard Uhlan Regiment, and official of the state administration, including vice-governor of Warsaw

роге верст шестьдесят и меня очень расколотило. На следующий день по приезду у меня сильно заболела нижняя часть живота. Послали в уездный город Люцин⁴⁶⁹ за доктором, который констатировал у меня довольно редкую болезнь – заворот кишок. Обычно при этой болезни прибегают к операции, но в данном случае это было невозможно. По состоянию дорог и моего здоровья меня нельзя было вести не только в Петербург, но и в Люцин, операцию же без специалиста хирурга и клинической обстановки очевидно сделать было нельзя. Тогда врач решил прибегнуть к героическому способу: мне дали проглотить довольно большое количество ртути – с ликерную рюмку. По настроению окружавших меня я понял, что положение очень серьезно и спросил доктора, не может ли мне от приема ртути сделаться хуже.

– Нет, хуже уже быть не может, [-] ответил врач.

– А что же может быть?

Он ничего не ответил, а только махнул рукою.

Я понял, что мое положением что называется «или пан или пропал».

Меня поставили на ноги, поддерживая под локти. Я перекрестился и проглотил ртуть. Последняя могла или пробить образовавшуюся в кишках пробку или разорвать кишки, что привело бы к немедленной катастрофе. По милости Божьей, операция прошла благополучно, хотя я болел еще разными осложнениями месяца три и долго еще чувствовал [-131-] большую слабость.

Мне кажется, что прием ртути для чисто механических лечебных целей составляет ныне такой медицинский анахронизм, что стоило его отметить как черту далеко прошлого.

Здесь, в «Заболотьи»⁴⁷⁰ произошел со мною случай несколько таинственного и необъяснимого характера. Я говорил выше, что и после приема ртути мое здоровье слабо восстанавливалось, что сильно беспокоило моих хозяев Розеншильдов, и поэтому они пожелали выписать мою мать. Не желая беспокоить эту немолодую уже женщину, я этому воспротивился, и они обещали мне ее не тревожить. Помещичий дом был выстроен в форме обратного покоя, т.е. флигеля отходили назад. Я помещался в самой последней комнате покоя, и следовательно очень далеко от парадного подъезда. Дело было ночью. В моей комнате спал

---

and governor of Plock.

⁴⁶⁹ Lucyn, currently Ludza – a city in Latvia. In the 1880s, a district town within the Vitebsk Governorate.

⁴⁷⁰ The “Zabolotye” estate belonging to the Rozenszild-Paulin family.

лакей, который за мной ухаживал. Вдруг я проснулся, ясно услышав звук колокольчика подъехавшей тройки, а затем голос моей матери, спрашивающей о моем здоровье. Я разбудил лакея и просил его скорее привести мою мать. Он сейчас же заявил мне, что все мне почудилось, т.к. на таком расстоянии ничего слышать невозможно, но я настаивал на своем, и, действительно, не ошибся, все, что я слышал, отвечало действительности и минут через десять вошла моя мать... «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашему мудрецам...».

Не зная, имеется ли в деревне врач, мать моя привезла с собой моего друга Кинаста, тогда студента пятого курса Медицинской академии. Его самоотверженному уходу я много обязан своим выздоровлением.

Отмечу здесь странность человеческой психики. У Розеншильдов [-132-] был староста, старик-жмудин по имени Август, отличный охотник и специалист по обладыванию медведей, которых на своем веку он убил более трех десятков. Как-то в «Ниве»⁴⁷¹ я нашел литографию с известной картины Шишкина⁴⁷² – медведица в лесу с двумя медвежатами. Я показал эту картинку Августу и спросил его похожа ли она на действительность. Он долго рассматривал картинку, улыбнулся и сказал, что похожа.

– А что тут изображено? – спросил я.

– Яка птица.

– Как птица? Это же медведь!

– Не, пане, то не ведмедь, ведмедь окропный, а это яка птица.

Сколько я ни бился объяснить ему рисунок, он так ничего и не понял, хотя вообще человек был толковый и уж чего-чего, а медведей видел достаточно. Как объяснить себе такое зачаточное состояние мозга? Ведь даже во время каменного века первобытный человек изображал животных и, следовательно, понимал рисунок.

В Петербург я вернулся в конце января. Переезд совершился вполне благополучно. Однако я был очень слаб и около шести недель просидел дома. В это время меня часто посещали мои друзья. Салтыковы приехали на короткое время среди зимы в Петербург. Моя приятельница, Александра Александровна, посетила меня раза три, но еще более я был изумлен и обрадован, когда и младшая – Соня посетила меня вместе с отцом.

---

⁴⁷¹ „Нива“ – a Russian periodical publishing literary content that was published weekly. It was published from 1869 to 1918.

⁴⁷² Ivan Ivanovich Shishkin (1832–1898), painter and graphic artist.

Однако меня постоянно тревожила мысль, что же из себя делать. Не приняв никакого радикального решения, я задумал внести в свою жизнь некоторое разнообразие. В то время гвардейским офицерам, перенесшим тяжкую болезнь, для восстановления здоровья [-133-] разрешалось на год прикомандироваться к какой-нибудь части на юге. Ввиду сего я выхлопотал себе разрешение ехать на Кавказ, где при посредстве моего бывшего командира полка, генерала Фрезе, тогда начальника штаба Кавказского корпуса, я надеялся устроиться поудобнее.

Я получил несколько рекомендательных писем, в том числе от матери⁴⁷³ моего товарища Кармалина, отец которого⁴⁷⁴ незадолго перед тем занимал должность наказного атамана Кубанского войска, к жене бывшего помощника наместника на Кавказе⁴⁷⁵, княгине А.М. Меликовой⁴⁷⁶.

В марте я собрался в путь. Небольшое затруднение было лишь в деньгах. Отец выдал мне содержание на год вперед, т.е. 720 рублей, начальство выхлопотало мне пособие в 300 рублей, каковое в то время считалось весьма значительным. Кроме того я должен был получать содержание без вычетов, что составляло около 80 рублей в месяц. По нынешнему счету (1935 год) около тысячи восьмьсот франков в месяц. Не блестяще, но на это можно было в то время жить безбедно.

Мне сразу очень повезло. Во Владикавказе⁴⁷⁷ я встретил Фрезе, который через два дня возвращался в Тифлис и был так любезен, что пригласил меня ехать с собой. Гораздо приятнее было ехать в коляске, чем в омнибусе.

Я вообще не буду описывать своего путешествия и красот Кавказской природы, т.к. это сделано уже десятки раз людьми гораздо более талантливыми, чем я, да и все это и поныне стоит на своем месте, ибо люди не смогли испакостить красоты природы: все так же сияет своей вечно снеговой вершиной Казбек⁴⁷⁸, так же шумят [-134-] волны Терека⁴⁷⁹ в Дарьяльском ущелье⁴⁸⁰, так же грозно нависли скалы над военно-грузинской дорогой⁴⁸¹. По руководящей мысли моих запи-

⁴⁷³ Lyubov Ivanovna Karmalina, née Belenitsyna (1834–1903), wife of the head of the Kuban district and ataman of the Kuban Cossack Troops Nikolai Nikolayevich Karmalin.

⁴⁷⁴ Nikolai Nikolayevich Karmalin (1824–1900), general, who held the position of commander of the Kuban Oblast and ataman of the Kuban Cossack Troops in 1873–1882.

⁴⁷⁵ Levan Ivanovich Melikov (1817–1892), adjutant general, member of the State Council.

⁴⁷⁶ Alexandra Makarowna Melikova née Orbeliani (1836–1914).

⁴⁷⁷ A city in the North Caucasus.

⁴⁷⁸ Kazbek – a 5,033 m high mountain peak located in the central part of the Caucasus Mountains.

⁴⁷⁹ Terek – a river in the North Caucasus flowing into the Caspian Sea.

⁴⁸⁰ The Darial Gorge is a gorge in the Greater Caucasus through which the Terek River flows.

⁴⁸¹ Georgian Military Road – a route connecting Vladikavkaz with Tiflis (now Tbilisi) built in the 19th century.

сок, по мере сил, я стремлюсь изобразить встреченных мною людей, интересных для истории или по их оригинальности, либо как черты быта, хотя и не очень давнего, но навсегда стертого с лица земли страшной катастрофой социальной революции.

Военно-грузинскую дорогу – 210 верст – мы пролетели едва ли не в двенадцать часов. В то время считалось особым шиком быстро ее проехать и поставить рекорд. Говорили, что в бытность свою Наместником, Великий Князь Михаил Николаевич проезжал ее в десять часов. Весьма добродушный вообще, Великий Князь свирепел, если на пути его встречалась малейшая задержка, и ямщики недостаточно быстро перепрягали лошадей. Когда мы ехали с Фрезе, ямщики начинали трубить уже версты за три до станции. Когда мы к ней подъехали, то четвертку уже выводили на дорогу. Едва мы останавливались, как конюхи бросались к экипажу и отпрягали старых лошадей, и закладывали постромки новых, а очередной ямщик лез на козлы. Не более чем через три минуты (Фрезе следил по часам) мы уже крупной рысью откатывались от станции.

Было начало апреля, когда мы перевалили хребет, то нас встретила благоуханная весна. Плодовые деревья, как снегом, были осыпаны цветами, и мимозы наполняли воздух своим опьяняющим ароматом.

Фрезе решил прикомандировать меня к 48 пехотной дивизии, части которой стояли в Тифлисе, Ахалцыхе⁴⁸², Кутаисе⁴⁸³ и Батуме⁴⁸⁴, что предоставляло возможность побывать во всех этих городах.

В Тифлисе я передал письмо княгине Меликовой и был принят в ее доме, как родной. Это обстоятельство создало мне определенное [-135-] положение в обществе Тифлиса, т.к. семья Меликовых занимала там выдающееся положение. За год перед тем в Тифлис приезжал Император Александр III, и в обществе ходил следующий анекдот. Кто-то спрашивал другого, для чего, собственно, приезжал Государь на Кавказ. – «Как для чего? [-] ответил вопрошаемый, [-] для того, чтобы облагодетельствовать семью Меликовых!». Действительно, старый князь Леван был пожалован в генерал-адъютанты, его жена княгиня Александра Макаровна – в кавалерственные дамы, две дочери были сделаны фрейлинами, сын – камер-юнкером, а племянник – егермейстером.

---

⁴⁸² Akhaltsikhe – currently a city in Georgia.

⁴⁸³ Kutaisi – currently a city in western Georgia.

⁴⁸⁴ Batumi – currently a city in Georgia, in Adjara.

Под таким флагом перед мною широко раскрылись двери грузинских домов.

Однако, в виду приближавшегося лета, я не задержался в Тифлисе и предпочел ехать в Абас-Туман⁴⁸⁵, почему был прикомандирован к Таманскому полку⁴⁸⁶, стоявшему лагерем в Ахалцихе, расположенном невдалеке от Абас-Тумана.

По пути я пробыл в Боржоме⁴⁸⁷ два-три дня. На музыке я наткнулся на Великого Князя Михаила Николаевича, который числился в списках нашего полка. Великий князь пребывал в Боржоме в качестве частного лица: Главноначальствующим на Кавказе был в это время князь Дондуков-Корсаков⁴⁸⁸. Я вытянулся во фронт. Великий Князь со мной поздоровался и спросил меня, что я тут делаю. Я объяснил. Когда Михаил Николаевич прошел дальше, ко мне подошел его адъютант, князь Кантакузен⁴⁸⁹, и сказал мне, что мне надлежит завтра утром явиться к Великому Князю. Утром я пришел во дворец и был введен в кабинет Его Высочества. Моя аудиенция продолжалась более часа, и Великий Князь попросту рассказывал мне эпизоды [-136-] Кавказской войны⁴⁹⁰. Обращение его было необыкновенное просто; впечатление было как будто бы старый дядя разговаривает со своими племянниками; особенность приема заключалась только в том, что я стоял в амбразуре окна, а старый Великий Князь шагал по комнате. Я ушел от него совершенно очарованный. Молодое поколение великих князей уже не умело так приласкать окружающих. К удивлению Боржомского high life'a, великий князь не пригласил меня; к вечеру дело объяснилось: Великая Княгиня Ольга Федоровна⁴⁹¹ – его супруга – была не в духе, а при таких условиях приглашать посторонних лиц было рискованно. Насколько Великий Князь был прост и любезен, настолько Ольга Федоровна могла быть резка и неприятна.

---

⁴⁸⁵ Abas-Tuman - now Abastumani in Georgia.

⁴⁸⁶ The Taman Infantry Regiment was a military infantry unit of the Russian Army that existed in 1863–1917.

⁴⁸⁷ Borjomi - currently a city in Georgia.

⁴⁸⁸ Alexander Mikhaylovich Dondukov-Korsakov (1820–1893), prince, adjutant general, high-ranking government official, including governor-general of Kiev, Volhynia and Podolsk, and chief head of the civil administration in the Caucasus.

⁴⁸⁹ Mikhail Mikhaylovich Kantakouzen (1858–1927), lieutenant general, adjutant of Grand Duke Mikhail Nikolayevich from 1889.

⁴⁹⁰ We are talking about the military operations in the 1840s, 1850s and 1860s, in which the Russian army conquered the peoples of the Caucasus.

⁴⁹¹ Olga Fyodorovna (Cäcilie Auguste von Baden) (1839–1891), daughter of Prince Leopold of Baden and Sophie Wilhelmina of Sweden. From 1857, wife of Grand Duke Mikhail Nikolayevich.

После своей женитьбы Великий Князь Михаил Михайлович написал роман на французском языке, в котором в прозрачных намеках изобразил свою собственную женитьбу и представил в весьма неприглядном виде своего отца под именем князя *Donnermetter'a*. Этот роман Михаил Михайлович поднес принцу Уэльскому, впоследствии королю Эдуарду VII⁴⁹². Встретив принца, Великий Князь спросил его, как понравилось ему его произведение. Эдуард поморщился. Тогда великий князь, как бы оправдываясь:

– *Mais c'est mon premier roman!*

– *Et j'espère que ce sera le dernier* – ответил принц.

Из Боржома я поехал на тройке через Ахалцых и Абас-Туман. Со мной ехал военный врач, некий Буткевич, с которым я накануне познакомился. Мы отъехали верст пять, как он начал задыхаться и попросил остановить экипаж. Он тут же, отойдя несколько шагов, лег грудью на траву и начал выть, как собака. Впечатление, [-137-] производимое этим воем, было ужасно. Через полчаса он успокоился, и мы поехали дальше. По пути он объяснил мне, что страдает какой-то болезнью желудка, и когда наступает припадок, то он невольно должен выть, как собака.

Вскоре погода испортилась. Небо заволкло тучами, наступила гроза с проливным дождем. Сильнейшие молнии прорезывали горизонт, придавая окрестностям причудливый вид, а гром в горах гремел, как пушечные выстрелы.

В это время в Закавказье орудовал известный разбойник Керим⁴⁹³, когда-то кадет четвертого класса Тифлисского корпуса. В течение нескольких лет он был совершенно неуловим, т.к. пользовался сочувствием населения. Грабил он только богатых и никогда не трогал женщин и детей, а бедняков даже одаривал из награбленной добычи. Незадолго перед описываемым временем он захватил в плен какого-то генерала и требовал за него большой выкуп. Нашим властям удалось тогда, в виде репрессалии, взять в плен жену Керима. Тогда Керим написал письмо главноначальствующему князю Дондукову: «Если ты не вернешь мне мою жену, то я возьму в плен твою». Злые языки уверяли, что Дондуков написал на полях письма: »И был бы очень рад».

⁴⁹² Edward VII Windsor (1841–1901), King of the United Kingdom of Great Britain and Ireland and the British Dominions. Reigned 1901–1910.

⁴⁹³ Kerim Skander-Ogly Muozalov – a bandit operating in the South Caucasus in the second half of the 1880s. He probably left for good to the Kingdom of Persia in 1890.

При блеске молнии перед нами лошади мелькнули развалины старой турецкой-крепости Ацхур⁴⁹⁴. Вдруг наши лошади остановились. Перед нами стояла фигура с ружьем и что-то кричала нашему ямщику. Я и доктор инстинктивно вытащили из кармана револьверы. Неизвестный подошел к нам. Мы навели на него револьверы.

– Не стреляй, [-] крикнул он, [-] я больной милиционер и не могу дальше идти. Пожалуйста, довезите меня до Ахалцыха. [-138-]

Я согласился, хотя незнакомец показался мне весьма подозрительным, т.к. вооружен он был с ног до головы. Я приказал ему сесть на козлы, считая его спину достаточным объектом для воздействия, т.к. доктор опасался, что он даст сигнал своим сообщникам. Во всяком случае, мы приготовились ко всяким возможностям и чувствовали себя не очень хорошо. Гроза кончилась и, когда мы въехали в Ахалцых, погода прояснилась, но уже наступали сумерки. Был канун базарного дня и народа было на улицах довольно много. Вдруг наш спутник быстро соскочил с козел, бросился в один из переулков и исчез в толпе. Ямщик обернулся к нам и сказал: «Это Керим!» Быть может он и соврал, но, во всяком случае, эта история была очень подозрительна. Мы переночевали в Ахалцыхе и на следующий день выехали в Абас-Туман, куда благополучно прибыли.

В названном курорте я пробыл до августа месяца и всецело отдался светской жизни. Мне несколько совестно перед читателем за дальнейшие признания, но я решил описывать свою жизнь такой, какой она была на самом деле, т.к. в ней, как в зеркале, отразились все особенности невозвратного бытия. Природа не наделила [меня] особо счастливой наружностью, но на Кавказе мне необыкновенно повезло в светском отношении, и мое годичное там пребывание было сплошным успехом, не оправдываемым никакими моими личными качествами; просто везло, как иным людям везет в карты. Я полагаю, что некоторую роль сыграла моя Петербургская светскость, а в особенности обаяние русского столичного человека. В нас в то время видели людей высшей культуры и господствующей расы. Очевидно, своих приключений я здесь рассказывать не собираюсь, [-139-] но отмечаю лишь черту общей конъюнктуры, отразившейся и на моей особе. Не могу не отметить, что вообще в жизни везет полосами. Бывали периоды, когда мне везло во всем: в любви, по службе, в денежных делах, в такие моменты надо ставить на все карты, когда же эта полоса проходит, надо, так сказать, притаиться

---

⁴⁹⁴ Acchur – now Ackuri, a city in Georgia located on the bank of the Kura River, until 1828 a Turkish fortress.

и не предпринимать решительно ничего. Успех у одной женщины способствует успеху у другой, кто же имеет успех у двух представляется полным интереса для третьей, хотя бы он и не представлял лично особого интереса.

В свободное от светских развлечений время я совершил из Абас-Тумана две поездки: первую на Зекарский перевал⁴⁹⁵, разделяющий группу Закавказских гор с горною местностью, тянущуюся на юг от долины Риона⁴⁹⁶. Вид оттуда изумительный. Невооруженным глазом видишь на севере всю снежную горную цепь от Черного до Каспийского моря с высоко поднимающимися над ней вершинами Эльбруса⁴⁹⁷ и Казбека, а на юге конусы большого и малого Арарата⁴⁹⁸. Такой ширины горной панорамы я нигде более не наблюдал. Вторая поездка была на охоту на довольно редкую дичь – альпийскую серну (*chamoix*). Меня посадили на засаду близ водооя, к которому к вечеру подошли три серны. Нас разделяло пространство шагов в двести. Я тщательно прицелился и выстрелил, но все три серны круто бросились в гору. Я был в отчаянии от сделанного, по-видимому, промаха, но через несколько минут заметил, что один из зверей начал отставать, потом сел на задние ноги и, наконец, покатился вниз. Это оказался прекрасный самец с большими рогами.

В августе, когда в Абас-Тумане сезон кончился, я перебрался в Кутаиси, где был прикомандирован к 147⁴⁹⁹ Черноморскому полку⁵⁰⁰, [-140-], но службы никакой не нес.

В Кутаисе в это время проживал принц Константин Петрович Ольденбургский⁵⁰¹, которому я счел необходимым представиться. Принц прежде служил в лейб-гусарах, но за слишком кутежное поведение был переведен на Кавказ, где командовал казачьим Хоперским полком⁵⁰². Здесь он влюбился в княгиню Дадьяни, рожденную Джапаридзе⁵⁰³, которую и развел с мужем⁵⁰⁴.

---

⁴⁹⁵ Zekari Pass in the Caucasus Mountains.

⁴⁹⁶ Rioni – a river of Georgia, one of the largest in the South Caucasus.

⁴⁹⁷ Elbrus – the highest peak of the Caucasus Mountains.

⁴⁹⁸ Ararat is a volcanic massif located in northeastern Turkey.

⁴⁹⁹ The author of the memoirs mistakenly gave the number of the Black Sea Infantry Regiment. In reality, it had the number 149.

⁵⁰⁰ 149th Black Sea Infantry Regiment – an infantry military unit of the Russian Army existing in 1863–1917.

⁵⁰¹ Konstantin Friedrich Peter Petrovich Oldenburg (1850–1906), lieutenant general.

⁵⁰² 1st Chopersk Horse Regiment – a military cavalry unit of the Russian Army, part of the Kuban Cossack Army, existing in the years 1696–1917.

⁵⁰³ Agrippina Konstantinovna Dzhaparidze (1855–1926), Georgian noblewoman. She was married to Tariel Dadiani from 1876 and to Konstantin Frederic Pyotr Oldenburg from 1882.

⁵⁰⁴ Tariel Dadiani (1835–?), prince, representative of a Georgian aristocratic family. First husband

Двоюродный брат Константина Петровича, владетельный герцог Ольденбургский, предоставил ей титул графини Зарнекау⁵⁰⁵. Несмотря на свой более чем зрелый возраст, принц продолжал быть человеком порядочно беспутным, что не мешало, однако, ему быть весьма любезным и остроумным человеком.

В описываемое время принц был увлечен фабрикацией шампанского из местного вина, что ему в достаточной мере и удавалось. В первый же мой визит я был приглашен к принцу обедать. Конечно было подано шампанское тех марок: *carte d'or*, *carte noire et carte blanche*. Принц спросил меня, которое мне больше нравится. Я ответил: *que je voudrai avoir carte blanche pour la carte d'or*. Константин Петрович остался очень доволен моим ответом и приказал немедленно отправить ко мне в гостиницу дюжину *carte d'or*, но, что было уже гораздо хуже, принялся тут же неумеренно угощать меня *carte blanche*. Были поданы туры рога-азарпешы, которые надо было опорожнить за здоровье каждого из присутствовавших за столом гостей, а их было человек двадцать. Рог подносила сама хозяйка дома, графиня Зарнекау, с которой я сидел рядом, и она не брала его обратно, пока он не был опорожнен до самого дна. После четвертого азарпеша я потерял всякую [-141-] возможность пить дальше, т.к. чувствовал свой желудок переполненным выше меры, но графиня настаивала на своем; пришлось подчиниться и продолжать пить... что кончилось для меня весьма печально, к общему удовольствию всех присутствовавших.

В Кутаиси я прожил с месяц, где стоял батальон нашего полка, и куда меня тянули воспоминания об одной Абастуманской барыне... К тому же принц одолжил мне легавую собаку, и я в начале зимы мог вдоволь поохотиться на вальдшнепов, в изумительном количестве оседавших в окрестностях Батуми на зимнее время. В те немногие дни, когда кругом Батуми выпадал снег, в городском парке вальдшнепы подымались на каждом шагу. Водился в то время в ближайших окрестностях и фазан. Батуми в то время был уже более двадцати лет в русском владении и уже хорошо отстроился, но некоторые бытовые черточки дикости в нем еще сохранились. Эта смесь культуры и дикости принимала иногда курьезные формы. Был я как-то в оперетке в только что отстроенном театре. Пела

---

of Agrippina Dzharidze.

⁵⁰⁵ Title awarded to Agrippina Konstantinovna Oldenburgskaya, née Dzharidze, and her children by Prince Alexander Petrovich Oldenburgskiy in 1882.

в «Корневильских колоколах»⁵⁰⁶ парижская опереточная звезда Симон Жерар⁵⁰⁷. В антракте, несмотря на зимнюю пору, выходили курить в сад. Я с некоторыми лицами делился впечатлениями от прелестного пения французской примадонны, как вдруг раздался протяжный вой, напоминающий хохот. Мне объяснили, что это воют в ближайших холмах шакалы. Парижская дива и шакалы!

Жизнь в Батуми в то время была поразительно дешева. За свой номер в лучшей гостинице «Франция» я платил один рубль в сутки [-142-]; обед из трех блюд стоил 60 копеек, сотня черноморских устриц – 50 копеек, фунт лучшего винограда – 10 копеек. При таких ценах, приплачивая к своему офицерскому содержанию привезенные из дому деньги, я мог жить в свое удовольствие.

Из Батуми я сделал три интересных поездки.

Первую – в Поты⁵⁰⁸ – на перепелиную охоту. В окрестностях этого города есть озеро Палеостомы⁵⁰⁹. Берега его покрыты мхом, проросшим кустами рододендрона. Перемещающиеся с севера на юг, перепела оседают тут в невообразимом количестве, заставляющим верить в те тучи перепелов, которые ниспали, согласно библейскому сказанию, на евреев во время скитания их по пустыне. В течение двух дней я убил более двухсот штук и прекратил эту охоту лишь за исчерпанием патронов.

В ноябре я получил телеграмму от принца Ольденбургского, приглашавшего меня ехать с ним на охоту в целую кампанию в Елизаветпольскую губернию к бекам Шамхорским⁵¹⁰. Я с радостью принял это приглашение.

На станции Шамхоры⁵¹¹ нас встретили три татарина, сыновья бека Шамхорского. Нам подали коляски, и мы поехали по дороге или, вернее, по высохшему руслу реки, переполненному огромными камнями. Трясло нас немилосердно, а рядом с нами скакали три молодых бека и человек двадцать других всадников, стрелявших из ружей, ежеминутно рискуя сломить себе шею. На пороге двухэтажного каменного, но весьма неуклюжего, дома нас приветствовал старик-бек, извинявшийся, что не мог по немощи встретить принца на станции. Дело было к вечеру. Нам подали прекрасный восточный

---

⁵⁰⁶ „Les Cloches de Corneville“ was an opera composed by the French composer Jean Robert Julien Planquette to a libretto by Louis-François Clairville and the play “Les dragons de Villars” by Louias-Aimé Maillart.

⁵⁰⁷ Juliette-Joséphine Simon-Girard (1859–1954) was a French soprano, principally in operetta.

⁵⁰⁸ Poti – a port city in Georgia.

⁵⁰⁹ Paliastomi – a lake on the Black Sea coast in Georgia.

⁵¹⁰ An aristocratic family of Tatar origin.

⁵¹¹ Şəmkir – currently a city located in the territory of Azerbaijan.

обед с неизменным пилавом, лулл-кебебами, цыпльями-табака, чихиртмою. [-143-] Подавали настоящее шампанское, но такое теплое, что его невозможно было пить. Для спанья принцу отвели отдельную комнату, а нас устроили в другой большой горнице, постлав на полу многочисленные ковры.

После обеда, пожелав нам спокойной ночи, бек удалился. Мы прошли в комнату принца. Сопутствовавший нам полицейский офицер тогда спросил принца, не желает ли он видеть гарем старого бека и, быть может, лицезреть некоторые подробности его интимного быта.

– Как так, [-] спросил принц, [-] кто же нас туда пустит?

– Никто не пустить, а все-таки вы все увидите. Я много раз ночевал в этой комнате и знаю еѹ тайны.

С этими словами полицейский приподнял ковер, прикрывающий пол, в котором оказались большие щели.

– Если угодно, смотрите.

К стыду моему, должен признаться, что мы опустились на колени и припали лицом к щели. Правду сказать, ничего особенного не было видно, и, по существу, никакой нескромности мы не совершили. Двигалось и лежало несколько женских фигур. Как нам показалось, пришел и старый бек. Будучи в веселом настроении, мы начали сочинять будто бы увиденное нами и передавать друг другу результат собственной фантазии в духе Боккаччо⁵¹². Особенную изобретательность проявлял принц. Хохотали мы ужасно. Производимый нами шум, по-видимому, проник в нижнюю комнату, и ее обитатели стали посматривать на потолок. Кто-то из более благоразумных предложил прекратить наши наблюдения, т.к., несмотря на свое восточное гостеприимство, наше неуместное любопытство могло разгневать хозяина. Когда мы встали [-144-], то, к ужасу своему, заметили, что наши физиономии совершенно черны от грязи, отставшей от пола. Мы тут же в комнате принца с большим трудом отмыли эту грязь, которую могла заметить прислуга, убиравшая столовую, через которую нам приходилось проходить.

Было еще темно, когда на следующее утро нам надлежало вставать. Один из товарищей спросил меня, который час. Я ответил, чтобы он сам посмотрел на мои часы, лежавшие на моем изголовье. Он подошел ко мне со свечей и наклонился над моим ложем. Вдруг лицо его исказилось от ужаса, и он крикнул

---

⁵¹² Giovanni Boccaccio (1313–1375), Italian writer and poet.

мне: «Не шевелитесь!»» Выражение его лица и окрик были так повелительны, что я замер. Тогда он тихо прошептал: «У вас на воротах сидит фаланга, если вы пошевелитесь, она вас непременно укусит, а если останетесь неподвижным, она от света уползет».

Долго ли продолжалась моя неподвижность, я не знаю, она показалась мне вечностью. Наконец, мой товарищ сказал:

– Ну, слава Богу! – уползла.

Фаланга водится по всему Закавказью, часто ютятся в старых домах. Укус ее, если не всегда смертелен, то, во всяком случае, вызывает тяжелое отравление всего организма.

После утреннего завтрака мы все разбрелись по окрестностям Шамхор. Охота предполагалась на фазанов и весьма редкую и уже вымирающую дичь, турача (*francolin*). Кроме немногих местностей Закавказья, эта птица водится только в Африке и, как говорят, в Испании. Она немного больше куропатки, а петух, крапленный черными перьями, чрезвычайно красив. Мясо его еще лучше фазаньего. К каждому из охотников был приставлен татарин с большими вилами, [-145-] чтобы раздвигать перед охотниками кустарники. Последние были так колочичи, что мои суконные штаны к вечеру были разорваны в лохмотья. Более опытные охотники надевали здесь кожаные штаны или сделанные из полосатого бумажного бархата, какие обычно носят итальянские каменщики. Колочичьи ветви кустарников начинаются обыкновенно на четверть аршина от земли. Во время охоты я застрелил фазана, который упал в кусты, шагах в тридцати от меня. Прилегли, можно было его увидеть лежащим на земле, но добраться до него не было никакой возможности. Собака моя визжала, но более аршина не могла проникнуть в чащу, и то выходила из нее окровавленной. Охота наша была весьма удачна, за три дня мы убили сотни три турачей и фазанов. Принц все время был в отличном настроении духа и школьничал даже иногда через край.

Между Тифлисом и Кутаиси мы ехали с принцем в одном купе. Остальные спутники остались в Тифлисе. Мы оба были в статском или, точнее, в охотничьем костюме. По пути к нам в купе попросился зайти какой-то иностранец, оказавшийся бельгийским горным инженером. Бельгиец разговорился, восхищаясь горными богатствами Кавказа. Принц начал уверять, что местное свиноводство может представить гораздо более интереса, и стал развивать какую-то необыкновенную чепуху, уверяя, что он занимается скупкой свиней.

Инженер слушал его с недоумением. Через некоторое время в купе вошел кто-то из знакомых и назвал принца «Ваше Высочество». Можно представить себе изумление иностранца, когда открылось инкогнито Ольденбургского. Он не знал, куда деваться, а Константин Петрович смеялся до упадка. Приехав в Кутаиси, он разумеется затащил к себе бельгийца и, в извинение проделанной мистификации, [-146-] угостил его на славу.

Недели через две мы снова поехали на охоту, тоже в Елизаветпольскую губернию, на станцию Эвлах⁵¹³, на арендованные Великими Князьями Георгием и Михаилом Михайловичем земли. Тут же предполагались турачи, но их оказалось гораздо меньше, чем в Шамхорах, но зато была невообразимая масса стрепетов, как будто бы слетевшихся сюда со всей России. На третий день охоты прибыла казачья сотня, с которой мы сделали несколько облав, причем в числе прочей убитой дичи была убита одна прелестная (антилопа) газель.

В декабре я переселился в Тифлис, где был прикомандирован к Владикавказскому полку. Здесь я снова отдался светской жизни, начавшейся с великолепного бала у Главноначальствующего князя Дондукова-Корсакова. Обеды, вечера, вечерники не прекращались, и я всюду был желанным гостем. В конце концов я так запутался в светских приключениях, что решил, что пора уезжать...

Через Батуми я проехал в Севастополь⁵¹⁴, откуда через Байдарские ворота⁵¹⁵ в Ялту, где пробыл две недели, а затем через Алушту⁵¹⁶, Симферополь⁵¹⁷, Москву вернулся в Петербург.

После юга и успеха моих Кавказских гастролей ожидавшая меня более чем скромная домашняя обстановка и полковая служба показали мне еще унылее, и я ломал себе голову, как бы иначе устроить свой быт. Однажды я встретил на улице приезжавшего на короткое время А.М. Салтыкова и высказал ему свои заботы. На это он сообщил мне, что вчера обедал в клубе с директором Департамента государственного контроля Петровым-Батуричем⁵¹⁸, который выразил ему свое сожаление, что его, Салтыкова, сын пошел [-147-] в земские начальники, а не поступил в его ведомство, где в то время учреждался так называемый

⁵¹³ Yevlax – currently a city in the territory of Azerbaijan.

⁵¹⁴ Sevastopol – a city in Crimea on the territory of Ukraine.

⁵¹⁵ Baidar vorota – pass in the Crimean Mountains.

⁵¹⁶ Alushta – a city in Crimea, Ukraine.

⁵¹⁷ Simferopol – a city in Crimea, Ukraine.

⁵¹⁸ Semyon Vasilyevich Petrov-Baturich (1833–1899), officer, civil servant.

мый фактический контроль, и что он с удовольствием предложил бы ему место старшего контролера.

– Почему бы вам не взять этого места? – прибавил Салтыков, [-] если хотите, я сегодня же переговорю об этом с Петровым-Батуричем.

– Я с благодарностью согласился.

На следующий день с визитной карточкой Салтыкова я был у Петрова-Батурича. Последний принял меня весьма любезно и спросил меня, в какой местности я желал бы служить. Я ответил, что предпочел бы служить на юге.

– Хорошо, место за вами, [-] ответил П[етров]-Б[атурич], но все-таки вам нужно явиться к товарищу государственного контролера Череванскому⁵¹⁹. Это, конечно, только формальность, но надо ее выполнить. Не помешало бы, если бы вы заручились к нему письмом от какого-либо Высочайшего лица, он к этому весьма чувствителен. Я знал из газет, что в Петербург приехал мой Кавказский приятель, принц Константин Петрович Ольденбургский. Я съездил к нему и получил от него письмо к Череванскому.

Надев мундир, еду к Череванскому. Между нами происходит следующий разговор.

– Я прочел письмо принца Ольденбургского, который просит предоставить вам должность старшего контролера фактического контроля. Это вы высказали ему такое пожелание?

– Я.

– Почему же вы пожелали быть старшим контролером, а не младшим?

– Потому что, очевидно, приятнее занимать старшую должность, чем [-148-] младшую.

– А как вы полагаете, чем, по существу, отличается должность старшего от младшего?

– Старший должен руководить младшим.

– Вы раньше служили в контроле?

– По моему мундиру вы видите, что нет.

Я уже начал раздражаться, хотя не мог не сознавать, что Череванский был совершенно прав.

– Значит вы дела не знаете, как же вы можете кем-нибудь руководить?

Я промолчал.

---

⁵¹⁹ Vladimir Pavlovich Cherevanskiy (1836–1914), writer, civil servant, deputy state controller, senator and member of the State Council.

– Кто же вам дал такой совет, проситься в старшие контролеры?

– Директор департамента Петров-Батурич.

Череванский расхохотался.

– Ну плохо же вы выбрали себе советника!

Я окончательно рассердился и ответил:

– Если я, молодой человек, плохо умею выбирать советников, то это не удивительно, но что вы выбрали в директора департамента человек, который, по вашему же мнению, специализировался на глупых советах, то это еще удивительнее! Затем имею честь кланяться.

Приближалось лагерное время, надо было идти в Красное Село, и меня от одной этой мысли грызла тоска. Я решил во что бы то ни стало бросить военную службу. Добрейший командир полка, генерал Долуханов, предоставил мне одиннадцатимесячный отпуск. В это время у меня развился ревматизм в правой руке, и я решил полечиться грязями в Арнсбурге⁵²⁰. По дороге я заехал в Ригу, где представился губернатору Зиновьеву, прося у него места [-149-] по администрации. Зиновьев отнесся к моему желанию довольно холодно. Я проехал в Митаву⁵²¹, где у губернатора Сипягина⁵²² (впоследствии министра внутренних дел) встретил совершенно другой прием. Он сейчас же предложил мне должность председателя высшего крестьянского суда (то же, что волостной суд во внутренних губерниях империи). Я поблагодарил, но просил отложить поступление в службу до осени, т.к. должен был подлечиться. Сипягин на это охотно согласился. Лето я провел в Арнсбурге, на острове Эзель⁵²³.

Должен признаться, это было самое тяжелое для меня время. Я положительно не знал, что из себя делать ни в моральном, ни в материальном отношениях. С одной стороны, военная служба меня тяготила, а, с другой, надо было думать о заработке, т.к. следовало положить конец жертвам, приносимым моей матерью. Был я в то время молод и чрезвычайно легкомысленен и, кроме того, самонадеян. Мне казалось, что мой гвардейский мундир и светская ловкость дают мне право на все решительно.

В сентябре я вернулся в Петербург. Сипягин получил другое назначение и мысль о службе в Курляндии пришлось оставить. Я был вынужден вернуться

---

⁵²⁰ Currently the town of Kuressaare on the island of Saaremaa in Estonia.

⁵²¹ Currently the city of Jelgava in Latvia.

⁵²² Dmitriy Sergeevich Sipiagin (1853–1902), governor of Courland (1888–1891), minister of internal affairs (1899–1902), killed on 2 (15) April 1902.

⁵²³ The island of Saaremaa in Estonia.

в полк и тянуть строевую ляжку. Из 8-ой роты я был переведен в 16-ую, и моим ротным командиром оказался С.И Щербинский⁵²⁴. Как старшему офицеру мне поручили новобранцев. Занятия с ними требовали большего напряжения, но столь же мало меня удовлетворяли.

Как и прежде светская жизнь наполняла мое время, и в ней центральное место занял дом М.Н. Журавлева⁵²⁵. Я отметил выше, что с раннего моего детства мы были очень близки с двоюродным братом [-150-] моей матушки, бароном Константином Антоновичем Штакельбергом⁵²⁶. У барона была сестра, Наталия Антоновна⁵²⁷, вышедшая замуж за Лукина⁵²⁸. Дочь ее, София Александровна⁵²⁹, очень красивая женщина, вышла замуж за богатейшего Рыбинского фабриканта, М.Н. Журавлева. Об этой личности стоит сказать несколько слов.

Отец Михаила Николаевича⁵³⁰ владел самыми большими в России канатными фабриками в Рыбинске, которыми снабжал чуть не весь наш, тогда еще парусный, флот. Старик Журавлев, уже владевший миллионами, будучи еще человеком вполне старозаветным, понял, однако, пользу образования. Однажды он дал своему старшему приказчику курьезное поручение: поехать в Европу и привезти его Мише самого лучшего воспитателя. Не знавший ни одного иностранного языка, приказчик объездил Германию и, наконец, оказался в Швейцарии, где ему в качестве педагога указали на ректора одного из университетов. Посланец Журавлева чрез переводчика прямо обратился к этому ученому, предлагая ему должность воспитателя купеческого сынка в России. Ректор рассмеялся и объяснил ему все несоответствие сделанного ему предложения с занимаемой им должностью.

– Однако, спросил приказчик, сколько вы получаете жалования?

---

⁵²⁴ Sergey Ivanovich Shcherbinskiy (1859–after 1917), commander of the company and battalion of the Yegierskiy Regiment of the Leibguard. Then commander of the 147th Samara Infantry Regiment, major general from 1906.

⁵²⁵ Mikhail Nikolayevich Zhuravlev (1840–1917), industrialist and landowner.

⁵²⁶ Konstantin Antonovich von Stackelberg (1835–1884), lieutenant general, commander of the 2nd Cavalry Division.

⁵²⁷ Natalia Antonovna Lukina née von Stackelberg (1831–1915).

⁵²⁸ Alexander Galaktionovich Lukin (1827–1881), official, counsellor of the Economic Department of the Tambov Chamber of State Property.

⁵²⁹ Sofia Alexandrovna Zhuravleva, née Lukina (1860–after 1917), married three times: Mikhail Zhuravlev, Alexander Falk (1863–1934) and Emmanuel von Nolde (1854–1909).

⁵³⁰ Nikolay Mikhaylovich Zhuravlev (1810–1872), Russian landowner and industrialist.

Тот ответил ему, указав какую-то довольно значительную сумму, положим, около десяти тысяч франков. (Это происходило в пятидесятых годах прошлого столетия).

– В таком случае, [-] сказал приказчик, [-] вы получаете столько же рублей, сколько получаете здесь франков, квартиру и все содержание, и, независимо от того, по окончании образования Миши, в виде [-151-] вознаграждения, капитал равный половине той суммы, которая будет вам выплачена в течении вашей службы.

Ректор... поехал в Россию.

Михаил Николаевич получил превосходное домашнее образование, заверщенное в одном из высших учебных заведений Англии⁵³¹. Человек он был очень умный, весьма ценимый в известных кругах как знаток торгового дела. В описываемое время он был уже, не служа, действительным статским советником. Женившись, уже не молодым, на Софии Александровне Лукиной, М.Н. решил жить открыто в Петербурге, купил прекрасный дом на Кабинетской улице, роскошно его меблировал и стал давать великолепные обеды и блестящие вечера. Ближайшим наперником М.Н. в этой светской жизни был известный поэт К. Случевский⁵³², он же гофмейстер и редактор «Правительственного Вестника». В эту светскую и роскошную жизнь Случевский сумел внести некоторые литературные интересы: в доме Журавлевых декламировали стихи, говорились красивые застольные речи. Семья наша, по родственным отношениям, весьма сблизилась с Журавлевыми, и без меня и брата моего Николая там, как говорится, не зажигали и свечей. Литературная струнка, введенная Случевским, пришлась мне по нутру. Я в то время много писал и декламировал свои и чужие стихи. Последние особыми достоинствами не обладали, но владел я стихом легко и экспромтами не стеснялся.

Помню я, как одна дама подошла к ломберному столу и, обращаясь ко мне, мелком написала: «Люблю вас» и моментально это стерла. Не задумываясь, я взял мелок и написал:

„Что вы, шутя, здесь мелом написали
Легко стереть,
[-152-] Тому-ж, что вы мне этим обещали

⁵³¹ M.N. Zhuravlev graduated from the University of London.

⁵³² Konstantin Konstantinovich Sluchevskiy (1837–1904), *privy councillor*, poet, writer, playwright, translator, editor of “Pravitel'stvenny Vestnik”.

Не умереть...

...по правде сказать, это умерло, не успев родиться...

Этот сезон, по всей справедливости, я должен назвать Журавлевским периодом моей жизни. У Михаила Николаевича была сестра Мاستридия Николаевна Баранова⁵³³, а у последней дочь – Вера Николаевна⁵³⁴, на которой год спустя женился мой брат Николай. Барановы состояли владельцами крупных текстильных фабрик в Иваново-Вознесенске, что не помешало брату моей невестки⁵³⁵ во время первой революции 1905 года оказаться в числе противников правительства и провозгласить себя президентом Иваново-Вознесенской республики. Каким только нелепым спортом не занимались наши разжиревшие Московские плутократы!

Еще несколько слов о Журавлевых. Лет пять спустя София Александровна развелась с Михаилом Николаевичем и вышла замуж за измайловского офицера Фалка⁵³⁶, с которым развелась снова через год, чтобы выйти замуж за барона Нольде⁵³⁷, управляющего делами Комитета Министров. В свою очередь Михаил Николаевич женился на жене брата Софии Александровны⁵³⁸, О.А. Лукиной⁵³⁹, которая скоро скончалась*. Год спустя он снова женился на г[оспо]же фон-Визен⁵⁴⁰. Вся эта сложная комбинация дала Михаилу Николаевичу повод сказать: «Сегодня я обедал с третьим мужем моей первой жены и беседовал с мужем моей второй». У Журавлева было много детей от первого брака; дочери повыходили замуж за разных титулованных молодых людей, и все быстро разводились. Сыновья [-153-] не оказались деловыми помощниками отцу. Не произошли даже социальная революция 1917 года, вряд ли солидная фирма Журавлевых уцелела. Впоследствии, будучи Костромским губернатором, я имел случай сделать наблюдение, что, в противность Западу, русские фирмы редко выдерживали

⁵³³ Mastrodia Nikolayevna Baranova, née Zhuravleva (1839–after 1875), married to Nikolay Ivanovich Baranov, honorary citizen, merchant of the 1st guild.

⁵³⁴ Vera Nikolayevna Stremoukhova, née Baranova (1872–1959), married to Nikolay Petrovich Stremoukhov since 1892.

⁵³⁵ Sergey Nikolayevich Baranov (1868–after 1917), hereditary honorary citizen, industrialist, led anti-government political demonstrations in Alexandrov in 1905. He headed the so-called Alexandrov Republic.

⁵³⁶ Alexander Petrovich Falk (1863–1934), colonel, graduate of the Page Corps, officer of the Izmaylovskiy Leibguard Regiment.

⁵³⁷ Emmanuel Yulyevich von Nolde (1854–1909), active *state councillor*, member of the State Council.

⁵³⁸ Pyotr Alexandrovich Lukin (before 1861–1897), cavalry lieutenant.

⁵³⁹ Olga Alexandrovna Lukina, née Chernysheva (1858–1902).

⁵⁴⁰ Varvara Ivanovna Zhuravleva née Fonvisin (1863–after 1917), former wife of Georgiy Nikolayevich Vietinghoff-Scheel (1871–1916).

далее третьего поколения. Обыкновенно создатель фирмы, простой умный русский мужик в длиннополом кафтане и сапогах бутылками, передавал сыну нажитые миллионы. Сын приобщался к Европейской культуре, дела не развивал, но продолжал, увлекаясь притом меценатством в какой-нибудь отрасли искусства, тратя на это свои средства; иногда же увлечение обращалось на политику, преимущественно направленную в сторону оппозиции, доходя иногда и до прямого содействия революции. Третье поколение служило в гусарах или на какой-нибудь маленькой, неблестящей должности в одном из министерств в столице, спуская нажитое дедом состояние.

* Сын О.А. – Лукин⁵⁴¹ ныне (1933) талантливый писатель по морской части.

Изредка бывал я у моей старой театральной приятельницы Х. Между нами установились самые дружественные отношения, что было тем легче, что у нее явилось уже новое увлечение.

Бывал я по-прежнему часто у Граббе. Как-то в ноябре, будучи в гостях у последних, я заговорил о предстоявшем во Дворце концертном бале. Должен пояснить, что в то время при Дворе обычно в течение сезона давался один большой, два концертные и столько же эрмитажных балов. На большие приглашалось более трех тысяч человек, на концертные по шестьсот, а на эрмитажные не более трехсот. На большие балы приглашения шли по табели о рангах, а в качестве танцоров командировалось по десять человек от каждой гвардейской части. На концертные балы приглашалась [-154-] высшая знать, от самых «шикарных» полков шли все танцоры, а от скромных – не более двух человек, по назначению от командира полка обычно посылался полковой адъютант и командир роты Его Величества. Приглашение на эрмитажные балы носило уже совершенно персональный характер. Наиболее доступные, большие балы были, в сущности, самыми красивыми, потому что гражданские лица, а в том числе и придворные, были в полной парадной форме. Красные мундиры сенаторов, шитые по всем швам мундиры особ первых трех классов, а также расшитые спереди и сзади мундиры придворных горели золотом. Последние – танцующие – были одеты в короткие белые штаны, при шелковых чулках и лакированных башмаках*. После бала был ужин, за которым подавалось не менее пяти блюд и превосходное

---

⁵⁴¹ Alexander Petrovich Lukin (1883–1946), captain of the 2nd rank of the Russian Empire Navy, emigrant, naval writer, since Sophia Alexandrovna's brother was called Pyotr, then we are probably talking about this person.

вино. Лица, видевшие все Дворы Европы, утверждали, что нигде не было такового великолепия. На концертных балах гражданские лица были одеты в вице-мундирные фраки, что делало толпу менее нарядной, но зато все залы были украшены камелиями, специально для этого выращиваемыми в особых оранжереях, достигавших до двух сажен высоты. [-155-]

* Впоследствии, уже камергером, я был на одном из этих балов и поэтому тоже должен был облечься в такую форму. Я зашел в Английский магазин, чтобы купить себе шелковые чулки, причем объяснил, что они мне нужны для придворной формы. Тогда приказчик дал мне две пары чулок: одну белую, а другую розовую. Я заметил ему, что просил дать только одну пару, но приказчик ответил, что всегда берут две, сначала одевают розовую, а потом белую. Эта процедура была необходима, по его мнению, т.к. «у многих на ногах растут волосы, которые просвечивают, а это некрасиво».

За мою пятилетнюю офицерскую службу на больших балах я был раза два, а на концертных ни разу. Вскользь я сказал об этом графу Н.Н. Граббе. Он даже не хотел этому поверить и сказал, что на предстоящем концертном балу я непременно буду. Действительно, на следующий день он в Яхт-Клубе⁵⁴² переговорил с министром двора гр. Воронцовым⁵⁴³. По желанию ли Воронцова или по ошибке, не знаю, но в Экспедиции церемониальных дел⁵⁴⁴ было отдано распоряжение не о том, чтобы послать мне приглашение только на предстоящий бал, а внесли в именной список лиц, постоянно приглашаемых на концертные балы. Такое придворное отличие оказалось небывалым в нашем полку и несколько изменило отношение ко мне сослуживцев: старшие стали ко мне более внимательными, а младшие высказывали неудовольствие, что едва ли не самый лодырный офицер занял такое незаслуженное положение.

Весной добрейший командир полка, генерал Долуханов, получил назначение командира I-ой бригады первой гвардейской пехотной дивизии, а генерал Мальцов⁵⁴⁵ был назначен на его место. Jean Мальцов, как его звали в большом свете, был командир совершенно иного типа, чем его предшественник.

---

⁵⁴² Saint Petersburg Emperor's Yacht Club – an elite social club operating since 1846.

⁵⁴³ Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov (1837–1916), minister of the imperial court and viceroy of the Caucasus.

⁵⁴⁴ Ceremonial Affairs Expedition – a state administration body that has been part of the Ministry of the Imperial Court since 1858. Its responsibilities included preparing court ceremonies and handling matters relating to diplomatic and court protocol.

⁵⁴⁵ Ivan Sergeevich Maltsov (1847–1920), infantry general, in 1891–1894 commander of the Yegierskiy Leibguards Regiment.

Это был человек очень богатый, как владелец известных Мальцевских заводов⁵⁴⁶, светский и придворный. Начал он службу в Кавалергардском полку, потом адъютантствовал и, наконец, получил в командование наш пехотный полк, к чему совершенно не был подготовлен. Но его светскость и связи принесли полку больше пользы, чем упорный труд его менее блестящих предшественников; делаемая им полку реклама выдвигала его всегда на первое место. Службы он не знал совершенно, но остроумие его всегда вывозило. Расскажу один случай. [-156-]

Корпусный командир, кн. Николай Николаевич Оболенский⁵⁴⁷, производил смотр нашему полку в Красном Селе. Полк стоял в батальонных колоннах, т. наз. «яшиках». Иначе сказать, каждый батальон стоял отдельно в сомкнутом строю, по два батальона в линию, имея между собою батальонные интервалы. Обращаясь к Мальцеву, кн. Оболенский приказал ему двинуть полк вперед. Приказание было ясное, но как его исполнить генерал не знал, одно лишь твердо помнил, что не полагается в этих случаях командовать «шагом марш». На самом деле этот маневр должен исполняться следующим образом. Командир полка должен выехать вперед полка и скомандовать «полк вперед». Команда эта повторяется батальонными командирами, тоже находящимися верхом, впереди своих батальонов. После сего командир полка три раза делает круг шашкой кругом головы, каковой жест повторяется батальонными командирами. Это предупреждение приводило всю часть в напряженное состояние внимания. После сего командир полка опускал шашку, что опять повторялось батальонными командирами, и тогда все люди, как один человек, двигались вперед. Маневр этот при хорошем исполнении был довольно эффектен. Недолго думая, Мальцев обратился к находившемуся с ним рядом старшему полковнику Поппе⁵⁴⁸, не бывшему в строю, как заведующий хозяйством, и приказал ему двинуть полк, Поппе, не дав Оболенскому опомниться, лихо прогалопировал вперед полка и отдал нужное приказание. Полк отлично произвел маневр и князю только и оставалось благодарить... Тем не менее Оболенский обратился к Мальцеву и спросил его, почему он не сам исполнил полученное приказание. Взяв руку под козырек, с серьезным видом, но со смеющимися глазами, Мальцев ответил: [-157-]

---

⁵⁴⁶ A group of industrial plants operating around Bryansk since the second half of the 18th century, which were in the hands of the Maltsov family.

⁵⁴⁷ Nikolay Nikolayevich Obolenskiy (1833–1898), adjutant general, from 1889 he held the position of commander of the 1st Leibguards Infantry Division.

⁵⁴⁸ Georgy Vladimir Georgiyevich Poppe (1846–after 1893), major general, officer of the Leibguard units of the Russian army.

– Я убит.

– Что такое?

– Да, ваше сиятельство, я убит. Я так обучил свою часть, что каждый офицер может выбыть из своего места и моментально должен быть заменен, без всякой суеты, следующим за ним по старшинству. Что же будет на войне, если я их этому не выучу?

– Да-а... на войне... [-] только и мог ответить князь.

Оболенский был типичным продуктом нашего Красносельского военного воспитания. Как-то перед маневром командиры частей высказали свои соображения о его выполнении. Наш командир, Долуханов, предложил довольно длительный фланговый обход. Оболенский пришел в ужас: «Какое обходное движение! – воскликнул он, [-] это возьмет три часа времени; в 12 часов Высочайший завтрак по случаю окончания маневров, а вы какие-то обходные движения затеиваете! Да вы понятия не имеете...». Глубокие тактические соображения Долуханова провалились.

Еще в то время, что князь командовал Преображенским полком, ему была дана задача защищать лагерное расположение своего полка от Семеновцев. Князь, по бывшим примерам, расположил цепь около вокзала перед фронтом полка, расставил заставы между цепью и самым лагерем, а резерв – у самых палаток. Неприятель долго не показывался, как вдруг раздались сигналы к атаке и крики «ура» у задней линейки полка. Оказалось, что Семеновцы атаковали с тыла, где никаких предостережений принято не было. Судьи признали Преображенцев побежденными. Князь был страшно возбужден: «Двадцать лет, [-] говорил он, [-] Преображенцев атаковали с фронта от вокзала, а никогда этого не было, чтобы на нас напали со стороны унтер-штаба [-158-] (отхожих мест)!» и в его словах звучало чувство, как будто бы с ним, да и вообще, некорректно поступили.

Мальцев относился ко мне очень мило, чему немало способствовало мое светское положение.

После лагеря я решил проехать на месяц к моему другу Салтыкову в его имение Глинище⁵⁴⁹ Алексинского уезда Тульской губернии, где он занимал должность земского начальника, и куда на лето приехали из Ниццы его отец и сестры, по которым я очень соскучился...

---

⁵⁴⁹ The Glinishche estate became the property of A.A. Saltykov's wife. She inherited it from her grandfather, general Ivan Alexandrovich Abarinov.

Я уже говорил выше о сестрах Салтыкова и о тех дружеских отношениях, которые связывали меня со старшей, Александрой Александровной. В деревне мои вкусы изменились и младшая – Соня, стала производить на меня большое впечатление. Ее безискусственность, прямота, душевная чистота после, по большей части, легкомысленных женщин, с которыми до того времени меня сближала судьба, производили на меня чарующее впечатление. Шура любила лежать на кушетке в комнате и разговаривать о чувствах, Соня же любила прогулки, поле, лес, искать грибы и собирать ягоды. Летом тянуло на воздух, на солнце, к молодому неиспорченному девичьему сердцу. Я стал сильно задумываться над тем, не найду ли я в этой девушке свое счастье. Мое – очевидно, но дам ли я ей счастье, вот что меня смущало. Я считал себя слишком уже испорченным. Кроме того, я был беден. Салтыковы имели хорошие средства, но даже и получив приданое я несомненно ухудшал бы условия быта нравившейся мне девушки, и что же я давал ей взамен? – ровно ничего, как мне это казалось. Поэтому я решил отложить решение этого вопроса до зимы, когда Салтыковы должны были вернуться, проведя [-159-] осень в Ницце. Но человек предполагает, Бог располагает... 31 августа я должен был уехать, а 30 праздновались именины старика Салтыкова и моего друга. Настроение было повышенное. Мне грустно было уезжать. Оставшись как-то наедине с Соней, я высказал ей свое тоскливое чувство о необходимой разлуке и просил ее принять на память мой пажеский Мальтийский крестик. Она взяла его, надела на себя и сказала, что никогда его не снимет. Слово за слово, и я сделал предложение, совершенно неожиданное для себя, которое и было принято.

Когда разошлись гости и я отправился в свою комнату, то испугался того, что сделал. Хорошо ли было с моей стороны, может быть, врасплох захватить чувства молодой неопытной девушки, ведь то, что она мне полюбилась, еще не значило, что я дам ей счастье...

На следующий день мы встретились в саду. Я откровенно изложил свои сомнения, но она твердо ответила мне, что меня любит, дала свое слово и ни в каком случае от него не откажется.

– Если я кому дала свое, [-] сказала она, [-] то навсегда... [-] и, действительно, это слово сдержала.

Предстояло объяснение с ее отцом. Не без смущения пошел я к нему. Александр Михайлович всегда хорошо ко мне относился, но насколько я приходился ему по вкусу в качестве зятя, было сомнительно. Во всяком случае, мое плохое материальное положение не могло его радовать.

Наше объяснение прошло легче, чем я это ожидал. Салтыков так любил свою младшую дочь, что ни в чем не мог ей отказать. Он только просил меня до возвращения из Ниццы никому не говорить о нашей помолвке, т.к. считал нужным предоставить своей дочери [-160-] время хорошо обдумать свое решение. Я охотно на это согласился, т.к. твердо верил в слово моей будущей жены и не ошибся.

31 августа я выехал в Петербург, а недели через две Салтыковы уехали в Ниццу. Между мной и Соней шла переписка, но ни она, ни я о нашей помолвке в ней не упоминали.

В конце сентября я получил командировку в город Олонец⁵⁵⁰ обучать ратников государственного ополчения первого разряда. Задача эта оказалась довольно трудной, т.к. большинство ратников были корелы и ничего по-русски не понимали. Я говорил выше, что мордобитие у нас в полку, как общее явление, не практиковалось, а осуществлялось лишь в весьма редких и исключительных случаях. И вот здесь, к стыду моему, я в первый и, впрочем, в последний раз в жизни ударил солдата.

В помощь мне даны были два унтер-офицера. Одного из них, как я отлично помню, звали Игнатьевым. На ученье, производившееся у меня на дворе, я выходил в 8 часов утра. Одеваясь, я подошел к окну и наблюдал за обучением производившимся Игнатьевым. В данный момент он обучал рекрутов поворотам. Не понимая русского языка, они часто ошибались и некоторые поворачивались не в ту сторону, куда было приказано. Поэтому соседи оказывались повернутыми друг к другу, лицом к лицу. В этих случаях происходило что-то непонятное, что я из своей комнаты разобрать не мог. Я быстро оделся и вышел на двор. Внимательно осматриваю своих людей и что же я вижу? На лице неправильно повернувшихся ратников что-то течет. Спрашиваю объяснение. Оказалось, что Игнатьев изобрел следующую систему воздействия. Он приказывал правильно повернувшемуся плевать в лицо ошибившемуся. Можно себе [-161-] представить чувства, какие такое глумление могло вызывать у корел к нам, да и друг к другу. Меня это страшно возмутило, и я тут же перед фронтом закатил Игнатьеву в морду. Мой, далеко не корректный, поступок сильно расположил ко мне корел; они лезли из кожи, чтобы мне угодить. Произведенный командиром местной бригады смотр прошел блестяще, и я получил благодарность в приказе по полку.

---

⁵⁵⁰ Olonets – a city in the territory of the Republic of Karelia, which is part of the Russian Federation.

Это был первый этап от моего лодырничества к делу. Должен отметить, что мое «рукоприкладство» нисколько не озлобило Игнатьева. Он с такою же радостною рожею приветствовал меня своим «здравия желаю», как будто бы ничего между нами не произошло. Быть может, все это было притворство, которое мы не сумели разгадать в русском мужике и русском солдате, за что так горько расплатились в 1917 году.

Возвращаться в Петербург мне пришлось поздней осенью или, вернее, ранней зимой. До Ладожского озера⁵⁵¹ надо было ехать верст сорок. Между прочим, дороги северной России часто украшены огромными деревянными крестами, совершенно как в католической Польше. В Лодейном Поле⁵⁵² стоял лишь один пароход «Александр Свирский». Погода была скверная, падал снег и поверхность озера уже затягивалась льдом. Капитан опасался тронуться в путь несмотря на то, что ему больше хотелось зазимовать в Петербурге, чем в захолустном Лодейном Поле. Поднялся сильный ветер. Это обстоятельство побудило капитана двинуться в путь. При сильном волнении вода не могла замерзнуть, и он имел надежду добраться до лучшей зимней стоянки. Я решил ехать на «Александре Свирском». Переезд наш был очень тяжелым. Руль отказался повиноваться, т.к. цепи, приводящие его в движение, замерзли несмотря на то, что [-162-] их поливали горячей водой. Несколько часов нас носило по прихоти ветра. В это время мы слышали отчаянные крики. Это тонула чухонская лайба. С невыразимыми усилиями мы до нее добрались и вытащили на борт полузамерзших людей; лайба же потонула. Мои интер-офицеры, а в особенности Игнатьев, сильно помогали команде. Чувствуя угрызения совести, я поблагодарил его и при всей команде пожал ему руку. В это время это было необычайным проявлением внимания к нижнему чину и, может быть, вызвало бы даже осуждение со стороны многих моих товарищей. Быть может, этот поступок помирил со мной Игнатьева. С большим трудом переплыли мы Ладожское озеро и добрались до Невы, и, наконец, до Петербурга. Уже прибыв к месту назначения, капитан признался мне, что не один раз во время нашего плаванья раскаивался в принятом решении, т.к. были минуты, когда он считал наше положение отчаянным.

Глупо было бы погибнуть на пороге к новой жизни и принести горе молодой девушке, решившейся соединить свою судьбу с моей, но Бог, видимо,

---

⁵⁵¹ Lake Ladoga – the largest lake in Europe, located in the territory of the Russian Federation.

⁵⁵² Lodeynoe Pole – a city located on the Svir River east of Lake Ladoga on the territory of the Russian Federation.

хранил меня, как хранит до настоящего времени, несмотря на то, что я много раз, как увидит читатель, если не соскучиться прочесть мою повесть до конца, был на краю гибели.

Вернувшись в Петербург, я с нетерпением стал ожидать Салтыковых, которые должны были приехать в ноябре.

Здесь будет уместно более подробно поговорить об этой семье.

Род Салтыковых принадлежал к одному из древнейших в России. Из него вышло много бояр, а также одна царица – Прасковья Федоровна⁵⁵³, жена Иоанна Алексеевича⁵⁵⁴. Согласно Истории Екатерины Великой⁵⁵⁵ Бильбасова⁵⁵⁶, один из Салтыковых был отцом* Императора Павла, [-163-] а в таком случае кровь их текла во всех последующих императорах. Фельдмаршал князь Салтыков⁵⁵⁷ был героем Кунерсдорфа⁵⁵⁸, где разбил самого Фридриха Великого⁵⁵⁹. Все Салтыковы имели одного родоначальника. Некоторые линии были пожалованы в княжеское и графское достоинство, но старшая осталась просто дворянской, и к этой линии принадлежал род моей будущей жены. Прадед ее был адъютантом Потемкина, а карьеру свою закончил сенатором, попечителем Казанского учебного округа и, наконец, Председателем Московского опекунского совета⁵⁶⁰. Дед⁵⁶¹ прослужил недолго в гусарах. Будучи в походе в Литве, женился на помещице Гружевской⁵⁶², от которой имел четырех сыновей, из которых второй, Александр, стал отцом моей жены.

* Впоследствии, когда я служил в Варшаве, директором канцелярии ген.-губернатора был А. Н. Львов, женатый на светлейшей Салтыковой. Эта дама была удивительно похожа на Императора Павла.

⁵⁵³ Praskovia Fyodorovna, née Saltykova (1664–1723), Tsarina, wife of Tsar Ivan V.

⁵⁵⁴ Ivan V Alexeyevich (1666–1696), Russian Tsar.

⁵⁵⁵ «История Екатерины Второй». Biography of Tsarina Catherine II published by Vasilii Alexeyevich Bilbasov in 1900 in Berlin.

⁵⁵⁶ Vasilii Alexeyevich Bilbasov (1837–1904), a Russian historian and publicist, in his scientific research addressed topics related to the period of the reign of Catherine II.

⁵⁵⁷ Pyotr Semyonovich Saltykov (1698–1773), Russian general-field marshal.

⁵⁵⁸ Kunersdorf – now Kunowice on the Oder River in Poland, site of a battle fought on August 12, 1759 between Prussian and Russian and Austrian troops during the so-called Seven Years' War.

⁵⁵⁹ Frederick II the Great (1712–1786), King of Prussia from the Hohenzollern dynasty.

⁵⁶⁰ Mikhail Alexandrovich Saltykov (1767–1851), officer and high-ranking official of the state administration, curator of the Kazan Scientific District and ober-director of the Moscow Trade School.

⁵⁶¹ Mikhail Mikhaylovich Saltykov (1805–after 1848), officer, served, among others, in the Olviopol Hussar Regiment.

⁵⁶² Luiza Saltykova, née Gruzewska (after 1805–after 1848), daughter of a landowner from the Vilnius Governorate.

Александр Михайлович родился в 1828 году, а в [18]46 окончил в 18 лет Московский университет по историко-филологическому факультету. Наступившая Венгерская кампания⁵⁶³ отвратила его от штатской службы, и он поступил в Нарвский гусарский полк⁵⁶⁴, где уже служил его брат Лев Михайлович⁵⁶⁵. Александр Михайлович в молодые годы женился на Софии Яковлевне Бологовской⁵⁶⁶, принадлежавшей тоже к старинному дворянскому роду. Это была женщина очень красивая, но слабого здоровья. Дав Александру Михайловичу четырех детей, София Яковлевна, родив последнюю – Соню, заболела раком, от которого вскоре и скончалась. Александр Михайлович, недолго прослужив в гусарах, перешел в канцелярию военного министерства и скоро был назначен сначала помощником начальника, а затем и начальником военно-походной канцелярии (Императора Александра II)*.

* Учреждение это было упразднено в царствование Императора Александра III и восстановлено во второй половине царствования Николая II. Начальником этой канцелярии состоял князь Орлов, лицо очень близкое к Государю.

[-164-] В этих должностях он прослужил непрерывно 28 лет до самой смерти Царя-Освободителя, видя его при этом ежедневно. За свою службу Ал[ександр] Мих[айлович] был пожалован в флигель-адъютанты, а затем в 1879 году – и в генерал-адъютанты, в чине генерал-майора, что было редчайшим исключением и свидетельствовало об особом к нему благоволении Государя. Служба в военно-походной канцелярии была весьма интересна и ответственна, тем более что Государь очень много времени проводил в путешествиях, в течении которых начальник военно-походной канцелярии являлся единственным докладчиком Государя по делам, присылаемым с фельдъегерями из всех министерств, а также исполнителем его резолюций. Много писем и рескриптов от имени Государя пришлось написать Салтыкову за эти 28 лет. Пером он владел превосходно и памятью обладал изумительною. Когда он бывал в хорошем настроении духа, то мог бесконечно и интересно рассказывать о Государе и всех слагавшихся около него событиях. Я очень сожалелю, что ничего из его рассказов, в свое время, не записал.

⁵⁶³ Russian intervention in Hungary in 1849, which led to the suppression of the Spring of Nations in Hungary.

⁵⁶⁴ The Narva Hussar Regiment was a cavalry unit of the Russian army that existed in the years 1705–1918.

⁵⁶⁵ Lev Mikhaylovich Saltykov (1827–after 1854), officer, served, among others, in the Narva Hussar Regiment.

⁵⁶⁶ Sophia Yakovlevna Saltykova, née Bologovskaya (1836–after 1871).

Ал[ександр] Мих[айлович] обожал Александра II и благоговел перед его памятью. В течение своей службы Салтыков кое-что записывал и, уже будучи в отставке, принялся за свои мемуары, которых написал три толстых тетради, страниц до четырехсот. Однажды к нему зашел бывший министр Двора, граф Адлерберг⁵⁶⁷ и, застав его работающим над мемуарами, спросил его:

[-165-] – Что ты делаешь?

– Да вот, пишу свои воспоминания о Государе.

– Понимаю, но что же ты, собственно, записываешь? Ведь все, что касается Государя, можно почерпнуть из современных газет, разных официальных актов и других документов.

– Нет. Я пишу то, что не могло быть в официальных документах.

– Да что же такое, в таком случае, ты можешь записывать?

– Я пишу все то, что касается интимной жизни Государя.

– Я не сочувствую такого рода труду. Если ты и я, и еще немногие другие знают то, что Государь не признавал нужным делать достоянием толпы и проявлял к нам исключительное доверие, полагаясь на нашу преданность и скромность, то я считаю нарушением этого доверия опубликование таких интимностей.

Салтыков взял свои четыре тетрадки и тут же бросил их в пылающий камин...

Этот поступок я считаю весьма благородным, но вряд ли правильным. Велико должно быть благоговение перед Государем, но еще выше должно оно быть перед историей, которая переживает всех смертных и которой нужна правда.

Действительно, в этих записках попадались горькие для некоторых лиц страницы. Я припоминаю одно характерное место.

Дело касалось Восточной войны 1877/[187]8 года. Одно наиболее ответственное лицо завело совершенно самостоятельную политику, прямо противоположную воле Государя. Александр II вызвал его к себе и сказал ему:

– Я всегда знал, что ты дурак, но для большого горе, что ты еще и подлец.

[-166-] Я не назову это лицо, т.к. переданное мной сведение, т.ск., из вторых рук, не имеет исторического значения, но, засвидетельствованное показанием очевидца, пролило бы, может быть, новый свет на многое и указало бы на то, как история повторяется... Таких страниц в мемуарах Салтыкова было множество, и

---

⁵⁶⁷ Alexander Vladimirovich Adlerberg (1818–1888), adjutant general of the Russian army, high-ranking government official, including minister of the imperial court.

я привел вышеприведенный факт лишь для того, чтобы показать всю ценность уничтоженного труда.

Некоторые подробности быта военно-походной канцелярии носили совершенно архаистический характер.

Южнее Москвы в шестидесятых годах еще не было железных дорог и путешествия Государя в Крым, которые он совершал почти ежегодно, осуществлялись при посредстве пяти троек. Одна из них была занята военно-походной канцелярией, т.е. ее начальником, помощником и писарем, сидевшим на козлах. Другие писари сидели на козлах двух других троек. Писари эти были превосходные и, конечно, требовались люди, заслуживающие полного доверия. Поэтому они служили долго, дослуживались до чина статского советника, но с них бралась подписка, что они не будут выражать никаких претензий, когда их будут сажать на козлы. Одного из таких бывших писарей я знал уже членом Совета министра внутренних дел и кавалером ордена «Белого Орла»⁵⁶⁸.

Александр II, со своей стороны, тоже очень любил Салтыкова, что доказал тем, что пожаловал его в генерал-адъютанты в чине генерал-майора, сделав двух старших его дочерей фрейлинами, был крестным отцом моей будущей жены, которая не была фрейлиной лишь потому, что ей было всего двенадцать лет, когда Император скончался, и пожаловал ее матери по сему случаю бриллиантовые [-167-] серьги, которые ныне составили (писано в 1923 году) последний резерв, на который мы рассчитываем продлить агонию нашего эмигрантского существования.

Салтыкову пришлось посетить с Государем почти все столицы Европы, а также проделать кампанию 1877/[187]8 г.г. и побывать в освобожденной Царем Болгарии, где его дочь и крестница Государя впоследствии влачила столь жалкое существование и, подорванная непосильным трудом, нашла себе место вечного упокоения.

А[лександр] М[ихайлович] был украшен первыми степенями всех орденов Европейских государств. Между ними были весьма интересные, как, например, *Legion d'Honneur* с изображением Наполеона I, полученный им от Наполеона III⁵⁶⁹, и два ордена: один – австрийский, а другой – итальянский, оба с изображением

---

⁵⁶⁸ The Order of the White Eagle is an order established by the Polish King Augustus II the Strong in 1705. In 1831, this decoration was included in the chapter of Russian orders.

⁵⁶⁹ Charles Louis Napoleon Bonaparte - President of France in the years 1848–1852. As Emperor of the French in the years 1852–1870, he took the name Napoleon III (1808–1873).

одной и той же Железной Короны⁵⁷⁰ Ломбардской, на которую оба названные государства распространяли свои претензии. Странно было видеть их рядом на одной и той же груди. Все эти отличия, числом выше пятидесяти, достались по наследству мне или, вернее, моей жене. В 1917 году я оставил их на хранении в Московском ломбарде... Все это, вместе с остальным моим имуществом, сделалось, по словам газет, достоянием комитетов бедноты или, точнее, комиссаров.

А[лександр] М[ихайлович] рассказывал мне, что он как-то, сопровождая Государя, был в Берлине. На вокзале Александра II провожал маститый Император Вильгельм⁵⁷¹ и кронпринц Фридрих⁵⁷², впоследствии кратковременный император Германии. Поезд отходил, Салтыков, случайно сильно высунувшись из окна, оглянулся. При этом он увидел, как Фридрих с выражением отвращения двинул ногою в отходящий поезд. [-168-]

Цареубийство 1 марта 1881 года⁵⁷³ сильно изменило положение Салтыкова. Император Александр III терпеть не мог ближайших к своему отцу лиц: министра Двора гр. Адлерберга и генерал-адъютантов Воейкова⁵⁷⁴, Рылеева⁵⁷⁵ и Салтыкова, и все они были отдалены от Двора. Из этих четырех лиц только Воейков сумел восстановить со временем свое положение при новом Дворе. Придворная ловкость этого генерала перешла и к его сыну, бывшему Дворцовым Комендантом⁵⁷⁶ при Императоре Николае II, впрочем, более известному как «генерал от Кувакерии», как его прозвал Пуришкевич⁵⁷⁷ за распространявшуюся им, будто бы, минеральную воду «Кувака», собственного изобретения. Граф Адлерберг скоро умер. Рылеев замкнулся в своем культе почившего Государя. После смерти Александра II он прожил еще лет пятнадцать в своей маленькой квартире на Конюшенном переулке⁵⁷⁸, откуда ежедневно, невзирая ни на ка-

⁵⁷⁰ The Order of the Iron Crown is a state decoration established in the Kingdom of Italy in 1805. It was awarded in the years 1805–1814. After the fall of Napoleon, it was abolished. Emperor Francis I of Austria re-established this order in 1816, including it in the chapter of Austrian orders.

⁵⁷¹ William I of Hohenzollern (1797–1888), King of Prussia from 1861 to 1888 and Emperor of the Second German Reich from 1871 to 1888.

⁵⁷² Friedrich Wilhelm Nikolaus Karl von Hohenzollern (1831–1888), later Emperor of the Second German Reich as Frederick III Hohenzollern.

⁵⁷³ Tsar Alexander II died as a result of the assassination attempt of Ignacy Hryniewiecki in St. Petersburg.

⁵⁷⁴ Nikolay Vasilyevich Voyeykov (1832–1898), cavalry general, adjutant general to Tsar Alexander II.

⁵⁷⁵ Alexander Mikhailovich Ryleev (1830–1907), infantry general, adjutant general to Tsar Alexander II.

⁵⁷⁶ Vladimir Nikolayevich Voyeykov (1868–1947), officer of the Russian army, commander of the imperial palace in 1913–1917, landowner.

⁵⁷⁷ Vladimir Mitrofanovich Purishkevich (1870–1920), Russian right-wing political activist.

⁵⁷⁸ Konyushchiny pereulok – street in Saint Petersburg.

кую погоду, ходил в Петропавловскую крепость⁵⁷⁹ молиться у могилы своего обожаемого Царя. Когда Нева⁵⁸⁰ замерзла, то он шел не по мосту, а тропинкой по льду, причем бросал куски хлеба воронам. Стоило появиться на Неве старику в николаевской шинели с поднятым воротником, как эти птицы слетались к нему со всех сторон за привычным угощением. У Рылеева была замечательная коллекция всех фотографий, когда бы то ни было сделанных с Государя. Не знаю, куда эта коллекция делась.

Немилость к Салтыкову вызывалась, как мне говорили лица довольно компетентные, тем, что, будто бы, он состоял шафером Государя при бракосочетании его с княжною Долгоруковой⁵⁸¹, получившей, как морганатическая супруга Императора, титул княгини Юрьевской. А[лександр] М[ихайлович] это упорно отрицал, но я не могу не ответить, что морганатическая супруга [-169-] Императора всегда проявляла к нему большое внимание...

Немилость к Салтыкову выразилась в том, что его престаи назначать на дежурства к Государю. Оскорбленный А[лександр] М[ихайлович] написал Александру III весьма решительное письмо, в котором указал, что не видит смысла носить его вензеля, если он ему неугоден и просил об увольнении от службы. Как назначение Салтыкова генерал-адъютантом в чине генерал-майора, так и просьба его об увольнении от этой должности были совершенно исключительными. Было принято безропотно переносить опалу и ждать поворота колеса фортуны, но «боярин» Салтыков просил «отъехать». Ему передали, что его прошение об отставке будет принято. Это прошение Салтыков повез сам к вновь назначенному вместо Милютина⁵⁸² военному министру Ванновскому⁵⁸³. Последний принял А[лександра] М[ихайловича], стоя, и холодно спросил, что ему угодно.

– Во-первых, сесть, [-] ответил Салтыков и, уже удобно усевшись в кресле, даже не выждав, чтобы это было сделано самим Ванновским, сказал ему, что привез прошение об отставке.

После этого Салтыков забрал свою семью и уехал за границу, где преимущественно и прожил последние двадцать лет своей жизни.

⁵⁷⁹ The Petropavlovsk Fortress is a fortress in St. Petersburg founded in 1703.

⁵⁸⁰ The Neva is a river flowing through St. Petersburg, connecting Lake Ladoga with the Gulf of Finland in the Baltic Sea.

⁵⁸¹ Yekaterina Mikhailovna Dolgorukova (1847–1922), favourite and morganatic wife of Tsar Alexander II, from 1880 Princess Yuryevskaya.

⁵⁸² Dmitriy Alexeyevich Milutin (1816–1912), officer, minister of war in 1861–1881.

⁵⁸³ Pyotr Semyonovich Vannovskiy (1822–1904), officer, minister of war in 1881–1898.

Александр Михайлович был личностью довольно оригинальной. Принадлежа по своему рождению, воспитанию и служебному положению к самой высшей аристократии, он терпеть не мог большого света. С родственниками своими, князьями Кочубеями (гофмейстерина Высочайшего Двора Helene Кочубей⁵⁸⁴), графами Толстыми, Бибиковыми и Татищевыми, и другими он не поддерживал никаких отношений. Необыкновенно простой с равными и низшими, он терпеть не мог всяких сановников и при встрече с ними поражал своей холодностью. Нужно [-170-] было иметь очень сильный характер, чтобы пробыть 28 лет при Дворе и сохранить такую самобытность: спина его не гнулась ни перед кем. Эту Салтыковскую гордость он всецело передал своему сыну и своей дочери – моей жене. Когда сын его, будучи земским начальником и предводителем дворянства, жил у себя в деревне, то исправники и становые, ветеринары и мелкоместные соседи были принимаемы как дорогие гости, почти со всеми он был на «ты», а с губернатором он пикировался и к нему не ездил. Моя жена, будучи женой начальника губернии, принимала жену последнего чиновника, как равную, но оказывалась до крайности строптивой, когда надо было сделать визит или оказать внимание жене министра или генерал-губернатора.

Но если А[лександр] М[ихайлович] не любил *grand mond'a*, то очень благоволил к *demi mond'у*, и самые красивые опереточные звезды того времени и *demi-momden'ки* были достаиваемы его вниманием. После его смерти мы нашли в его письменном столе десятка три портретов разных красавиц, несомненно бывших к нему благосклонными.

Впрочем, и при жизни А[лександр] М[ихайлович] не скрывал своих слабостей и, уже семидесяти лет от роду, умудрился иметь пассию в Ницце, которая была при нем даже в последние дни его жизни.

Между прочими своими романтическими приключениями, А[лександр] М[ихайлович] рассказывал мне один случай, который настолько характерен в бытовом отношении, что заслуживает быть отмеченным.

В 1878 году Салтыков был с Государем в Бухаресте⁵⁸⁵. Будучи в театре, А[лександр] М[ихайлович] заметил в одной из лож очень красивую женщину. Своими впечатлениями он поделился со своим соседом, давно проживавшем в Румынии. [-171-] – Она вам нравится? [-] заметил тот, [-] так познакомьтесь, это жена полковника Х.

⁵⁸⁴ Yelena Pavlovna Kochubei née Bibikova (1812–1888), duchess, lady of the imperial court.

⁵⁸⁵ Bucharest – the capital of Romania.

– Зачем мне с нею знакомиться, мы завтра уезжаем, и кроме обмена двумя-тремя фразами это знакомство мне ничего не принесет.

– Отчего? – вы можете с нею сегодня же... поужинать...

– Разве она такая... веселая дама?

– Более или менее, скорее более, впрочем, как все остальные.

– Да разве с каждой можно... поужинать?

– Тоже более или менее, скорее более. Впрочем, это легко выяснить. Если вы хотите, я проведу вас в ложу графини У., она вас познакомит с полковницей Х.... Только предупреждаю, что это будет вам недешево стоить, франков пятьсот.

В эту ночь Салтыков... ужинал с госпожой Х.... Будучи, однако, очень щедрым с женщинами, он дал ей не пятьсот, а тысячу франков...

Эта довольно банальная по началу история, однако этим не кончилась. Через несколько месяцев, будучи дежурным при Государе в Петербурге, А[лександр] М[ихайлович], просматривая список лиц представляющихся Его Величеству, усмотрел среди них и фамилию мужа румынской красавицы. А[лександру] М[ихайловичу] надлежало с ним познакомиться. Когда Салтыков ему назвал, то румын сказал, что очень рад с ним познакомиться, т.к. много слышал о нем от своей жены „ *qui m'a dit que vous étiez un homme excessivement aimable et surtout généreux* ". А[лександр] М[ихайлович] так и ахнул от удивления.

Будучи в Петрограде, Салтыков ежедневно бывал в каком-нибудь театре, который он очень любил. Несмотря на свою фривольность, Салтыков был прекрасным семьянином и очень любил своих детей. [-172-] Когда младшая дочь заболела, то отвезя ее в Ниццу, он всецело отдался уходу за ней и заботам о ее здоровье. Мы очень впоследствии сошлись с ним, и отношения между нами были как бы между отцом и сыном. Мир душе этого хорошего, прямого и честного человека*.

* Мнение такого близкого лица, как я, может быть заподозрено в пристрастии, а потому я сошлюсь на стороннее свидетельство. Недавно мне попала под руку книга: «Мои воспоминания 1877–1878 г.» генерала Д.А. Скалона, бывшего адъютанта Вел. Кн. Николая Николаевича, нашего Главнокомандующего во время Балканской войны. Приводимый отрывок относится к Плевненскому периоду кампании. Отношения Великого Князя с Главной Квартирой Императора Александра II, прибывшего на театр военных действий, были весьма натянуты. Главнокомандующий находил, что присутствие Государя стесняет его свободу действий, и приписывал это интригам личного состава Главной Квартиры. По этому поводу между Великим Князем и Скалоном произошел однажды следующий

разговор: – Перебирая лиц свиты, я (Скалон) заметил, что, по моему мнению, Салтыков весьма порядочный человек и не осуждает (Вел. Князя и его деятельность). Его Высочество вполне согласился и сказал: «Это чрезвычайно умный, скромный и порядочный человек». (Т. I, стр. 335). При враждебности, существовавшей между обеими ставками, такой отзыв особенно ценен.

В ноябре Салтыковы вернулись в Петербург и Соня, и я были объявлены женихом и невестой. Лавры младшей сестры понудили, по-видимому, и старшую сестру Шуру (ей было уже 27 лет) тоже дать свое согласие на домогательства ее давнего поклонника А[лександра] А[лександровича] Воронина⁵⁸⁶, товарища тогда прокурора Петербургского окружного суда. Итак, в доме Салтыковых оказались две невесты. [-173-]

Воронин происходил из купеческой семьи. Дед его был откупщиком и владельцем известных Ворониных бань; отец был генералом⁵⁸⁷ и, как водится, уже порядочно расстроил свое состояние. Мать Александра Александровича, Ольга Мартынова⁵⁸⁸, была родной сестрой Председателя Государственного Совета и статс-секретаря Дмитрия Мартыновича Сольского⁵⁸⁹. Это родство открывало Воронину перспективу блестящей карьеры, что тешило честолюбивую Шуру. И, действительно, скоро А[лександр] А[лександрович] был назначен прокурором в Ташкент, а потом в Самару товарищем прокурора [судебной] палаты в Москву, а после того директором канцелярии Московского генерал-губернатора Вел. Князя Сергея Александровича⁵⁹⁰ и церемониймейстером Высочайшего Двора. А[лександр] А[лександрович] был человеком очень милым и превосходно рассказывал анекдоты...

Нужно было и мне серьезно подумать о материальных основаниях моего будущего семейного быта. Мой будущий тесть обещал давать дочери по три тысячи в год, дал двенадцать тысяч на обзаведение и приданое и две тысячи на свадебное путешествие. Из двенадцати тысяч мы истратили не более половины, т.к. Александр Михайлович сверх того еще сделал много подарков в виде серебра, мехов и бриллиантов. Вообще Салтыков всегда давал гораздо больше, чем

---

⁵⁸⁶ Alexander Alexandrovich Voronin (1862–1906), lawyer, prosecutor of the Samara Regional Court and director of the Chancellery of the governor-general of Moscow.

⁵⁸⁷ Alexander Stepanovich Voronin (1830–1888), officer, civil servant, chairman of the Committee of the Duke of Oldenburg Children's Almshouse.

⁵⁸⁸ Olga Martynovna Voronina née Solskaya (1835–after 1870).

⁵⁸⁹ Dmitriy Martynovich Solskiy (1833–1910), official, state auditor and chairman of the State Council.

⁵⁹⁰ Sergey Alexandrovich (1857–1905), son of Tsar Alexander II, Grand Duke, governor-general of Moscow.

обещал. Тем не менее, мне хотелось и в свою очередь внести свой пай в наш бюджет.

Пользуясь благоволением ко мне командира полка Мальцева, я пригласил его к себе в посаженные отцы. По этому случаю он сам заинтересовался условиями моего материального быта и обещал к осени [-174-] назначить меня офицером в сводно-гвардейский полк (охрану Государя) или полковым адъютантом.

В то время в охрану Государя назначался один офицер от бригады сроком на два года. К осени очередь была за нашим полком. Служба в охране считалась очень почетной и материально была обставлена не дурно. Каждый офицер имел в резиденции Царя казенную квартиру, сверх нормального содержания получал три рубля суточных, особые наградные и разные подарки от Двора. Все это в совокупности могло составить без малого три тысячи в год. Приблизительно то же давало и адъютантство, плюс недурная казенная одиночка. При таких условиях мои средства почти сравнялись с жениными, и это меня удовлетворяло. На шесть тысяч в то время можно было прожить, если и не богато, то во всяком случае прилично.

По случаю нашей объявленной помолвки нам пришлось делать много визитов и принимать обеды от родственников и знакомых. В числе последних великолепный обед дала нам княгиня Юрьевская, проживавшая этот сезон в своем «Розовом дворце» на Гагаринском переулке⁵⁹¹.

Княгиня была в то время женщиной лет пятидесяти, и по внешности в ней не было ничего, объясняющего страстное увлечение ею покойного Государя. Она поражала вульгарностью своих манер и способом выражаться, и именно этой вульгарностью многие и объясняли себе привязанность к ней Александра II. Государю так надоели искусственные с ним разговоры, приседание, манерничание и лесть, что княжна Долгорукова именно своей простотой его и обольстила. Заметив это, она несколько и усугубила эту черту своего характера [-175-] и еще более пленила этим Царя, уставшего от придворной церемонности. У княгини от Государя было четверо детей: сын Георгий⁵⁹² и дочери Ольга⁵⁹³ и Екатерина⁵⁹⁴.

---

⁵⁹¹ Small Mramorny Palace – a building built in the second half of the eighteenth century, since 1881 it was in the possession of Princess Yuryevskaya.

⁵⁹² Georgiy Alexandrovich Yuryevskiy (1872–1913), an officer, served in the Hussar Regiment of the Leibguards.

⁵⁹³ Olga Alexandrovna Yuryevskaya (1873–1925), Princess, Countess of Merenberg, wife of Georg Nikolai von Merenberg.

⁵⁹⁴ Yekaterina Alexandrovna Yuryevskaya (1878–1959), Princess, wife of Prince Alexander Vladimirovich Baryatinskiy.

Георгий, поразительно похожий на отца, сначала служил во флоте, а затем перешел в лейб-гусары. Оказался он человеком совершенно неуравновешенным, большим кутилой, и от излишеств умер очень молодым. Княжна Ольга вышла замуж за графа Меренберга⁵⁹⁵, немецкого гусара, брата графини Торби, супруги Вел. Князя Михаила Михайловича. Малый это был довольно неказистый. Дочь⁵⁹⁶ четы Меренберг вышла замуж за графа Лорис-Меликова⁵⁹⁷, внука знаменитого сотрудника Императора Александра II. Вторая дочь княгини Юрьевской вышла замуж за князя Барятинского⁵⁹⁸, с которым развелась, и вышла вторично замуж за князя Оболенского⁵⁹⁹, с которым тоже развелась, уступив его американской архимиллионерке Астор⁶⁰⁰.

К упомянутому обеду были приглашены так же Вел. Князь Алексей Александрович⁶⁰¹ и герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский⁶⁰².

Алексей Александрович хорошо знал мою невесту, встречая ее в течение нескольких сезонов в Биаррице⁶⁰³, где всегда любовался ее действительно удивительными, вьющимися, золотистыми волосами, которые она тогда, будучи еще очень молодой, носила распущенными. Однажды он высказал свое восхищение в присутствии графини Зинаиды Дмитриевны Богарнэ⁶⁰⁴ (урожденной Скобелевой, в то время еще жены Е.М. Лейхтенбергского), за которой он в то время ухаживал. Графиня тоже сделала какой-то комплимент и посоветовала Софии Александровне вымыть волосы в морской воде, отчего они, по словам З[инаиды] Д[митриевны], должны были сделаться еще лучше. Молодая девушка [-176-] послушалась совета... и что же? Волосы слиплись в какой-то колтун, и половину их пришлось вырезать... О женщины!

---

⁵⁹⁵ Georg Nikolai von Marenberg (1871–1948), German army officer, pretender to the throne of the Duchy of Luxembourg.

⁵⁹⁶ Olga Yekaterina Adda von Merenberg (1898–1983).

⁵⁹⁷ Mikhail Tarelovich Loris-Melikov (1900–1980).

⁵⁹⁸ Alexander Vladimirovich Baryatirinskiy (1870–1910), an officer, served in the Nizhny Gorod Dragoon Regiment, adjutant to Prince Yevgeniy Leikhtenberskiy.

⁵⁹⁹ Sergey Platonovich Obolenskiy (1890–1978), prince, officer in the Russian Army and the United States Army.

⁶⁰⁰ John Jacob Astor IV (1864–1912), American millionaire and writer, officer in the United States Army.

⁶⁰¹ Alexey Alexandrovich (1850–1908), son of Tsar Alexander II, Grand Duke, member of the State Council, admiral of the Russian fleet.

⁶⁰² Yevgeniy Maksimilianovich Romanovskiy (1847–1901), Prince of Leichtenberg, infantry general in the Russian army.

⁶⁰³ Biarritz is a town and resort town in southwestern France.

⁶⁰⁴ Zinaida Dmitriyevna Skobeleva, Countess of Bogarne (Beauharnais) (1856–1899), lady of the Imperial Court, daughter of General Dmitriy Ivanovich Skobelev.

На 23 января (1892) была назначена свадьба моей будущей *belle soeur* у которой я состоял шафером, а на 26 – наша. Первая происходила в церкви Министерства внутренних дел⁶⁰⁵, а вторая в Пажеском корпусе⁶⁰⁶.

Мой будущий шурин, Ал[ександр] Ал[ександрович] Салтыков, в то время состоял земским начальником. Я помню, как на свадьбе Ворониных, к нему подошел, бывший среди гостей, известный Анатолий Федорович Кони⁶⁰⁷.

– Что, [-] сказал он Салтыкову, [-] пошли в земские начальники... мужичков порите...

Какая яркая черта чиновничьего либерализма*. Первостепенный юрист, Кони не мог не знать, что земский начальник имел право только отменить приговор волостного суда о наказании розгами, а своей властью никого телесно наказывать не мог, но в то время было в моде лягать этот превосходно задуманный институт, впоследствии, впрочем, испорченный. Оporочивать все, что делало [-177-] правительство, считалось тогда хорошим тоном. И до какой изумительной виртуозности умели доходить в это время противники власти. Да простит мне читатель, если я несколько забегу вперед.

* А чего стоил либерализм Кони, да и он сам, поясняет следующая выписка: «Передался большевикам и Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и литератор, хромой, 75-летний старец, за пролетку и крупу решил служить пролетариату». [Написал об этом «самому» Луначарскому.] Тот (?) бросился читать письмо всюду: «Товарищ[и], [А.Ф.] Кони – наш. Вот его письмо!» „Самое жалкое – это то, что он, кажется, не очень нуждается. Д. (Философов) не так давно был у него. Зачем это на старости лет! Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать, – но ведь это стыдно.” («Русская Мысль», январь-февраль; София, 1921 год. Дневник Зинаиды Гиппиус)⁶⁰⁸. В опубликованных в 1933 году записках известного еврейского деятеля Слиозберга (Г. И, стр. 246) сказано: «Кони несомненно еврейского происхождения». Не этим ли все объясняется?

⁶⁰⁵ The Orthodox Church of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary, which functioned in the building of the Ministry of Internal Affairs.

⁶⁰⁶ The Orthodox Church of the Nativity of John the Baptist, which functioned in the building of the Page Corps.

⁶⁰⁷ Anatoliy Fyodorovich Koni (1844–1927), lawyer, judge, writer, state administration official, member of the State Council.

⁶⁰⁸ Exact Text from the Diary of Gippius: «Передался большевикам А.Ф. Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой, 75-летний старец. За пролетку и крупу решил “служить пролетариату”. Написал об этом “самому” Луначарскому. Тот бросился читать письмо всюду: “Товарищи, А. Ф. Кони – наш! Вот его письмо”. Уже объявлены какие-то лекции Кони – красноармейцам. Самое жалкое – это что он, кажется, не очень и нуждался. Дима (Д.В. Философов) не так давно был у него. Зачем же это на старости лет? Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать, – но ведь стыдно!»

В 1904 году родился Наследник Алексей Николаевич⁶⁰⁹. По этому случаю, Государь издал манифест об отмене телесного наказания⁶¹⁰. Казалось бы, этой мерой могли бы быть недовольны только наши реакционеры, но оказались недовольными либералы. В то время издавался в Штутгарте⁶¹¹ П[етром] Б[ернгардовичем] Струве⁶¹² журнал «Освобождение»⁶¹³, случайно попавшийся мне в руки. Читаю передовую статью, вероятно, принадлежавшую перу издателя, и что же вижу? – Приблизительно следующее: «...Оскорбительное для достоинства русского народа телесное наказание ныне отменено. Но почему это произошло? В царской семье рождались только девочки. Это печалило Царя по соображениям династическим и огорчало, как отца – кто же не хочет иметь сына? И вот, случилось радостное для него событие – родился младенец мужского пола. С радости Царь отменил позорящее русский народ наказание. Ну, а если бы у него родилась пятая дочь, вероятно, [-178-] он был бы не в духе, и русский народ продолжали бы оскорблять по-прежнему! Нет ли в самом этом приеме оскорбления своему народу...”

Сколько в этой статье утонченного коварства.

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

Нашу свадьбу было решено отпраздновать довольно пышно. Было много приглашенных. Моей посаженной матерью была графиня М⁶¹⁴[Александра] Ф[едоровна] Граббе⁶¹⁵, а невесты моей – ее тетка А[лександра] П[етровна] Козен⁶¹⁶, рожденная графиня Клейнмихель (дочь известного министра путей сообщения⁶¹⁷ при Императоре Николае I); моими шаферами: мой товарищ по корпусу, Гродненский гусар⁶¹⁸, Василий Гурко*⁶¹⁹, мой брат Николай, мой ротный коман-

⁶⁰⁹ Alexey Nikolayevich (1904–1918), son of Tsar Nikolai II, heir to the throne.

⁶¹⁰ It is about the manifesto of 11/24 August 1904. *О милостях, дарованных в день святого крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича*. See: Полное собрание законов Российской Империи, собрание III, Vol. 24, 1904, № 25014.

⁶¹¹ Stuttgart – city in Germany.

⁶¹² Pyotr Berngardovich Struve (1870–1944), economist, publicist, historian, philosopher and sociologist, social and political activist.

⁶¹³ „Освобождение” – a Russian émigré magazine published in 1902–1905 by Pyotr Berngardowicz Struve.

⁶¹⁴ The author of the memoirs gave the initial of his name incorrectly. It should be the letter A.

⁶¹⁵ Alexandra Fyodorovna Grabbe née Orlova-Denisova (1837–1892), lady of the Imperial Court. A.F. Grabbe died several days after the wedding of the author of the memoirs.

⁶¹⁶ Alexandra Petrovna Kozen née Kleinmichel (1835–1912), lady of the Imperial Court, wife of Colonel Fyodor Fyodorovich Kozen.

⁶¹⁷ Pyotr Andreyevich Kleinmichel (1793–1869), adjutant general of the Russian army, senator, chief manager of communication routes and public buildings (1842–1855).

⁶¹⁸ Officer of the Grodno Leibguard Regiment.

⁶¹⁹ Vasily Josifovich Gurko (1864–1937), cavalry general, participant in the Russo-Japanese War

дир Щербинский, а моего заболевшего друга Николая Граббе заменил его брат Александр**⁶²⁰, а у моей невесты: преображенец барон Зеддлер***⁶²¹, измайловец – Рихтер⁶²² и ее двоюродный брат, егерь Бологовский****⁶²³.

* Впоследствии Командующий фронтом во время Великой войны.

** Впоследствии последний командир Конвоя Его Величества.

*** Впоследствии женат на сестре знаменитой балерины Кшесинской.

**** Впоследствии Вологодский губернатор.

Салтыковы жили на Мойке в доме княгини Касаткиной-Ростовской⁶²⁴, с которой были очень дружны. Княгиня благословила мою невесту старинным семейным образом Богоматери. Моя мать благословила меня таким же старинным Стремоуховским образом Христа-Спасителя. Когда, впоследствии, мы поставили оба образа рядом, то они оказались совершенно одинаковыми по размеру, письму, окладу и эпохе, даже подкладка оказалась совершенно одинаковой – разового бархата. Какое странное совпадение! [-179-] Видимо, самой судьбой мы были предназначены друг для друга.

Наша свадьба была назначена на 2 часа дня, а в 6 часов с экспрессом мы должны были выехать за границу. Так как мы не располагали достаточным временем после Церковного обряда, то все формальности бракосочетания должны были совершиться накануне. Для этого диакон с метрическими книгами должен был приехать к Салтыковым в 8 часов вечера на Мойку, куда к тому же времени должны были прибыть и некоторые свидетели (шафера).

Мой отец, не желая встречаться с матерью, решил не присутствовать на свадьбе, а потому часам к шести я поехал к нему на Знаменскую улицу⁶²⁵ принять его благословение и проститься. Выхожу я от него в половине 8-го и не узнаю улицы. На город опустился такой туман, что в двух шагах нельзя было различить человека. Фонарей совершенно не было видно. Только после долгих уговоров,

---

and World War I.

⁶²⁰ Alexander Nikolayevich Grabbe (1864–1947), officer, major-general of His Imperial Majesty's entourage.

⁶²¹ Alexander Logginovich Zeddler (1868–1924), colonel, officer of the Preobrazhenskiy Leibguards Regiment.

⁶²² Alexander Alexandrovich Richter (1863–1914), colonel, served in the Izmaylovskiy Leibguard Regiment and the 1st Finnish Rifle Regiment.

⁶²³ Yakov Dmitriyevich Bologovskiy (1863–1913), an officer, served in the Yegerskiy Leibguard Regiment and a government official: governor of Yenisei and Vologda.

⁶²⁴ Nadezhda Karlovna Kasatkina-Rostovskaya, née Montrezor (1852–1918), princess, daughter of Lieutenant General Karel Lukyanovich Montrezor.

⁶²⁵ Znamenskaya Street is today Vosstaniya Street in Saint Petersburg.

извозчик согласился со мною ехать. Более часа мы прокружились где-то около Спаса Преображения⁶²⁶, и только на Невском проспекте сильные электрические фонари едва пробивали туман.

У Салтыковых сильно беспокоились моему непонятному опаздыванию, а мою невесту дразнили, что я, как Подколесин, в последнюю минуту выскочил из окна. И в свадебный дом тоже произошло опоздание. Мой брат должен был ехать за невестой, чтобы везти ее в церковь, и перепутал маршрут; вместо того чтобы поехать к пешеходному мостику на Мойку, он поехал к пешеходному мостику на Екатерининский канал⁶²⁷. Невеста моя, а главное, все гости в церкви прождали начала церемонии более получаса. Впрочем, этими недоразумениями в нашем бракосочетании [-180-] таковые между нами и покончились: милостью Божией, мы счастливо прожили 30 лет. Я сам поставил мою жену первой на розовый ковер и этой галантностью она впоследствии не злоупотребила.

После веселого свадебного обеда превосходно приготовленного Кюба^{628*}, мы в 6 часов вечера, радостные и счастливые, сели в купе спального вагона.

* Вспоминаю один анекдот об этом превосходном рестораторе. Как-то он устраивал обед у нас в полку. Было это в то время, когда генерал Буланже⁶²⁹ играл большую роль во Франции, мечтая восстановить Империю. Кто-то из офицеров спросил Кюба: «*Etes-vous Boulangiste or repoublicain? – Je sui pour la restauration!*» – ответил остроумный француз.

Началась для меня новая жизнь.

С прошлой фривольностью, легкомыслием и праздностью я порвал навсегда и всецело отдался своей семье и работал на ее благо и на пользу Родине в той мере, как я ее понимал, находя в течение почти полувека твердую и любовную поддержку в моей милой жене.

В одном вагоне с нами ехал, состоявший при Государе генерал-адъютант Императора Германского, Вердер⁶³⁰. Мой тесть познакомил его с нами, и генерал

---

⁶²⁶ Sobor Preobrazhenya Gospodnya – an Orthodox cathedral in Saint Petersburg, built in 1829 in the classicist style.

⁶²⁷ Yekaterinskiy canal – currently Griboyedova canal in Saint Petersburg.

⁶²⁸ “Kuba” (French: Cubat), formerly Borel, is a famous historical restaurant of French cuisine in St. Petersburg. It was one of the most famous and expensive restaurants in St. Petersburg at the turn of the 19th and 20th centuries

⁶²⁹ Georges Ernest Jean-Marie Boulanger (1837–1891) – French general and politician, Minister of War in 1886–1887. He had liberal-republican views, but thanks to his bellicose language and actions to expand the armed forces, he gained popularity among French monarchists, becoming an icon of the movement against the corrupt French Third Republic.

⁶³⁰ Bernhard Franz Wilhelm von Werder (1823–1907), Prussian General of Infantry, German ambassador to Saint Petersburg in 1892–1895.

был во время пути отменно любезен с моей женой, безошибочно называя ее «*madame*», что доставляло ей большое удовольствие. В Эйдткунене⁶³¹ генерал приказал таможенному чиновнику не трогать наш багаж, и мы проехали границу как настоящие *voyageurs de distinction*.

В Берлине мы встретились с молодоженами Ворониными, с которыми [-181-] порядочно кутили у Уля (*Uhl'a*).

На следующий день мы днем пили кофе в кафе Бауер на Unter den Zenden, перед которым собралась огромная толпа. Вскоре мы услышали свистки. Оказалось, что это социалисты освистали проезжавшего мимо Вильгельма⁶³². (Едва ли это не был день его рождения).

Из Берлина Воронины поехали в Париж, а мы в Висбаден⁶³³ и Баден-Баден⁶³⁴, где моя жена непременно хотела меня познакомить со своими подругами, в первом с графиней Долли Богарнэ⁶³⁵, а во втором с Н. Сименс⁶³⁶. Долли Богарнэ была дочерью герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского от фрейлины Опочининой⁶³⁷ (впоследствии Долли вышла замуж за князя Кочубея⁶³⁸). Н. Сименс, русская по происхождению, была замужем за сыном⁶³⁹ известного владельца электротехнической фирмы Сименс и Гальске⁶⁴⁰ и владела прелестною виллою в Баден-Бадене *Natalienschöhe*. В Висбадене мы пробыли с неделью, а в *Natalienschöhe* прогостили недели две. Это пребывание было довольно интересно. Сименсы много принимали и, по преимуществу, немецкое общество, с которым и некоторыми его бытовыми особенностями мне и удалось

⁶³¹ Eidtkunen – a town on the German-Russian border at that time, currently the town of Chernyshevskoe in the Kaliningrad Oblast on the Lithuanian-Russian border.

⁶³² Wilhelm II Hohenzollern (1859–1941), Emperor of the Second German Reich from 1888 to 1918.

⁶³³ Wiesbaden – a city and health resort in Hesse, Germany.

⁶³⁴ Baden-Baden is a city and spa town in Baden-Württemberg, Germany.

⁶³⁵ Darya Yevgeniyevna de Beauharnais (1870–1937), countess, daughter of Yevgeniy Maksimilianovich Romanovskiy, Prince of Leichtenberg. On 7 September 1893, she married in Baden-Baden Prince Lev Mikhailovich Kochubey (1862–1927), son of Prince Mikhail Viktorovich Kochubey. After their divorce in 1910, she married Baron Vladimir von Grevenits (1872–1916), divorced in 1913. She then married Victor Markizetti (1874–1938). After the Russian Revolution, she returned to the Soviet Union, was accused of espionage, and was killed along with her third husband.

⁶³⁶ Natalia Vasilyevna von Siemens, née Gavriluk (1866–1931), wife of Werner Hermann von Siemens.

⁶³⁷ Darya Konstantinovna Opochinina (1845–1870), Lady of the Imperial Court,morganatic wife of Yevgeniy Maximilianovich Romanovskiy, Prince of Leichtenberg.

⁶³⁸ Lev Mikhailovich Kochubey (1862–1927), prince, landowner, son of Prince Mikhail Viktorovich Kochubey.

⁶³⁹ Werner Hermann von Siemens (1856–1900), son of Karl Heinrich von Siemens (1829–1906), co-owner of the electrical company “Siemens & Halske”.

⁶⁴⁰ The electrical engineering company “Siemens & Halske” was founded in 1847 by Ernst Werner von Siemens, Johann Georg Siemens and Johann Georg Halske.

познакомиться. Между прочими знакомыми у Сименсов бывали и офицеры Баварского драгунского полка и между ними граф Кейзерлинг⁶⁴¹.

Этот Кайзерлинг пригласил меня к себе в полк на бал. Я охотно принял это приглашение. Пришлось проехать часа два по ж. д. до маленького городка Бруксаль⁶⁴², где стоял этот полк. Бал был очень красивый, ужин отличный, меня встречали как почетного гостя но, тем не менее, при входе в казино с меня взяли 20 марок. Как это далеко от понятий русского гостеприимства!

[-182-] Во время этой поездки я потерял зонтик. Хотя до Бруксаля езды было не более двух часов, но пришлось сделать едва ли не четыре пересадки. Где я забыл свой зонтик, я положительно припомнить не мог. Вернувшись в Баден-Баден, я заявил начальнику станции о своей пропаже, на что он спокойно спросил меня, угодно ли мне будет послезавтра зайти за зонтиком в его контору или прислать мне его на дом, в первом случае это будет стоить одну, а во втором случае – две марки. Я засмеялся и заметил, что ранее всего надо найти зонтик, а потом уже говорить о том, где его получить. Начальник станции изумленно посмотрел на меня и сказал: «Как же может не найтись зонтик, оставленный в вагоне? Профессиональные воры таких вещей не крадут, а пассажиры и служащие дороги чужих вещей не возьмут...». Это тоже не по-нашему, хотя и с другой стороны. На следующий день зонтик был у меня на квартире.

Из Баден-Бадена мы проехали в Ниццу, где прожили с месяц, причем застали там карнавал. Во время *bataille de fleurs* мимо нас, развалясь в коляске, проехал французский офицер и затянутыми в белые лайковые перчатки руками небрежно разбрасывал цветы. Его бледное лицо сильно врезалось мне в память. Несколько лет спустя по изображениям в иллюстрациях я узнал в нем знаменитого Дрейфуса⁶⁴³.

Проживавшая уже в то время в Ницце, княгиня Юрьевская пригласила нас к себе обедать. Соседкой моей за столом оказалась княгиня *Lison* Трубечкая⁶⁴⁴. Про нее рассказывали забавный анекдот. Почему-то ей вздумалось посетить папу Пия IX⁶⁴⁵. Обратившись [-183-] к ней, папа сказал:

---

⁶⁴¹ Keyserling – an old Westphalian noble family, four lines of this family in Prussia, Russia and Saxony, achieved the count title in the 18th century.

⁶⁴² Bruchsal is a town in the north-western part of Baden-Württemberg.

⁶⁴³ Alfred Dreyfus (1859–1935), French army officer, hero of the espionage scandal of the 1890s.

⁶⁴⁴ Yelizaveta Esperovna Trubetskaya, née Belosselskaya-Belozerskaya (1832–1907), princess, lady of the Imperial Court, ran a famous social salon in Paris.

⁶⁴⁵ Pius IX (Giovanni Maria Mastai Ferretti) (1792–1878), Pope in the years 1846–1878, condemned the persecution of Catholics in Russia; the Tsar, by a decree of 22 November 1866, announced the sev-

– *Vous êtes [s]chismatique, madame ?*

– *Non, saint-père*, ответила она, *je suis orthodoxe, c'est vous qui êtes [s]chismatique !*

Здесь же, за обедом, я познакомился с графом Меренбергом⁶⁴⁶ (будущим мужем княжны Юрьевской), который сообщил мне, что мой бывший сослуживец по полку, Вел[икий] Кн[язь] Михаил Михайлович, проживает в Канн⁶⁴⁷. Несколько дней спустя я и жена получили от него приглашение к обеду на русские блины. Тут я впервые увидел его жену, графиню Торби. Она была очень красива и несомненно имела в своем лице некоторые черты великого поэта. Михаил Михайлович много меня расспрашивал о полку, а главное – о своей роте, фельдфебеле и даже некоторых унтер-офицерах; офицерами же интересовался мало. Видимо, прошлое его занимало, графиня же Торби все время отводила разговор от России – он, по-видимому, был ей неприятен. Впоследствии, она повлияла на полное переселение Великого Князя в Англию.

Тот интерес, который Великий Князь проявлял к своим солдатам является одной из характерных черт Романовской семьи. Романовы, начиная с Царя, гораздо более любили простолюдина, чем знать и вообще интеллигенцию. Разница между высшим сословием, с одной, и низшим сословием, с другой стороны, казалась им не столь глубокой, и если и была, то была только досадной, потому что знать и интеллигенция требовали к себе известных форм отношений и предъявили некоторые права, тогда как мужик только кланялся, а солдат кричал «ура» и говорил «так точно» и «никак нет», что же скрывалось за этим сфинксом, не [-184-] знали, в сущности, не только мы, но и они... Теперь мы его разгадали... да разгадали ли окончательно...?

Из Ниццы мы раза три ездили в Монте-Карло⁶⁴⁸. Я поставил сотню франков на рулетку и, конечно, проиграл.

Затем мы поехали с Ворониными, приехавшими из Парижа, в Геную⁶⁴⁹, Флоренцию⁶⁵⁰ и Венецию⁶⁵¹. В Генуе меня более всего поразило Кампо-Санто (кладбище)⁶⁵² с его удивительными мраморными изваяниями, а во Флоренции

---

erance of diplomatic relations with Rome and the cessation of the operation of the Concordat of 1847.

⁶⁴⁶ Georg Nikolai von Merenberg (1871–1948), Count, son of Nikolai Wilhelm of Nassau and Natalia Merenberg, née Pushkin.

⁶⁴⁷ Cannes – a city in France located on the Mediterranean Sea.

⁶⁴⁸ Monte Carlo – city in the Principality of Monaco.

⁶⁴⁹ Genoa – city in Italy.

⁶⁵⁰ Florence – city in Italy.

⁶⁵¹ Venice – city in Italy.

⁶⁵² Campo Santo – cemetery in Genoa founded in the mid-19th century.

галереи Уффици⁶⁵³ и Питти⁶⁵⁴. Как приятно лицезреть в подлиннике картины, которые вы уже сотни раз видели в фотографиях, литографиях и копиях, как будто бы встречаешь старых друзей.

В Венецию мы приехали вечером. Шел проливной дождь. Лица, ехавшие с нами в вагоне, утверждали, что, когда в Венеции начинается дождь, то он длится недели две. Наши дамы хотели в тот же вечер повернуть с тем же поездом обратно. Я едва убедил их остаться. С вокзала мы ехали в закрытых гондолах производивших впечатление настоящих черных гробов, от чего настроение делалось еще мрачнее. Мы поместились в отеле Даниели. Утром я проснулся первый и отворил ставни. Солнце сияло так, как оно только и может сиять на юге. Голубое небо ласкающим шатром покрывало каналы, чудесную церковь *Santa Maria della Salute*⁶⁵⁵. Мы пошли на площадь Святого Марка⁶⁵⁶. Чудесный храм и старая Кампанилья⁶⁵⁷ (тогда еще подлинная), аркады и сотни суетившихся голубей показались мне такими знакомыми, как будто бы я уже тут когда-то был, давно, давно... Вечером мы катались на гондолах, а уличные или точнее «каналские» певцы пели нам «*Santa Lucia*» и «*Canzone proibita*»... Красота...!

[-185-] В Венеции мы опять распростились с Ворониными, которые направились в Рим, а мы – в Вену, где пробыли дня три. По пути к дому поехали в Варшаву.

В последнем городе случилось со мной обстоятельство, отразившееся, и притом счастливо, на всей моей дальнейшей жизни.

Дело было в первых числах апреля. Я должен был отвезти мою жену в имение ее брата, где она полагала провести весну (мы опасались пока, в виду ее не вполне окрепшего здоровья, петербургской весны), а сам я намеревался ехать в столицу, на службу.

В Варшаве мы взяли спальные места на поезд, отходящий на следующий день в 2 часа, и затем поехали кататься по Уяздовской аллее⁶⁵⁸. Вдруг мы видим, что на встречу нам катит коляска, запряженная чудными рысаками, а в ней мой товарищ, друг и шафер, Василий Гурко. Мы остановили лошадей, и он подошел к нам. Мы условились обедать вместе в ресторане. За обедом мы разговари-

---

⁶⁵³ Galleria degli Uffizi – museum in Florence founded in the 16th century by the Duke of Tuscany, Cosimo I de Medici (1519–1574).

⁶⁵⁴ Palazzo Pitti – museum in Florence located in a palace from the second half of the 15th century

⁶⁵⁵ Santa Maria della Salute – basilica in Venice built between 1630 and 1681.

⁶⁵⁶ Piazza San Marco – the oldest square in Venice, where the Basilica of St. Mark is located.

⁶⁵⁷ Campanile di San Marco – the bell tower in St. Mark's Square in Venice.

⁶⁵⁸ Aleje Ujazdowskie – a street in Warsaw, built in the years 1722–1732.

лись о моем будущем, и я сообщил Гурко о сделанном мне командиром полка предложении. Гурко, зная меня хорошо, нашел это мало привлекательным и высказал мнение, что мне гораздо интереснее было бы перейти на штатскую службу, к тому же, случайно, сегодня за завтраком он слышал, что у его отца⁶⁵⁹, Варшавского генерал-губернатора, имеется в виду вакансия чиновника особых поручений, и что, если я согласен, то он сегодня же переговорит с отцом и о результатах переговоров сообщит по телефону. Недолго думая, я дал свое согласие.

Вечером Гурко сообщил мне, что дело устроилось, но что завтра утром я должен представиться его отцу. Я высказал ему свое смущение тем обстоятельством, что у меня нет с собой мундира [-186-] и что мне, поручику действительной службы, неудобно представляться грозному командующему войсками во фраке. Мой товарищ ответил мне, что берет на себя ответственность за нарушение мною формы одежды.

На следующий день я поехал в Замок. Оказалось, что это день, когда командующий войсками принимает исключительно военных. В приемной ожидало человек двадцать, генералов и полковников. Я чувствовал себя ужасно неловко и одиноко в своем куце фраке. Адъютант заявил мне, что я, как штатский, не могу быть сегодня принят. Я объяснил ему, что я не штатский, а поручик л.-гв. Егерского полка.

– Как же вы смеете являться к командующему войсками в штатском? [-] заметил он, [-] вы знаете, что он не из тех, с которыми можно шутить!

Я ответил, что я вызван генералом, а потому и дальнейшее зависит от него.

В ожидании прошел час, другой. Все присутствовавшие были старше меня в чинах, и очередь не скоро дошла бы до меня. Между тем стрелка часов приближалась к 12, и я опасался, что не попаду на поезд и мои спальные билеты пропадут. К счастью, в приемную вошел мой товарищ, который задами, через залы Замка, провел меня в кабинет отца.

Грозный генерал принял меня весьма благосклонно. Я извинился за мой штатский вид, на что Иосиф Владимирович заметил, что ему интереснее познакомиться со мной в том виде, в котором я буду при нем состоять, чем в форме, в которой он меня никогда не увидит.

---

⁶⁵⁹ Iosif Vladimirovich Gurko (1828–1901), field marshal, governor-general of Warsaw and commander of the Warsaw Military District (1883–1894).

[-187-] – Мой сын мне много хорошего говорил о вас, [-] сказал генерал, [-] так что я охотно приму вас к себе на службу, однако ранее Рождества я вас чиновником особых поручений назначить не могу, ныне же открывающаяся вакансия мне нужна для другого лица. Денежная сторона играет для вас роль?

– Да.

– В таком случае, я могу вас сейчас назначить делопроизводителем моей канцелярии. Если я не ошибаюсь, то эта должность оплачивается 1500 рублями... вы согласны?

– Благодарю, согласен.

– В таком случае поезжайте к управляющему канцелярией Божовскому⁶⁶⁰ и скажите ему, что я приказал принять вас на должность помощника делопроизводителя.

– Слушаюсь.

В этот день нам уже не удалось уехать в деревню; мы уехали через два дня, а взятые спальные билеты пропали.

От генерала я отправился к Божовскому, которому передал приказание генерал-губернатора.

Божовский, старый человек библейской наружности, остался очень недоволен распоряжением генерал-губернатора и заявил мне, что ему невозможно работать, когда начальство навязывает ему чиновников, которые ничего в деле не понимают.

– Ну что вы, например, знаете, [-] сказал управляющий канцелярией, [-] авось только сабелькой махать.

– Нет, я умею махать и пером.

– Воображаю!

– Так или иначе, [-] возразил я, [-] я генералом принят. Я только прошу [-188-] вашего разрешения приехать на службу 1-го июня, т.к. мне нужно устроить свои дела и выйти в запас, последняя формальность требует довольно продолжительного времени.

– А по мне, вы хоть и совсем не приезжайте... вы мне совсем не нужны!

Упорная грубость этого старика меня наконец взорвала, я встал и сказал:

– Нужен ли я вам или нет, это для меня совершенно безразлично, а генерал-губернатору я, по-видимому, нужен, а это для меня гораздо важнее.

---

⁶⁶⁰ Konstantin Vasilyevich Bozhovskiy (1826–1907), civil servant, director of the Chancellery of the General Governor of Warsaw and governor of Suwalki.

Сказав это, я вышел из кабинета.

Служба моя по гражданскому ведомству открывалась, по-видимому, не под счастливым знаком. Я, конечно, через своего друга мог довести до сведения генерал-губернатора о неприличном поведении со мной управляющего его канцелярией, но не хотел начинать службу с дразг и возможностью пользоваться своими связями.

Из Варшавы я поехал в Глинице, имение моего шурина, где оставил жену, и направился в Петербург. Когда я явился к Мальцеву, то он высказал мне свое неудовольствие принятым мною решением оставить полк и сказал, что я не даром пригласил его в «посаженные отцы», что бы его «посадить».

– В Сводно-Гвардейскому полку, у Государя, вам было бы гораздо лучше, чем у Гурко «пером скрепить».

Признаюсь, у меня несколько защемило в сердце, но решение мое уже было принято... Мне никогда, впрочем, не пришлось в нем раскаиваться. К тому же произошло следующее: очередной офицер, [-189-] откомандированный от нашей бригады в Сводно-Гвардейский полк, Измайловского полка поручик Крестьянов⁶⁶¹, очень пришелся ко двору и сменен не был, очередь от нашего полка не наступила более чем в течение десяти лет. Я уже давно был вице-губернатором, когда Крестьянов, в чине полковника, еще служил в царской охране.

Полковые товарищи дали мне прощальный обед и подарили золотой портсигар. Этот портсигар оказал мне впоследствии большую, хотя грустную, услугу. Когда в 1921 году я уезжал от большевиков с Северного Кавказа в Тифлис, я оказался совершенно без денег и только на проданный портсигар мог прожить и продолжить свое дальнейшее путешествие для соединения с женой в Болгарии.

В конце мая я снял мундир и поехал в деревню. Перед отъездом я нанял в Петербурге горничную, Наталью Семеновну, женщину уже под пятьдесят. Отмечаю это потому, что теперь, двадцать восемь лет спустя (писано в 1920 году), побыв нянею моих детей, глубокой старухой, она здесь, в печальной моей эмиграции, когда я пишу эти строки, сидит около меня и вяжет чулок, как няня Пушкина в селе Михайловском⁶⁶²... Мне кажется, что такая взаимная привязанность прислуги и господ тоже отошла в вечность.

---

⁶⁶¹ Nikolay Nikolayevich Krestyanov (1862–after 1917), officer served, among others, in the Izmaylovskiy Leibguard Regiment, he held the position of assistant commander and head of the Gatchina Palace Board.

⁶⁶² Mikhaylovskoye – a village in the Pskov region, owned by the Pushkin family in the early 19th century.

ГЛАВА IV

В ВАРШАВЕ

1892–1897

[-191-] – Условия жизни в Варшаве. – Начало моей службы в канцелярии. – А. П. Наумов. – Его сын. – Начальник отделения канцелярии ген. губ. Г. М. Ширяев. – М. А. Гурко. – Генерал Гурко и некоторые черты из его прошлого. – Современная его политика. – Отношение поляков к русским и к русской государственности. – Владимир Гурко. – Начальник штаба Пузыревский. – Попечитель учебного округа Апухтин. – Маркиз Велопольский, граф Август Потоцкий, Гурский, кн. Четвертинский, гр. Замоиский, архиепископ Попель. – Приемы на Замке. – Мое назначение чиновником особых поручений. – М-лле Гурская. – Австрийский консул Питнер. – Начальник уезда Буткевич. – Избиение генерала Свистунова. – Мое служебное положение. – Министр финансов Наполеона. – Борьба за немецким засильем. – Управление I отделением канцелярии ген. губ. – Рождение сына. – Поездка в Ченстохов. – П. П. Мейер. – Рождение дочери. – Польский театр. – Болезнь жены. – Билезнь генерала Гурко. – Профессор Лейден. – Закладка собора. – Смерть Императора Александра III. – Прием генерал губернатором польский депутатов. – Отказ духовенства приводить к присяге на русском языке. – Поездка с генерал-губернатором гр. П.А. Шувалова. – Его характеристика. – В Плоцкой римско-католической семинарии. – Анекдот с гр. Х. Упразднение должности начальника Варшавского жандармского округа. – Е.Ф. Турау. – Назначение А.И. Петрова на должность помощника генерал-губернатора. – Переход к нему гражданского управления и происходивший из за этого недоразумения. – Характеристика Петрова и его прошлое. – Царский обед в Скерневицах. – Столкновение Петрова с Ширяевым. – Графиня Коцебу. – Избиение Варшавского губернатора Андреева. – И.Ф. Горбунов. [-192-] – Анекдот с моей женой и девицами Х. – Лодзинская обводная ж. д. – Столкновение с гр. Шуваловым. – Инцидент с маркизом Велепольским. – Уход гр. Шувалова. – Назначение генерал-губернатором св. князя Имеретинского. – Плохия предзнаменования. – Мои попытки переменить службу. – Увольнение Петрова и назначение на его место кс. А.Д. Оболенского. – М.Э. Ячевский. – Инцидент с архиепископом Флавианом. – Расхождение Имеретинского с кн. Оболенским. – Король Сиамский. – Блиих. – Ожидаемый приезд Государя в Варшаву. – Подготовка торжеств. – Представление о назначении меня камер-юнкером, а затем вице-губернатором. – Царский приезд. – Первая

встреча с Дараганом. – Представление И.Л. Горемыкину. – Впечатление от польской знати. – Поездка в Леснинский монастырь. – Мое назначение вице-губернатором. – Общие впечатления от Варшавской службы.

В Варшаву мы приехали с женой 1 июля 1892 года. Остановились мы в Брюлловской гостинице⁶⁶³ и принялись искать квартиру, которую скоро и нашли на Владимирской улице. Дешевизна в Варшаве в то время была поразительная. За прекрасную квартиру в пять комнат в самом центре города я платил только восемьсот [-193-] рублей в год. Кухарка не могла истратить на базаре более трех рублей в день на двух господ, лакея, горничную и на саму себя. Отличный ремизный выезд стоил полтора рубля за первый час и по рублю за последующие. Жена моя одевалась у лучшего тогда портного Герзе, причем визитное платье стоило не более ста рублей. Словом, на наши небольшие средства мы могли жить вполне удовлетворительно.

Генерал-губернатора и его супругу я в Варшаве не застал, он был в отпуске.

Пришлось отправиться к директору канцелярии Божовскому⁶⁶⁴, который принял меня столь же неблагосклонно, как и первый раз. На мой вопрос, где он прикажет мне заниматься, Божовский ответил, что это ему совершенно безразлично и что это зависит от начальников отделений канцелярии, к которым мне и следует обратиться. Если кто-либо из них пожелает меня взять, то это уже его дело.

На мое счастье, большую помощь оказал мне один из чиновников особых поручений генерал-губернатора, А.П. Наумов⁶⁶⁵, который и далее руководил мною на первых шагах моей гражданской службы.

Не могу не сказать, сильно забегая вперед, несколько слов об исключительно трагической судьбе этого человека.

Александр Петрович происходил из хорошей дворянской семьи. Образование получил в Московском университете, женат был на Тургеневой,

---

⁶⁶³ Hotel Brüla in Warsaw, built in 1880 on Pavel Kotzebue Street, in the city centre, overlooking the pond in the Saxon Garden. The name of the hotel came from the nearby Brühl Palace.

⁶⁶⁴ Konstantin Vasilyevich Bozhovskiy (1826–1907), chairman of the Łomża Commission for Peasant Affairs (1866), chairman of the Suwalki Commission for Peasant Affairs (1867), manager of the Suwalki Treasury Chamber (1869), manager of the Warsaw Treasury Chamber (1884), manager of the Office of the Warsaw Governor-General (1891), Suwałki governor (1895) – A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 94–97.

⁶⁶⁵ Alexander Petrovich Naumov (1861–1915), graduated from the Faculty of History and Philology of Moscow University (1883), special-task clerk with the Warsaw Governor-General (1887–1892), Simbirsk vice-governor (1896–1903), Perm governor (1903–1905).

племяннице знаменитого писателя. В описываемое время Наумов занимал должность начальника отделения иноверных исповеданий при управлении Варшавского генерал-губернатора.

[-194-] Дело это было весьма важное, т.к. ему приходилось руководить всем римско-католическим духовенством в Царстве Польском⁶⁶⁶ или, вернее, вести с ним неустанную борьбу, но и не только с ним, но и со всей Римской курией. Противник, несомненно, серьезный... Впоследствии Наумов был Симбирским вице-губернатором, а потом Пермским губернатором. По своему образу мыслей А.П. был не только консерватором, а просто-таки «зубром», и высказывал в вопросах внутренней политики крайнюю нетерпимость.

Во время нашей первой революции 1905 года он состоял губернатором в Перми. В этом городе, как и во многих других городах Империи, на манифест 17 октября 1905 года городское население ответило демонстрациями с красными флагами и плакатами с надписью «Долой самодержавие» и «Да здравствует революция». Согласно директивам, полученным от председателя совета Вигте, к этим своеобразным проявлениям народной радости надо было отнестись терпимо. Страдая в самых заповедных своих чувствах, Наумов в эти дни не выходил на улицу. На второй или на третий день ему доложили, что к губернаторскому дому подошла монархическая манифестация с национальными флагами и царскими портретами. Наумов, конечно, к этой манифестации вышел и вошел в толпу. Лишь только он оказался в ее толще, как царские портреты исчезли и, как из-под земли, выросли красные флаги. Наумова окружили, приставили к голове его револьверы и заставили идти с демонстрантами по всем улицам, а затем пойти в тюрьму и освободить всех политических заключенных. Полиция совершенно бездействовала, [-195-] да и рискованно было что-либо предп[р]инимать для выручки губернатора, при попытке к этому он легко мог быть убит. Поводив Наумова по всем улицам, демонстранты отпустили его с миром. Вернувшись домой, Александр Петрович немедленно послал телеграмму министру с просьбой об увольнении от службы, т.к. после такого скандала не считал себя более вправе носить губернаторский мундир. Просьба его была уважена.

---

⁶⁶⁶ *Tsarstwo Polskie* – the name given by the Russian authorities to the Kingdom of Poland, a state established on the basis of the Vienna Congress treaties in 1815. At first it was a constitutional monarchy linked to Russia only by the monarch (the Russian emperor was the king of Poland), but after the overthrow of Nikolai from the throne by the Polish parliament in 1831, the country was incorporated and gradually Russified. In the second half of the 19th century, the Russian administration used the definition – *Przyslinskiy kray* (Vistula region).

Говорят, что первым порывом его было покончить с собою. Такое героическое решение, помимо реола, оставшегося за его памятью, избавило бы его от многих страданий, которые готовила ему судьба.

У Наумова было два сына. Старший Николай оказался героем известного процесса Тарновской⁶⁶⁷, обошедшего в кинематографической передаче всю Европу. Он убил ее любовника графа Комаровского в Венеции. Этого несчастного юношу Тарновская всяческими эротическими способами довела до иступления и преступления. Осужденный итальянским судом, молодой Наумов был приговорен к тюремному заключению на три года, который и отбыл в знаменитой тюрьме под «*riombi*» (свинцовая крыша), рядом с дворцом дождей в Венеции. Несчастный отец почти все время провел в названном городе, помогая преступному юноше и истощив на это все свои средства. А.П. говорил мне, что за взятки в Италии можно все и что он, чтобы улучшить положение сына, широко раздавал их до министра юстиции включительно. По отбытии наказания Николай Наумов вернулся в Россию, где вскоре и умер от чахотки; Венецианские *riombi* не прощают.

Возвращаюсь к своему рассказу.

Наумов познакомил меня с одним из начальников отделений [-196-] канцелярии генерал-губернатора Георгием Михайловичем Ширяевым⁶⁶⁸, который и взял меня в науку. Тип это был довольно исключительный. В то время ему было лет под пятьдесят. Работник он был неумотный и превосходно знавший дело, но злобности он был необыкновенной и никогда никому не уступал. С Божовским он пререкался с зуба на зуб и ни в чем не отступал от своего мнения и перед грозным генерал-губернатором. Помощника генерал-губернатора, барона Медема⁶⁶⁹ он не ставил ни во что. Заведовал он политическим отделением канцелярии, и от его зоркого и подозрительного наблюдения не ускользала ни одна хитросплетенная польская интрига. Со своими подчи[н]енными Ширяев обращался сурово, и все лица, которые имели с ним дело по службе, трепетали

⁶⁶⁷ Maria Nikolayevna Tarnovskaya (1877–1949), daughter of a Russian naval officer. Naumov, who had hereditary psychological problems and was an alcoholic, fell in love with Tarnovskaya. He was sentenced to 3 years and 4 months in prison for the murder of Tarnovskaya's husband.

⁶⁶⁸ Georgy Mikhaylovich Shirayev (1843–1904), junior clerk in the Chancellery of the Governor-General of Warsaw (1879), senior clerk and head of the 1st section (1887), special-task clerk (1892), vice-governor of Suwalki (1900–1903), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Stownik...*, pp. 448–451.

⁶⁶⁹ Nikolay Nikolayevich Medem (1834–1899) officer, suppressed the January Uprising, governor of Warsaw (1866); from 1 January 1892 also senator, assistant to the Governor-General of Warsaw for civil affairs (1892–1895), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Stownik...*, pp. 301–306.

перед ним, а дома этот суровый человек перед своими многочисленными детьми был совершенной тряпкой, и они делали с ним все, что хотели. Какие противоположности соединяет иногда в себе человеческая натура! Мне приходилось иногда встречать совершенно обратное: деспоты в семье оказывались самыми милыми и приятными людьми на службе и в обществе.

Ширяев принял меня серьезно. Месяц он продержал меня за входящим журналом, потом перевел на составление алфавитов, а затем поручил писать самые пустые так наз. препроводительные бумаги, но оказалось, что и для этого нужно умение.

Как-то, на третьем или четвертом месяце службы, Георгий Михайлович передал мне дело по униатскому вопросу и сказал:

– Вот тут письмо министра и вся история вопроса, ответьте ему от имени генерал-губернатора.

[–197–] – А что ответить? – спросил я.

– А вы подумайте и ответьте.

Задача была для меня головоломная. Однако, я в то время уже проникся взглядами Гурко, сообразил, что он по духу своему мог бы ответить министру, написал ответ и передал его Ширяеву. На другой день он вернул мне мой черновик со словами: «хорошо написано». Я был очень доволен этой похвалой, но когда взглянул на свое произведение, то радость моя сменилась смущением. Некоторые страницы были вычеркнуты совершенно и заменены на полях новым текстом, написанным бисерным почерком Г.М., а другие так перемараны, что от моего писания не осталось ни одного живого места. Образ действий Ширяева показался мне насмешкой. Тем не менее пришлось ближе познакомиться с его поправками и я, к изумлению своему, увидел, что на самом деле, по существу, моя бумага сохранила свое значение, но то, что стояло в начале, было поставлено в середину, середина перешла в начало, некоторые обороты были изменены, слова переставлены... и как мое произведение от этого изменилось к лучшему! Я старался вникнуть в смысл поправок Ширяева и применять его при составлении других поручаемых мне бумаги, и с течением времени поправок становилось все менее. Я не скажу, чтобы Ширяев писал красиво, но у него был так сказать математический прием изложения, все было последовательно, одно вытекало из другого и безукоризненно точно. Всякое слово было поставлено на своем месте и не могло бы быть заменено без ущерба для дела. Суровой, но благожелательной школе почтенного Георгия Михайловича я много обязан.

[-198-] Глубокою осенью вернулись из-за границы генерал-губернатор и его супруга.

Несколько слов о супруге генерал-губернатора. Мария Андреевна⁶⁷⁰ была дочерью известной писательницы, графини Салиас (Евгения Тур⁶⁷¹), брат ее тоже был известным романистом, автором «Пугачевцев»⁶⁷² и др., родной дядя Сухово-Кобьлин – автором «Свадьбы Кречинского»⁶⁷³. Вся эта литературная семья принадлежала к Московской знати. От своих близких родных М. А. унаследовала недюжинный ум и весьма самостоятельный характер. В обществе ее не особенно любили, упрекая ее в запальчивости и резкости⁶⁷⁴. Говорили, что Императрица Мария Федоровна называла ее «*ma cousine de Varsovie*». Я не знаю, насколько эта характеристика ее личности была справедлива. За два года моей довольно тесной близости ни в отношении себя, ни кого бы то ни было я ни разу не видел с ее стороны чего бы то ни было неприятного. Равным образом я не заметил и вмешательства ее в дела мужа, о котором так много судачили. Я думаю, что много дурного говорили о ней из зависти, чему ее полуцарственное положение давало достаточный повод. Недоброжелательство к Марии Андреевне породило клевету, что при отъезде из Варшавы она «обокрала» замок, увезя оттуда самую ценную мебель и бронзу. Я не стал бы даже касаться этой гнусной клеветы, если бы она не нашла себе такого широкого распространения. Об этом говорили в Варшаве, в Петербурге и даже двадцать лет спустя (1922) в Болгарии, где я писал эти строки. Я не стану уверять читателя, что это неправда, т.к. не для всякого такие голословные заверения убедительны, но приведу причины, давшие повод к [-199-] этой возмутительной и несправедливой легенде. Мария Андреевна очень любила старину и покупала в Варшаве все, что находила сколько-нибудь примечательного. Кроме того, она заказывала столярам и бронзовщикам точные копии вещей, находившихся в замке. Все это происходило на моих

⁶⁷⁰ Maria Andreyevna Gurko (1842–1906), daughter of Count Andre Henry Salias de Tournemire and Elizaveta Vasilyevna Sukhovo-Kobylyina, a famous writer (Yevgeniya Tour). In 1862 she married I.V. Gurko. Mother of Vladimir and Vasily Gurko.

⁶⁷¹ Yevgeniya Tur was a Russian writer, critic, journalist and publisher. Her birth name was Elizaveta Vasilyevna Sukhovo-Kobylyina. Her full married name was Countess Elizaveta Vasilyevna Salias de Tournemire. Her son was the novelist Yevgeniy Salias de Tournemire.

⁶⁷² “Pugachevsky” – the first historical Romance by Yevgeniy Andreyevich Salias de Tournemire, published in 1874 in the newspaper “Russkiy Vestnik”.

⁶⁷³ “Krechinsky’s Wedding” is a comedy in three acts by Alexander Sukhovo-Kobylin, written in 1854

⁶⁷⁴ Stremoukhov also assessed her as a simpleton and an aggressive person, described her as forcing officials to play cards, etc. He then erased this fragment of the draft.

глазах. Особую помощь в розыске старинных вещей оказывал ей, тоже любитель старины, адъютант ее мужа, П.Н. Крупенский⁶⁷⁵, впоследствии известный член Государственной Думы. И вот, когда Гурко уезжает из Варшавы, многие могли видеть, как увозились из замка якобы старая мебель и бронза, или увидеть на новом месте жительства вещи, ранее замеченные в Варшаве. Но и отлично знавшие это, охотно злобствовали и клеветали. Я надеюсь, что приведенные объяснения рассеют эту недостойную против супруги фельдмаршала клевету.

Однако, пора перейти к знакомству с центральной фигурой тогдашней Варшавы, самому Иосифу Владимировичу Гурко⁶⁷⁶. Ранее всего, о его внешности. В широко распространенных в народе портретах Гурко, генерала изображался всегда каким-то Георгием Победоносцем с сверкающими глазами и сидящем на изрыгающем из ноздрей пламя вздыбившемся коне. На самом деле, это был человек среднего роста с немного раздваивающейся бородой и спокойными глазами: ничего кричащего, ничего позирующего на героизм, но вместе с тем вся фигура его дышала силою спокойствия или, лучше сказать, спокойствием силы. Вам, конечно, случалось видеть льва в зоологическом саду. Он спокойно лежит в своей клетке и столь же спокойно смотрит на глазающую на него толпу... и все-таки все чувствуют, что перед ними царь пустыни, могучий и сильный. Таков был Иосиф Владимирович. В обыденной обстановке он [-200-] был не речист и не красноречив, но когда ему случалось говорить публично или обращаться к войску, голос его звучал, как боевая труба, и сходство со львом делалось еще разительнее.

Иосиф Владимирович начал службу в лейб-гусарском полку командовал конно-гренадерами и гвардией во время русско-турецкой войны. В 1879 году, после покушения Соловьева на Императора Александра II⁶⁷⁷, Гурко был назначен Петербургским генерал-губернатором и командующим войсками Петербургского военного округа.

Ниже в своих записках я привел несколько характерных черт из жизни этого выдающегося государственного человека. Мои записки были прочтены покойным сыном его, Владимиром Иосифовичем, который внес в них сначала

---

⁶⁷⁵ Pavel Nikolayevich Krupenskiy (1863–1939), one of the leaders of the All-Russian National Union, member of the II, III and IV State Duma from the Bessarabia province.

⁶⁷⁶ Iosif Vladimirovich Romeiko-Gurko (1828–1901), field marshal (1894), adjutant general (1877), best known for his victories in the Russo-Turkish War of 1877–1878, in the years 1883–1894 Governor-General of Warsaw, known for his anti-Polish attitude.

⁶⁷⁷ On 14 April (2 April old style) 1879, the Narodnaya Volya member Alexander Solovyov attempted to assassinate Emperor Alexander II

некоторые поправки, а затем в письме на мое имя дал по ним исчерпывающий материала, который я ниже с данного мне покойным разрешения и привожу. Кое-что я замечаю многоточием...

„История отношений моего отца с Александром III такова. Когда гвардия была вызвана на театр военных действий, куда она прибыла в начале сентября, во главе ее хотел остаться командовавший гвардейским корпусом Наследник, будущий Император Александр III. Но это не состоялось: гвардия была подчинена отцу и введена в состав так наз. западного отряда, которым он командовал. Обиделся при этом не Цесаревич, а гр. Воронцов, бывший у него начальником штаба (корпуса), в особенности за то, что он оказывался, таким образом, подчиненным начальнику штаба всего отряда, вчерашнему полковнику, генералу Д.С. Нагловскому⁶⁷⁸. Не желая ему подчиняться, он ушел в [-201-] отряд Цесаревича (так называемый рушукский, игравший исключительно пассивную роль) и там просто был без дела при Наследнике, но всячески натравливал последнего на отца. Когда отец перешел через Балканы, Государь хотел назначить Наследника начальником западного отряда вместо отца, которого хотел сделать начальником штаба Цесаревича, дабы дать Наследнику возможность подойти к Царьграду⁶⁷⁹, но это не удалось: движение отца после Балкан было настолько быстрое, что нельзя было его догнать. 19 декабря переход через Балканы, 24 – взятие Софии⁶⁸⁰, 3, 4, и 5 января полный разгром армии Сулеймана⁶⁸¹ и взятие Филиппополя⁶⁸² (взято более 200 орудий, что по тогдашнему масштабу было огромно), 18 января – заключено перемирие. Для того, чтобы окончательно восстановить Наследника против отца воспользовались историей с Х.-ским полком⁶⁸³. Полк этот, войдя в Филиппополь, начал грабить, и отец приказал вывести его из города и расположить в нескольких верстах лагерем в палатках. Командир полка Х. рвал и метал. За ним следом, на основании его писем, кричал весь светский Петербург: «Как, нанести полку такое оскорбление!» и т.д. Всем этим воспользовался граф Воронцов. Но кампания не кончилась. 19 февраля заключен мир, а следом весь отряд отца расформирован, и ему оставлены в виде подчиненных два ординарца: Карандеев⁶⁸⁴ и князь Яшвиль⁶⁸⁵. На просьбу отца вернуться в

⁶⁷⁸ Dmitriy Stanislavovich Naglovskiy (1838–1890) – after the end of the war with Turkey – assistant to the chief of staff of the guard troops and the St. Petersburg district, chief of staff of the Odessa military district with promotion to lieutenant general, and then transferred to the same position in the Warsaw military district, where he served until his death.

⁶⁷⁹ Istanbul

⁶⁸⁰ Sofia – now the capital of Bulgaria.

⁶⁸¹ Süleyman Hüsnü Pasha (1838–1892), Ottoman field marshal, the chief commander of Ottoman military operations in the Balkan Peninsula during the Russo-Turkish War 1877–1878.

⁶⁸² Philipopol – now Plovdiv city in Bulgaria.

⁶⁸³ Probably one of the regiments forming part of the 2nd or 3rd Leibguard Infantry Division.

⁶⁸⁴ Alexander Alexandrovich Karandeyev (1850–1895), graduate of the Nikolayev Cavalry School, adjutant to General Iosif Gurko during the Russo-Turkish War 1877–1878, adjutant to the commander of the Warsaw Military District, president of the Management Board of Warsaw Government Theatres, see more: K. Latawiec, A. Górak, J. Legieć, S. Bogdanow, *Naczelnicy organów...*, Vol. 4, Lublin 2020, pp. 326–328.

⁶⁸⁵ Nikolay Vladimirovich Yashvil' (1850–1897), prince, adjutant to General Iosif Gurko during the Russo-Turkish War 1877–1878, adjutant to the commander of the Warsaw Military District.

Россию, ему, однако, в этом отказывают. Только в июне его отпускают, вернее, вызывают в Петербург. На горизонте война с Австрией, и ему предполагают поручить командование армией против этой державы. Формируется на бумаге штаб и т.д. Но вот заключается Берлинский трактат⁶⁸⁶. Отцу говорят: «Вы более не нужны, можете делать, [-202-] что хотите». Отец уехал в Сахарово⁶⁸⁷ (имение генерала в Тверской губернии). Любопытно, что за все время войны и после нее он продолжал получать жалование начальника дивизии, по должности, которую он занимал до войны. Так продолжалось вплоть до 26 ноября 1878 года, т.е. пять месяцев. В этот день отец, вызванный Государем в Петербург, участвует в первом после войны Георгиевском походе. Государь жалует ему в этот день Георгия II степени (за взятие Софии и разгром армии Сулеймана, последнего оплота Турции, отец никакой награды не получил, настолько были недовольны, что он слишком быстро разбил турок) и был чрезвычайно с ним милостив и, между прочим, принимая его на следующий день после Георгиевского парада, жалуется на то, что мы не взяли Царьграда. «Вот в этом ящике, – говорит Государь, – находятся документы, доказывающие, что я в этом не виноват». Но кто же виноват? По мнению Государя, виноват был Великий Князь Николай Николаевич, не исполнивший его приказаний. Великий Князь до конца жизни утверждал, что никаких ОПРЕДЕЛЕННЫХ приказаний он не получал. Как бы то ни было, милостиво побеседовав, Государь отпустил отца обратно в деревню, не предлагая никакой должности. Наследник с отцом, определенно, холоден... Отец возвращается в Сахарово. 2 апреля 1879 года покушение на Государя Соловьевым. Вспоминают про отца, вызывают его в Петербург и назначают временным Петербургским генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями и помощником Главнокомандующего Петербургским военным округом. Самому Главнокомандующему – Вел. Князю Николаю Николаевичу – предлагается при этом уехать из Петербурга и передать командование [-203-] отцу. Перед этим происходит следующий разговор с Государем. Отец ему говорит: «Ваше Величество, я не могу принять предложенную мне должность без согласия на это Наследника Цесаревича. Моя работа для будущего. Будущее принадлежит ему. Кроме того, я не могу стать его начальником против его воли». «Я тебя понимаю, – ответил Государь, – Наследник знает про твое назначение, он, видимо, его одобряет. Поезжай к нему, сам убедись». Отец едет к Наследнику, который его принимает как нельзя лучше, и, обнимая, говорит: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» Однако, трения начинаются чуть ли не на другой день. На первом докладе у Государя (на котором в то время всегда присутствовал Наследник) отец просит Государя назначить помощником начальника штаба округа (начальником штаба округа был князь Имеретинский) ген. Нагловского. Наследник, вообще неизменно молчавший на докладах Государю, горячо возражает и, между прочим, говорит: «Гвардия ненавидит Нагловского». Отец отвечает: «В него летят те шишки, которые не смеют обратить на меня: ему приписывают инициативу принятия мер, мной предписанных, как-то: выселение х.....ского полка из Филиппополя». Наследник молчит. Нагловский назначается. Это происходит в начале апреля. В начале

⁶⁸⁶ Treaty of Berlin signed on 13 July 1878 as the final act of the Congress of Berlin.

⁶⁸⁷ Sakharovo - landed property near Tver, in the 19th century owned by the Romeyko-Gurko family.

ноября – второй инцидент. Некий Мирский⁶⁸⁸, молодой человек 18 лет, приговаривается военным судом за покушение на шефа жандармов Дрентельна к повешению. Государь в Ливадии⁶⁸⁹. Отец, в качестве командующего войсками, должен комфирмовать приговор. Он смягчает наказание – на вечную каторгу, не переговорив с Наследником и даже не предупредив его об этом. Наследник узнает об этом из газет. Окружение Наследника этим пользуется, чтобы вновь восстановить Наследника [-204-] против отца. В городе рассказывают, что моя мать послала Мирскому в крепость букет цветов.

Государь возвращается в конце ноября и вполне одобряет действия отца, тем более что к этому времени Мирский выдает многих членов партии «Народная воля» (ему смягчается за это наказание).

В январе 1880 (точно месяца не помню) новый инцидент с Наследником. По воскресеньям в Михайловском манеже происходит развод с церемонией. По положению, начальство съезжается в известной постепенности, младшие раньше старших, так что при входе старшего непосредственно предшествующий ему младший командует: «Смирно» и т.д. В одно из воскресений Наследник опаздывает. Отец приезжает ранее его. Ему командует, что полагается, старший из находящихся налицо военных начальников. Тут еще беды нет. Но вот приезжает Наследник, и ему НИКТО не командует: младший при старшем не имеет права; старший – отец мой – не считает возможным ему командовать, ибо видит в нем тут не Наследника Престола, а подчиненного ему корпусного командира. Наследник, смущенный тем, что его встречает гробовое молчание, видит отца, смущается еще более и, весь багровый, подходит к нему и извиняется, что опоздал. Отец ему, разумеется, ничего не отвечает. Окружение Наследника пользуется этим «событием». Последнему жужжат в уши со всех сторон: «Генерал Гурко совсем зазнался. Он не желает признавать Наследника Престола. Он должен был ему командовать: «Смирно» и т.д., как Наследнику». Об этом кричит весь город. В крике особенно усердствует товарищ генерал-фельдцейхмейстера граф Баранцов⁶⁹⁰, до невероятности [-205-] взбешенный приказом отца по войскам округа, в котором он всю гвардейскую артиллерию после смотров и маневров разнес во всю. (По поводу этого приказа, Баранцев даже написал официальное письмо отцу, в котором говорит, что за отсутствием Августейшего Фельдцейхмейстера (Вел. Кн. Михаила Николаевича) он обязан заступиться за его, Великого Князя, честь, ибо приказ заключает прямое оскорбление главного артиллерийского начальства). Наследник становится с отцом заметно суже.

Следующий инцидент – иного свойства. В январе в Чернышевом переулке⁶⁹¹ в конспиративной квартире при аресте революционеров и обыске находят планы Зимнего Дворца, причем комната, в которой Государь обыкновенно обедает, перекрещена красным карандашом. Надо сказать, что при всех огромных полномочиях отца, в самом

⁶⁸⁸ Lev Filippovich Mirsky (Leon Fyodorovich) (1859–1920) was a Russian Narodnaya Volya member who, on 13 March 1879, attempted to assassinate the chief of the Independent Gendarme Corps, General Alexander Romanovich Drenteln.

⁶⁸⁹ Livadiya – A village in the Crimea where the palaces of the Tsar’s family were located.

⁶⁹⁰ Mikhail Alexandrovich Barantsov (1857–1921), chief of the Main Artillery Directorate and Comrade General Feldzeugmeister, major general (1903), chief of artillery of the Warsaw Military District (from April 14, 1909), lieutenant general (1910).

⁶⁹¹ Chernyshev pereulok – now Lomonosov Street in St. Petersburg.

дворце он никаких прав не имел. Там имеется своя полиция, подчиненная министру Двора и находившаяся в ведении управляющего дворцом безногого генерала Дельсалья⁶⁹². Отец неоднократно обращал на это внимание министра Двора, гр. Адлерберга⁶⁹³, и самого Государя, причем даже сказал ему: «Ваше Величество, когда ваш швейцар снимает с меня шинель и вешает ее на вешалку, то, вместе с ней вешает и мои права. При этих условиях я не могу отвечать за безопасность Вашего Величества во дворце». Вызываемый граф Адлерберг всегда отвечал, что он не может допустить общую полицию во дворце. Когда найден был план Зимнего Дворца, разговор этот вновь возобновился. Государь вновь вызывает Адлерберга и Дельсалья. Оба стоят на своем. Присутствующий Наследник упорно молчит. Однако проходит лишь около двух недель, [-206-] как 13 февраля 1880⁶⁹⁴ года в Зимнем дворце в обеденный час происходит взрыв из помещения, находящегося под караульным помещением, которое само находится под отмеченной на плане столовой. Большинство караула убито, столовая разрушена. Государь спасен благодаря случайности: в этот день приехал принц Гессенский, брат Императрицы Марии Александровны⁶⁹⁵, но поезд опоздал, и Государь поджидал его к обеду.

(Взрыв был произведен некоторым Халтуриным⁶⁹⁶, приглашенным во дворец в качестве столяра и в качестве такового неоднократно, как это потом выяснилось, входившим во все внутренние покои, в том числе и в спальную Государя).

Разумеется, всю вину обращают на отца. Наследник выставляет своего кандидата, хитрого армянина Лорис-Меликова. Он назначается председателем Верховной Комиссии⁶⁹⁷ – фактически диктатором – словом, начинается *диктатура сердца*. Отец увольняется от всех должностей и уезжает опять в Сахарово. Ему, однако, назначают содержание в 12 тысяч рублей в год. Из Сахарово отец за следующий год выезжает только однажды, на похороны скончавшейся в мае 1880 года Императрицы Марии Александровны. Государь Александр II принимает его и с ним чрезвычайно милостив. Наследник холоден, как лед.

Наступает 1 марта 1881 года – убийство Императора Александра II⁶⁹⁸. Отец, конечно, едет на похороны. Пока тело Императора еще во дворце (в дворцовой церкви), ежедневно происходит Высочайший выход на панихиду и в церковь. Отец приезжает в Петербург 3 марта и, конечно, едет на выход, причем становится в задние ряды лиц, стоящих шпалерами при проходе Царской Семьи. Тут происходит [-207-] нечто совершенно необыкновенное.

⁶⁹² Alexey Petrovich Delsal (1830–1902) – major general of the Russian Imperial Army, military engineer, participant in the Crimean War, head of the Winter Palace (1875–1881).

⁶⁹³ Alexander Vladimirovich Adlerberg (1818–1888), adjutant general (1855), infantry general (1869), closest adviser and personal friend of Alexander II, Minister of the Imperial Court and Appanages (1870–1881).

⁶⁹⁴ The author of the memoirs mistakenly gives the date as 13 February 1880. The assassination attempt at the Winter Palace took place on 17 February 1880.

⁶⁹⁵ Alexander von Hessen and bei Rhein (1823–1888) was a prince of the House of Hesse, brother of the Russian Empress Maria Alexandrovna.

⁶⁹⁶ On 17 February 1880, Narodnaya Volya member Stepan Khalturin activated a bomb planted under the imperial family's dining room in the Winter Palace.

⁶⁹⁷ Supreme Administrative Commission for the Preservation of State Order and Public Peace – Extraordinary state office in the Russian Empire operating in February–August 1880 established to protect state order and social peace.

⁶⁹⁸ Assassination attempt on Tsar Alexander II carried out on 1 (13) February 1881 in St. Petersburg. It ended with the death of the ruler of the Russian Empire.

Государь Александр III со своего громадного роста видит отца в дальних рядах лиц, стоящих шпалерами, направляется прямо к нему, уводит его в амбразуру окна, подальше от остальных присутствующих, и говорит отцу: «Я надеюсь, Иосиф Владимирович, что вы будете служить мне так же доблестно и верно, как моему покойному отцу». Затем Государь возвращается к ожидающей его Императрице Марии Федоровне, и выход продолжается. Но, Боже, что происходит за ними! Вся масса лиц, стоявших в этой зале, все высшие чины, едва узнававшие отца с того времени – «теперь лишь тебе венец; мы знали к тебе отношение нового Государя» – вдруг бросаются на него, Московский генерал-губернатор князь Долгоруков принимается его прямо лобызать. Подлый род людской!

Однако проходит почти полный год, отец продолжает жить в деревне и, конечно, тоскует без дела, но решительно никуда не показывается. Только 2 января 1882 года получает отец с фельдъегерем письмо Государя, вызывающего его в Петербург, причем в письме прямое предложение – пост Одесского генерал-губернатора и командующего войсками округа, а еще через год, во время коронации, ему предлагают варшавский пост. Однако этот пост, предложенный ему через министра внутренних дел, гр. Толстого⁶⁹⁹, отец принимает лишь после того, как одобряется Государем его взгляд на русскую политику в Польше. Свой взгляд отец излагает в письме, обращенном непосредственно к Государю. В нем он говорит, что слишком стар, чтобы менять свои политические взгляды, а посему, если его взгляды не совпадают с намерениями Государя, то он при всем желании не сумеет добросовестно исполнить [-208-] Царские предначертания (письмо это было первое, которое я, тогда студент 3-го курса, писал согласно общим указаниям отца).

С тех пор или, вернее, со своего воцарения и вплоть до своей кончины, Александр III был всегда высоко милостив к отцу, ни в чем никогда ему не отказывал и неизменно высказывал ему чувства не только уважения, но и дружбы. Но Императрица Мария Федоровна отца, из-за поляков, никогда не любила”

На этом заканчивается заметка Владимира Иосифовича Гурко.

Возвращаюсь к своим личным воспоминаниям.

Работником Иосиф Владимирович был неутомимым и не щадил самого себя. Я помню, как, уже будучи чиновником особых поручений, придя на дежурство в 9 часов утра, я встретил его вернувшимся с ночного зимнего маневра, всего покрытого снегом и промерзшего. Через десять минут, переодетый, он принимал уже доклады, которые длились до пяти часов дня, прерываемые лишь получасом для завтрака. И так он работал изо дня в день.

⁶⁹⁹ Dmitriy Andreyevich Tolstoy (1823–1889), chief prosecutor of the Holy Governing Synod (1865–1880), minister of public education (1866–1880), minister of the interior and chief of the gendarmes (1882–1889). Also a member of the State Council (1866–1889), senator (1861), and *active privy councillor* (1872). Under Alexander II, he was known as an energetic reformer, and under Alexander III, as a conductor of a policy of counter-reform.

В распределении своего времени он был аккуратен, как часы; доклады выслушивал всегда с большим вниманием, сосредоточенностью и уважением ко мнению докладчика.

Я не сумею определить, был ли И[осиф] В[ладимирович] человеком исключительного ума. Я никогда не слышал, чтобы он развивал какие-нибудь новые или оригинальные идеи, но зато он был изумительно последователен в своих взглядах. Твердости воли он был редчайшей. Все в нем сочеталось в удивительной гармонии: ясный здравый смысл указывал ему, что надо делать, а твердая воля приводила принятое решение до конца. Спокойствие, безукоризненная, в самом высоком понимании этого слова, честность и безупречная нравственность делали его высокоавторитетным и слагали из [-209-] него образ рыцаря без страха и упрека. У него, конечно, были враги, его можно было не любить, но нельзя было не уважать.

Мы, окружавшие, относились к нему с благоговением: столь обычные у нас шутки за спиной или критика по адресу начальства к нему никогда не применялись.

Поляки, конечно, его не любили, но, тем не менее, уважали, говоря, что с ним «*on sait à quoi s'en tenir*». Твердо проводя принципы русской государственности, Гурко, однако, никогда не покушался на национальные чувства поляков. Он требовал безусловного подчинения русской государственной власти и ослушников карал немилосердно, но, например, в вопросе народного образования отстаивал права поляков в школе, находясь в этом отношении в постоянной борьбе с попечителем учебного округа Апухтиным⁷⁰⁰, ничего не желавшего и слушать о польском языке. В одном из своих Всеподданнейших отчетов, настаивая на некоторых правах польского языка в школе, Гурко выразился: «Сила не в силе, а сила в любви». Как это далеко от того «*Polakenfressera*» каковым изображала его закордонная печать.

Каковы были в то время отношения к русской власти населения Царства Польского или, точнее, Привислянского Края, как в то время официально называлось Варшавское генерал-губернаторство?

На этот вопрос можно ответить, разбив население на группы. Первая – высшая знать и примыкающее к ней помещичье сословие, вторая – *tiers état*, состо-

---

⁷⁰⁰ Alexander Lvovich Apukhtin (1822–1903), major general, superintendent of the Warsaw school district (1879–1897), senator from 1897. Russifier of education in the Kingdom of Poland, see more: K. Latawiec, A. Górac, J. Legieć, S. Bogdanov, *Naczelnicy organów ...*, Vol. 1, pp. 53–55.

явшая из адвокатов, докторов, нотариусов, коммерсантов и, вообще, городского населения и третья – крестьяне.

Высшая знать, разные графы Браницкие, Любомирские, Замойские, Потоцкие, [-210-] Маркизы Велепольские, тяготели к генерал-губернатору. Быть хорошо принятым в бывшем королевском замке считалось необходимым атрибутом большого света. К тому же, это сулило возможность получения придворного звания, до которого эти господа были очень падки. На приемах у Марии Андреевны, на ее обедах и вечерах высшая знать встречалась с местным высшим русским обществом, но этим, кроме трех-четырёх домов, сближение с русскими и прекращалось. Могли ли, в самом деле, русские генералы и генеральши и действительные статские советники и их жены поддерживать знакомство с Замойскими и Браницкими, имевшими в Варшаве дворцы, а в деревне латифундии. Конечно, между ними не было ничего общего ни в воспитании, ни в условиях быта.

С «третьим сословием» ну у «Замка», ни у остального русского общества никаких сношений не было и оно состояло к власти в открытой оппозиции.

Крестьянство, освобожденное от крепостной зависимости Императором Александром II, считалось преданным правительству, какое-то чувство поддерживалось в нем институтом комиссаров по крестьянским делам, ограждавших интересы крестьян от помещиков на почве сервитутного права. Я думаю, что эта преданность была одной из многих наших иллюзий.

Словом, никакой внутренней связи между правящей русской властью и поляками не было. Это было масло на стакан воды. Масло можно раздробить до мельчайших частей, но с водой оно смешается только механически, а химически не сольется.

При Гурко поляки русской власти подчинялись безусловно, и я [-211-] полагаю, что это *taxiutum* того, что могло быть достигнуто в русско-польских отношениях.

В семье Гурко я не могу не отметить старшего сына Владимира Иосифовича (впоследствии товарища министра внутренних дел, столь известного по делу Лидваля⁷⁰¹), Из ближайших сотрудников Гурко необходимо отметить следующих.

---

⁷⁰¹ The Gurko-Lidval case (Lidvaliada) is a court case about the conclusion of an unfavourable deal for the supply of grain by V. I. Gurko with the merchant Erik Lidval for the delivery of grain. The liberal press accused Gurko of corruption. The authorities brought Gurko to trial by the Senate. He was removed from office and prohibited from entering public service for three years.

Начальником штаба округа состоял профессор Академии генерального штаба, генерал Александр Казимирович Пузыревский⁷⁰². Несмотря на свое, несомненно, польское происхождение, Пузыревский много говорил о величии русской государственности, что, [-212-] однако, не помешало ему написать книгу «История русско-польской войны 1830 года»⁷⁰³, тогда как этот эпизод следовало бы назвать «Военные действия во время польского мятежа 1830 года». Пузыревский же защищал это название тем, что мятеж понимает действие народных сил, а в данном случае против русской армии действовали регулярные войска. Парадоксальность этого взгляда легко можно было бы обнаружить, но, тем не менее, помянутое сочинение послужило к возбуждению больших симпатий поляков к «Казимирычу». Человек этот был несомненно высокообразованный, знавший и страстно любивший свое дело. Для Гурко он действительно был настоящим помощником. К сожалению, по смерти жены⁷⁰⁴ он увлекся опереточною певицей Ласкою⁷⁰⁵, на которой и женился⁷⁰⁶, подпал под польское влияние и совершенно опустился.

Помощником генерал-губернатора был сенатор Н[иколай] Н[иколаевич] Медем⁷⁰⁷, перед тем занимавший двадцать пять лет должность Варшавского губернатора. Ничего особенно яркого об этой личности сказать я не могу. Зато весьма выпуклою фигурою являлся, упомянутый мною выше, попечитель учебного округа Апухтин несомненно заходивший слишком далеко в своей полонофобской политике.

В польском обществе большую роль, более по традиции, чем по личным качествам, если не считать его пятнадцативершкового роста, играл управляющий княжеством Ловичским, граф Велепольский, маркиз Гонзаго на Пинчеве и Мирове Мышковский⁷⁰⁸.

⁷⁰² Alexander Kazimirovich Puzyrevskiy (1845–1904) – officer and military historian, professor at the General Staff Academy (1884–1890), chief of staff of the 2nd Guards Cavalry Division, acting as assistant to the chief of the chancery of the Ministry of War, from January 19, 1890 he was appointed chief of staff of the troops of the Warsaw Military District, infantry general (1901), assistant to the commander of the troops of the Warsaw Military District, member of the State Council (since March 1904).

⁷⁰³ The correct title of the publication is: *Польско-русская война 1831 г.*, Санкт-Петербург 1886; second edition, amended and corrected Vols 1–2, Санкт-Петербург 1890.

⁷⁰⁴ Yevgeniya Ferdinandovna Puzyrevskaya von Korff (1847–1901), the baroness.

⁷⁰⁵ Michalina Konstancja Łaska née Blachowska (1865–1939), Polish theatre actress and operetta singer.

⁷⁰⁶ No source confirmation has been found for the marriage of Aleksandr Kazimirovich Puzyrevsky to Michalina Konstancja Łaska.

⁷⁰⁷ Nikolay Nikolayevich Medem (1834–1899), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 301–306.

⁷⁰⁸ Zygmunt Andrzej Wielopolski, Marquis of Gonzaga-Myszkowski (1833–1902), count, Russian and Polish statesman, president of Warsaw (1862–1863), 14th Ordinate of Pinczow (1877–1902).

За ним следовал граф Гуця (Август) Потоцкий⁷⁰⁹, владелец чудесной Яблонны, тоже не по каким-либо исключительным достоинствам, а по огромному богатству, блестящим приемам и красавице жене, так называемой «Гуцевой». Светскую роль играла и *Bichette* [-213-] Радзивилл⁷¹⁰, и княгиня Любомирская⁷¹¹.

Особое и, конечно, гораздо более серьезное место занимал гофмейстер Гурский⁷¹², председатель Земского кредитного общества⁷¹³, единственного польского и возглавляемого поляком учреждения в Крае. Так как, очевидно, у всех поляков имения были заложены, то роль и значение Гурского становятся понятными. Здесь ковалось польское так называемое, «лояльное» или «угодное» общественное мнение.

В числе придворных поляков был и князь Четвертинский⁷¹⁴, камергер, а впоследствии и гофмейстер, во время мятежа 1863 года приговоренный к ссылке в Сибирь... Монархическая власть была незлопамятна.

В некоторой оппозиции к русской власти стоял архимиллионер, владелец ординатории в Люблинской губернии, граф Замойский⁷¹⁵. Он принципиально не уплачивал установленного налога на гминную школу, т.к. преподавание в ней велось на русском языке. На пополнение этой недоимки с него ежегодно властями описывался и продавался с аукциона, согласно установленным правилам, один стог сена.

⁷⁰⁹ August Potocki of the Pilawa coat of arms (1847–1905), count, Polish social and agricultural activist, vice-president of the Horse Racing Society, Warsaw baron (popular Count Gucio), chamberjunker (1881), chamberlain (1900).

⁷¹⁰ Maria Róża Branicka (1863–1941), known as Bichetta, married to Jerzy Fryderyk Radziwiłł, the Nieświesz entailer, led a large-scale social life. Representatives of ruling houses, European aristocracy, diplomats, artists, intellectuals and politicians passed through the salons of her residences in Rome, Paris, Lipki and Nieświesz.

⁷¹¹ Maria Lubomirska née Branicka (1873–1934), Polish princess, on 6 September 1893 she married the politician Prince Zdzisław Lubomirski, as a wedding gift she received the White Palace in Frascati from her parents, where she organised receptions for the Warsaw aristocracy and bourgeoisie.

⁷¹² Ludwik Górski (1818–1908) – Polish social and political activist, landowner, agronomist, from 1904 president of the Land Credit Society. After the January Uprising, he was the leader of the landed gentry, one of the most outstanding representatives of Polish conservative thought and Catholic life.

⁷¹³ Land Credit Society – A Polish banking institution founded in 1825 in the Kingdom of Poland granting mortgage loans.

⁷¹⁴ Włodzimierz Ludwik Stanisław Czetwertyński-Światopełk (1837–1918), prince, councilor of the Land Credit Society Committee, conspirator, civil head of the Lutsk district in the January Uprising, exiled to Siberia.

⁷¹⁵ Maurycy Klemens Zamoyski of the Jelita coat of arms (1871–1939), Polish politician, diplomat, social activist, vice-president of the Polish National Committee in Paris, member of the Polish National Committee (1914–1917), count, 15th entailer of Zamość, in 1922 he owned landed estates with an area of 190900 ha

Православным архиепископом Варшавским состоял Флавиан⁷¹⁶, впоследствии митрополит Киевский. При исключительно святительской наружности он отличался и высокими нравственными качествами. Он резко противился всякому насилию по отношению к униатам, в особенности в бытность свою епископом Люблинским, в противность своему предместнику Леонтию⁷¹⁷, который думал средствами полиции превратить униатов в православных. Когда по поводу образа действий русского духовенства по отношению к униатам вышла известная статья священника Фуделя⁷¹⁸, архиепископ Флавиан [-214-] собрал своих благочинных и сказал им: «Прочтите, что про вас пишут». Основное положение Фуделя было: «Лошадь можно привести к воде, но заставить ее пить нельзя». Флавиан был дворянского происхождения, чем выгодно отличался от окружавшей его среды.

Римско-католическим архиепископом был Попель⁷¹⁹, глубокий старец, тоже бывший ссыльный, надевший на себя маску искренней преданности и «лояльности». Он был весьма типичен в своем красном одеянии кардинала. Это звание не было ему присвоено, но кардинальские одеяния составили почетный атрибут «Варшавского арцибискупа»⁷²⁰.

Светское сближение генерал-губернатора с обществом осуществлялось при посредстве одного бала в год и ряда обедов, которые устраивались в замке с большим вкусом в совершенно царственной обстановке, тем более что и прислуга была одета в ливреи Императорского Двора. Независимо от того раз на месяц устраивались обеды для высших военных, как штабных, так и приезжих

⁷¹⁶ Flavian, secular name Nikolay Nikolayevich Gorodetskiy (1840–1915), Metropolitan of the Russian Orthodox Church. In 1898–1915 a member of the Holy Synod of the Russian Church. Bishop of Chelm and Warsaw (1891), Orthodox Archbishop (1892). He fiercely fought against local liturgical traditions, replacing them with Russian traditions against the will of the faithful. The forced strengthening of Orthodoxy, supported by the Tsarist administration, often brought effects different from those intended – former Uniates refused to attend churches.

⁷¹⁷ Leontiy, secular name Ivan Alekseyevich Lebedinskiy (1822–1893), Metropolitan of the Russian Orthodox Church. Bishop of Podoliya and Bratslav (1863), Orthodox Archbishop (1873), bishop of Kherson (1874), archbishop of Warsaw and Kholm (1875), metropolitan of Moscow and Kolonna (1891).

⁷¹⁸ Iosif Ivanovich Fudel (1865–1918), archpriest of the Russian Orthodox Church, publicist, priest in Vilnius (1889), then in Bialystok, religious teacher in various educational institutions. His brochure on the situation of Orthodoxy in the North-West region had a public resonance – И.И. Фудель, *Наше дело в Северо-Западном крае*, Москва 1893.

⁷¹⁹ Wincenty Teofil Chościak-Popiel of the Sulima coat of arms (1825–1912), Polish Roman Catholic priest, diocesan bishop of Plock (1863–1875), diocesan bishop of Kuyavia-Kalisz (1876–1883), metropolitan archbishop of Warsaw (1883–1912). He refused to legitimize the Russian Theological College in St. Petersburg for which he was exiled to Novgorod in the years 1868–1875.

⁷²⁰ Stremoukhov is mistaken. The archbishop wears amaranth (or purple) vestments and the cardinal scarlet (purple).

генералов, что давало возможность командующему войсками с ними ближе познакомиться.

По воскресеньям Мария Андреевна торжественно принимала в Малиновом зале замка, и туда стекалось все высшее польское общество и все, что было более светского в военной и гражданской бюрократии.

На этих приемах происходили иногда забавные курьезы.

При входе в зал старик-поляк, придворный лакей, спрашивал и затем провозглашал фамилии визитеров. По старости он постоянно все путал, но его не решались отставить от должности, так. [-215-] как старик, простоявший около этого «дела» с полвека, умер бы с горя.

Был в Варшаве вдовый начальник дивизии Бардовский⁷²¹, у которого были две дочери, а домом заведовала его сестра, старая дева. Однажды она с обеими барышнями прибыла в замок с визитом.

Лакей провозгласил:

– Девиза Бардовская с дочерьми!

Был у генерал-губернатора адъютант, князь Яшвиль⁷²², у которого проживала его невестка, М-лле Филипсон⁷²³. Когда Яшвиль приехал с ней и женой в замок, лакей доложил:

– Князь Яшвиль с супругами!

Всей пригласительной частью в замке заведовал целый гофмейстер, Пенхержевский⁷²⁴, который придавал своему занятию необыкновенное значение. Т.к. все приглашения делались через него, то известная часть польского общества очень за ним ухаживала.

Возвращаюсь к расс[к]азу о своем житье-бытье.

⁷²¹ Nikolay Fyodorovich Bardovskiy (1832–1890), officer, took part in the pacification of the January Uprising (1863–1864) and aggression against Khiva (1873), chief of the 7th Infantry Division (1879), lieutenant general (1881), chief of the 1st Infantry Division (1883), commander of the 3rd Guards Division (1887).

⁷²² Stremoukhov mixed up the dates and facts. Vladimir Vladimirovich Yashvil', whose daughter-in-law was Natalia Grigoryevna, died in 1864. It was probably about his son – Nikolay Vladimirovich Yashvil' (1857–1893), prince of Georgian origin, officer, took part in the Russo-Turkish War of 1877–1878. In September 1877, he was appointed to the headquarters of the Western Detachment as an adjutant to General I.V. Gurko, served as a colonel in the Lifeguards Hussar Regiment, stationed in Warsaw. His mother – Anna Mikhaylovna Yashvil' (1826–1887), née Orlova, princess, cousin of E.V. Salias de Tournemire (Gurko). His father (Vladimir Vladimirovich) died in 1864.

⁷²³ Princess Natalia Grigoryevna Yashvil' née Philipson (1861–1939) was an artist, icon painter and public figure. In 1891, she married Prince Nikolay Vladimirovich Yashvil'.

⁷²⁴ Ivan Alexandrovich Penkhezhevskiy (1829–1907), *privy councillor* (1891), special-task clerk at the disposal of the Warsaw Governor-General. In the position of chamberlain (1884), chamberlain of the Imperial Court (1891).

К Рождеству я был назначен чиновником особых поручений с содержанием в две тысячи рублей. Эта должность обязывала меня дежурить при генерал-губернаторе два раза в неделю. Обязанности при этом были самые несложные. Надо было записывать посетителей, и когда список был готов, докладывать его генерал-губернатору. В те дни, когда являлись просители, надо было отобрать у них прошения и кратко изложить их содержание на полях. Затем просители выстраивались в одну шеренгу, и к ним выходил генерал-губернатор. При этом чиновник особых поручений докладывал генералу существо прошений. Затем чиновник особых поручений приглашался к завтраку, и этим его обязанности [-216-] и ограничивались. Читатель легко поймет, что такого рода «деятельность» не могла удовлетворить двадцатисемилетнего человека. Поэтому я продолжал уже совершенно *con amore* заниматься у Ширяева. Последний относился ко мне все с большим доверием и высказал Божовскому свое пожелание, чтобы я во время его частных командировок замещал его по управлению отделением. Божовский ни за что на это не соглашался. Таким образом, я ни в какой деловой контакт с генерал-губернатором не входил и это меня раздражало.

Тем временем мое положение обязывало меня заниматься и светской жизнью. Собираясь в Варшаву, мы очень рассчитывали на дружбу моей жены с дочерью вышеупомянутого председателя Земского кредитного общества Гурского⁷²⁵ – Зосей (София)⁷²⁶, с которой моя жена познакомилась и подружилась еще барышней за границей. Однако Наумов и другие русские посоветовали нам отнестись к этому знакомству с некоторою сдержанностью, и оказались правы. Почти полгода спустя после нашего приезда в Варшаву на рауте у обер-полицеймейстера Клейгельса⁷²⁷ мы встретились с *M-me* Гурской. Рожденная княжна Голицына⁷²⁸ (сестра главноначальствующего на Кавказе⁷²⁹), она, выйдя замуж за

---

⁷²⁵ Stremoukhov is wrong. He wrote earlier about Ludwik Górski and Julia was the wife of his brother Konstanty Górski (1827–1901), Polish politician, refereeing clerk of the Council of State of the Kingdom of Poland, managing director of the Insurance Company in Warsaw, vice-president of the Bydgoszcz Railway Council, member of the board of the Bank of Poland.

⁷²⁶ Zofia Górski (1868–1896), perhaps at the time of the described events she was already ill or died.

⁷²⁷ Nikolay Vasilyevich Kleygels (1850–1916), major general (1891), lieutenant general (1899), adjutant general (1903), cavalry general (1910). On 13 February 1888, he was appointed acting Warsaw Chief of Police (1888), St. Petersburg Mayor (1895), Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General (1903–1905). He tolerated Jewish pogroms in Ukraine.

⁷²⁸ Julia Górski née Golitsyn (1840–1914), wife of Konstanty Górski of Fałecin, Bożawola coat of arms (1827–1901), daughter of Prince Sergey Golitsyn and Maria née Jezierska (Polish).

⁷²⁹ Grigoriy Sergeyevech Golitsyn (1839–1907), Prince, Commander-in-Chief of the Caucasian Administration (1896–1905), governor of the Ural Region (1876–1885), infantry general (1896), adjutant general (1897).

поляка, став католичкой, совершенно ополячилась, сделавшись *plus catholique que le pape*. Жену мою она сразу узнала и была с ней очаровательно любезна. Когда жена сказала ей, что непременно будет у нее, чтобы возобновить свою дружбу с Зосей, то *M-me* Гурская заявила, что сегодня же обрадует дочь известием о приезде ее старой приятельницы в Варшаву, и что Зося сама поспешит к ней завтра же. Делясь с женой впечатлениями об этой встрече, мы с женой упрекали [-217-] наших русских друзей в излишней и несправедливой к полякам подозрительности... Однако прошел завтрашний, послезавтрашний и многие последующие дни, недели и месяцы и Зося Гурская к нам не явилась. Можно было быть знакомой и даже подружиться за границей на нейтральной почве с дочерью русского генерал-адъютанта, но поддерживать в Варшаве знакомство с женой незначительного русского чиновника для польки было неуместно.

Другой нашей знакомой была княжна Енгальчева, вышедшая замуж за австрийского подданного Питнера⁷³⁰, занимавшего должность австро-венгерского генерального консула в Варшаве. Это была очень милая женщина, но наши о[т]ношения осложнялись постоянными репримандами, которые получал ее муж от генерал-губернаторского управления. Он, а равно и все остальные генеральные консулы великих держав в Варшаве, стремились выходить из рамок своих консульских прав и обязанностей и разыгрывать посланников, теща поляков мыслью о „Царстве Польском“. Питнер, а равно и германский генеральный консул Вангенгейм⁷³¹ (впоследствии столь нашумевший посланник в Константинополе), в особенности в этом усердствовали. Генерал-губернатор всегда сажал их на свое место. Написанные по этому поводу бумаги шли всегда по о[т]делению Ширяева и нередко на них стояла моя скрепа, что очень злило Питнера.

Помню, что как-то у Питнера по какому-то поводу я сказал:

– *On ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu!*

– *Surtout pas dans la mienne*, заметил инситуационно Питнер. Потом мне объяснили в чем дело. В молодости он был адъютантом Эрцгерцога Максимилиана, Императора Мексиканского⁷³². Когда в Мексике вспыхнула ре-

⁷³⁰ Julius von Pinter, Consul General of Austria-Hungary, vice-consul in Warsaw, 1883–1885 staff officer in the Evindenzbiuro – directorate of military intelligence of the Austro-Hungarian Empire, headquartered in Vienna, Austria.

⁷³¹ Hans von Wangenheim (1859–1915), a German diplomat, a baron from the Thuringian Wangenheim family, who served as Germany's ambassador to Buenos Aires from 1901 to 1904 and as ambassador to the Ottoman Empire (1912–1915).

⁷³² Maximilian I (Ferdinand Maximilian Joseph Maria von Österreich) (1832–1867), Archduke of

волюция, и император был расстрелян, Питнер [-218-] был приговорен к повешению. Казнь приводилась над ним в исполнение, но веревка лопнула и ему даровали жизнь. Питнер много играл в карты и ему чрезвычайно везло...

Дежурства мои при генерал-губернаторе отмечались иногда любопытными инцидентами.

В Калишской губернии появился какой-то разбойник, терроризировавший в особенности Ленчицкий уезд Калишской губернии и окрестности города Лодзи. Генерал Гурко вызвал для „разноса“ Калишского губернатора Дарагана⁷³³, который объяснил безнаказанность и неуловимость разбойника слабостью начальника Ленчицкого уезда, Буткевича⁷³⁴. Генерал приказал вызвать последнего к себе. Приехал Буткевич как раз в мое дежурство. Это был старик высокого роста, худой, с густыми насушленными бровями, длинными ниспадающими усами и орлиным красным носом – настоящий пан Твардовский⁷³⁵ – типичный польский шляхтич. Докладываю о нем генералу. Гурко насупился и, грозный, вышел в зал, и с места начал разносить Буткевича, причем назвал его трусом. Тогда Буткевич начал поднимать свою пашку, на эфесе которой болтался Георгиевский темляк.

– Что это такое? – спросил Гурко.

– Золотое оружие.

– За что?

– За взятие мною, в [18]48 году в плен венгерского мятежника Гергея.

Гурко сразу весь изменился и стал расспрашивать провинившегося начальника уезда об этом приснопамятном событии. Потом протянул ему руку и не упоминал уже ни слова о Ленчицком разбойнике. Совершенно успокоенный, старик уехал домой.

Austria, Viceroy of Lombard-Venetia in the years 1857–1859, Emperor of Mexico in the years 1864–1867, brother of Franz Joseph I.

⁷³³ Mikhail Petrovich Daragan (1833–1918), Kalisz, Vologda and Chernigov governor, senator, active privy councillor (1910). Honorary citizen of the cities of Minsk and Kalisz, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 128–134.

⁷³⁴ Viktor Stanislavovich Butkevich (1827–1900), Russian officer, made a career during the pacification of the January Uprising, on 9 (21) January 1864 he was appointed military commander of the Opatów district of the Radom province, from 1 (13) April 1868 – district head of the Opoczno of the Radom province, from 1880, the district head of the Sieradz district of the Kalisz province, from 1882 – of the Łęczyca district.

⁷³⁵ Pan Twardowski – a legendary figure of a Polish nobleman who sold his soul to the devil. He is the main character of several fairy tales and legends. One of the most famous says that he is currently on the Moon.

[-219-] В описываемое время произошел весьма печальный случай: драка между начальником дивизии Ризенкампом⁷³⁶ и командиром корпуса генерал-адъютантом Свистуновым⁷³⁷. Дело было так. Между Свистуновыми и Ризенкампом отношения были весьма скверные. Свистунов вызвал Ризенкампа и начал его за что-то разносить, тогда Ризенкампф встал и взялся за стул, на котором сидел. Хотел ли Ризенкампф ударить Свистунова этим стулом, неизвестно, но Свистунов принял этот жест за угрозу, крикнул вестовых и денщиков, бывших у него, связал Ризенкампа полотенцами и бил его связанным, а потом приказал, очевидно в испуге, денщикам внести связанного Ризенкампа на балкон и затем бросить его на улицу; последнего денщики не исполнили. Свистунов был уволен без прошения в отставку, без мундира и пенсии (которая впоследствии была ему назначена в ничтожном размере), а Ризенкампа суд приговорил к увольнению от службы, кажется с лишением чинов и орденов.

Служебное мое положение в течение года не изменилось. Как чиновник особых поручений мне не давали никаких поручений. Генерал-губернатор, хотя и был со мною любезен, но совершенно мною не интересовался. Занятия мои у Ширяева имели значение хорошей школы, но нимало не подвигли меня на службе. По свойству моего характера моя мысль всегда должна была над чем-нибудь работать и не находила для этого почвы. Поэтому вновь заскучал... Это состояние продлилось бы может и долгое время, если бы не счастливый случай, а также вышеупомянутое свойство моей натуры, меня не вывезли.

---

⁷³⁶ Nikolay Alexandrovich Riesenka mpff (Ger. Nikolai von Riesenka mpff) (1832–1904), commander of the 5th Cavalry Division (10 July 1891), lieutenant general. In 1892, a sharp clash occurred between Lieutenant General Riesenka mpff and his immediate superior, the commander of the 5th Army Corps, artillery general and adjutant general A.P. Svistunov, during which Riesenka mpff insulted Svistunov in words and actions. The result was the termination of the service of both generals. Riesenka mpff was expelled from service without deprivation of rank. A week later, on 30 November 1892, A.P. Svistunov was dismissed from service “due to domestic circumstances”. (В. П. Пономарёв, *Драка генералов А. П. Свистунова и Н. А. Ризенкампа: сцена из быта высших офицеров русской армии*, «История российского быта», Санкт-Петербург 1899, pp. 222–224; С.В. Волков, *Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II*, Vol. 2, Л–Я, Москва 2009, p. 400) His daughter Maria was married to Mehmed Rifaat Pasha (1860–1925), who was the Turkish Foreign Minister from 1909 to 1911 and Ambassador to France from 1911 to 1914. After his pardon, Riesenka mpff lived and died in Athens with his daughter. (Ю.Я. Соловьев, *Воспоминания дипломата. 1893–1922*, [online] http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html)

⁷³⁷ Alexander Pavlovich Svistunov (1830–1919), chief of staff of the Caucasian Military District, chief of the Terek Region and Ataman of the Terek Cossack Army, commander of the 5th Army Corps, artillery general, adjutant general – С.В. Волков, *Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II*, Vol. 2, p. 465.

Посещая некоторые польские дома и знакомясь с польской литературой [-220-], я подметил тот особый культ, которым поляки окружали память Наполеона, относясь совершенно равнодушно к Императору Александру I. Между тем, даже самое поверхностное изучение истории убеждает в том, что Русский Государь неизмеримо больше сделал для поляков, вызывая даже тем неудовольствие своего собственного народа (достаточно для этого прочесть хотя бы одно известное письмо Карамзина), чем Бонапарт, смотревший на них исключительно только как на пушечное мясо. Поэтому я задумал написать статью, в которой, ссылаясь на исторические данные, доказать всю несправедливость существующей у поляков оценки обоих императоров. Конечно, как и все мои другие литературные затеи, я этого труда до конца не довел, да вероятно именно она, эта предполагаемая статья, – увидит читатель далее – и отняла у меня необходимое к тому время. Для выполнения предпринятой мною задачи мне пришлось много перечитать, пользуясь для этого университетской би[б]лиотекой. Я делал выписки из *Vandal'a*⁷³⁸, Тагишцева⁷³⁹, а главное из, если не ошибаюсь, двадцати-трехтомного труда *Thier'a Histoire du consulat et del' Empire*⁷⁴⁰. Из этого чтения в один прекрасный день я почерпнул, что министром финансов при Наполеоне был некий Годэн⁷⁴¹, впоследствии герцог Гаэтский.

Несколько дней спустя у генерал-губернатора был обед для военных, к которому были приглашены и дежурный адъютант, и чиновник особых поручений, каковым в этот день оказался я.

За круглым обеденным столом сидело человек двадцать высших генералов. Разговор шел о Наполеоне. Я, конечно, как маленький, участия в разговоре не принимал и вел себя, как крыловский Васька, слушал и ел, наслаждаясь вкусными явствами [-221-] и превосходным вином генерал-губернаторского погреба. Гурко начала вспоминать маршалов Наполеона и данные им титулы, как например:

---

⁷³⁸ Albert Count Vandal (1853–1910) was a French historian. He wrote *Napoléon et Alexandre Ier* (three volumes, 1894–1897).

⁷³⁹ Vasilii Nikitch Tatishchev (1686–1750), Russian historian, administrator, diplomat, founder of modern Russian historiography. In 1739 he completed the main work of his life entitled “History of Russia from the Most Ancient Times”, which was published in 4 volumes only after the author’s death (in the years 1768–1784).

⁷⁴⁰ Louis Adolphe Thiers (1797–1877), French politician, historian, supporter of constitutional monarchy. He is the author of *Histoire du consulat et del' Empire* (1845–1862), 20 volumes.

⁷⁴¹ Martin-Michel-Charles Gaudin, 1st duc de Gaëte (1756–1841) was a French statesman who served as Minister of Finance of the French Empire under Napoleon I, from November 1799 to March 1814, and during the Hundred Days following Napoleon’s return from exile in Elba.

*Lanne*⁷⁴², *duc de Montebello*, *Ney*⁷⁴³, *duc de la Moskwa*, *Lefèvre*⁷⁴⁴, *duc de Danzig* и т. д.

– Мы, по-видимому, хорошо помним военных сподвижников Наполеона, заметил генерал, но великий полководец говорил, что для того чтобы делать войну, надо иметь три вещи: деньги, деньги и деньги. Но кто же давал ему эти деньги? Ведь они, пожалуй, были ему дороже кавалерии Мюрата⁷⁴⁵. Кто же был у него министром финансов?

На этот вопрос никто не сумел ответить генералу, даже сам профессор Пузыревский.

Тогда я взял меню и написал на нем карандашом: „Министром финансов Наполеона был *Gaudin, duc de Gaete* и, подписав свою фамилию, отдал его лакею, приказав передать ее генерал-губернатору. Получив меню, генерал сначала нахмурился, но потом, перевернув его, положил перед собой и сказал:

– Ну, а я сообщу вам, господа, кто был министром финансов Наполеона – это был *Gaudin, duc de Gaete*.

– Верно, верно! Воскликнул Пузыревский⁷⁴⁶ и начал делать комплименты генералу за его отличную память и затем, подняв бокал, произнес блестящую и весьма льстивую речь, в которой отметил, что военные дарования командующего войсками давно уже были всем известны, но его превосходное знание истории еще более усугубляет эти дарования, знание, перед которым ему, профессору академии генерального штаба, приходится преклониться. Речь Пузыревского была покрыта громкими одобрениями. Когда таковые закончились, генерал Гурко ответил приблизительно следующими словами:

[–222–] – Некоторые военные способности я в себе сознаю, не совсем плохо знаю и историю, а в особенности военную, но, ранее всего, я честный человек и никогда не приписываю себе того, что мне не принадлежит. Я совершенно не знал, кто был министром финансов Наполеона, но мне подсказал этот (указывая меня) маленький чиновник особых поручений*.

⁷⁴² Jean Lannes (1769–1809), Marshal of the Empire from 1804, Duke of Montebello.

⁷⁴³ Michel Ney, Duc d’Elchingen, Prince of Moscow (de la Moskova), (1769–1815), Marshal of France.

⁷⁴⁴ François Joseph Lefebvre (1755–1820), French soldier, Duke of Gdańsk and Marshal of France.

⁷⁴⁵ Joachim Murat (1767–1815), Napoleonic Marshal, Grand Duke of Berg in 1806–1808, King of the Kingdom of Naples in 1808–1815

⁷⁴⁶ Alexander Kazimirovich Puzyrevskiy (1845–1904), Russian infantry general (1901), professor of military art (1889). During the Russo-Turkish War of 1876–1877 he was part of the Western detachment of General Gurko, chief of staff of the troops of the Warsaw Military District (1890), assistant to the commander of the troops of the Warsaw Military District (1901), member of the State Council (1904).

* Помимо приведенного случая я всегда интересовался Наполеоновским и непосредственно следовавшим за ним периодом истории Франции и перечитал в этой области ряд сочинений и мемуаров. В этой обширной литературе я, однако, не встретил трех исторических анекдотов, рассказанных мне: два – моим покойным тестем, а один – отцом, т.к. они, может быть, нигде не записаны, а составляют устное предание, то я решаю их здесь рассказать.

I. Во время заграничных путешествий императора Александра I его неизменно сопровождал генерал-адъютант князь Волконский⁷⁴⁷. Последнему предоставлено было исключительное право входить во всякое время без доклада в кабинет Государя. Когда в 1812 году⁷⁴⁸, Александр поселился в Париже во дворце Талейрана⁷⁴⁹, то, желая показать полное свое доверие к лояльности французов, он допустил, чтобы у дверей его кабинета были поставлены, в виде почетной стражи, офицеры легитимисты. Однажды в такой роли оказался знатный аристократ, *prince de Pois*.

Вернувшись из какой-то поездки, Волконский захотел войти в кабинет Государя, но француз его не пропустил, сказав:

– *On ne passe pas!*

[-223-] Волконский ответил:

– *Mais non, monsieur, j'ai ma libre entrée, je passe!*

– *Et moi, prince de Pois, vous dit, que vous ne passiez pas!*

– *Fussiez vous le roi de Fève, je passe...* сказал Волконский и схватил за ручку двери.

Француз обнажил шпагу.

На произведенный шум спорящими вышел Император и едва их успокоил.

Для не вполне знающих французский язык поясняю, что *pois* значит горох, а *fève* – боб. 6 января французы празднуют *la fête de rois*, причем существует обычай за обедом класть в сладкий пирог одно бобовое зерно; кому оно достанется, называется на этот день *le roi de Fève*, и ему отдают шуточные почести.

II. Провозгласивший себя императором, Наполеон стал привлекать в свою свиту представителей старой аристократии. Однажды один из его адъютантов о чем-то заспорил с маршалом Лефевром⁷⁵⁰, все время ссылаясь на своих предков. Наконец Лефевр вышел из терпения и крикнул ему:

– Что вы мне толкуете о ваших предках, я сам предок всех герцогов Данцигских!

III. При вступлении на престол Людовика XVIII ему была навязана конституция, что его очень раздражало, но, мало-помалу, он с ней свыкся. Однажды его спросили, как ему нравится конституционный строй.

⁷⁴⁷ Prince Nikolay Grigorievich Repnin-Volkonsky (1778–1845) was a Russian military and statesman during the Napoleonic Wars: adjutant general (1813), cavalry general (1828), Ambassador to Spain and Westphalia, governor general of Little Russia (1816–1834).

⁷⁴⁸ Evidently Stremoukhov is wrong about the date of Alexander I's presence in Paris. This probably occurred in 1814.

⁷⁴⁹ A palace in Paris purchased by Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord in 1812. Tsar Alexander I stayed there from 1 to 15 April 1814.

⁷⁵⁰ François Joseph Lefebvre, Duke of Danzig (1755–1820), French military commander of the French Revolutionary Wars and the Napoleonic Wars, and one of the original eighteen Marshals of the Empire created by Napoleon.

– *Mais beaucoup*, ответил он, *Je n'ai que trois mots à dire. Chaque jour, je fais venir mon ministre-président et je le demande : les affaires vont bien ?*

[–224–] – *Oui, sire.*

– *Et bien, je vais me promener.*

– *Un autre jour, je demande denouveaux:*

– *Les affaires vont bien?*

– *Mal, sir.*

– *Et bien, allez vous promener!**

* По-французски «*allez vous promener*» означает не только идти гулять, но и «убирайся вон». И, действительно, не в этих ли трех словах выражаются обязанности конституционного монарха?

Многие бокалы потянулись в мою сторону, а Пузыревский позеленел от злости и с этого момента начал относиться ко мне крайне недоброжелательно, но зато Гурко меня заметил и стал давать мне поручения.

Первое заключалось в борьбе с немецким засильем, которое Гурко заметил на четверть века ранее нашего правительства. Немецкое засилье особенно проявилось в Лодзи у немецких фабрикантов. Мастерами на заводах были исключительно немцы, образовавшие из себя касту, в которую не мог проникнуть ни один рабочий польского или иного, не немецкого, происхождения. При этом мастера говорили только на своем языке и требовали того же от рабочих. Генерал-губернатор постановил, что мастерами могут оставаться только немцы, говорящие либо по-русски, либо по-польски, а остальные должны быть в определенный срок удалены с заводов. Конечно, со стороны фабрикантов раздались вопли, что такая мера погубит местную промышленность. Вопли дошли до Петербурга и оттуда потребовали, чтобы предпринятая генералом [–225–] мера была отменена, но Гурко остался при своем и решил неуклонно ее осуществить. Однако, при проведении ее в исполнение были некоторые трудности: фабриканты, конечно, дорого заплатили бы за признание того или другого мастера достаточно знающим требуемые языки, а потому весьма важен был выбор лица, которому решение этого вопроса было бы поручено. Выбор остановился на мне и я, по-видимому, успешно выполнил возложенную на меня задачу.

Некоторое время спустя Ширяев собрался в отпуск и решил управление своим отделением передать мне. Во время доклада у генерал-губернатора он, не предупреждая Божовского, доложил, что просит передать на время

своего отсутствия отделение мне. Гурко согласился, а Божовский не решился возражать. Таким образом, я вошел в непосредственный служебный контакт с Иосифом Владимировичем, что доставило мне большое удовлетворение, а также и большую работу. Докладывать ему надо было умеючи и твердо знать дело; перелистывать бумаги и искать справок не приходилось, независимо от этого надо было уметь распорядиться временем. На доклад начальника отделения давался один час, а дел было много. Поэтому накануне докладного дня я не только изучал дела, но и докладывал их самому себе с таким расчетом, чтобы покончить с этим приблизительно в три четверти часа на случай необходимых разговоров. При большом количестве дел это бывало иногда довольно трудно, но зато приучало говорить кратко и дельно. Летом генерал-губернатор проживал в окрестностях Варшавы в построенной им крепости Зегрж⁷⁵¹ и мы ездили к нему с докладом туда. Божовский в это время хворал, так что я делал доклады генералу с глазу на глаз, что было особенно приятно. Слушал он [-226-] необыкновенно внимательно и решал всякое дело ребром. Ни до, ни после того я не имел дела с начальником, внушающим к себе такое уважение, как незабвенный Иосиф Владимирович.

После упорного двухмесячного труда, в начале августа 1893 года, я уехал в Друзгеники⁷⁵², где проживала моя жена и где 18 августа Бог мне дал сына.

Зимний сезон [18]93/[189]4 года я много работал, замещая всех четырех, почему-либо отсутствовавших, начальников отделений канцелярии генерал-губернатора. Такая практика дала мне обширное знакомство с делом управления. Насколько я был ленив и мало интересовался службой, будучи офицером, настолько я ревностно и со всем напряжением своих способностей отдался гражданской службе. Теперь уже не было времени для дилетантской литературной работы: герцог Гаецкий меня выручил, но Наполеона пришлось забыть. Независимо от управления отделениями мне давали многие работы вне Варшавы, в особенности по вопросу о подготовке гражданских учреждений на случай мобилизации. Я много потрудился по этому вопросу, и в утвержденных впоследствии законоположениях о военно-конской повинности было много и моего меда. Я запроектировал создать при управлении генерал-губернатора

---

⁷⁵¹ The Zegrz Fortress – a classless fortress in a town in Pułtusk County, Warsaw Governorate, at the confluence of the Western Bug River and the Narew River, founded on August 1, 1895 in Warsaw Governorate and abolished in 1910.

⁷⁵² Druzgeniki (lit. Druskininkai, pol. Druskienniki) – a small town and resort famous for its mineral waters; in the first half of the 19th century it became the “summer capital” of Lithuania.

особое отделение, ведающее делами мобилизации гражданских учреждений на случай войны. Эта мысль встретила сочувствие у генерал-губернатора, но впоследствии затерялась вследствие наступивших перемен в личном составе.

В это приблизительно время мне пришлось сделать одну очень интересную поездку в Ченстохов⁷⁵³, где мне и начальнику мобилизационного отделения окружного штаба, полковнику Орлову⁷⁵⁴, поручено [-227-] было обревизовать готовность гражданских учреждений в отношении мобилизации. В названном городе мы не преминули посетить знаменитый Ясногорский монастырь с его Чудотворною Иконою Божьей Матери⁷⁵⁵, равно чтимой как православными, так и католиками. Монастырь был интересен по своей исторической старине, по богатству библиотеки и по драгоценной ризе, украшавшей Чудотворную Икону. Последняя находилась под особою железной завесой и для нас ее специально подымали. Таких мер предосторожности я не видел ни в одном русском монастыре, где иконы были украшены не меньшими драгоценностями; предполагалось, что они охранялись святостью обители. Принятые в Ченстохове меры не оправдались: несколько лет спустя икона была ограблена дочиста⁷⁵⁶.

Когда до настоятеля монастыря дошло сведение о нашем посещении, то он немедленно явился к нам и уже лично показывал нам все достопримечательности, после чего пригласил нас к себе обедать. Мы ожидали постного монастырского обеда и поэтому лишь нехотя согласились. Настоятелем состоял сравнительно молодой, облеченный в белое одеяние, монах, отец Рейман⁷⁵⁷. Вскоре нас провели в уютную столовую, где два лакея во фраках, правда довольно затрепанных, уже сустились около обеденного стола, который оказался не только вкусным, но и роскошным: чудное столетнее венгерское, воспитанное в монастырских подвалах, лилось рекою. Все мои стремления направить разговор на интересовавшее меня прошлое монастыря никакого успеха не имели, отец настоятель обращал их в

⁷⁵³ Częstochowa – a city with county rights in southern Poland.

⁷⁵⁴ Vladimir Alexeyevich Orlov (1859–1906), senior adjutant of the mobilization department of the headquarters of the Warsaw Military District (1889–1901), colonel (1898), major general (1905).

⁷⁵⁵ Jasna Góra Basilica and the Jasna Góra Monastery, with the image of Our Lady of Częstochowa, which is held in special veneration in Poland and is venerated as a miraculous image and national relic. It is the main Polish centre of Marian worship and pilgrimage.

⁷⁵⁶ Robbery at Jasna Góra in 1909. Crowns and a pearl dress and many votive offerings were stolen. New crowns, so-called papal diadems, were donated by Pope Pius X. The conviction that the theft was a political provocation by the Russian authorities became entrenched. A monk, Father Damazy Macoch, an agent of the Russian secret police – Okhrana, confessed to the theft.

⁷⁵⁷ Jan Gwalbert Rejman (1856–1910), in the order – Father Euzebiusz, appointed by the diocesan bishop on the order of the Russian governor-general as prior provost of the Pauline monastery in Jasna Góra.

шутку и два других застольника-монаха, типичные толстяки, будто сорвавшиеся с картины Каульбаха⁷⁵⁸, переводили разговор на игривые темы. Я никогда не любил пить много [-228-] вина, предпочитая качество количеству, но мой спутник и оба монаха нарезались здорово, я блюл приличие, а равно и отец настоятель, который, хотя и пил, но не терял головы и вел в разговоре свою линию. Тем не менее, наша пирушка вполне подходила бы к какой-нибудь новелле из Боккаччо⁷⁵⁹.

Возвращаясь к своему Варшавскому быту, должен отметить, что был им доволен во всех отношениях. Семейная жизнь сложилась счастливо, средств хватало, служба давала полное удовлетворение, начальство относилось ко мне отлично, моя страсть к охоте находила полное применение. Проехав часа полтора за Повонзковскую заставу⁷⁶⁰, можно было успешно поохотиться на куропадок, беря в поле не менее десяти штук, доходя нередко и до двадцати пяти.

В то время, что я проживал на Владимирской улице⁷⁶¹, мне пришлось быть свидетелем довольно редкого явления природы. Мы, т.е. жена моя, мой тесть и я, сидели в столовой после обеда; окно на двор было отперто, я сидел спиной к окну. Началась гроза. Вдруг, я увидел перед собой огненный шар, величиной с большой апельсин. Он влетел в окно, пролетел кругом нашей столовой и вновь вылетел на двор. Это была так называемая шарообразная молния. Мы несколько секунд были ослеплены, но никакого электрического удара не ощутили.

Осенью 1903 года я переменял квартиру, переехав в дом госпожи Мейер⁷⁶², муж которой занимал должность полкового адъютанта Петербургского, короля Прусского, полка. Мы очень с ним сошлись и наши дружеские отношения

⁷⁵⁸ Wilhelm von Kaulbach (1805–1874) was a German artist, draftsman and painter, one of the most significant representatives of the academic movement in German art of the historicism period of the second half of the 19th century.

⁷⁵⁹ Giovanni Boccaccio (1313–1375) was an Italian writer and poet, a representative of the literature of the Early Renaissance. His main work is “The Decameron” (1350–1353, published in 1470), a book of short stories imbued with the spirit of freethinking and anticlericalism.

⁷⁶⁰ Powązki, part of the Wola district in Warsaw, at the end of the 18th century was located outside the city, cemeteries were established there. There were Powązki tollgates (Russian: *povonzkovskaya zastava*) – a road barrier or building where tolls were collected for entering the city. The Powązki commune was incorporated into Warsaw on 8 April 1916

⁷⁶¹ The street was laid out in 1866 on land previously owned by missionary priests. The Russian authorities named it after Vladimir I the Great. On 8 October 1916, Włodzimierska Street was renamed Tadeusz Czacki Street. Currently a street in the Śródmieście district.

⁷⁶² Pyotr Petrovich Meyer (1860–1925), lieutenant general (1917), staff officer at the Warsaw Governor (March 15, 1898), staff officer at the office of the assistant to the Warsaw Governor-General (14 January 1901), Vilnius police master (10 December 1902), Warsaw chief police master (1905–1916), Rostov-on-Don mayor (1916–1917).

остались неизменными до его смерти. Этот выдающийся по уму и характеру человек, впоследствии [-229-] много лет занимал должность Варшавского обер-полицеймейстера, а затем Ростовского-на-Дону градоначальника. С ним читатель неоднократно встретился в течении моего рассказа.

В том же году Бог послал мне второго ребенка – дочь Марию. Довольно скоро после родов жены я как-то пошел в театр, где генерал-губернаторская ложа была предоставлена лицам при нем состоявшим. Не могу не упомянуть, что я очень пристрастился к польскому театру. Актеры в то время в драматической труппе (театр „Розмаитости”⁷⁶³), были удивительные: Марчелло⁷⁶⁴, Люде⁷⁶⁵, Рапацкий⁷⁶⁶, Френкель⁷⁶⁷ и другие ни в коем случае не уступали артистам Александринского театра⁷⁶⁸, оперная же труппа, а в особенности прославленный варшавский балет, были неизмеримо ниже петербургских.

Сию я в театре, как входит мой лакей и докладывает, что жена моя умирает. Я бросился домой и действительно застал ее в ужасном виде, от какой-то неизвестной боли она каталась по кровати. Я сейчас же послал за доктором, который успокоил ее морфием, определил болезнь присутствием желчных камней. Диагноз этот оказался неверным, как не могли его правильно поставить и самые знаменитые врачи, к которым я обращался в течении четверти века...

Весною того же 1894 года заболел Иосиф Владимирович. У него был удар, от которого он окончательно не оправился. По настоянию Марии Андреевны

⁷⁶³ Teatr Rozmaitości (The Variety Theater) – one of the stages of Teatr Wielki (The Grand Theatre) in Warsaw, first opened on 13 February 1836 at the back of the west wing, intended for smaller productions, both dramatic and operatic. At the beginning of the 20th century Teatr Wielki began to be “only” an opera, and Teatr Rozmaitości – a drama theatre.

⁷⁶⁴ Anna Helena, née Chraszczewski Marcello (Marczello-Palińska), married Palińska (1857–1939), married since 1897, Polish actress of the Warsaw Government Theatres (1879–1923) – <https://encyklopediateatru.pl/>

⁷⁶⁵ Alexandra Laura Barbara Lüde, née Kobylińska, second name Żmurko (1853–1920), Polish actress, in 1872 married the major of the Austrian army, Baron F. Lüde von Schleswig-Holstein. After her husband’s death, she became an actress. From October 7, 1881 until the end of her life, she was a member of the drama troupe of the Warsaw Government Theatres – <https://encyklopediateatru.pl/>

⁷⁶⁶ There were two actors with this surname: 1) Wincenty Rapacki son of Wincenty (1865–1943), Polish actor, singer. On 3 February 1887 he made his debut at the Warsaw Government Theatres and was engaged to the operetta troupe (1888–1893) and then in the years 1900–1915. 2) Wincenty Rapacki son of Wojciech (1840–1924) Polish actor, director, theatre manager, on 3 February 1870 engaged to the drama troupe of the Warsaw Government Theatres – <https://encyklopediateatru.pl/>

⁷⁶⁷ Bonawentura Adam Mieczysław Frenkiel (1858–1935), Polish actor, employed by the Warsaw Government Theatres in 1890 – <https://encyklopediateatru.pl/>

⁷⁶⁸ The Alexandrinskiy Theatre is a theatre in St. Petersburg, one of the oldest drama theatres in Russia. Since 1832, the theatre has been called the Alexandrinskiy Theatre in honour of the wife of Emperor Nicholas I, Alexandra Fyodorovna. Throughout the 19th century, the theatre was the flagship of the theatrical life of the capital.

его лечили исключительно гомеопаты. Все русское общество, весьма ценившее генерала, умоляло его и его жену обратиться к действительным светилам науки, но Мария Андреевна осталась непреклонною. Многие тогда высказывали мнение, что [-230-] жизнь и здоровье государственного человека калибра Гурко не принадлежат исключительно его семье, но и государству, и сильно упрекали Марию Андреевну за то, что она признавала за собою исключительное право лечить мужа теми способами, которым она доверяла, а не теми, которые были установлены общепризнанной наукой. В июне Гурко уехали за границу, куда поехали и мы с женой, а именно в Киссинген⁷⁶⁹. По пути, в Берлине, мы посетили знаменитого профессора Лейдена⁷⁷⁰, к которому, кстати, у меня имелось рекомендательное письмо. Осмотрев мою жену, он прописал ей... валериановые капли... и больше ничего, и это в начале болезни, от которой жена проработала потом всю свою жизнь! Вот они знаменитые врача, а в особенности заграничные...

Пребывание за границей не принесло большой пользы генерал-губернатору. Правда, он ходил, принимал доклады, но был уже не тот, что прежде.

По возвращении генерал-губернатора в Варшаву состоялась закладка великолепного православного собора на так называемой Саксонской площади⁷⁷¹. По мысли Гурко, это должно было служить знаменем незыблемости здесь русской государственности. Эта площадь была особенно дорога полякам по историческим воспоминаниям былой самостоятельной или автономной Польши. Здесь происходили смотры польским войскам, что увековечено известной картиной барона Розена⁷⁷², которую можно было встретить в каждом польском доме. Поэтому закладка собора, в особенности в этом месте, встретила в польском обществе большое раздражение. Перед тем на этом месте стоял памятник семи полякам оставшимся верными великому князю Константину Павловичу⁷⁷³ и погибшим [-230-bis] от руки убийц в начале мятежа 1830 года⁷⁷⁴. Вместо „верны-

---

⁷⁶⁹ Bad Kissingen – a city in Bavaria.

⁷⁷⁰ Ernst Viktor von Leyden (1832–1910), German therapeutic doctor, researcher at the University of Berlin, provided medical consultations to Tsar Alexander III and his family.

⁷⁷¹ St. Alexander Nevskiy Cathedral – an Orthodox cathedral built in Warsaw between 1894 and 1912, intended by the Russian occupying authorities to be a symbol of the Russian rule over Polish lands.

⁷⁷² Jan Bogumił Rosen (1854–1936), a Polish battle painter, author of the painting “Review of the Polish Cavalry by Grand Duke Konstantin Pavlovich in Warsaw on Saxon Square in 1824”.

⁷⁷³ Konstantin Pavlovich Holstein-Gottorp-Romanov (1779–1831), Grand Duke of Russia, heir to the Russian throne (1801–1823), commander-in-chief of the army of the Kingdom of Poland, acting as military governor of the Kingdom of Poland.

⁷⁷⁴ Monument to the loyalist officers who died on November Night 1830 – a monument that was

ми” поляками их соотечественники называли их „скверными”. Памятник этот, чтобы очистить место для собора, был перенесен на „Зеленую” площадь, что тоже вызвало саркастические замечания поляков, находивших „путешествие” памятника явным неуважением к памяти тех, в честь которых он был сооружен. Присутствуя при закладке собора, этом торжестве русской государственности, мог ли я предполагать, что мне же придется присутствовать здесь и при последних днях русской славы.

Осенью этого года в Ливадии заболел Государь Александр III. Получаемые из Крыма сведения становились все тревожнее. Экстренно через Александрово⁷⁷⁵ и Варшаву проехала в Ливадию принцесса Алиса Гессенская – будущая Императрица Александра Федоровна⁷⁷⁶.

20 октября, ровно в 10 часов вечера, по телефону мне сообщили о полученной телеграмме о смерти Государя. Я немедленно поехал в Замок, в предположении, что могу на что-нибудь пригодиться. Генерал был весьма расстроен. Собрались все близкие. Нервы у всех были приподняты, некоторые плакали. Невольно у многих рождалась мысль, как справится со своей задачей молодой и, как говорили люди осведомленные, мало подготовленный к царствованию государь, которого державный отец совершенно не знакомил с делами. Было уже очень поздно, когда Иосиф Владимирович решил послать какую-то телеграмму в Петербург и поручил мне пойти за шифром в его служебный кабинет. Должен здесь отметить, что частные покои генерал-губернатора отделялись от его служебного кабинета целой анфиладой зал. После того что я вышел из гостиной, [-231-] кто-то из сослуживцев сказал мне, не то шутя, не то серьезно: «Как бы по пути вам не встретилась „Белая Дама”, по традиции она всегда появляется в ночь, когда умирает хозяин замка, а ведь настоящий то хозяин умер!» При настроении той ночи слова эти произвели на меня некоторое впечатление. Надо было проходить через большую Малиновую залу, Помпеевскую, затем тронную, бывших королей, залу Сатурна*, приемную и, наконец, войти в кабинет. Электричество не горело и падал лишь лунный свет через окна. Когда я вступил в Малиновую залу, часы начали бить полночь и их звон сопровождал меня по всем залам. Сознаюсь, что, когда я взялся за ручку двери, чтобы отворить ее в

---

located on Saski Square, and then on Zielony Square in Warsaw, commemorating seven officers who died at the beginning of the November Uprising. Demolished in 1917.

⁷⁷⁵ Aleksandrov Prigranichnyy – now Aleksandrów Kujawski in Poland.

⁷⁷⁶ Victoria Alix Helena Louise Beatrice of Hessen and Rhineland (Hesse-Darmstadt) (1872–1918), Russian Empress Alexandra Fyodorovna, wife of Nicholas II (since 1894).

Тронную залу, я почувствовал себя жутко... мне вспомнились все рассказы про Белую Даму и где же было всего уместнее с ней встретиться как не в Тронном зале! С большим усилием я заставил себя открыть дверь. Я посмотрел налево на трон, но ничего сверхъестественного не заметил... обратное путешествие я совершил уже совершенно спокойно.

* Зал Сатурна называлась этим именем по весьма интересным часам, там поставленным. Мраморный Сатурн в человеческий рост держал в руках косу, а на плечах его покоился земной шар, на экваторе которого были обозначены часы. При вращении шара конец косы обозначал время. В этой зале были помещены портреты всех Российских Государей во весь рост.

На следующий день я был дежурным при генерал-губернаторе. В приемной его собрались две депутации: одна от местного дворянства, возглавляемая Гурским, состоявшая в большинстве из [-232-] лиц, носивших придворное звание, а другая от города Варшавы, имевшая во главе графа Чацкого⁷⁷⁷. С ними прибыл и архиепископ Попель. На мой вопрос, что им угодно, прибывшие объяснили, что они желают принести генерал-губернатору выражения своей скорби по случаю смерти Государя. Я доложил об этом генералу, который вышел в зал к ожидавшим его депутациям. У самой двери стоял архиепископ Попель в своем красном одеянии. Я и адъютант шли за генералом. Я не мог разобрать, что говорил по-французски архиепископ генерал-губернатору, т.к. он гов[о]рил очень тихо. Генерал ничего ему не ответил, но руки не подал. Затем Иосиф Владимирович остановился против Гурского, который тоже сказал речь на французском языке, выражая скорбь поляков о смерти Государя. Гурко тоже ничего ему не ответил и подошел к графу Чацкому. Последний сказала речь по-русски. Это был единственный человек, которого генерал-губернатор поблагодарил и которому подал руку. Возвращаясь к себе в кабинет, генерал вымолвил:

– Подлецы, уже меняют курс, никогда они не дерзали говорить со мной в официальных случаях по-французски!

Генерал-губернатором было предложено духовенству прочесть в костелах манифест о восшествии на престол нового Государя. Должен отметить, что богослужение в римско-католической церкви разделяется на основное и дополнительное. По каноническим правилам первое совершается на латинском, а второе на любом языке. Поэтому манифесты, по требованию русского

⁷⁷⁷ Feliks Szczyński Maria Czacki of Świnka coat of arms (1841–1909), count.

правительства, всегда читались на государственном языке, не встречая в этом отношении никакого сопротивления со стороны р.-к. духовенства. Однако [-233-] ныне все епископы, во главе с Попелем, по взаимному уговору, отказались это выполнить и совершили это на польском. На повторное требование генерал-губернатора они ответили, что такового не исполняют, укрываясь при этом пресловутым *non possumus*.

Приблизительно неделю спустя я опять был дежурным, и в замок вновь прибыла депутация, возглавляемая Гурским. На мой вопрос мне ответили, что прибывшие просят разрешения ехать в Петербург, во-первых, для того чтобы возложить венок на гробницу почившего Императора и, во-вторых, чтобы повергнуть к стопам нового Государя выражения своих верноподданнейших чувств. О прибывших депутациях я доложил генерал-губернатору, который сказал мне: «Ну теперь я с ними поговорю!» – и вышел в зал, сопровождаемый адъютантом и мною.

Гурский опять обратился к генералу с речью на французском языке, в которой выразил те пожелания, о которых я говорил выше, и просил Гурко телеграфировать кому сие ведать надлежит о приезде депутации в Петербург и допущении ее, как к гробу Александра III, так и к молодому Государю.

Генерал слушал, насупившись. После наступившего продолжительного и довольно тягостного молчания Иосиф Владимирович своим громовым, ясным голосом сказала следующее. Я, конечно, не могу привести его речи дословно, но она произвела на меня такое сильное впечатление, и я ее так часто потом рассказывал другим лицам, что надеюсь передать ее достаточно точно.

– Ровно неделю тому назад, господа, вы прибыли сюда, чтобы выразить мне свою скорбь по случаю кончины в Бозе почившего Государя. Вместе с вами прибыл и архиепископ Варшавский; внезапно, как [-234-] и вы, позабывший русский язык, на котором говорил со мною более десятка лет. Более того он и другие епископы запретили духовенству прочесть в костелах манифест о восшествии на престол нового Императора на русском языке, на котором почивший Александр III говорил, как и нынешний Государь будет говорить со своими подданными. По мнению р.-к. духовенства, русский язык, язык нашего монарха, осквернит стены костела. И вы, господа, заговорили со мною по-французски. Что это значит? Это язык, присвоенный дипломатией для международных отношений. Разве наш Привислянский Край встал в международное отношение к России? Что случилось, что дало повод к таким мыслям? Скончался Государь,

которому вы привыкли повиноваться, и воцарился новый, и вы подумали, что можно использовать первые дни царствования молодого монарха, чтобы, учитывая его неопытность, завоевать себе новые права. Что же, пробуйте! Но я ни передатчиком, ни пособником в выражениях ваших чувств как к почившему, так и здравствующему Государю не буду, потому что им не верю. Я старый солдат и никому никогда не лгал. Я не могу помешать вам ехать в Петербург и добиваться желаемого, тем более что среди вас много придворных мундиров; поезжайте, но, повторяю, моего содействия не ожидайте⁷⁷⁸.

Сказав это, генерал-губернатор, не подавая никому руки, круто повернулся и вышел из зала. Речь Иосифа Владимировича произвела потрясающее впечатление. Поляки стояли бледные, как полотно, и затем тихонько, как-то сторбившись, вышли из зала, не решаясь даже вымолвить слово.

Дней десять спустя генерал-губернатор поехал в Петербург [-235-] причем взял меня с собой.

Должен здесь отступить несколько в изложении своего рассказа. За последнее время генерал-губернатор все более и более становился недовольным Божовским. Действительно, этот и без того бесталантный человек стал стареть и опускаться, и был совершенно бесполезен. Тогда Иосиф Владимирович задумал назначить на его должность – управляющего канцелярией генерал-губернатора, своего сына Владимира, тогда Варшавского вице-губернатора, о котором я упоминал выше. По существу Владимир Иосифович давно уже негласно занимался самыми важными делами по управлению краем, писал Всеподданнейшие отчеты и другие важнейшие бумаги, исходившие от генерал-губернатора, но с формальной стороны назначение его управляющим канцелярией своего отца противоречило требованиям закона, предусматривавшего и не допускавшего известных степеней родства между начальником и подчиненным. Данный закон, очевидно, имел целью устранить этим возможные между близкими лицами, поставленными вне всякого контроля, злоупотребления. В приводимом случае о подобных подозрениях не могло быть и речи, по существу же, назначение Владимира Гурко на пост управляющего канцелярией генерал-губернатора нельзя было не признать весьма желательным и полезным для дела. Никто лучше

---

⁷⁷⁸ Stremoukhov invented the content of this speech. In reality, Gurko called the Polish language “the language of cooks” and ended the audience without even saying goodbye. Only after intervention in St. Petersburg were representatives of the Kingdom allowed to attend the funeral ceremony, despite Gurko’s wishes.

его не знал края, он был образован, умен, а, главное, всецело был проникнут взглядами своего отца и поэтому понимал его с полуслова. Последнее вероятно и было наиболее важно стареющему генералу. Учить и приучать к себе нового человека было ему уже не под силу. Во всяком случае, в основу этого проекта были положены исключительно деловые соображения, [-236-] а, ни в каком случае, не желание «порадеть родному человеку», т.е. перевести своего сына из V-го в IV класс должности.

По этому поводу генерал-губернатор написал письмо непосредственно Императору Александру III, который в это время был в Спале⁷⁷⁹ (где и началась его болезнь). Когда Государь из Спалы поехал в Ливадию, то генерал выехал его встретить на станцию в самой Варшаве. Государь был с Гурко чрезвычайно милостив и сказал, что он с ним никогда не расстанется, и прибавил: „Я конечно согласен на назначение вашего сына, напишите об этом Дурново⁷⁸⁰“ (Иван Николаевич – министр внутренних дел).

Тем временем Александр III скончался.

Приехав в столицу, Гурко отправился с визитом к Дурново. Генерал долго не возвращался, и мы начали уже тревожиться. Наконец он вернулся, крайне разгневанный. Министр заявил ему, что не считает возможным назначение его сына управляющим канцелярией генерал-губернатора. На напоминание Иосифом Владимировичем данного ему покойным Государем обещания Дурново пробурчал что-то неопределенное. Тогда Гурко заявил министру, что считает его взгляд на этот вопрос не разрешающим окончательно дела, а просит доложить молодому Государю о назначении его сына, указав на то, что он уже стар и что ему нужен помощник, который проникнут его взглядами и понимает его с полуслова, что же касается мотивов закона, затрудняющего выполнение его желания, то он смеет думать, что к данному случаю они отношения иметь не могут.

Дня через три пришел ответ от министра, что Государь Император [-237-] не считал возможным сделать отступление от закона и удовлетворить просьбу генерал-губернатора. В тот же день генерал выехал в Варшаву, откуда подал прошение об отставке.

---

⁷⁷⁹ Spała – a summer resort currently in the Łódź Voivodeship (Poland). On 10–18 September 1876, the heir to the Russian throne, Tsarevich Alexander, later Tsar Alexander III, hunted in the Spała forests. In 1884, a wooden palace was built according to the design of Leon Mikucki, a Krakow architect. The residence was then expanded.

⁷⁸⁰ Ivan Nikolayevich Durnovo (1834–1903), state secretary (1885) of His Imperial Majesty, active privy councillor (1890), minister of internal affairs (1889–1895), chairman of the Committee of Ministers (1895–1903).

Что могло произойти за две недели от смерти Александра III? Что повлекло к такому легкому отношению к увольнению от службы этого лучшего из наших генералов и верного слуги Царя и Родины? Стоило исчезнуть твердой воле Царя-Миротворца, как темные силы начали уже свое давление на волю молодого и неопытного Государя. Оскорбленные поляки нашли минуту особенно благоприятной, чтобы интриговать против властного генерал-губернатора, высоко державшего, свыше десяти лет, знамя русской государственности над всегда ненавидевшей Россию Польшей. Интрига была направлена из Петербургского Яхт-Клуба, где тесно сходилась русская и польская знать. В русской аристократии и в высшей бюрократии независимый и твердый характер Иосифа Владимировича не создал ему друзей, да и самому министру внутренних дел более улыбался более стоворчивый генерал-губернатор. Не нашлось никого, чтобы объяснить Государю, какая потеря для России был уход со службы Иосифа Владимировича.

Незаслуженно обиженный был уволен вернейший слуга государства и тут же возведен в фельдмаршальское достоинство. Какой эпиграф для наступавшего царствования!

Из Варшавы генерал Гурко скоро уехал за границу. Перед отъездом Иосиф Владимирович подарил мне свой прекрасный портрет с надписью «на добрую память». Этим портретом я дорожил больше, чем многими наградами, к сожалению, он тоже погиб со [-238-] всем моим имуществом. Ближайшие подчиненные проводили уезжавшего генерала до самой границы, станции Александрово.

Пробыв несколько месяцев за границей, Иосиф Владимирович вернулся в Россию, где поселился в своем небольшом имении, сельце Сахарово близ Твери⁷⁸¹. Скончался генерал лет через пять, сохранив до последних дней свежую голову.

Оставление генералом Гурко поста Варшавского генерал-губернатора было несомненно большой потерей для России. Несмотря на некоторое ослабление его здоровья, все же в нем было много энергии, а главное – знания и опыта. Одно уже его имя имело для войска много значения: оно создавало, что имело в нем действительного вождя, и это свойство компенсировало с избытком некоторую утрату его физических сил. Огромной потерей был его уход и для нас, непосредственно его окружавших. Если я говорил выше, что не так легко

---

⁷⁸¹ Tver – a city in Russia.

было приобрести у него деловое знание, то и вне его мы, близкие подчиненные, были отлично приняты в доме генерал-губернатора и составляли в полном смысле слова его *maison civile et militaire*, и чувствовали себя за ним как за крепкой стеной. Независимо от того, приятно видеть в начальнике объект действительно уважения, которому можно было служить не за страх, а за совесть.

Кого-то нам пришлет судьба? Перемена начальства всегда вселяет некоторую тревогу в подчиненных, но особенно она неприятна для адъютантов и чиновников особых поручений, находившихся по условиям своей службы в личных отношениях со своим начальством, причем учитываются не только деловые достоинства, но и симпатии к подчиненным.

[-239-] Вскоре было получено известие, что генерал-губернатором и командующим войсками назначен граф Павел Андреевич Шувалов⁷⁸², Российский посол в Берлине. Это известие, в виду общеизвестных весьма дружественных отношений графа с Императором Вильгельмом⁷⁸³, поразило общество. Странно было видеть именно его во главе войск, непосредственная задача которых была действовать против пруссаков. Поляки или, верней, тот слой, который мы один только учитывали, т.е. знать, этим назначением была очень довольна: аристократическое имя графа Павла Андреевича тешило Варшавскую аристократию, к тому же имеющиеся о нем сведения не давали указаний на твердость его характера. Нас, близких к Гурко, это назначение успокоило ввиду давних хороших отношений графа и Иосифа Владимировича.

Мы встретили графа на вокзале. Особого интереса он к нам не проявил. Никого из бывшей свиты Гурко он не сменил, но зато и не приблизил. Дежурили мы по-прежнему, но ни к завтраку, ни к обеду не приглашались. Супруга графа, Мария Александровна (рожденная Комарова⁷⁸⁴, из средней дворянской семьи) нами не интересовалась и нас снобировала. Среди нас был чиновник особых поручений Ячевский⁷⁸⁵ и адъютант Кащенко⁷⁸⁶. Однажды, говоря о

⁷⁸² Pavel Andreyevich Shuvalov (1830–1908), count, chief of staff of the Guards Troops and the St. Petersburg Military District, Ambassador to Berlin (1885–1894), Governor-General of Warsaw (1894–1896), a Germanophile who pursued a policy of rapprochement with the German Empire.

⁷⁸³ Wilhelm II (1859–1941), the last King of Prussia and German Emperor (1888–1918), representative of the Hohenzollern dynasty.

⁷⁸⁴ Maria Alexandrovna Shuvalova, born Komarov (1852–1928).

⁷⁸⁵ Mikhail Eduardovich Yachevskiy (1865–1920), special-task clerk with the Governor-General of Warsaw (1894), deputy director of the Department of Foreign Religions of the Ministry of Internal Affairs (1904), director of the Chancellery of the Governor-General of Warsaw (1905), governor of Piotrków (1910), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 202–205.

⁷⁸⁶ Mikhail Pavlovich Kashchenko, Officer of Grodno Hussars Leibguard Regiment.

приближенных мужа, графиня сказала: «Я этих Ященок совсем не знаю». Соединение фамилий Ячевского и Кашенко в одно определило наше положение при Шувалове.

Служебное положение графа Павла Андреевича отмечено разнообразием. Когда при Императоре Александре II из командиров стрелков Императорской фамилии он был назначен директором департамента общих дел министерства внутренних дел (должность, [-240-] которую я занимал впоследствии), он посетил, между прочим, Великую Княгиню Елену Павловну⁷⁸⁷, которая ему сказала:

– *Je m'attends à vous voir bientôt, commander une frégate!*

– *Si tel sera le bon plaisir de l'Empereur, mon maitre, je ferais mon mieux pour remplir ces conditions*, ответил Шувалов.

Потом Шувалов превосходно командовал 2-ой гвардейской пехотной дивизией во время восточной войны. Жил на Балканах в землянке, переносил все тягости и был очень любим солдатами, с которыми был чрезвычайно прост. До Турецкой войны он был начальником штаба Петербургского военного округа, но, прибыв на театр военных действий, сам просил о назначении в строй. Затем он блестяще поставил себя в качестве посла в Берлине. На всех занимаемых им постах он всегда умел создать себе репутацию умного человека, но ум этот был чисто светского, салонного характера, ни глубин, ни основательности в нем не замечалось, все в нем было поверхностно, хотя и блестяще. Таковыми были придворные дипломаты старой школы, когда каламбуры и остроты делали еще политику. Он не был вождем, как Гурко, не был и администратором, но легко, скользя по поверхности, вполне прилично выходил из всякого положения. Нередко бывал и остроумен.

При объезде края граф посетил и Плоцкую р.-к. семинарию. Сопровождал его по семинарии местный епископ. Оглядывая стены, генерал-губернатор не заметил ни одной картины России, а только Царства Польского. Тогда Шувалов обратился к сопровождавшему его попечителю учебного округа Апуктину⁷⁸⁸ и сказал: «Пожалуйста, подарите бедной семинарии карту России, да побольше, чтобы на ней и [-241-] Сибирь⁷⁸⁹ была».

---

⁷⁸⁷ Yelena Pavlovna (1784–1803), Grand Duchess, Duchess of Mecklenburg-Schwerin, daughter of Emperor Pavel I.

⁷⁸⁸ Alexander Lvovich Apukhtin (1822–1903), major general, held the post of trustee of the Warsaw educational district in 1879–1897. Persecuted Polish culture.

⁷⁸⁹ An allusion to the place of exile of many Polish clergy.

После этого выпада физиономия епископа искривилась, как лицо Мефистофеля перед крестом.

В бытность Шувалова генерал-губернатором в Варшавском польском обществе выдающееся положение занимал один молодой человек граф Z. Принадлежал он к самому знатному роду; предки его, не без основания, претендовали на польскую корону – богат он был чрезвычайно. Все это, конечно, выдвигало его на первый план общества и ставило его на равную ногу с графом Павлом Андреевичем, но на беду в это время он был... солдатом, т.е., вернее, вольноопределяющимся.

И вот польское общество было очень занято вопросом, как свести Z. с Шуваловым, т.к., очевидно, генерал-губернатор никому не делал визитов первый, а вольноопределяющийся тоже не мог ехать с визитом к командиру войсками. И вот выдумали такую формулу. Графиня Потоцкая дала бал, на который были приглашены, как граф Шувалов, так и граф Z. И вот, хозяйка дома торжественно представляет Z Шувалову:

– *Permettez-moi, monsieur le comte, de vous présenter le comte Z., représentant de la famille Z., le propriétaire de l'ordination* и т. д.

Шувалов всю эту рацею выслушал и, похлопав стоявшего перед ним вольноопределяющегося по плечу, сказал:

– Здорово, молодец!

Последнему ничего не оставалось, как к ужасу всех присутствовавших ответить русским солдатским: «Здравия желаю Вашему Сиятельству!»

Конечно, такую выходку мог себе позволить только такой большой [-242-] барин, как Павел Андреевич, у всякого другого такой поступок был бы признан за хамство, ну а в нем это было только большое барство.

«Во время оно» существовала должность начальника Варшавского жандармского округа. Должность эту занимал генерал Брок⁷⁹⁰. Нельзя, к сожалению, умолчать о большой слабости Шувалова к Бахусу. Выпивал он здорово на званых обедах, а с полковых праздников его привозили иногда совершенно пьяным. Генерал Брок стал пописывать об этом в Петербург, о чем друзья предупредили графа. Это последнего, впрочем, мало смутило. Повторяю, это был такой большой барин, что он все мог себе позволить совершенно безнаказанно. Генерала Брока и Шувалова нередко приглашали обедать вместе, и вот каждый

---

⁷⁹⁰ Nikolay Petrovich Brok (1839–1919), infantry general of the Russian imperial army, head of the Warsaw district gendarmerie department.

раз, когда граф подносил ко рту рюмку с вином, он обращался с вопросом к Броку: «Николай Петрович, вы позволите?»

Тот, конечно, конфузился, но граф твердо стоял на своем и не пил, пока не получал разрешения Николая Петровича...

Наконец, это так извело Брока, что он перестал принимать приглашения одновременно с Шуваловым, а равно прекратил и доносы.

Тем не менее, самое существование должности, исполнитель которой мог писать на генерал-губернатора доносы, раздражала Шувалова. Это подметил прокурор судебной палаты Е.Ф. Турау⁷⁹¹, который и решил составить проект об упразднении должности начальника Варшавского жандармского округа с перенесением его обязанностей на запроектированную им должность второго помощника генерал-губернатора, заведующего полицией. Как человек весьма честолюбивый, [-243-] Турау, очевидно, задумал эту должность для себя. Составленный им проект чрезвычайно понравился Шувалову, и он решил отправить его в Петербург на утверждение.

Когда проект в окончательной редакции был представлен Турау графу к подписи, то между ними произошел следующий разговор:

- Евгений Федорович, - сказал генерал-губернатор, - я в восторге от вашей работы, но, тем не менее, у меня к вам большая просьба...

- Какая? Я почту за особое удовольствие исполнить всякое ваше желание.

- Видите, дело касается редакции, мне хотелось бы только прибавить шесть слов, но вы такой превосходный стилист, а я ведь только - вояка; я боюсь, что вы обидитесь моей протодерзости вас исправлять.

- Помилуйте, граф, всякое ваше замечание ценно.

- Так вы не обидитесь?

- Разумеется, нет.

- Даете слово?

- Охотно!

И вот граф взял перо и в законопроект, после слов «учредить должность помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части», он прибавил: «с тем, чтобы он был военным».

---

⁷⁹¹ Yevgeniy Fyodorovich Turau (1847–1914), assistant prosecutor of the Warsaw Court of Justice (1881), prosecutor (1887), active state councillor (1885). In 1900 he was appointed senator, present in the Criminal Cassation Department of the Senate.

Бедного Турау всего перекосило, все его труды пропали даром. На приготовленное им для себя место был назначен генерал Фуллон⁷⁹² (впоследствии Петербургский градоначальник).

[-244-] В высшем составе управления Шуваловым были произведены большие перемены. Барон Медем был отозван в Сенат, а на его место назначен Харьковский губернатор А[лександр] И[ванович] Петров⁷⁹³, Божовский назначен губернатором в Сувалки и заменен А[лександром] Н[иколаевичем] Львовым⁷⁹⁴, бывшим секретарем посольства в Берлине. Последнее назначение было совершенно опереточное. Львов положительно ничего не понимал в административном деле, что не мешало ему, однако, быть чрезвычайно напыщенным и довольным собой человеком. Шувалов скоро сам заметил сделанную им ошибку и предоставил Петрову, которому передал вообще все гражданское управление, самому выбрать управляющего канцелярией. Львов вернулся в дипломатическое ведомство, а на место был назначен Харьковский тюремный инспектор, бывший правитель канцелярии Петрова, очень близкий ему человек – Е[вгений] П[авлович] Щировский⁷⁹⁵.

При таких условиях гражданская часть совершенно выскользнула из рук Шувалова и перешла к Петрову. Нередко это проводило к большим и довольно неудобным курьезам.

Во время поездки генерал-губернатора в Плоцк⁷⁹⁶ у губернатора был обед. Осматривая войска, Шувалов остался очень недоволен казармами, и,

⁷⁹² Ivan Alexandrovich Fullon (1844–1920), lieutenant general from 6 December 1899, assistant to the Warsaw Governor-General for Police Affairs with transfer to the Independent Gendarme Corps (9 March 1900), St. Petersburg Mayor (2 February 1904–11 January 1905), adjutant general (1904), dismissed after the events of Bloody Sunday, then Commander of the 11th Army Corps, infantry general (6 December 1907), dismissed on 7 August 1911.

⁷⁹³ Alexander Ivanovich Petrov (1838–1915), officer, took part in the suppression of the January Uprising, peasant commissar, governor of Minsk (30 August 1879), governor of Kharkov (30 January 1886), assistant to the governor-general of Warsaw for administrative affairs (24 March 1895–28 April 1897), senator, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 350–352.

⁷⁹⁴ Alexander Nikolayevich Lvov (1863–1914), official of the Ministry of Foreign Affairs, from 1887 in the embassy in Bucharest, from 1890 – in Berlin, vice-governor of Warsaw (11 May 1895), managing the Chancellery of the General-Governor of Warsaw (11 April 1897), on 9 July 1897 he returned to the diplomatic service, first in Munich and then in Budapest, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 274–277.

⁷⁹⁵ Yevgeniy Pavlovich Shchirovskiy (1850–1916), official of the Vilnius Excise Board, councillor of the Minsk provincial government, Kharkiv Provincial Prison Inspector (1 July 1890), manager of the Office of the Governor-General of Warsaw (13 November 1895), governor of Łomża (22 March 1897), governor of Kielce (2 May 1897), governor of Radom (1 July 1899–17 June 1906), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 445–447.

⁷⁹⁶ Płock – a city in Poland, on the Vistula River.

подвинченный начальником дивизии, за обедом стал попрекать губернатора в недостаточно внимательном отношении к нуждам войск. Губернатор старался отмалчиваться. Нападки стали сыпаться на него все резче. Тогда губернатор сказал, что: «Я то со своей стороны забочусь, да вы, ваше сиятельство, мне в этом мешаете». Все присутствовавшие остолбенели. Шувалов вспыхнул и сказал, что этого не может быть. Тут же губернатор послал [-245-] правителя канцелярии за соответствующим делом. В этом деле заключалось представление губернатора о постройке новых казарм с ходатайством о разрешении займа городу на эту цель. Тут же фигурировал ответ канцелярии генерал-губернатора, что: «Главный начальник Края не признал возможным удовлетворить ходатайства города о заключении займа в виду его, города, недостаточной кредитоспособности». Очевидно дело докладывалось только Петрову и было решено им без ведома Шувалова.

Предоставив гражданскую часть управления всецело Петрову, Шувалов его, однако, порядочно третиговал.

Припоминаю такой случай. Какой-то другой Петров подал генерал-губернатору прошение, почему-то написанное на французском языке. Шувалов написал на полях такую резолюцию: «И почему какой-то Петров мне пишет по-французски? Александру Ивановичу (т.е. тоже Петрову) на заключение».

Барское презрение аристократа к плебею ярко сказалось в этой совершенно недопустимой выходке.

Так как Шувалов гражданскими делами не занимался, то, весьма естественно, что мне пришлось более всего иметь дела с Петровым. Посему, а также и потому, что он фактически являлся генерал-губернатором, я более подробно остановлюсь на этой личности.

После мятежа 1863 года в Царстве Польском был утвержден институт комиссаров по крестьянским делам. В числе их оказался и А.И. Петров, получивший назначение сначала где-то в Седлецкой губернии, а затем в Скерневицком уезде Варшавской губернии. С должности комиссара двинуться далее по иерархической лестнице [-246-] было мудрено, но, по ходившей легенде, Петров вышел из этого положения довольно «удачно», хотя и довольно не симпатичным приемом.

В то время в Скерневицах⁷⁹⁷ жил во дворце, на покое, фельдмаршал князь Барятинский⁷⁹⁸ (бывший Наместник Кавказа). Начальником уезда в Скерневицах был некий барон Дризен⁷⁹⁹. Петров и Дризен были между собой в приятельских отношениях и оба были хорошо приняты у Барятинского. Однажды Петров встретил Дризена, который сообщил ему, что открывается вакансия Седлецкого вице-губернатора и что он, Дризен, собирается идти к Барятинскому, чтобы просить князя похлопотать за него о получении этой должности. Петров, не помню уже по какому поводу, отсоветовал ему сделать это сегодня. Когда на следующий день Дризен пришел к Барятинскому со своей просьбой, то последний сказал ему, что очень сожалеет, но ничего не может для него сделать, т.к. обещал уже свое содействие Петрову.

Четверть века спустя Петров приехал в Варшаву гофмейстером и помощником генерал-губернатора, а Дризена застал все тем же начальником (Ловичского) уезда... Лови момент!

Упоминание о Скерневицах напоминает мне один придворный анекдот, рассказанный мне моим покойным тестем.

Во время проживания Барятинского в Скерневицах Император Александр II выразил желание его посетить. Обрадованный Барятинский решил принять Государя по-царски, а в особенности накормить его хорошо поданным обедом. При больших обедах слабым местом всегда является суп. Если подавать его, когда гости уже сидят за столом, то эта операция длится слишком долго, [-247-] а если поставить суп, разлитый по тарелкам, заранее, тогда он всегда бывает холодным. Поэтому князь призвал своего француза повара и приказал ему подать суп тогда, когда он услышит бой барабана вызванного при въезде Царя во дворец, караула. По расчету князя, при этом условии подача супа должна была совершиться совершенно своевременно.

⁷⁹⁷ Skierniewice is a town in the Łódź Voivodeship, in the Skierniewice City County.

⁷⁹⁸ Alexander Ivanovich Baryatinskiy (1815–1879), prince, field marshal (6 December 1859), adjutant general (6 January 1853), commander of the Separate Caucasian Corps (1856–1857), commander-in-chief of the Caucasian Army, viceroy of the Caucasus (22 July 1856–6 December 1862). He was dismissed on 6 (18) December 1862 due to his relationship with Yelizaveta Dmitriyevna Orbeliani (Davydova), the wife of his adjutant. After 1870, he returned to service and received an estate in Skierniewice from the Emperor. The Emperor came to Warsaw every year and always spent one day with the Baryatinskys.

⁷⁹⁹ Probably Stremoukhov means Karl Bernard Karlovich von Derfelden (1832–1894), nobleman of the Livonian Governorate, son of artillery general Karl von Derfelden, state councillor, head of poviats in the Kielce Governorate (Olkusz 1868, Włoszczowa 1868–1872) and Warsaw Governorate (Skierniewice 1872–1884, Kutno 1884–1893, Łowicz 1893–1894). At that time, Driesen also served in this area – Mikhail Gustavovich Drizen – baron, in 1877, assistant to the head of the chancellery of the Kielce governor, in 1885 the head of the Itza district.

Однако произошло нечто неожиданное. Подъезжая ко дворцу, Государь, заметив выбегающий караул, почему-то его отмахнул. Отдание чести не произошло, не было и барабанного боя.

Сопровождаемый Бярытинским, Император вошел в столовую. Садятся за стол. Супа на столе нет. Бярытинский, конечно, и забыл уже об отданном им приказании; ничего не понимая, посылает лакея сказать повару, чтобы поскорее подавали суп. Лакей возвращается и докладывает, что повар отказывается исполнить приказание. Тогда князь посылает уже адъютанта, который докладывает объяснения повара:

– Le prince m'a ordonné de servir le potage, quand le tambour lattera. Le tambour n'a pas battu. Je suis un ancien quartier maitre de la Grande armée et je suis ferme à la consigne. Sauf les ordres personnels du prince, je ne servirai pas le potage !

Пришлось князю самому идти на кухню и отдать приказание упрямому, но точному в исполнении своего долга французу. Все это продолжалось с четверть часа, и, конечно, положение Государя и других гостей, сидевших перед пустым обеденным столом, было не совсем ловко. Как большой барин, Бярытинский этим не смутился и, вернувшись с кухни, рассказал Государю все приключение с поваром в смешном виде, чему Александр II смеялся более [-248-] всех других. Однако путаница, начавшаяся от супа, распространилась и на весь обед. Лакеи, привыкшие к известному ритуалу, далее уже все перепутали.

После Седлеца Петров был назначен Минским, а затем Харьковским губернатором. В бытность его на последнем посту случилась известная железнодорожная катастрофа в Борках⁸⁰⁰, вызвавшая массу человеческих жертв, причем ни один из членов царской семьи не пострадал, хотя были убиты люди, следовавшие в одном с ней вагоне. Во время пребывания Государя Александра III, вслед за катастрофою, в Харькове Петров сумел понравиться и был пожалован в чин гофмейстера. Теперь вспомнили, что он когда-то служил в Царстве Польском и признали целесообразным назначить его помощником Шувалова.

Петров был, несомненно, человеком неглупым, но не имел того государственного размаха мысли, которое требовало его нынешнее положение. Это был очень хороший, опытный чиновник, но не более. Работал он добросовестно и внимательно, но был несносен своей неаккуратностью во

---

⁸⁰⁰ Railway disaster near Borki railway station (Kharkov Governorate) on 17 October 1888 (29 October 1888 in the Gregorian calendar). The train carrying Tsar Alexander III and his family. 22 people died in the accident.

времени. Продержать кого-нибудь три часа в приемной в ожидании доклада и потом не принять, ему ничего не стоило. Странное явление: большие бары, никогда не проходившие низов службы, в этом отношении были всегда внимательнее к своим подчиненным, чем вышедшие в люди чиновники, сами страдавшие от халатности своего начальства. Недаром существовала поговорка: «*l'exactitude de est la politesse de rois!*»

Вообще, Александр Иванович был весьма бесцеремонен. Во время доклада входила его жена и рассаживалась в кресле с домашней работой и вмешивалась в разговор.

[-249] Меня это страшно раздражало, и я решил принять против этого свои меры.

В числе дел, докладываемых мною при замещениях Ширяева, были и дела о, так называемом, оскорблении Величества. Такие дела, при наличии данных к их прекращению, рассматривались в административном порядке, по утверждению генерал-губернатором заключения прокурора судебной палаты. Оскорбление Величества выражалось обыкновенно в неприличной или грубой брани.

Идя с докладом к Петрову, я нарочно подобрал несколько таких дел. Едва начался мой доклад, как в кабинет вошла супруга Александра Ивановича и удобно расположилась в кресле с какой-то вышивкой. Я с оника начал *en toutes lettres* произносить непечатные слова, приведенные в докладе. *M-me* Петрова встала, вышла из кабинета и никогда более во время моих докладов не появилась.

Привыкшие иметь дело непосредственно с глубоко ценимым генералом Гурко, старшие чиновники канцелярии невзлюбили Петрова, а в особенности остро относился к нему Ширяев, и вот на этой почве разыгралась раз трагикомическая сцена.

В числе дел, которыми заведовал Ширяев, были и так называемые униатские дела. Для читателя, незнакомого с этим вопросом, мне придется сделать маленькое вступление.

В некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний с давних пор коренным населением были наши малороссы исповадавшие православную веру. Во времена польского владычества под влиянием римско-католического духовенства они были присоединены к унии, благодаря чему приобщились ко многим обрядам [-250-] Римской Церкви. В бытность Варшавским генерал-

губернатором Коцебу⁸⁰¹, а архиепископом Маркелла Попеля⁸⁰², было решено вернуть их в лоно Православной Церкви. Униаты чувствовали себя весьма хорошо в униии и никакого вреда государству не причиняли, но кому-то немедленное возвращение их в православие было нужно (главным образом Седлецкому губернатору Громеко⁸⁰³). Я не могу не приветствовать увеличение числа православных, но непреложно то, что приобщение униатов к православию было совершено крайне неудачно. Перетягивая наших хохлов в римско-католическую веру, ксендзы работали много десятков лет, даже столетие, а в православие их перевели в двадцать четыре часа. К тому же, их лишили многого, к чему они давно уже привыкли и что красило их жизнь, например, органов в церкви. Конечно, пение причта захолустной деревенской церкви не могло заменить хорошей музыки. К тому же, на приобретение органов были в свое время затрачены кровные «хлопские» деньги. Гонение на все католическое принимало иногда, по моему разумению, совершенно непонятные формы. По р.-к. ритуалу, перешедшему в унию, Св. Причастие принимается приобщающимся на коленях, тогда как у православных это делается стоя. По старой привычке, бывшие униаты хотели продолжать этот обычай, но православные священники лишали их Св. Причастия, пока они не вставали с колен. Многие уже тогда перестали ходить в церковь, и народилась новая порода преступников, так называемые «упорствующие», подвергавшиеся административным взысканиям. Что касается обряда, о котором я только что упомянул, то, казалось бы, что можно требовать форм большего благоговения перед Святыми Тайнами, но не наказывать за его избыток. Так или иначе, [-251-] по существу, дело воссоединения в этой местности не удалось, но мы приобрели лишь новых врагов русской государственности. Однако, лютеранин Коцебу был за это возведен в графское достоинство.

Да простит мне читатель, если я по этому поводу расскажу несколько фривольный анекдот.

---

⁸⁰¹ Paul Demetrius Graf von Kotzebue (1801–1884), count (1874), infantry general (1859), adjutant general (1847), member of the State Council (1863–1884), Governor-General of Novorossiia and Bessarabia, as well as Commander of the Odessa Military District (1862–1870), Warsaw Governor-General and Commander of the Warsaw Military District (1874–1880).

⁸⁰² Marceł Popiel (1821 or 1825–1903), bishop of the Russian Orthodox Church of Ukrainian origin. He pursued a policy of Russification and persecution of Uniates in the Kingdom of Poland.

⁸⁰³ Stepan Stepanovich Gromeka (1823–1877), governor of Siedlce (1866–1875), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Łatawiec, *Słownik...*, pp. 186–191.

Г-жа Коцебу⁸⁰⁴, супруга генерал губернатора, была в девичестве графиней – фамилию не помню. Когда за обедом Александр II поздравил Коцебу графом, а его супругу назвал графиней, то последняя сказала Государю:

– Ваше Величество, вернули мне то, что отнял у меня муж, когда на мне женился.

Государь засмеялся и сказал:

– Многое я могу совершить, ну а это я делаю в первый раз в своей жизни!

Но пора вернуться к Петрову и Ширяеву.

В описываемое время возникли дела об «упорствующих» бывших униатах, заключающиеся в том, что последние отказывались крестить детей, совершать бракосочетания и другие Таинства у православных священников, а делали это тайно у ксендзов. Конечно, я не стану отрицать, чтобы «упорство» не было результатом влияния и пропаганды последних. И вот, сильно «упорствующих» переселяли в Самарскую губернию. Нельзя не признать, что это была мера и жестокая, и несправедливая, и совершенно не отвечающая духу времени. Однако слова из песни не выкинешь, и этого греха за нашим правительством я не могу не признать.

И вот однажды Ширяев докладывает Петрову об упорном нежелании [-252-] жителей одного селения Седлецкой губернии исполнять обряды Православной Церкви и, по установившейся традиции, проектирует переселение виновных в Самарскую губернию. Помощник генерал-губернатора с ним не соглашается. Ширяев настаивает на своем. Петров начинает горячиться и осуждает всю систему гонения бывших униатов, утверждая, что они, в сущности, даже никогда то и православными не были и что все это карьерная затея лютеранина Коцебу. Не отвергая приведенного мнения Петрова вообще, Ширяев утверждал, что данное селение безусловно было когда-то православным.

– Все это вздор, – говорит Петров.

– Никак нет, – заявляет Ширяев – у меня есть неопровержимое доказательство...

– Какое там доказательство! Я сам служил в это время в Седлецкой губернии и отлично знаю положение дела.

– Тем не менее, в данном случае, ваше превосходительство изволите ошибаться; позвольте я прочту вам текст донесения.

---

⁸⁰⁴ Kotsebu, Yelizaveta Petrovna (Wilhelmine Elisabeth von Manteuffel) (1818–1902), countess.

– Извольте, хотя это меня ничуть не убедит.

Ширяев читает какое-то донесение, в котором указывается, что такое-то селение Седлецкой губернии исстари православное и что население его жаждет скорее воссоединиться с православием.

Петров слушает и неодобрительно фыркает.

Когда чтение документа закончилось, Петров заявил:

– Мало ли что тогда какой-нибудь чиновник для карьеры писал!

– Извольте прочесть подпись, – сказал Ширяев и протягивает помощнику генерал-губернатора дело.

[-253-] Александр Иванович берет дело в руки, читает и, побагровев, отбрасывает его в сторону: под упомянутым документом стояла подпись „Петров”*.

* Здесь мне изменяет память: был ли этот документ подписан Петровым как комиссаром данного участка или как исправляющим должность Седлецкого губернатора. Кажется, вернее второе. Впрочем это, однако, не изменяет дела.

После длительного и тягостного молчания Ширяев продолжает доклад по другим делам. К униатам селения Х. уже более не возвращались, и они остались безнаказанными, но зато «упорствующий» Ширяев несколько месяцев спустя был сослан, если и не в Самарскую губернию, то в Сувальскую, вице губернатором.

Новый управляющий канцелярией генерал-губернатора Щировский был человеком несомненно умным и большим работником, но еще более Петрова страдал провинциализмом: Царство Польское – не харьковская тюремная инспекция.

В то время произошел один печальный случай. Во время одного из моих докладов Петрову пришло к нему сообщение, что начальником Пултусского уезда⁸⁰⁵ Бунгучевым⁸⁰⁶ нанесено оскорбление действием Варшавскому губернатору Андрееву⁸⁰⁷. Петров немедленно послал меня проверить это известие. Задача была не из приятных.

---

⁸⁰⁵ Pułtusk County was transferred from the Łomża Governorate to the Warsaw Governorate in 1893.

⁸⁰⁶ Alexander Alexeyevich Mussa-Bulguchev, in service since 1853, lieutenant colonel (1869), head of the Rypinsky district in the Plock province (1866), in 1875 the head of the Lipnovsky district, in 1878 the head of the Pułtusk district.

⁸⁰⁷ Yuliy Ardalionovich Andreyev (1845–1923), special-task clerk with the Governor-General of Warsaw (29 April 1878), vice-governor of Warsaw (18 January 1880), governor of Warsaw (16 January 1892), member of the council of the Minister of Internal Affairs (27 February 1897). A. Górac, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 67–69.

Еду к Андрееву и застаю его весьма расстроенным. Я докладываю, что приехал по поручению генерал-губернатора узнать, справедливы ли распространяемые о нем слухи.

Андреев мнется, по-видимому, не хочет говорить, но признает, [-254-] что приказал арестовать Бунгучева.

– За что же его арестовали? – спрашиваю его.

– За то, что он был крайне невожатан.

– Да что же он, собственно, сделал?

Андреев мнется.

– Говорят, что он вас... побил, мне не хочется этому верить.

– Да, если хотите, отчасти...

Меня интересовало, были ли нанесены Андрееву побои чисто в физическом смысле или же просто нанесено оскорбление действием. Но как об этом спросить? Нельзя же поставить вопрос: а не дали ли вам в морду?

– Но куда же он вас ударил?

– Да вот так, – и Андреев провел рукою вдоль щеки.

– Значит, по лицу?

– Нет, нет... – при этом несчастный Андреев вскочил со стула, – нет, это была только касательная... и при этом губернатор повторил свой жест.

– Слушаюсь. Так и доложить генерал-губернатору, что вас не ударили по лицу, а рука Бунгучева провела касательную линию к вашему лицу?

– Вот именно!

Бедный Андреев думал, что в слове «касательная» он нашел спасение своей поруганной чести и, провожая меня до дверей, все время повторял:

– Да-да, касательная, именно, касательная...

Бунгучев был предан суду. Я не помню, какому именно наказанию он был подвергнут, но знаю, что таковое было чрезвычайно [-255-] слабо, т.к. было выяснено, что Андреев весьма несправедливо преследовал этого чиновника, пользовавшегося большим уважением. Это был глубокий старик, литовский татарин, избранный своими единоверцами муллою всего магометанского населения округа. Андреев лишился губернаторского места и был назначен членом Совета Министра внутренних дел.

Домашняя моя жизнь текла по-прежнему. Двое детей требовали уже большего напряжения забот со стороны моей жены. Широкой светской жизни мы не вели, но приятно проводили время в кругу ближайших друзей.

Как-то весной приезжала в Варшаву труппа Александринского театра. Я встретил среди артистов моего давнего приятеля, знаменитого рассказчика И[вана] Ф[едоровича] Горбунова⁸⁰⁸, и пригласил его пообедать к себе в обществе моих друзей. После обеда Иван Федорович с обычной своей щедростью рассказал нам несколько из своих сценок. О редком таланте этого бесподобного рассказчика известным А.Ф. Кони была написана целая книга⁸⁰⁹. К сожалению, от этого таланта почти ничего не осталось; записанные его рассказы, даже знаменитый «Генерал Дитятин», не дают ни малейшего представления об его искусстве. С ним вместе умер и его жанр.

Перед обедом была подана закуска, а к ней только что настоящая на листьях черной смородины водка. Я налил большую рюмку и подал ее Горбунову. Он понюхал ее, придал своему лицу выражение вдумчивости, широко открыл рот, закрыл его, опять понюхал; глаза его залились маслом, и он произнес только одно [-256-] слово: «сад». И да поверит мне читатель, что в мимике Ивана Федоровича и в манере произнести одно это слово заключалось целое, непередаваемое художественное произведение! Все присутствовавшие заплодировали ему. Он оберся салфеткою, крикнул и произнес: «н-н-да-а-а...», и опять это было превосходно. Конечно, надо быть русским, чтобы суметь понять такого рода искусство, а такое искусство принадлежало ему в высшей мере. Талант его, в смысле диапазона, был невелик, но изумителен по своей яркости.

Припоминаю здесь один забавный светский анекдот, ярко характеризующий человеческие слабости.

На Пасхе у генерал-губернатора, по традиции, происходило разговение, к которому приглашалось все высшее русское общество, бывшее в замке. В Пятницу, на Страстной неделе, мы поехали с женою в замок на вынос Плащаницы. В числе присутствовавших в церкви был и генерал Х. с двумя барышнями-дочерьми. Этой семье очень хотелось попасть к генерал-губернатору на разговенье, но приглашение ей не было послано, т.к. барышни, почему-то, ранее не представились графине Шуваловой. По окончании богослужения лица, выходявшие из церкви, останавливались в одной из проходных зал замка. Вдруг я вижу такую сцену. Генерал Х. торжественно подводит своих дочерей и представляет их моей жене словами:

⁸⁰⁸ Ivan Fyodorovich Gorbunov (1831–1896), prose writer, memoirist, actor. Master of oral storytelling.

⁸⁰⁹ Anatoliy Fyodorovich Koni, (1844–1927), *Иван Фёдорович Горбунов: очерк*, Санкт-Петербург 1898.

– *Comtesse, permettez-moi de vous présenter mes filles.*

Барышни отвечивают глубокий реверанс. Жена моя стоит страшно сконфуженная и не знает, что ей делать. Признаюсь, что я позорно удрал от этой сцены вместо того, чтобы выручить жену. Очевидно, Х-ы приняли мою жену за графиню Шувалову. Эта ошибка [-257-] была лестна для обеих дам: для жены, потому что графиня имела репутацию красавицы, а для Шуваловой, потому что она была лет на двадцать старше жены.

Пройдя через анфиладу [в] зал, я застал в передней, одевавшего пальто, моего приятеля генерала Паренсова⁸¹⁰ и рассказал ему только что произ[о]шедший *qui pro quo*. Пока мы с ним беседовали, подошел генерал Х. Паренсов спросил его:

– Ну, что, будешь на разговении? Представил дочерей графине?

– Да.

– Ну что же? *Elle a été aimable?*

– *Charmante!*

А это «*charmante*»⁸¹⁰ заключалось в том, что моя жена ни слова не ответила генералу Х., ни его дочерям... но много ли требуется от жены генерал-губернатора, в особенности, когда хочется получить от нее приглашение! И это приглашение Х-ам было послано Шуваловым, которому в тот вечер был рассказан происшедший анекдот.

На этом же разговении мне пришлось наблюдать сценку, ярко характеризующую графа Павла Андреевича. Шувалов был роста выше среднего. Лицо его, благодаря коротко подстриженным усам, сильно напоминало старую бабу, но глаза у него были удивительные, смеющиеся, лукавые, *pétillant d'esprit*, как говорят французы. По окончании Богослужения в одной из зал гости стояли шпалерами, ожидая выхода графа из церкви. В числе гостей был некто Z., которого граф терпеть не мог. Поравнявшись с Z., граф с ним особенно чувствительно расцеловался и при этом посмотрел на меня, и вся его физиономия выражала: гляди, [-258-] какою я штуку выкинул!

В описываемое мною время злобою дня была постройка трамвая и обводной ж. д. кругом Лодзи. Около концессии на это предприятие вертелся целый рой

---

⁸¹⁰ Pyotr Dmitriyevich Parensov (1843–1914), infantry general (1901), in 1887 he was appointed Warsaw Chief and Assistant Chief of Staff of the Warsaw Military District, on 5 June 1902 he was appointed to the disposal of the Minister of War.

заинтересованных лиц. Ранее всех, известный финансист Блюих⁸¹¹, владелец ж. д. соединяющей Лодзь, через станцию Колюшки, с Варшавскою ж. д., потом группа Лодзинских фабрикантов, князь Кочубей⁸¹² (муж Долли Богарнэ⁸¹³, о которой я говорил во главе III моих записок), конно-гвардеец Глинка-Маврин⁸¹⁴ и многие другие. Все заинтересованные лица со всякими рекомендательными письмами, даже от Высочайших Особ, страшно надоедали графу, а он, понимая насколько это дело «жирное», опасался передать его на рассмотрение тех чиновников, непосредственному ведению которых это дело подлежало. Должен, однако, отметить, что подозрительность графа была совершенно неосновательная: в то время в управлении генерал-губернатора служили люди безусловно честные. Так или иначе, но выбор Шувалова остановился почему-то на мне. Он вызвал меня к себе и сказал:

– Рассмотрите все это дело о Лодзинском трамвае и обводной ж. д., и затем вы доложите его мне в присутствии целой комиссии из самых значительных служащих лиц и общества. Я хочу, чтобы это дело прошло, так сказать, при открытых дверях.

– Но каково же ваше мнение, ваше сиятельство?

– У меня никакого мнения по настоящему делу нет. Вы доложите дело, как сами его понимаете. Коли у вас образуется собственное мнение по этому вопросу, то доложите его так, чтобы в вашей правоте уже не было бы сомнения.

– Слушаюсь.

[–259–] И вот, навалили на меня громадное многомиллионное дело с планами, докладными записками в несколько сот страниц. Над изучением дела я провел два дня и две ночи и составил себе определенное мнение в пользу проекта группы Лодзинских фабрикантов, считая их дело правым и с моральной стороны. Очевидно, интересы города были им, как местным людям, ближе, чем аферистам, желавшим получить концессию лишь для того, чтобы выгодно перепродать ее кому-нибудь другому.

---

⁸¹¹ Jan Gotlib Bloch (1836–1902), banker, concessionaire of railways in the Russian Empire, philanthropist, economist, activist in the international peace movement.

⁸¹² Prince Lev Mikhaylovich Kochubey (1862–1927)

⁸¹³ Countess Darya Yevgeniyevna Beauharnais (1870–1937) was the daughter of Prince Yevgeniy Maximilianovich Romanovskiy, Duke of Leuchtenberg and his first morganatic wife Darya Konstantinovna Opochinina (1845–1870). Great-granddaughter of Nicholas I and great-great-granddaughter of Empress Josephine Bonaparte.

⁸¹⁴ Nikolay Borisovich Glinka-Mavrin (1852–1909), captain of the Leibguards Cavalry Regiment, colonel, retired in 1895.

В докладной день собрался весь местный ареопаг и заинтересованные лица. Шувалов ранее всего предоставил каждому соискателю представить преимущества своего проекта. Потом они были удалены. Затем он предложил присутствовавшим высказать свое мнение. Конечно, при недостаточном знакомстве с вопросом, мнения эти, в деловом отношении, не были особенно основательны или слишком отражали симпатии к тому или другому соискателю. После обмена мнений генерал-губернатор обратился ко мне и сказал: «Ну теперь докладывайте вы».

В этот день я был в ударе, дело я изучил превосходно, представил его в ярких чертах и легко разбил аргументы лиц, поддерживавших конкурентов Лодзинских фабрикантов, а затем высказался в последних.

– Имеются ли какие-либо возражения? – спросил граф.

Возражений не последовало.

– В таком случае я считаю дело решенным, согласно мнению докладчика. Объявляю заседание закрытым. А, впрочем, я еще не кончил. Стремоухов, пожалуйста сюда!

– Умница! Дай лоб! – и публично поцеловал меня в голову.

[-260-] Что можно было возражать против такой, покоробившей меня, фамильярности Шувалова!

Для меня стало ясно, что я вошел в моду, но близость к графу меня мало прельщала.

Прошло месяца два. Русское собрание в Варшаве решило дать обед генерал-губернатору. Шувалов на этом обеде здорово выпил. После обеда граф прохаживался по залам клуба, окруженный группой лиц. Проходя мимо меня, он пролепетал: ... «а, трамвай... здравствуй...!» и протянул руку, чтобы потрепать меня по щеке. Я сделал решительный шаг назад, и рука графа повисла в воздухе... Я заметил, как во пьяной физиономии глаза его приняли сразу другое, резкое выражение, он круто повернулся и подошел к другой группе. После этого случая я более от него никаких поручений не получал, и он никогда более со мною не разговаривал...

Я понял, что моя карьера при нем кончена и стал задумываться о других путях. Но человек предполагает, Бог располагает.

Наступило лето, которое моя семья проводила в Скерневицах, я же ездил туда из Варшавы почти ежедневно.

Сад нашей дачи примыкал к дворцовому парку. Когда я нанимал дачу, хозяин ее заявил мне, что постояльцы прошлого года прямо приходили в парк через садовую калитку, на что получили разрешение от дворцовой администрации. Мне тоже захотелось воспользоваться этим удобством для своей семьи, т.к. иначе, чтобы попасть в парк, надо было ходить очень далеко, а, главное, проходить пыльными городскими улицами. В то время в одном из флигелей дворца проживал управляющий княжеством Лович (в состав [-261-] которого входили Скерневицы) маркиз Велепольский, о котором я упоминал выше. С маркизом я неоднократно встречался в замке, и он отлично знал как мое служебное положение, так и положение в обществе. Поэтому без всяких сомнений, я пошел к Велепольскому с тем, чтобы попросить его разрешения пользоваться для входа в парк своей садовой калиткой. Передаю мою карточку лакею. Меня просят подождать. Прождав более получаса, я решил уже уходить, когда меня попросили к Велепольскому.

– Что вам угодно? – спросил меня маркиз.

– Я изложил свою просьбу.

– Это от меня не зависит. Обратитесь к X. – и маркиз назвал мне какого-то третьестепенного служащего.

Меня это взорвало, и я ответил ему:

– Если бы я хотел говорить с господином X., то обратился бы к нему, но т.к. я с вами знаком, то естественно обратился к вам, о чем, впрочем, очень сожалею.

– Я ведь вам не отказал.

– Я не нуждаюсь более в вашем разрешении, т.к. более не намерен им пользоваться, – сказал я и, кивнув Велепольскому головою, вышел из комнаты.

Такая выходка по отношению к лицу, занимающему некоторое положение в Варшаве, по одной уже близости его к генерал-губернатору, была бы совершенно невысказима во времена Гурко и вызвала бы с его стороны самый резкий отпор, но теперь повеяло новым духом, и польская кичливость начала себя проявлять. Обращение к защите графа Шувалова было бы совершенно бесполезно: очевидно, [-262-] «маркиз» оказался бы ему ближе, чем я, к тому же и инцидент в клубе исключал всякую с моей стороны возможность просьб к нему. Вообще, мои отношения с графом меня тревожили, но тревога моя вскоре разрешилась сама собою: графа хватил удар, и ему пришлось оставить пост генерал-губернатора.

Что мне сказать о времени его управления? Дела шли ни шатко ни вяло, ни в сторону. Мы жили еще капиталом, накопленным во времена Гурко, но его не приращали.

После довольно продолжительного, томительного ожидания мы узнали, что генерал-губернатором к нам назначается генерал-адъютант, светлейший князь А[лександр] К[онстантинович] Имеретинский⁸¹⁵. Прошлое князя было довольно обещающим. Он в свое время был начальником штаба округа в Варшаве при гр. Коцебу, командовал дивизией и корпусом и, наконец, долго занимал должность главного военного прокурора. Таким образом, ему известны были местные условия, военное управление и часть судебная.

Наконец, получилось известие о дне его приезда. В телеграмме на имя Петрова Имеретинский сообщил, что просит на вокзал не приезжать, кроме одного лишь дежурного адъютанта*. Символ этот был для нас, приближенных, довольно тревожный. Впрочем, Петров успокоил меня тем, что обо мне лично он особенно подробно и благожелательно будет говорить с Имеретинским. [-263-] Я как-то говорил выше, что при Гурко большая генерал-губернаторская ложа во всех Варшавских театрах была предоставлена адъютантам и чиновникам особых поручений. Эта льгота сохранилась и при Шувалове. На второй день по приезде Имеретинского директор театров прислал нам всем оповещение, изложенное буквально в следующих выражениях: «Ставлю в известность, что его светлость приказал генерал-губернаторскую ложу запереть и никого туда не пускать». Словом, как я пытался сострить, новое начальство нас сразу «отлучило от стола и ложа». Ясно, что с его стороны это была демонстрация, определенно показывающая, что никакого общения он с нами не желает.

* Этот адъютант рассказывал потом интересную сценку. Когда Имеретинский вошел впервые в кабинет в замке, то он сказал: «Любопытная вещь, я ныне вхожу хозяином в кабинет, из которого четверть века тому назад меня выгнал Коцебу!».

Предпочитая уйти самому, не дожидаясь, что меня об этом попросят, я вспомнил, что бывший помощник генерал-губернатора, барон Медем, очень меня ценивший, обещал мне, во всякое время, свое содействие по службе, если таковое понадобится. В то время министром внутренних дел был Иван Логгинович Горемыкин⁸¹⁶, женатый на сестре баронессы, а потому я решил про-

⁸¹⁵ Alexander Konstantinovich Imeretinskiy (1837–1900), Georgian aristocrat (Prince Bagration), Russian general, Governor-General of Warsaw from 1 (13) January 1897 to 17 (29) January 1900.

⁸¹⁶ Ivan Logginovich Goremykin (1839–1917), served in the Kingdom of Poland (from 16 March 1866 – vice-governor of Plock, from 15 September 1869 – vice-governor of Kielce), state secretary (1910), chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire (1906 and 1914–1916), minister of internal affairs (1895–1899), member of the State Council (since 1899), senator (since 1894). A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 176–182. His wife was Alexandra Ivanovna Kapger. Her sister Sofia was

свить барона устроить меня как-нибудь иначе, в особенности, выражая желание быть назначенным вице-губернатором, хотя бы «к черту на кулички». Т.к. почта в Варшаве подвергалась перлюстрации, докладываемой генерал-губернатору, то со своей просьбой я командировал в Петербург мою жену. Последняя была очень любезно принята Медемами, причем барон обещал переговорить с Горемыкиным, а жену мою просил приехать через неделю. Через неделю оказалось, что барону не удалось повидать министра, и дело было отложено еще на неделю. По прошествии этого срока баронесса заявила жене, чтобы она не беспокоилась и спокойно уехала [-264-] в Варшаву, что все будет сделано: «*vous écrivons*». Этого «*écrivons*» я ожидаю до сегодняшнего дня.

На пятый или на шестой день по приезде Имеретинского я приехал к Петрову и застал его совершенно расстроенным.

– Я больше не помощник генерал-губернатора, – сказал он мне. – Уже в Петербурге князь распорядился о назначении меня в Сенат. Щировский тоже уйдет. О вас я говорил с Имеретинским, и знаете, что он мне ответил: „Ну, а это-то до крайности честен!“ Черт знает, что такое! Откуда он вообразил, что здесь какое-то жулье служит!

На тех же днях произошло общее представление всех должностных лиц генерал-губернатору, причем к лицам, состоявшим при нем, Имеретинский отнесся особенно сухо, за исключением чиновника особых поручений Михаила Эдуардовича Ячевского, которого он назначил к себе бессменным дежурным, как имевшему квартиру в замке.

Ожидая возвращения моей жены из Петербурга, я не предпринимал решительных шагов. Вскоре приехал вновь назначенный помощник генерал-губернатора, князь Александр Дмитриевич Оболенский⁸¹⁷. При первом моем свидании с ним я просил его сообщить Имеретинскому, что я прошу его обо мне не беспокоиться, что я сам уйду, но что, пока я приищу себе подходящее место, пройдет, может быть, с месяц. Оболенский запротестовал против такого решения, указав мне, что он получил обо мне с разных сторон самые лучшие отзывы, что он меня ни за что не отпустит, а что до Имеретинского мне никакого дела нет,

---

married to N.N. Medem. Goremykin's daughter Tatyana married her second-born brother, Baron N.N. Medem.

⁸¹⁷ Alexander Dmitriyevich Obolenskiy (1847–1917), prince, Penza provincial leader of the nobility (1882–1888), Chief Prosecutor of the Governing Senate (1889), active state councillor (1892), Master of the Horse (1893), assistant to the Warsaw Governor-General for Civil Affairs (1896), senator (1899), member of the State Council (1902).

т.к. я буду работать с ним, князем Оболенским. Князь мне очень понравился, и я охотно примирился [-265-] с такою комбинацией.

Несколько слов об Оболенском. Князь принадлежал к семье, все члены которой сделали блестящую карьеру. Второй брат, Алексей Дмитриевич⁸¹⁸, был тогда товарищем министра финансов, третий, Николай⁸¹⁹, так называемый «Котик», был одним из ближайших и любимейших флигель-адъютантов Государя. Мать их, старуха, княгиня Дария Петровна⁸²⁰, имела «салон» в Петербурге, который в большом свете назывался „Невский 72“, из которого вышло немало государственных людей. Князь Алексей Дмитриевич (впоследствии автор Манифеста 17 октября) был очень остроумным человеком. Как-то раз в его присутствии кто-то стал расхваливать таланты Оболенских и их право на первые места в бюрократии.

– Полноте, – сказал Александр Дмитриевич, – ничего в вас особенного нет, а просто все мы живем «Котиковыми промыслами»! Здесь князь, для красного словца, не пожалел, как говорится, если не отца, то самого себя, т.к. и сам он был человеком не совсем заурядным. «Котик» был человеком глубоко порядочным и большой сердечной доброты. Александр Дмитриевич, при ясном уме и истинно государственном мышлении, обладал всеми свойствами истинного благородства и джентельменства. Это был настоящий «степенный» боярин, и близость к нему составляет для меня одно из приятнейших воспоминаний моей службы.

Щировский был назначен Ломжинским губернатором, а на его место приглашен прокурор Люблинского Окружного Суда, Е. В. Менкин⁸²¹.

Таким образом, ближайшими сотрудниками Имеретинского оказались кн. Оболенский и Менкин. Но рядом с их, вытекавших из [-266-] их служебного, так сказать, законного влияния, начало вырастать новое со стороны маленького и, казалось, незначительного человека – Ячевского.

⁸¹⁸ Alexey Dmitriyevich Obolenskiy (1855–1933), prince, Russian state activist, deputy minister of the interior (1897–1901), senator (1901), deputy minister of finance (1902–1905), ober-procurator of the Holy Synod (1905–1906), member of the State Council (from 1906).

⁸¹⁹ Nikolay Dmitriyevich Obolenskiy (1860–1912), Russian military activist, flihel-adjutant, major general.

⁸²⁰ Darya Petrovna Obolenskaya née Trubetskaya (1823–1906), lady of the imperial court.

⁸²¹ Yevgeniy Vasilyevich Menkin (1860–1917), prosecutor of the Lublin District Court (1896), head of the Chancellery of the Governor General of Warsaw (9 July 1897), director of the Chancellery of the Governor General of Warsaw (1 August 1903), Governor of Lublin (19 March 1905), director of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Denominations of the Ministry of Internal Affairs (30 January 1912), senator (1915), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Stownik...*, pp. 308–311.

На этой личности, как игравшей впоследствии значительную роль в истории последних лет русского владения в Царстве Польском, мне приходится остановиться более подробно. Прошу извинения, если в его характеристике я несколько забегу вперед, а равно и в оценке Светлейшего.

Михаил Эдуардович Ячевский начал свою карьеру учителем младших детей Гурко. По матери он был русский, а по отцу поляк. Многие в Варшаве помнили его в помянутой выше роли, и когда он впоследствии достиг «степеней известных», не могли этого ему простить, и это, едва ли не более всего, ему вредило. Когда Михаил Эдуардович был уже директором канцелярии, один из сановных его недоброжелателей говорил мне: «Не могу я ездить к этому господину, ведь я сам видел, как он писал письма для Гуркинской няни»; «а еще поклон посылаю вам дорогой тятенька», „а теперь учит меня, как понимать государственные вопросы».

Хотя Ячевский в свое время и писал письма для няньки, но это не мешало ему быть человеком выдающегося ума и способностей. Пером он владел превосходно, говорил с замечательной убедительностью и работоспособности был удивительной. Человек он был, безусловно, честный, в самом широком понимании этого слова. Исключительной его способностью, может быть и не симпатичной, было умение не только вкрадываться в чужое доверие, но и овладевать чужой волей. Он пользовался отличным доверием Гурко, сделал себя [-267-] необходимым человеком у Шувалова, а Имеретинским овладел совершенно. После смерти князя генерал-губернатором в Варшаву приехал генерал Чертков⁸²², крайне кем-то настроенный против Ячевского, а не прошло и двух месяцев, как он оказался *dans les petits papiers* Черткова. Впоследствии, при генерал-губернаторе Скалоне⁸²³, М.Э. оказался уже директором канцелярии и полномочным хозяином Края. К этому должен прибавить, что Ячевский никогда не пользовался своим влиянием для личных целей и достигал его отнюдь не сервиллизмом или иными низменными приемами, нет, это был просто дар Божий.

Идеи Ячевского могут быть формулированы «золотой серединой». Он твердо стоял на принципе государственной власти, высоко ставил русское знамя,

---

⁸²² Mikhail Ivanovich Chertkov (1829–1905), general, participant in the Crimean and Caucasian Wars, Voronezh, Volyn, Kiev and Warsaw Governor-General, member of the State Council.

⁸²³ Georgiy Antonovich Skalon (1847–1914), adjutant general (1903), cavalry general (17 January 1906). From 15 May 1905 – assistant commander of the Warsaw Military District, and on 15 August of the same year he took the post of Warsaw Governor-General and Commander of the Warsaw Military District.

но боролся против всяких злоупотреблений, прикрываемых этими принципами для достижения своих своекорыстных целей. Он был против всяких ненужных стеснений и придирчивости, но не допускал и, с другой стороны, никакого посягательства на то, что признавалось им за интерес или достоинство государственной власти. Стремления его были в высшей степени государственные и благородные, но дурно было то, что мысли М.Э. не могли исходить непосредственно от него, а осуществлялись через лиц, которыми он овладевал. При искренним моем уважении к Михаилу Эдуардовичу, должен признать, что противны были его закулисная деятельность и работа, которыми он, как спрут, охватывал свою жертву.

Один очевидец рассказывал мне такую сцену. Князь Имеретинский выехал со всем своим штабом на какие-то маневры. Из лиц гражданских с ним был единственный и неизменный Ячевский. [-268-] В вагоне начальник штаба Пузыревский докладывал что-то важное князю. С боку от Имеретинского стояло лицо, передавшее мне рассказываемую ниже сцену, а Ячевский стоял за Пузыревским, следовательно, лицом к князю. Пузыревский настаивал на принятии какой-то решительной военной меры. Князь колебался. Наконец, он заискал глазами Ячевского. Взоры их встретились. Ячевский отрицательно покачал головою.

– Нет, – сказал Светлейший начальнику штаба, – я с вами согласиться не могу.

Эта немая сцена была подмечена многими и произвела тягостное впечатление. Сильно аргументированное мнение начальника штаба по вопросу его специальности было парализовано одною мимикою штатского и тогда еще маленького человека.

Держание курса «золотой середины», в сущности, самого верного, всегда является самым трудным, т.к. им кроме самого себя, в идейном смысле, никого не удовлетворишь; ругань сыплется и справа и слева. В особенности это чувствуется, когда этот курс держит не сам капитан, а рулевой...

Врагов у Ячевского было много, тем более что, когда он сделался директором канцелярии, он был иногда довольно неприятен. Этот неприятный тон не могли простить ему в особенности те, которые помнили его еще маленьким человеком. К тому же, он не имел того, что французы называют *le physique de son emploi*.

Со мною лично он был только раз неприятен, и я помню, как это было мне тяжело; и даже мне, искренно любившему и уважавшему М.Э., вспомнилось: «...и еще поклон дорогому тятеньке...».

Период управления Имеретинского можно было характеризовать [-269-] периодом искания: он был крайне предрасположен против всего прошлого, хотел нового. Ячевский открывал ему перспективы органического раскрепощения польского бытия, но у Имеретинского не хватало для приведения их в жизнь ни воли, ни энергии, ни государственного размаха. Все благие его пожелания сводились лишь к, так сказать, неорганизованному смягчению режима, что никого не удовлетворяло, т.к. опиралось лишь на личное настроение, ничем не гарантированное. Сегодня так, завтра иначе. То, что доходило до князя, подвергалось смягчению, но то, что не попадало в луч его зрения, оставалось по-прежнему, и потому никто уже не знал, что можно и чего нельзя. Русские деятели скорбели об утрате Гуркинского режима, по существу, а поляки говорили, что тогда они по крайней мере знали: «à quoi s'en tenir», а теперь «*on ne sait plus à quel saint se vouer*». К тому же Имеретинский был очень словоохотлив и, не стесняясь, развивал свои идеи перед случайными собеседниками. Идеи эти, однако, далеко не всегда совпадали с его образом действий, почему его охотно обвиняли в фальшивости.

Князь всегда носил кавказскую форму, почему, а также вследствие носимой им фамилии, его часто называли «лукавым и хитрым азиатом»... Впрочем светская хроника сомневалась в наличии в нем кавказской крови...

К приписыванию ему лукавства способствовало еще и следующее обстоятельство. Каким-то путем был выкраден Всеподданнейший отчет князя, который и был опечатан в Берлине. Высказанные в нем идеи не только не совпадали, а шли совершенно вразрез с тем, что князь говорил полякам. Это сильно подорвало его в общественном мнении.

[-270-] Откуда происходили такие противоположности в мнениях князя? Я приписываю это не лукавству, а тому, что у него ни на один предмет не было собственного мнения. Впоследствии, по особым обстоятельствам, о которых я буду говорить ниже, мне пришлось в течение двух месяцев ежедневно завтракать и обедать у Имеретинского. К завтраку и обеду всегда приглашались два или три должностных лица. И вот, кто-нибудь за завтраком высказывал свои мысли, князь внимательно их выслушивал, а уже вечером, за обедом, он их в превосходной редакции высказывал уже от себя. Мне случалось иногда выслушивать и то, что говорил я, маленький чиновник. Князь собирал свой мед отовсюду, но положительно не имел своего собственного. Чужие мысли он схватывал превосходно, но они не долго удерживались в его сознании, заменяясь вновь услышанными. Я отрицаю в Имеретинском лукавство, не считаю его шатание

последствием бесхарактерности, нет, это было просто отсутствием собственного взгляда на предмет. Последняя высказанная ему мысль казалась ему наиболее верной и он готов был ее проводить с достаточной энергией. Чуток и восприимчив к впечатлениям он был необычайно. Я называл его чувствительной фотографической пластинкой. При этих условиях становилось понятно влияние на него Ячевского, который жил в замке и был с ним неразлучен. Был ли Имеретинский умен? Сказать, что он был не умен, было бы несправедливо; я бы определил его ум средним, но при этом князь обладал большими способностями. Такой тип часто попадает в школьном периоде. Иной ученик не особенно умен, но чрезвычайно способен. В последнюю минуту [-271-] перед экзаменом он перелистывает книгу и дает блестящий ответ, но посадите его за самостоятельную работу, и он ничего не сделает. В нем было достаточно ума и способностей, чтобы уверить всех, кому сие ведать надлежало, что они у него есть. Отсутствие всего крупного в его духовном складе характеризуется уже тем, что им руководил человек, могший по годам быть его сыном.

Чтобы покончить с характеристикой князя, отмечу, что он был удивительным рассказчиком. Его беседы за столом были полны занимательности; он многое видел на своем веку, многое подметил и умел передавать свои наблюдения в изящной, остроумной и часто саркастической форме. Зато публично Имеретинский совершенно говорить не умел. Какая разница с Гурко! Последний в обыденной обстановке был совершенно не речист, но, выступая перед многочисленным собранием, был великолепен. Светлейший был ему полнейшей противоположностью; замечательный собеседник у уютного обеденного стола, он в многочисленном обществе говорить совершенно не умел: речь его была не красочна, не интересна, лишена вдохновения и никакого впечатления не производила.

По-моему, князь был некрасив. Совершенно голая голова напоминала яйцо, а глаза были мало выразительны, но зато он был необыкновенно элегантен и изящен; во всяком случае, голубая кровь давала себя чувствовать в каждом его жесте. Он был всегда наряден и слегка кокетлив; кто-то из его недоброжелателей называл его «старая б...». Чувство собственно достоинства было развито в нем в высшей степени.

В период моей близости к нему князь получил как-то неприятное [-272-] письмо от военного министра. Подробности я запомнил, но помню, что дело касалось выбора какого-то значительного военного должностного лица,

причем в письме министра проскользнуло неудачное выражение о том, что этот вопрос зависит от такта князя. Имеретинский обиделся и ответил министру, что его указания и приказания он обязан и будет принимать к неуклонному исполнению, но что самый вопрос о его, генерал-адъютанта, светлейшего князя Имеретинского, такте находится вне компетенции министра.

Вообще, в начале своего генерал-губернаторства во внешних своих отношениях князь проявлял большую самостоятельность и Петербургу спуска не давал, но впоследствии, как это всегда бывало, отравился властью, замком, кубанским конвоем, лестью польского общества и стал много смиреннее.

К числу недостатков князя нельзя не отнести его чрезмерной любви к перлюстрации*, в которой он имел, к тому же, какую-то наивно-циничную привычку признаваться. На этой почве с ним случился раз довольно интересный случай.

* Право перлюстрации при старом режиме было предоставлено двум лицам: министру внутренних дел и Варшавскому генерал-губернатору. Последнее возникло во время мятежа 1863 года и тогда вполне оправдывалось обстоятельствами. С того времени его, конечно, следовало отменить. В Петербурге об этом забыли, ну а генерал-губернатор не брал на себя в этом деле инициативы. От яда перлюстрации не так легко отрешиться!

Года спустя после обстоятельств служащих темой этих [-273-] страниц, поляки пожелали воздвигнуть памятник своему поэту Адаму Мицкевичу⁸²⁴. Имеретинский пошел этому желанию на встречу, но, осведомленный о враждебности к этому предположению некоторых русских кругов, решил прикрыть свое решение коллегиальностью. Посему им создано было совещание из выдающихся представителей русского общества в Варшаве, которому и был представлен на обсуждение вопрос о допущении устройства памятника польскому поэту-патриоту. Многие из членов совещания совершенно искренне отнеслись терпимо к проекту, а другие поддакивали, усматривая в его осуществлении волю генерал-губернатора. В числе членов совещания находился и архиепископ Варшавский тоже не возражавший против проекта. Несколько дней спустя Имеретинскому передали перлюстрированное письмо Флавиана, написанное кому-то из Петербургских друзей, в котором он ругательски ругал князя за

---

⁸²⁴ Adam Mickiewicz (1798–1855), Polish poet, political activist, publicist, translator. Considered one of the greatest poets of Polish Romanticism (classified as one of the so-called three bards) and Polish literature. In 1823 he was arrested and then sentenced to exile in the depths of Russia for participating in secret youth organizations.

памятник Мицкевича, говоря, что «наш светлейший совершенно ополаячился». По какому-то предлогу князь пригласил к себе архиепископа и между ними произошел следующий диалог.

– Как вы, ваше высокопреосвященство, относитесь к постройке памятника Мицкевич?

– Да ничего, ваша светлость, худого в этом не нахожу.

– Наверное?

– Наверное.

– Почему же вы пишете об этом иначе вашему приятелю?

...и, с этими словами, князь протянул ему копию выдержки из его письма.

Флавиан встал, низко, по-монашески сделал поклон, прикоснулся перстами пола и вышел из кабинета, не сказав ни слова.

[-274-] При внушительной, чисто святительской наружности архиепископа, сцена эта должна быть довольно эффектной.

В этом поступке князя все было некорректно: не следовало читать писем архиепископа, а уж ни в каком случае не открывать ему этого. Есть вещи, которые с грехом пополам можно делать, но о которых следует молчать. Конечно, и архиепископ не проявил в данном случае высокого гражданского мужества, но *das ist menschlich*. Любопытно то обстоятельство, что вся эта история, происходившая с глазу на глаз между архиепископом и Имеретинским, сделалась известной всей Варшаве, и оказалось, что она явилась следствием болтливости самого князя, что составляло уже третью некорректность.

Много говорили о польском влиянии на князя через одну графиню, за которой он ухаживал, но, нося польское имя, она родом была не полькой...

Не без влияния на князя был и Калишский губернатор Дараган⁸²⁵, о котором мне много придется говорить впоследствии. Влияние его носило определенно полонофильское направление.

Таким образом, князь оказался объектом тайной обработки Ячевского, Дарагана, а также и дам, имевших, очевидно, полонофильское направление; помощник же по должности генерал-губернатора, кн. Оболенский держался совершенно иных воззрений. Польское общество не могло оказать на него никакого воздействия. Обыкновенно русских сановников отуманивали или польские женщины, или блеск высшей польской аристократии. Не многим не

⁸²⁵ Mikhail Petrovich Daragan (1833–1918), Kalisz, Vologda and Chernigov governor, senator, active privy councillor (1910). Honorary citizen of the cities of Minsk and Kalisz.

показалось бы лестным ухаживание Браницких, Радзивилов, Потоцких и т.п. Но Оболенский был неуязвим в первом средстве, как отличный семьянин, [-275-] а во втором, будучи и сам потомком удельных князей и очень богатым человеком по жене, рожденной Половцовой⁸²⁶ (внучке известного богача Штиглица⁸²⁷). Александр Дмитриевич вообще был человеком совершенно самостоятельным и никаким влияниям не подчинялся. Отношения его со светлейшим начали быстро портиться. В сущности, в их взглядах, если вообще можно говорить о взглядах Имеретинского, не было непримиримого расхождения, но Оболенский не мог выносить шаткости мысли своего принципала. Бывало, они на чем-нибудь порешат, как на следующий день какие-то оккультные силы изменяют решение светлейшего. Александра Дмитриевича это страшно раздражало, но он считал ниже своего достоинства бороться с влиянием дам или какого-то маленького чиновника особых поручений.

Расхождение между генерал-губернатором и его помощником, конечно, весьма дурно влияло на дела и помогало разным дельцам устраивать свои дела в создавшейся мутной воде.

Весной 1897 года приехал в Варшаву король Сиамский⁸²⁸. Мне пришлось довольно долго повозиться с устройством бывших по этому поводу торжеств. Мы ожидали увидеть в Сиамцах каких-то дикарей, но они оказались вполне культурными людьми. Единственным пробелом в их воспитании проявилось в их манере держать себя в театре. Вероятно, в Сиаме в театре король считает себя дома. Давался балет. Король сидел в боковой генерал-губернаторской ложе в партере и при этом разговаривал в полный голос так, что его слышно было во всем театре.

Припоминаю одну забавную сценку в приемной у генерал-губернатора, о которой болтала вся Варшава.

---

⁸²⁶ Anna Alexandrovna Polovtsova (1861–1917), the eldest daughter of State Secretary A. A. Polovtsov. The wedding took place on June 5, 1881 in St. Petersburg. Philanthropist, assistant to the trustee of the model shelter of Baron Stieglitz.

⁸²⁷ Alexander Ludvigovich von Stieglitz (1814–1884), baron, the largest Russian financier, banker and industrialist, manager of the State Bank of Russia (1860–1866), philanthropist, and benefactor.

⁸²⁸ Chulalongkorn (1853–1910), Rama V king of Siam (now Thailand) from the Chakri dynasty, ruling from 1868 to 1910. He arrived in Warsaw on 19 June 1897 and stayed there for 24 hours, during which he visited the Warsaw Governor-General, attended a troop parade, watched a ballet, and also visited the *Strela* hot air balloon. From a height of 1,500 m, the *Strela* crew, under the command of the chief of staff of the Warsaw fortress, Colonel Baranovskiy, sent two dispatches to the king by carrier pigeons.

[-276-] В числе лиц, желавших представиться князю, прибыл и известный финансист, еврей Блюих, с целью поднести свой труд «Европейская война»^{829*}, в котором он доказывал невозможность в нынешнее время европейской войны, а в крайнем случае – ее завершения в течении полугода за истощением всех необходимых материальных средств для ее ведения.

* Эти страницы я писал в Марте 1921 года в Болгарии, в Софии, где исполнял скромную должность помощника библиотекаря в Национальной библиотеке. Рядом с моим письменным столом стоял шкаф, и я ежедневно видел стоящие на одной из его полок пять томов Блюиховской «Европейской войны», доказывающих ее невозможность. Какая ирония! Война продлилась не, как полагал Блюих, максимально шесть месяцев, а целых пять лет, да, в сущности, закончилась ли она и теперь? Едва ли мы не переживаем только затишье. Как плохи оказались все пророки войны и революции!

В описываемое время у нас были какие-то трения с Германией.

В присутствии других представлявшихся Блюих стал развивать свои теории. Присутствовавшие здесь генералы стали возражать. Блюих горячился и тон его становился довольно резким. Между прочим, он заявил, что уже не России говорить о войне, т.к. у нее нет денег. Ктото из генералов заметил, что деньги всегда можно занять.

– Кто же даст России деньги? Заявил Блюих, кто ей поверит?

Одного из принимавших участие в разговоре генералов, замечание это взорвало, и он сказал:

– Ну коли денег не дадут, перевешаем всех еврейских богачей-банкиров, да и возьмем у них деньги, и вся не долга!

Я полагаю, что взрыв бомбы не произвел бы большего впечатления. Блюих побледнел от злости и затрясся, не находя, что сказать. Конечно, замечание генерала было грубо и не остроумно, но вызванному в среде присутствовавших настроению нахальством Блюиха дало полное удовлетворение.

[-277-] В мае 1897 года, стало известно, что Государь с Императрицей приедут в Варшаву. Это был его первый приезд по восшествии на престол, а потому встреча предполагалась торжественная. Пребывание в Варшаве должно было продлиться три дня.

Церемониальной частью при генерал-губернаторе заведовал, как я упоминал выше, гофмейстер Пенхержевский. Человек это был старый, довольно

---

⁸²⁹ Иван Станиславович Блюих, *Будущая война, ее экономические причины и последствия*, Санкт-Петербург 1893.

ограниченный и раздувавший каждую мелочь до значения государственной важности. Педантом он был необычайным и заводил канцелярщину необыкновенную. Без всяких шуток, в числе его деловых бумаг было найдено «дело о печке и мадере». Уже первый разговор Имеретинского с Пенхержевским убедил светлейшего, что последний никогда не справится с такой сложной задачей, как все распоряжения по трехдневному пребыванию Императорской четы в Варшаве. Вполне устранить Пенхержевского от этого дела было невозможно, т.к. он был единственным человеком, знавшим польское общество и могущим компетентно решать вопросы о приглашении тех или других лиц. Так или иначе, надо было найти кого-нибудь более толкового, которому можно было бы поручить все это дело. По совету князя Оболенского Имеретинский пригласил меня и поручил мне все дело о приезде Государя.

[-278-] Жена моя в то время жила на даче в часе езды по ж.д. от города, и я только по вечерам ездил домой. Поэтому светлейший пригласил меня ежедневно у него завтракать, о чем я уже упоминал выше. Почти трехмесячная близость и дала мне возможность более основательно изучить его характер.

Стол у князя был превосходный, а вино еще лучше. Заведовал кухней великолепный *maitre d'hôtel Bétense*. Отличительной чертой меню было то, что за завтраком непременно подавалось яичное блюдо, которое никогда не повторялось. *Bétense* утверждал, что у него в репертуаре сто восемьдесят яичных блюд. Забавно было видеть, как *Bétense* с важным видом пробовал рюмку каждого подаваемого вина, и когда бутылка ему не нравилась или, быть может, слишком нравилась, то он отсылал ее в буфет, а к столу подавалась другая. Пенхержевский преисполнился уважением к *Bétens'у* и неизменно называл его *monsieur Bétense*, что страшно коробило князя, который каждый раз при произносимом слове *Monsieur* как-то кряхтел горлом.

Завтраки эти доставляли мне большое удовольствие не столько по их превосходному гастрономическому качеству, как по тем интересным рассказам, которые приходилось выслушивать от Имеретинского. Я очень сожалею, что ничего не записал из его рассказов, т.к. они были живой хроникой светской и, так сказать, над бюрократической жизнью последней четверти века. В последний месяц перед самым приездом Государя, когда мне уже совершенно некогда было ездить домой, я стал и обедать у князя.

Читателю, незнакомому с условиями придворной жизни, трудно себе и представить, какую огромную работу вызывало устройство всех [-279-] торжеств,

связанных с Высочайшим приездом. Все должно было быть точно распределено по часам, приготовлены тысячи повесток и приглашений, согласованных с известными, определенными правилами, условиями охраны и удобствами населения, желавшего видеть Царя, или иначе участвовать на торжествах. Приходилось считаться с этикетом, традициями и самолюбиями самых различных оттенков. Словом, во время трехдневного пребывания Царской Четы в Варшаве из моей канцелярии было выпущено более трех тысяч повесток, заранее приготовленных, и, благодаря Бога, не вышло ни одной путаницы.

За месяц до царского приезда прибыл обер-церемониймейстер, князь Долгоруков⁸³⁰, с которым были решены все вопросы этикета и окончательно установлена программа Высочайшего пребывания.

Последняя заключилось в следующем:

Первый день. Приезд и торжественный проезд через весь город в Лазенковский дворец. Представление Государю подлежащих военных и гражданских лиц. Обед, а после того фейерверк на Лазенковских прудах⁸³¹, на которых должны были появиться галеры с хором Калишского певческого общества, исполняющих ряд чисто польских национальных песен.

Не забуду любопытного по этому поводу разговора Имеретинского с князем Долгоруковым.

– Я полагаю, – сказал светлейший, – что после обеда, когда Государь с Императрицей выйдут на балкон, начинается фейерверк и тогда неожиданно, в виде сюрприза, выйдут галеры и хор начнет петь.

– Хорошо, – ответил Долгоруков, представляя программу на Высочайшее одобрение, – я об этом доложу Его Величеству.

[-280-] – Как доложите? Я хотел бы из этого сделать сюрприз.

– Ну да, разумеется, это будет сюрприз, но о всех сюрпризах заранее докладывают Его Величеству.

– Какой же тогда это будет сюрприз?!

– Ну это особый вид Высочайших сюрпризов – с предупреждением...

Все присутствовавшие невольно рассмеялись.

⁸³⁰ Alexander Sergeevich Dolgorukov (Dolgorukiy) (1841–1912), prince, chief marshal of the court (1899), member of the State Council, chief master of ceremonies at the coronation of Alexander III and Nicholas II.

⁸³¹ The Łazienki Palace (Polish: Pałac Łazienkowski; also the Palace on the Water and the Palace on the Island) is a small chamber residence of the last Polish king Stanisław Poniatowski on an artificial island in Warsaw's Łazienki Park. It was built for him in 1784–1795, according to the design of Domenico Merlini in the early classicist style, based on the bathing house of the Lubomirski princes.

Второй день. Парад войскам. Обед у Их Величеств. Вечерний спектакль – гала в опере.

Третий день. Объезд Государем фортов Варшавской крепости, раут у генерал-губернатора.

В области моей деятельности более всего затруднений представлял парадный спектакль и раут у генерал-губернатора по вопросу о приглаш[е]нии дам, в виду того, что все приглашаемые дамы должны были быть представлены Императрице.

Нетрудно организовать пригласительную часть даже на самое большое число гостей, когда для каждого из них нет определенного места. Иное дело спектакль, где каждый должен получить ту или другую ложу, то или другое кресло в театре в зависимости от важности своего служебного или общественного положения. В Варшаве это представлялось особенно трудным, потому что поляки не состояли на государственной службе, а потому весьма трудно было определить их положение в смысле иерархическом, не только между ними самими, но еще и по отношению к русскому служилому классу. Очевидно, нельзя было посадить в четвертый ярус какую-нибудь графиню Тышкевич или княгиню Сангушко, [-281-] потому что их мужья нигде не служили или посадить туда генеральшу Иванову, потому что она не княгиня и не графиня. Обид можно было нажить бесконечное множество. Мне лично это было конечно безразлично, но это могло пасть на Имеретинского, который поручив мне это дело, уже совершенно не хотел в него вмешиваться. Поэтому я просил знатока польской знати Пенхержевского распределить местную аристократию на четыре группы, так же как и распределил русских служащих, приравняв первую группу польской знати ко второму классу табели о рангах, а затем к третьему, четвертому и пятому; далее этого класса приглашения не шли за исключением гвардейских офицеров Варшавского гарнизона, которые были приглашены все. Все приглашения были написаны заранее, конверты к ним приготовлены, но № ложи или кресла я решил не проставлять до самого дня спектакля. Могли приехать новые гости и при другой системе все пришлось бы переделывать, а на это не хватило бы времени. Моя система вполне оправдалась впоследствии, когда уже в самый последний день приехали совершенно неожиданно многие Великие Князья с многочисленными свитами. Хорош бы я был, если бы им не хватило места! Однако, неполучение приглашений до последнего дня страшно волновало общество. Кто будет приглашен? Кто не будет приглашен? Меня терзали и разрывали на части. И

до каких только унижений и пресмыканий передо мной не доходили люди, которые перед тем и после того меня не замечали и не узнавали!

Очень щекотлив был и вопрос о представлении дам Императрице.

Разумеется теперь, после случившегося социального переворота, [-282-] все это кажется смешным и ничтожным, но всякому времени свойственны известные черты и слабости, и я записываю их, как добросовестный хроникер. Впрочем, я полагаю, что не без хлопот, интриг и уязвленных самолюбий не только не обходится и приглашения в «Белый Дом» президента «Величайшей демократии земного мира», но и каким-либо Рокфеллерам, Карнеги и Гульдам.

Затруднения в составлении списка дам, представляющимся Императрице, заключалось в следующем. Существовало правило, по которому Государыне имели право представляться супруги мужей, занимающих должности первых четырех классов. Как же было поступить с польскими дамами, мужа которых совершенно не служили? Между тем, если Царская Чета приезжала в Варшаву, то, очевидно, не для того, чтобы знакомиться с женами чиновников, а для того, чтобы войти в контакт с местным обществом. Но где же найти критерий, кого именно представлять Императрице? Нельзя же было представить всех желающих. Решение этого вопроса предоставили Пенхержевскому. Он представил список около двухсот польских дам. Прием такого количества представляющихся для Императрицы был слишком утомителен, почему было решено сократить список до ста. Кого же выбрать из массы желающих? Не знаю, каковы в это время были чувства у поляков в России вообще, а к царской фамилии в частности, но представиться Императорской Чете желало все, т. наз., польское общество. Независимо от того, с этой целью приехали польские магнаты из Германии и Австрии; даже из Италии приехала какая-то княгиня, рожденная принцесса Бурбонская. Нельзя было основывать список на княжеском или графском титуле, так как, например, Гурские, Карские, Буйно, [-283-] как у нас в России, Сабуровы, Нарышкины, старшая линия Салтыковых и т.п., принадлежавшие к самой родовой знати, не имели титула. Но если представлять Карских и Гурских, то почему не представлять русских дам, тоже носящих старинное имя и даже титул, потому что их мужа только поручики или титулярные советники? Таким образом, вышла бы такая нелепость, что Государыне представлялась бы просто помещица Гурская, а жена уланского поручика, графиня Бобринская, рожденная княжна Голицына, не была бы удостоена этой чести. Повторяю, что все это теперь кажется мелочью, но тогда оно являлось *cassus belli* между русским и польским обществом, и этому

придавалось политическое значение. С одной стороны, говорили, что генерал-губернатор затирает польское общество, не давая ему возможности выразить свои верноподданнейшие чувства, а, с другой, утверждали, что Имеретинский ополчился, давая всюду первое место полякам, в лучшем случае индифферентным к Царю и Царице, и не давая доступа к ним женам людей – верных слуг государства.

Должен отметить, что Имеретинский думал исключительно о знати, совершенно игнорируя другие классы населения.

Как-то, недели за две до Царского приезда, я решил ознакомиться с делом о первом приезде в Привислинский Край Императора Александра III, причем выяснилось, что тогда в торжествах аристократический элемент принимал довольно слабое участие, а, напротив, всюду появлялись крестьянские депутации с хлебом и солью. Подчеркиваю, что в данном мне поручении значилась только придворно-пригласительная часть, а политическая была вне моего ведения. Посему вышеупомянутый пробел никак [-284-] не мог быть отнесен к моему недосмотру, а всецело относился к управляющему канцелярией Менкину. Я сейчас же составил соответствующую докладную записку и подал ее Имеретинскому, прося прочесть ее на досуге. Такой образ действий с моей стороны был, в сущности, вторжением в чужую компетенцию. Я всегда был врагом всяких проявлений верноподданнейших чувств по указанию администрации и твердо, и неуклонно выполнил впоследствии этот принцип в течение моей многолетней службы, но в данном случае я полагал, что исчезновение крестьянства из элементов, приветствующих вновь вошедшего на престол русского Монарха, было бы большой политической демонстрацией.

Установленная традиция говорила, что русская власть опирается в бывшем Царстве Польском на крестьянство, освобожденное от крепостной зависимости Императором Александром II, и, вдруг, ныне оказалось бы, что Царя приветствует только шляхетство, а крестьянство изменило свои чувства. При подведении итогов царского приезда это было бы со злорадством отмечено нашими недоброжелателями.

Моя временная канцелярия помещалась в одной из зал замка. Я сидел и занимался какой-то перепиской. Вдруг, слышу торопливые шаги и вижу входит ко мне Имеретинский. Лицо его было красно и слегка подергивалось.

– Спасибо, Петр Петрович, – сказал он мне, – вы спасли меня от большой ошибки... Но как это никто об этом не подумал...! Ведь это было бы черт знает, что такое...! Да и я-то хорош! Как вы думаете, можно это еще поправить?

– Разумеется, – ответил я. – Деревянное блюдо успеют вырезать [-285-], в Варшаве прекрасные резчики по дереву. Польское полотенце всегда найдется, а войтов, по два человека от губернии, можно вызвать по телеграфу.

– Отлично! Я сейчас прикажу Менкину этим заняться.

Впоследствии неперенный член по крестьянским делам, состоявший при крестьянской депутации, говорил мне, что войты-крестьяне были искренне счастливы, что были вызваны. До слуха их доходило, что приедет Царь, но у них не хватило решимости на инициативу в этом деле.

Дней за пять до царского приезда Имеретинский сказал мне:

– Я получил сообщение от Министра Двора, что я могу представить к придворному званию шесть человек: трех русских и трех поляков. Поляков я предполагаю следующих: X. Y. Z. (я уже забыл их фамилии), а из русских: прокурора судебной палаты Турау⁸³² – гофмейстером, Калишского губернатора Дарагана⁸³³ – шталмейстером, ну а третьим поставьте себя – камер-юнкером, за отличное устройство торжеств.

– Покорнейше благодарю, ваша светлость, сказал я, но торжества даже еще не начались, не рано ли меня награждать!

– Довольно и того, что вы сделали.

В это время город торжественно украшался. За два дня до царского приезда я объехал весь город, чтобы увидеть украшения, и что же к удивлению своему вижу? Всюду инициалы «М. А.» Что значило «М»? Обращаюсь к одному из устроителей-поляков за объяснением.

– Очень просто, – отвечает он мне, – нам разрешено все наши приветствия писать на польском языке, ну, а имя Государя по польски [-286-] пишется «Миколай».

Это было совершенно справедливо с лингвистической стороны, но я могу себе представить недоумение и неприятное впечатление Государя, который, проезжая по улицам Варшавы, увидел бы вместе привычного «Н» букву «М», пока бы ему не объяснили причину этой замены. К тому же существовала легенда, что ему не долго царствовать, и что его заменит цесаревич. Правда, в то время здравствовал еще Великий Князь Георгий Александрович⁸³⁴, но следу-

---

⁸³² Yevgeniy Fyodorovich Turau (1847–1914), assistant prosecutor of the Warsaw Court of Justice (1881), prosecutor (1887), senator (1900), member of the State Council (1906).

⁸³³ Mikhail Petrovich Daragan (1833–1918), Kalisz, Vologda and Chernigov governor, senator, active privy councillor (1910). Honorary citizen of the cities of Minsk and Kalisz.

⁸³⁴ Georgiy Alexandrovich (1871–1899), the third son of Emperor Alexander III and Maria Fyodoro-

ющий за ним был Михаил⁸³⁵. Я поспешил к генерал-губернатору с докладом. Имеретинский сейчас же вызвал к себе главнейших деятелей по украшению города поляков и просил их заменить неудобную букву, объяснив, что тут нет ни малейшего покушения на их право демонстрировать свои чувства по-польски. К счастью, они это поняли, и злополучное «М» было убрано.

Едва ли не в тот же день Имеретинский за завтраком сказал:

– Я только что получил от Калишского губернатора Дарагана телеграмму о смерти тамошнего вице-губернатора Брежинского⁸³⁶, надо кого-нибудь назначить.

Сейчас же после завтрака я сказал Ячевскому:

– Князь приказал мне внести себя в наградной список камер-юнкером; если он действительно мне благодарен за мои хлопоты и труды и хочет сделать мне приятное, то я охотно откажусь от придворного звания, которое мне в провинции совершенно не нужно, а просил бы его предоставить мне открывшуюся вице-губернаторскую вакансию, где я надеюсь с пользой послужить.

– С удовольствием исполню вашу просьбу, – сказал Ячевский, – в 4 часа мы едем с генералом купаться, и я передам ему ваше [-287-] желание.

В тот же день я обедал у генерал-губернатора. После сладкого князь поднял бокал с вином и, обращаясь в мою сторону, сказал:

– Пью за здоровье молодого вице-губернатора. Я уже послал представление в Петербург, чтобы никто не успел пристать ко мне. Только прошу вас не болтать об этом до приказа. Вообще, мой совет вам никогда не говорить о своих предстоящих назначениях до приказа, т.к. они нередко срываются в последнюю минуту. Вот, что было со мной.

– После Плевненского боя⁸³⁷, за завтраком, Император Александр II поздравил меня начальником второй гвардейской пехотной дивизии. Я всем с радостью рассказал об этом, а к вечеру приехал граф Павел Андреевич Шувалов и Государь изменил свое решение, а мне вместо второй гвардейской дали

---

vna, the younger brother of Nicholas II.

⁸³⁵ Mikhail Alexandrovich (1878–1918), the fourth son of Alexander III.

⁸³⁶ Ananiy Ivanovich Brezhinskiy (1843–1897), from 12 March 1892 – deputy governor of Kalisz, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 99–101.

⁸³⁷ The Siege of Plevna (20 July–10 December 1877) was an important episode of the Russo-Turkish War of 1877–1878, a military operation by Russian-Romanian troops against the Turkish troops of Osman Pasha who had fortified themselves in the city of Plevna. The stubborn defence of the Turkish troops delayed the advance of the Russian army and allowed the Ottoman government to fortify Istanbul and Adrianople, but due to the inept actions of the Turkish high command, the Plevna garrison was forced to capitulate.

вторую армейскую, а это, что называется, «тех же щей, да пожиже влей». Правда, Государь позолотил эту пилюлю, сказав, что он дает мне вторую армейскую дивизию, потому что на нее возложена особенно серьезная задача и что он на меня исключительно рассчитывает, тем не менее, эта история доставила моим недоброжелателям много удовольствия.

Я считал, что поступил благоразумно, отказавшись от придворного звания. Должность чиновника особых поручений слишком зависима от лица, при котором состоишь; пока отношения хороши[e], служится приятно, лишь только они испортятся, служить противно. Уже два раза я испытал всю неприятность перемены начальства. Только что составишь себе хорошее служебное положение, как [-288-] происходит перемена. Точно игра в гусек⁸³⁸, дошел до № 13 и ступай назад. Независимо от того, в данный момент представлялась вакансия вице-губернатора, а потом мог наступить длительный период, что таковой бы не открывалось (так оно и оказалось на самом деле). Бог знает, еще каковы бы оказались мои отношения с генерал-губернатором в то время. А что отношения эти весьма тонки пришлось испытать на следующий день.

Если мне не изменяет память, царский приезд состоялся 20 августа. 19 августа приехал министр внутренних дел, Иван Логгинович Горемыкин, которого генерал-губернатор встретил на вокзале и пригласил к себе обедать. За четверть часа до обеда, когда я, уже переодетый в спортуку, намеревался идти с адъютантом обедать в столовую, Имеретинский зашел ко мне в кабинет и сказал мне:

– Извините, ради Бога, Петр Петрович, но сейчас я сообразил, что за столом нас будет тринадцать человек, а я страшно боюсь этого, в особенности накануне царского приезда, может быть, вы пойдете обедать в какое-нибудь другое место.

– Разумеется, ответил я.

Теперь прошло от этого эпизода четверть века, и я несколько не осуждаю князя (если, вообще, не считать глупостью такой предрассудок), но тогда поступок князя меня страшно обидел. Как, я больше всех на него работал, успех всех торжеств, который отразится на нем, создается мною, я только что оказал ему две услуги, а для меня нет места за столом, когда приехал главный барин. Не проще ли было позвать еще четырнадцатого, чем устранять постоянного гостя,

---

⁸³⁸ Goose – a type of board game that originates from the game of Goose, popular in medieval France and quickly spreading throughout Europe. Goose was played on a board on which a fantastic scroll called a “*jardin d’oies*” was painted.

если его хоть немного уважаешь. Я совершенно [-289-] теперь убежден, что у князя и мысли не было меня обидеть, а лишь не было достаточно вдумчивости, вниманья и умения выйти из положения, но, тем не менее, я тогда очень обиделся. Оправданием такой, сознаюсь, мелочности было чрезвычайное утомление, задержанность, вызванная родом моей деятельности, ведь последние дни меня буквально рвали на части. Так или иначе, я после этого к Имеретинскому более не ходил и хлеба его не ел. На следующий день, сядя за стол, меня искали, но я приказал передать, что поехал обедать в ресторан. По окончании же торжеств я уехал на дачу к жене. Очевидно, что при таком настроении, если бы даже месяца через три и открылась новая вакансия вице-губернатора, я не стал бы просить о ней Имеретинского, как вообще не стал бы обращаться к нему ни с какой просьбой.

На следующий день приехали Государь и Императрица.

На вокзале был почетный караул, высшие власти и депутация от города и крестьян с хлебом и солью. При последней стал министр внутренних дел Горемыкин и ею единой интересовался. Кстати сказать, Горемыкин начал свою службу комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском.

Хорош бы был генерал-губернатор, если бы я не напомнил ему о крестьянской депутации, хотя это меня вовсе не касалось, а вот пообедать с министром места для меня не нашлось! Клокотало во мне молодое и самолюбивое сердце.

Днем состоялось представление должностных лиц, семейный обед в Лазенковском дворце, а затем иллюминация с «сюрпризом» появления на пруде галеры с Калишским певческим обществом. Их Величества стояли на балконе и любовались действительно [-290-] эффектным зрелищем и наслаждались прекрасным пением.

На второй день Государь поехал на смотр войск. Я мог спокойно заняться в своей канцелярии рассылкой билетов на парадный спектакль. Зашел ко мне Калишский губернатор Дараган, мое будущее начальство, с целым рядом просьб о доставлении его Калишанам тех или других мест на торжествах. Все его желанья я, очевидно, по мере возможности исполнил. Когда он стал меня очень благодарить, я сказал ему, что мне мудрено было бы не исполнить просьбы моего начальства.

– Какое же я вам начальство? – сказал Дараган.

– А то, как же, разве вы не знаете?

– Ничего не знаю!

– Я назначаюсь к вам вице-губернатором.

Дараган изменился в лице.

– Этого не может быть! – сказал он, – Будучи у меня в Калише в июне месяце, князь формально обещал мне, в случае смерти Брежинского, который уже тогда был тяжело болен, назначить моего неперменного члена Базина⁸³⁹.

– Я об этом ничего не знаю, но представление обо мне уже послано в Петербург.

Сильно расстроенный и раздосадованный, Дараган отошел от меня. Мне, конечно, такой прием был весьма неприятен, тем более что я ничего даже и не знал о Базинской кандидатуре. По проверке потом оказалось, что Имеретинский и на самом деле обещал Дарагану назначить Базина, будучи очарован приемом, оказанным ему в Калише. Действительно, Дараган устроил там настоящую феерию, которая вчера повторилась в Лазенках для [-291-] Государя. По пути князя забрасывали цветами, а местное велосипедное общество выехало к генерал-губернатору на встречу за двадцать пять верст за город и эскортировало его до губернаторского дома. Председателю велосипедного общества⁸⁴⁰, сапожнику Дрыгасу⁸⁴¹, князь горячо потряс руку. Поляки, которые всегда подмечают все смешное, уверяли потом, что Дрыгас не знал, что делать со светлейшей рукой, т.к. доньне большие господа подавали ему только ногу для снятия мерки, но никогда не руку.

Так или иначе, все это, а в том числе и бедный Базин, были забыты.

Тем не менее, я напрасно не послушал указания Имеретинского не болтать о своем назначении до приказа.

Днем в Лазенках был большой обед, а вечером спектакль-гала в Большом театре. Были даны один акт из балета и два действия из оперы. В одном из последних, взятым из оперы Лоэнгрин, пели знаменитые певцы, поляки брата

⁸³⁹ Nikolay Petrovich Bazin (1839-after 1916), graduate of the Pavlovsk Cadet Corps (1857), active state councillor since 1896, member of the board of the Moscow-Vindavo-Rybinsk railway. Honorary Trustee of the Alexandria Gymnasium (March 1, 1916) – С.В. Волков, *Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь*, Москва 2016, p. 1685; An indispensable member of the Kalisz Provincial Presence – *Памятная книжка Калишской губернии на 1892 год*, Калиш 1892.

⁸⁴⁰ The Kalisz Cyclists' Society was founded in 1892.

⁸⁴¹ Jan Drygas (1842-1911), owner of a shoemaker's shop in St Joseph's Square in Kalisz and a house in Kalisz. Member of many institutions and societies, including the Kalisz Industrialists' Loan Fund (co-founder), the Christian Craftsmen's Association, the Kalisz fire brigade (firemaster), and church supervision.

Решке⁸⁴², специально приехавшие для сего из Америки. Императорская фамилия помещалась в большой средней ложе, нарочно для этого сооруженной. Все были в парадной форме в лентах с орденами, дамы блистали туалетами, декольте и бриллиантами.

На третий день Государь поехал осматривать форты Варшавской крепости. Утром я по какому-то делу пошел к кн. Оболенскому, у которого остановился министр внутренних дел Горемыкин. По тогдашним правилам, вице-губернаторы должны были представляться министру. Для того чтобы избежать поездки в Петербург, я решил использовать пребывание Горемыкина в Варшаве и представиться ему здесь. Князь Оболенский охотно провел [-292-] меня к министру.

Иван Логгинович принял меня любезно, но ранее всего спросил меня знаком ли я с крестьянским делом. Я вынужден был ответить отрицательно.

– Вот это не хорошо, – сказал министр, – я считаю крестьянское дело основным в нашем административном устройстве.

После еще двух-трех фраз, я откланялся и ушел.

– Черт меня дернул, – сказал я себе, – соваться к министру. Ведь если бы я к нему не пошел, то дефекты моей административной подготовки остались бы ему неведомы, а теперь, что будет, пожалуй, все назначение и не пройдет!

Не мудрено, что Горемыкин так высоко ставил крестьянское дело. Во-первых, как я говорил выше, он начал свою службу в крестьянских учреждениях, а, во-вторых, им был составлен известный и весьма замечательный сборник всех законов и постановлений по крестьянскому делу. Моя кандидатура стала казаться мне весьма шаткой еще и потому, что Дараган был ею недоволен, а он был родственником Горемыкина и легко мог мне повредить, тем более что мое незнание крестьянского дела расчищало для него почву, т.к. кандидат Дарагана, Базин, как непрременный член по крестьянским делам присутствия, имел в глазах министра наиболее ценный ценз. К тому же стало известным, что Имеретинский с Горемыкиным при свидании на чем-то не сошлись, и остались друг другом недовольны. Если бы представление обо мне не имело успеха, то рас[с]читывать на особую настойчивость в этом отношении со стороны Имеретинского, в особенности после моего демонстративного порыва с ним отношений, я не имел никаких [-293-] оснований.

---

⁸⁴² Sibling opera singers: Jan Reszke (1850–1925) and Edward Reszke (1853–1917).

Хорошо я устроился, камер-юнкерство я упустил, а вице-губернаторство проваливалось! Настроение мое было самое подавленное, тем более что я был сам во всем виноват: безо всякой надобности разболтал о моем предполагаемом назначении Дарагану и, поторопившись идти к министру, несмотря на предостережение князя, который имел бы после этого полное право от меня отступить. Единственным утешением было то, что торжества шли блестяще, ни сучка, ни задоринки.

Вечером у генерал-губернатора был раут. Приглашенных было более тысячи человек. Государь был в уланской форме и в Андреевской ленте. Своей простотой и молодостью он произвел на всех обаятельное впечатление. Менее понравилась Императрица. В то время она была очень полна, на лице ее были красные пятна, а руки казались тоже очень большими и тоже красными.

Началось представление дам с польками во главе. Первая из них, сделав установленный реверанс и получив руку Императрицы ее пожала. Стоявший рядом с Императрицей, обер-церемониймейстер, князь Долгоруков сказал: „*On baise la main à l'Impératrice*”.

После этого напоминания дамы уже без дальнейших околичностей совершали *baise main*.

В этот вечер я имел возможность увидеть всю польскую знать, собравшуюся со всех концов Европы. Должен отметить, что особой красоты я в ней не заметил. По-моему, пресловутая красота польской женщины переместилось в среднее, если не еще более низшее, сословие. Но зато какие туалеты, какие бриллианты были на польских аристократках. Это был целый музей!

[-294-] Случайно, мне пришлось подслушать одну забавную сценку, характеризующую нравы высшего польского общества.

Великий Князь Владимир Александрович⁸⁴³ разговаривал с одной из первейших по своему положению дам, княгиней X., женщиной лет тридцати, очень интересной.

- *Pourquoi n'êtes vous pas venu me voir Monseigneur ?*
- *C'était impossible, madame, toutes mes journées sont prises !*
- *Mais les nuits, monseigneur?*

Великий Князь расхохотался своим бархатным, барским раскатистым смехом.

⁸⁴³ Vladimir Alexandrovich (1847–1909), Grand Duke, third son of Emperor Alexander II.

Благодаря теплой погоде Царь и Царица и многие гости вышли на открытую террасу замка. Была темная августовская ночь, почему иллюминация Праги⁸⁴⁴, берегов Вислы и мостов была изумительно красива. Тысячи ракет бороздили небо своими огненными хвостами, звезды римских свечей смешивались с яркими звездами южного неба.

Было красиво, нарядно, весело.

Ко мне подошел Имеретинский и сказал:

– Польское общество просит, и Государь согласился, чтобы все желающие завтра провожали Их Величества на вокзале; пожалуйста, устройте это.

Я разыскал, назначенного вместо меня камер-юнкером, графа Адама Замойского^{845*}, и мы порешили завтра запереть все входы на [-295-] вокзал кроме одного и встать в качестве контроля, он – польского, а я – русского общества. Жандармскому начальству я объяснил, что это воля Государя. Относительно русского общества я от Имеретинского никаких указаний не получил, а решил его в свою голову. Нельзя же было не дать русским того, что давалось полякам!

* Граф Адам Замойский впоследствии был церемониймейстером, а во время войны был взят Вел. Кн. Николаем Николаевичем в качестве вольноопределяющегося ординарцем. Затем произведен в офицеры и пожалован в флигель-адъютанты. Все время находился в Ставке, даже в бытность Верховным Главнокомандующим Государя Императора, расположением которого пользовался. Считался как бы «офицером связи» Ставки с польским обществом. Человек это был очень ловкий. Во время революции Замойский был в Петрограде. Он поехал в Царское Село и сел на стул при входе в комнаты Императрицы и так просидел 36 часов. Как говорили, он был единственным флигель-адъютантом, поехавшим в Царское Село.

Слава Богу, и проводы сошли благополучно и я с спокойным сердцем увидел дымок локомотива отходившего Императорского поезда... и, тем не менее, меня томил вопрос, а что делается с моим назначением в Петербурге?

Прошло две недели, а ответ не приходил.

Как-то князь Оболенский пригласил меня ехать с ним в Седлецкую губернию в Леснинский монастырь⁸⁴⁶ на храмовый праздник. Я охотно согласился.

⁸⁴⁴ Praga – the central part of right-bank Warsaw (located east of the Vistula).

⁸⁴⁵ Adam Michał Ludwik Zamoyski (1873–1940), count, landowner, 2nd entailer of Kozłówka.

⁸⁴⁶ Lesna Monastery – an Orthodox women's monastery founded in 1889 in the village of Lesna, Konstantinovsky district, Sedlec province. It was created in place of a Catholic monastery closed by the Russian authorities. The Russian monastery had the task of Orthodox propaganda among former Uniates.

Монастырь этот, руководимый игуменьей Екатериной, в мире графиней Ефимовской⁸⁴⁷, производил самое приятное впечатление своей деловитостью и опрятностью.

Толпа народная на празднике была огромная и высоко религиозно настроенная. Превосходную проповедь, на малороссийском языке [-296-] произнес священник Серосек⁸⁴⁸ на тему о покаянии. Толпа буквально рыдала. На моей памяти это был единственный действительный случай настоящего духовного красноречия*.

* Оговариваюсь, впоследствии я слышал замечательного проповедника о. Георгия Спасского⁸⁴⁹ в Париже. К общему огорчению, он скончался в январе 1934 года.

В этой местности население и на самом деле было православное, а это следует приписать упорной и разумной деятельности монастыря. Вообще, изо всех виденных мною монастырей, женские всегда выгодно отличались от мужских. В них всегда был порядок, домовитость, опрятность, благолепие. Правда, иногда некоторые настоятельницы слишком увлекались материальной стороной монастырского быта, забывая о религиозной, и просто обращали свои монастыри в образцовые фермы, школы и больницы, но ведь и это благое дело.

За монастырской трапезой я оказался соседом обер-прокурора Святейшего Синода, В.К. Саблера⁸⁵⁰. Это знакомство мне впоследствии весьма пригодилось. Против меня сидел молодой рыжий монах, только что посвященный в епископы. В монастыре уже было известно о предстоящем моем назначении вице-губернатором, и все поздравляли молодых епископа и вице-губернатора. Этот рыжий монах, в Бозе почивший, Его Святейшество Тихон, многострадальный Патриарх всея Руси⁸⁵¹.

Наконец, 8 сентября я получил радостную телеграмму о моем назначении Калишским вице-губернатором. Все мои страхи, слава Богу, оказались

⁸⁴⁷ Abbess Ekaterina (in the world Yevgeniya Borisovna Yefimovskaya) (1850–1925).

⁸⁴⁸ Stremoukhov got the priest's name wrong. He is probably referring to Severian Ivanovich Seroi-chkovskiy (1843–1905), priest of the Orthodox parish in Kornica.

⁸⁴⁹ Georgiy Alexandrovich Spasskiy (1877–1934), protopresbyter of the Russian Orthodox Church.

⁸⁵⁰ Vladimir Karlovich Sabler (from 1915 – Desyatovsky) (1845–1929), active privy councillor (1905), state secretary (1913), chief prosecutor of the Holy Synod in 1911–1915.

⁸⁵¹ Patriarch Tikhon (Vasiliy Ivanovich Bellavin) (1865–1925), bishop of the Russian Orthodox Church, on 19 October 1897, at the age of 34, he was ordained Bishop of Lublin, vicar of the Chelm-Warsaw diocese, from 21 November 21 (4 December) 1917 to 25 March (7 April), 1925, Patriarch of Moscow and All Russia.

напрасными. Начинаясь для меня эра вполне самостоятельной, [-297-] как мне казалось, жизни.

Оканчивая главу моих воспоминаний о моей службе в Варшаве, мне хотелось бы резюмировать свои впечатления о трех генерал-губернаторах, при которых я состоял и которых имел возможность наблюдать довольно близко. Люди это были большие или признанные за таковых. По странному стечению обстоятельств все три считались приятелями между собой и были на «ты», будущи товарищами между собой по кампании 1877/[18]78 года.

Конечно, изю всех трех выше, неизмеримо выше остальных стоял Гурко. Это была гранитная скала, на которой твердо можно было строить здание русской государственности.

Граф Шувалов был ярким бриллиантом, блистающим саморождающимися искорками. Это был предмет роскоши позволительный только такому богатому и сильному барину, какова была тогдашняя Россия. Вне такой обстановки вряд ли он мог бы быть полезным.

Князь Имеретинский был хорошей и большой стразой, блестящей лучами, отраженными от положенной на дно его фольги. Снимите это фольгу, и в ваших руках останется лишь хорошо отграненное стеклышко.

Дав эту характеристику трем генерал-губернаторам, я стремился быть вполне объективным. Прошло уже четверть века со времени моего с ними общения и личные симпатии или чувства давно отошли в прошлое.

Уже после написания этих строк, мне попало в руки весьма интересная книга «Воспоминания» Д.А. Скалона⁸⁵², бывшего адъютанта Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего⁸⁵³ во время войны 1877/[18]78 года. В этих воспоминаниях много говорится о Гурко, Шувалове [-298-] и Имеретинском и, к моему удовлетворению, мои характеристики вполне совпали с мнением Скалона. Каков человек в зрелом возрасте, таков он и в старости: «Каков в колыбельке, таков и в могилке!»

Оглядываясь на проведенные в Варшаве годы, я не могу не отметить, что потратил их с большой для себя пользой. Я послужил в четырех из пяти отделений канцелярии генерал-губернатора и, одновременно, управлял тремя из них, имел многочисленные поручения, познакомившие меня с краем, видел многих

---

⁸⁵² Dmitriy Antonovich Skalon (1840–1919) – adjutant of Grand Duke Nikolai Nikolayevich, chairman of the Imperial Russian Military Historical Society, cavalry general, adjutant general. *Мои воспоминания 1877–1878 гг.*, Vols 1–2, Санкт-Петербург 1913.

⁸⁵³ Nikolay Nikolayevich (the Elder) (1831–1891), Grand Duke, third son of Emperor Nicholas I and Alexandra Fyodorovna; field marshal (16 April 1878).

людей, понял их взаимные отношения. Задачи и приемы русской власти на польской окраине стали мне ясны. Я считал себя совершенно подготовленным к новой деятельности, а работой своей, несомненно, заслуживал назначения на сравнительно по моим годам высокий пост. Грустно мне было только, что новую службу приходилось начинать при недоброжелательстве ко мне нового начальника, но такова уже была видимо моя судьба: в Варшаве Божовский тоже принял меня *comme un chien dans un jeu de quille*⁸⁵⁴. Неприятно было и то, что вне всякой моей вины я расхотелся с моими начальниками... Не знаю почему, последнее обстоятельство сопровождало меня в течении всей моей сложной и продолжительной карьеры. Не знаю, в ком тут вина, во мне ли или в начальстве. Быть может, я предъявлял к нему слишком большие требования, быть может, был слишком самолюбив и щепетилен. Впоследствии мои подчиненные меня очень любили, чему я имел и имею многочисленные доказательства, но со всяким начальством всегда был в натянутых, а иногда и в враждебных отношениях. Не могу не отметить, что на моем жизненном пути люди делали мне много зла; с [-299-] чистой совестью могу сказать, что никогда никому не мстил, хотя имел полную к тому возможность, а напротив часто платил добром за содеянное мне зло, но, удивительное дело, сама судьба всегда мстила за меня моим врагам за сделанную гадость. Провидение всегда ниспосылало им наказание. Слова писания: «Мне отмщение и аз воздам» проявлялось относительно меня с удивительной яркостью. Да и теперь, когда мне кто-нибудь сделает неприятное, я спокойно ожидаю будущего и знаю, что я буду отомщен. Повторяю, что я не мстил никогда, могу многое простить, но забыть – никогда.

Кончая эту главу, отмечу, что управление генерал-губернатора, все чиновники особых поручений и чины канцелярии с ее управляющим во главе, почтили меня обедом и поднесли жетон, который с этого дня сделался традиционным для лиц, оставляющих это учреждение. При существовавшем антагонизме между чиновниками особых поручений и чиновниками канцелярии, проявленное ко мне внимание было особенно ценно.

---

⁸⁵⁴ He received me like a dog at a game of bowls. French expression - he received me very badly.

ГЛАВА V

В КАЛИШЕ

1897–1904

[-300-] Постройка Калишской ж.д. – Поездка в Петербург. – С.Ю. Витте. – Город Калиш. – Памятник русско-прусской дружбы. – Трубачи на костеле. – Н.П. Базин. – М.П. Дараган. – Мои первые служебные шаги. – Некоторое разочарование. – Заграничные поездки. – Мои охоты. – Введение винной монополии. – Вознаграждение за права пропинации. – Бабий бунт. – Обвинительная камера судебной палаты. – Дамы. – Г.Э. Зенгер. – Освящение памятника императору Вильгельму. – Моя жена в руках итальянских бандитов. – Поездка в Ниццу. – Операция. – Профессор Зонненбург. – Смерть дочери. – Бурская война. – С.С. Татищев. – Князь Четвертинский. – Поездка в Крейцнах и на выставку в Париж. – Постройка реального училища и приезд министра народного просвещения Глазова. – Поездка на остров Силът. – Выборы в Земском кредитном обществе. – Речь Дарагана. – Смерть князя Имеретинского. – Падение Дарагана. – Его уход в Сенат. – Сельскохозяйственные комитеты. – Назначение губернатором Н.И. Новосильцева. – Его характеристика. – Болезнь тестя. – Встреча с графом Бнинским. – Поездка в Ниццу. – Кончина тестя. – Получение наследства. – Поездка в Петербург. – Министр внутренних дел Плеве. – Пожалование меня камер-юнкером. – Поездка в деревню. – В гостях у Вел. Князя Николая Николаевича. – Первое мое представление Государю. – Японская война. [-301-] – Граф Келлер. – Опять в деревне. – Впечатления помещичьего быта. – Назначение мое Сувалкским губернатором. – Беседа с Чертковым. – Итоги.

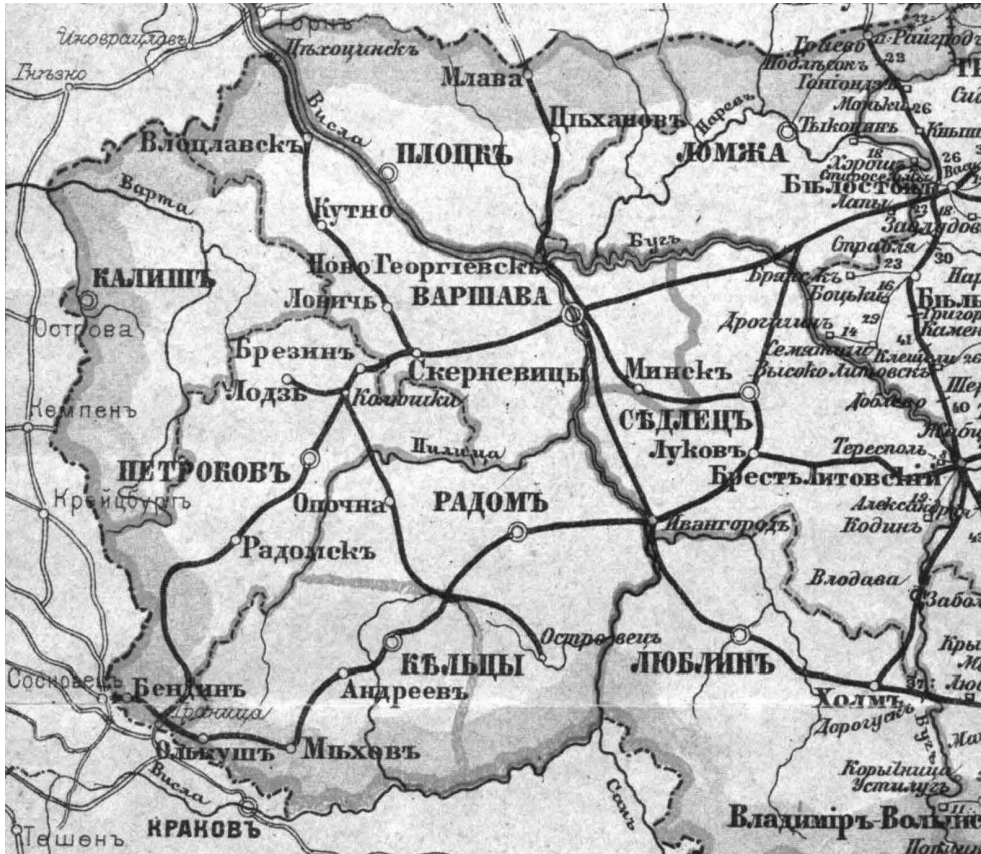
В периоде, непосредственно предшествующем моему назначению в Калиш, местной злобой дня была перестройка ж[елезной] д[ороги] соединяющей этот город с остальной сетью Империи. Железная дорога, принадлежащая Обществу Варшавско-Венской ж.д., представлялась в следующем виде: одна линия тянулась на запад от Варшавы до станции Скерневицы, а оттуда на север и через Александрово⁸⁵⁵ – Торн⁸⁵⁶ соединялась с сетью Прусских ж.д. От

⁸⁵⁵ Aleksandrov Prigranichnyy – now Aleksandrów Kujawski in Poland.

⁸⁵⁶ Torn – now Toruń in Poland.

станции Скерневицы, верстах в шестидесяти от Варшавы, [у]помянутая линия раздваивалась, давая ветвь на юго-запад, через Границу⁸⁵⁷, в Вену.

Railway lines in the Kingdom of Poland, 1890.

Source: Приложение ко Всеобщему календарю на 1890 год.

От станции Колошки, расположенной южнее Скерневиц верст на пятьдесят, тянулась самостоятельная ж.д. ветвь в сорок верст протяжением, называвшаяся Лодзинско-Фабричною и принадлежащая Блюху⁸⁵⁸. Последняя ветка благода-

⁸⁵⁷ Granica, village, currently the Sosnowiec Maczki station, the ceremonial opening of the railway station took place on 1 April 1848.

⁸⁵⁸ Jan Gottlieb Bloch (1836–1902), one of the creators and owners of the Fabryczno-Łódzka railway (to Koluszki) opened in 1866 – *Fabryczno-łódzka droga żelazna*, [in:] *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, Vol. 2, *Dereńek – Gżack*, Warszawa 1881, p. 366.

ря краткости своего протяжения и огромному количеству грузов, доставляемых в Лодзь и обратно, приносила своему собственнику баснословные барыши. Калищ, расположенный на самой границе Пруссии, оказывался вне центра вилки, образуемой разветвлениями Варшавско-Венской ж.д., и должен был получать и отправлять свои грузы гужом либо к северу, на станцию Кутно, либо на восток на Лодзь, на расстояние, в обоих случаях, до девяноста верст. Между тем в Калише была довольно крупная промышленность: громадная суконная фабрика Репгана⁸⁵⁹ и несколько крупных фабрик прошивок, а в губернии имелись сахарные [-302-] заводы. Доставка всех произведенных фабриками товаров, а в особенности, получение топлива гужом, разумеется, было чрезвычайно невыгодно. Независимо от того, нахождение довольно значительного губернского центра вне ж.д. сообщений было неестественное, а посему как жители губернии, так и власти, всемерно желали постройки ж.д., соединяющей Калищ с общей сетью ж.д. Империи. Однако, эти пожелания встречали постоянный отпор как со стороны правления Варшавско-Венской ж.д. (барона Кроненберга⁸⁶⁰, только что пожалованного Государем этим титулом⁸⁶¹), так и Блюха, для которых постройка новой ж.д. была невыгодна. В случае постройки ж.д. Калищ-Варшава или Калищ-Лодзь Обществом Варшавской ж.д., последняя, производя дорогую постройку, не приобрела бы новых грузов, т.к. они и так на нее приходили гужом, следовательно дивиденды общества неминуемо бы понизились. В случае постройки ж.д. на Лодзь с самостоятельным выходом на восток, в Варшаву ли или же на соединение с Ивангородо-Домбровской линией⁸⁶²,

---

⁸⁵⁹ At that time, the owner was Emil Karol Rephan, a staunch supporter of Russia, in 1897 he welcomed the governor-general in Kalisz, collected contributions for a gift for the Tsar and a monument for Dargan, he received the Order of St. Stanislaus 3rd class and the title of commercial counsellor – A. Szwarz, *Emil Karol Rephan*, [in:] *Polski słownik biograficzny*, Vol. 21, ed. E. Rostworowski, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1976.

⁸⁶⁰ Leopold Julian Kronenberg (1849–1937), in 1887, he took over the management of the family businesses, including the Warsaw-Terespol Railway and the Vistula Railway. He was also the president of the Warsaw-Vienna Railway.

⁸⁶¹ His father (also Leopold) was knighted by the Tsar in 1870, and he was also given the title of Baron of the Russian Empire by the Tsar on 30 January (11 February) 1898. – «in reward of special services in the field of domestic trade and industrial merits and useful social activities, he was granted, with his descending descendants, the baronial dignity of the Russian Empire». – А.А. Бухе, *Список титулованным родам и лицам Российской империи с 1894 до 1908 года*, Москва 1908, p. 8. Coat of arms: three silver wavy diagonal stripes on the red tercha, motto: Labor – *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*, part 16, p. 13.

⁸⁶² A broad-gauge railway line from Ivangorod Fortress (now Dęblin) to Huta Bankowa (Dąbrowa Górnicza) owned by J.G. Bloch. The section from Dęblin, across the bridge over the Vistula River to Kielce was opened on 21 December 1883, while the section from Kielce to Dąbrowa was opened on 26 January 1885. – *Kolej Dęblin–Dąbrowa Górnicza*, [in:] *Encyklopedia PWN*, [online], <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/;3923887>

фабричная ж.д. могла потерять все свои грузы. По силе сих обстоятельств Блиох и Кроненберг представляли всякие доводы тормозившие постройку Калишской дороги.

В начале 1897 года в эту историю вошло третье лицо, полковник генерального штаба Тизенгаузен⁸⁶³, представивший проект и хлопотавший о концессии на Калишскую дорогу, как на совсем самостоятельное предприятие, при этом Тизенгаузен предлагал строить ж.д. ширококолейную и через Колюшки – Ивангород ввести ее в ширококолейную сеть Империи.

Такой проект привел, разумеется, г.г. Блиоха и Кроненберга в большое волнение, т.к. доходности из предприятий грозила серьезная [-303-] опасность. Говорить о несостоятельности такого предприятия уже не приходилось, т.к. самый факт, что нашелся на него предприниматель и капиталы уже говорил сам за себя. Единственный выход из создавшегося положения заключался в том, чтобы не допустить Тизенгаузена до концессии и взять ее на себя. Предполагавшаяся при этом убыль в доходе принадлежавших им предприятий представлялась, во всяком случае, меньшим бедствием, чем самостоятельный конкурент. В силу этих соображений г.г. Кроненберг и Блиох стали употреблять все старания, с одной стороны, чтобы провалить Тизенгаузена, а с другой, если бы его проект по существу не провалился, то получить концессию себе, т.к. вскоре выяснилось, что самой постройки Калишской ж.д. избежать уже нельзя, то вся их энергия была направлена по второму пути.

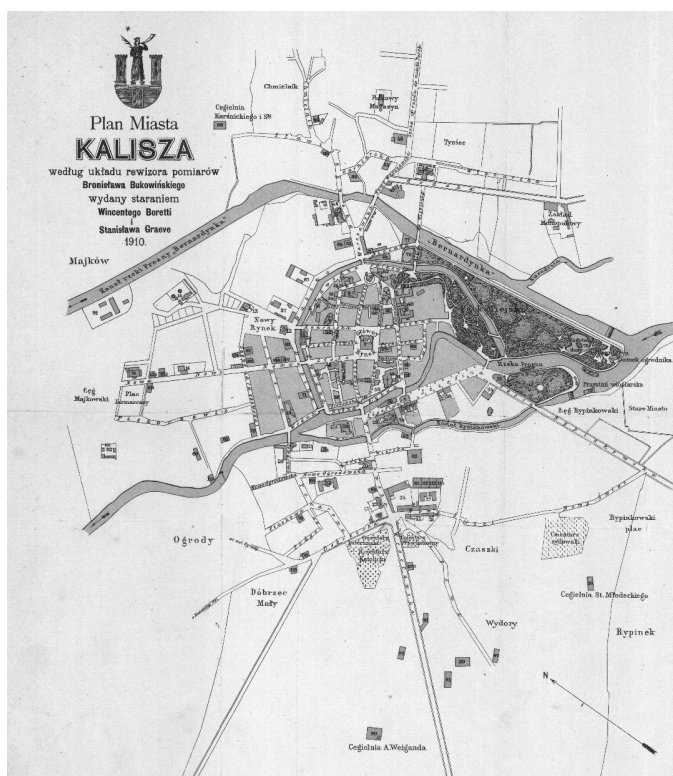
Принимая во внимание, во-первых, что с предстоявшим моим назначением Калишским вице-губернатором, интересы этой губернии мне уже стали дороги, а, с другой, желая что-нибудь для нее на первых же моих шагах сделать, я изучил весь этот вопрос и составил докладную записку. Но столь давно назначенные генерал-губернатор и его помощник дела этого совершенно не знали. Идти к Имеретинскому мне не хотелось, а потому я подал свою записку кн. Оболенскому⁸⁶⁴. Князь ею живо заинтересовался и в тот же день отнес ее к светлейшему. Вернувшись из замка⁸⁶⁵, Оболенский сказал мне:

⁸⁶³ Alexander Yevgeniyevich Tiesenhausen (1858–1909), colonel (1891), major general (1901), graduated from the Page Corps in 1876, and was thus, like his brother Yevgeniy (railway engineer, official of the railway department in the Ministry of Communications), a schoolmate of P.P. Stremoukhov, which the latter kept quiet about.

⁸⁶⁴ Alexander Dmitrievich Obolensky, August 24 (September 5), 1847 – November 26 (December 9), 1917, assistant to the Governor-General of Warsaw province for Civil Affairs (1896 – 1899).

⁸⁶⁵ The Royal Castle in Warsaw. After the fall of the November Uprising (1832), by the decision of Tsar Nicholas I, the Castle became the residence of Russian governors, and from 1874 of governor-

Plan of Kalisz, 1911.

Source: Polona

– Как кстати подошла ваша записка, во-первых, потому что генерал-губернатор совершенно не был до сих пор в курсе этого важного дела, а, во-вторых, сегодня же получена телеграмма от Витте^{866*} о том, что им вопрос о постройке Калишской дороги внесен в [-304-] Комиссию о постройке новых ж.д. и он просит начальника Края прислать своего представителя, и, вот, князь решил послать вас; первое заседание состоится через неделю. Я думаю, что и вам кстати съездить в Петербург.

* Тогда министра путей сообщения.

generals.

⁸⁶⁶ Sergey Yuliyevich Vitte (1849–1915), minister of railways (1892), minister of finance (1892–1903), chairman of the Committee of Ministers (1903–1906), state secretary (from 14 May 1896), member of the State Council (from 17 August 1903), prime minister of Russia (1905–1906).

– Благодарю вас, – сказал я, – и какие же взгляды у генерал-губернатора на этот предмет. Кого он поддерживает?

– Имеретинской желает, чтобы дорогу построили, как можно скорее.

– Но кому из конкурентов он дает предпочтение? Ведь мне в этом отношении неминуемо придется высказываться.

– В этом он дает вам *carte blanche*.

– Но я же буду говорить от его имени!

– Ну и говорите!

– Но он может меня потом, как это сказать... дезавуировать!

Князь рассмеялся:

– Ну, конечно, может!

– Благодарю покорно! Во всяком случае, я определенно склоняюсь к Тизенгаузену, во-первых, потому, что он, несмотря на свою немецкую фамилию, русский, во-вторых, потому что он строит ж.д. ширококолейную, т.е. общеимперского типа, а, в-третьих, и с моральной стороны: не будь его, вопрос о постройке Калишской ж.д. никогда не сошел бы с мертвой точки. Кроненберг и Блюх готовы строить ж.д. только потому, чтобы не отдать ее Тизенгаузену. Мои симпатии всегда на стороне активных, а не вынужденных побуждений.

– Я согласен с вами.

– Могу ли я рассчитывать на вашу опору?

[-305-] – Разумеется.

Накануне моего отъезда в Петербург князь Оболенский вновь меня вызвал. (Имеретинский был на маневрах).

– Знаете, [-] сказал он мне, [-] сейчас был у меня Дараган, он узнал о вашей командировке и очень ею недоволен, и просил вас не посылать, и чтобы вы вообще в это дело не вмешивались. Я сказал ему, что этого сделать нельзя, т.к. заседание послезавтра, и о вашем участии в нем Имеретинский уже телеграфировал Витте. Дараган очень раздражен и сказал мне, что вы все его карты перепутаете и что, вообще, это не вице-губернаторское дело. На это я заметил ему, что в заседании вы будете участвовать вовсе не как вице-губернатор, а как представитель генерал-губернатора.

– А чего хочет Имеретинский? [-] спросил меня Дараган.

– Чтобы дорогу построили, как можно скорее – вот и все.

– Но кому же он хочет отдать предпочтение?

– В этом отношении у Стремоухова *carte blanche*. Его мнение будет мнением

генерал-губернатора.

– Предупреждаю вас, [-] добавил Оболенский, [-] что Дараган очень раздражен.

– Что же мне делать?

– Поступайте согласно своим убеждениям, а пусть он сердится, сколько ему угодно.

– Вам хорошо говорить, князь, а ведь мне с ним жить, он уже и без того злится, что меня навязали ему вместо Базина*.

* Непременный член Калишского губернского по крестьянским делам присутствия, действительный статский советник Николай Петрович.

– Ну что поделаешь, на службе не одни розы, а есть и тернии.

В тот же день посетил меня Дараган. По-видимому, он был [-306-] страшно раздражен, но по мере сил сдерживался. Когда же я высказал ему свои симпатии Тизенгаузену, то он уже окончательно рассердился и начал говорить, что нельзя вырывать этого дела из рук Общества Варшавско-Венской ж.д., уже более полувека работающего на благо Края, и давать концессию пришлому и ничего не имевшему общего с Краем человеку. В конце концов Дараган просил меня относительно выбора концессионера не высказываться, тем более что я не имею на то прямого указания генерал-губернатора.

После этого разговора я поехал в Петербург в довольно тяжелом настроении.

Ранее всего мне пришлось представиться Витте.

Перед посещением министра вновь тщательно изучил все дело и возобновил в памяти многие цифровые и статистические данные, т.к. предполагал, что мне придется делать министру подробный доклад. Однако мои труды оказались излишними: Витте знал дело превосходно и изложил мне его едва ли не с большими подробностями, чем те, которые я собирался ему представить. Дело Калишской дороги было для него маловажным, если он изучил его так тщательно, то как же он должен был знать дела, имевшие большее значение. Способности Витте выявились передо мною с яркою определенностью.

В комиссии по перестройке ж.д. председательствовал директор департамента Максимов. Присутствовали и представители интересов и всех конкурентов. Тенденция председателя комиссии передать Калишскую дорогу Обществу Варшавско-Венской ж.д. проявилась, по-видимому, согласно взглядам

министра, с такою яркостью, что я понял [-307-], что мое выступление в пользу Тизенгаузена, даже от имени генерал-губернатора, не имело бы ни малейшего шанса на успех, и поэтому не кривя совестью я мог отмолчаться. Сделал я это не из угодливости перед Дараганом, а как по приведенной причине, так и потому, что совершенно не был уверен быть впоследствии поддержанным Имеретинским, который мог всегда сказать, что поручения поддерживать Тизенгаузена он мне не давал, и тогда я был бы поставлен в более чем тяжелое положение.

Несколько дней спустя я вернулся в Варшаву, забрал свою семью и выехал в Калиш.

Тогда путешествие это было довольно утомленное. Надо было ехать по ж.д. до станции Кутно, а оттуда девяносто верст на лошадях. Путешествие это совершалось на почтовых, в так называемых каретках, довольно неопрятных. Впрочем, мне, как вице-губернатору, дали сравнительно чистую.

В Калише ожидал меня сюрприз, довольно неприятный. Дараган куда-то уехал и должен был вернуться дней через пять. Губернией управлял управляющий Казенной палатой. По закону в отсутствие губернатора его заменяет вице-губернатор, а следовательно, мне надлежало бы немедленно вступить в управление губернией. Зрело обдумав свое положение, я решил этого не делать и ждать возвращения своего принципала, использовать это время на то, чтобы устроить свой *home* и оглядеться.

Губернатор и вице-губернатор имели чудесные казенные квартиры в великолепном дворцеподобном доме, построенном пруссаками для кадетского корпуса во время кратковременного владения ими этим городом в конце восемнадцатого столетия.

[-308-] В этом же доме помещались и некоторые губернские учреждения, что было очень удобно.

Город произвел на меня отличное впечатление, несколько напоминая по благоустройству небольшие немецкие города. Непосредственно к нашему дому примыкал великолепный парк в полсотни десятин, превосходно распланированный трудами Дарагана, прослужившему к тому времени в Калише свыше двадцати лет.

Квартира вице-губернатора была превосходная. Мне приятно было, что вместе с содержанием в три тысячи рублей я вносил в наш домашний бюджет столько же, если не более, чем жена. Никогда между мной и женой не было разговора о том, что «мое» и «твое», ее средствами я распоряжался бесконтрольно,

но это сознание было приятное не только мне, но и ей, т.к. я оправдал свое, сделанное перед женьтьбой заявление, что мне только надо помочь стать на ноги и я сумею пробить себе дорогу.

Из особенностей Калиша следует отметить две.

St. Joseph's Square, engraving, 1877.

Source: Ю. Р. Савельев, *Византийский стиль в архитектуре России*, Санкт-Петербург 2005.

Прямо против нашего дома стоял обелискообразный памятник, сооруженный Императором Александром I в память своего здесь свидания с прусским королем. Здесь дано было им обещание восстановить Пруссию, а на памятнике сделана надпись, гласящая о «вечной дружбе России и Пруссии»⁸⁶⁷.

⁸⁶⁷ In Kalisz on 28 February 1813. Russia and Prussia signed the so-called Treaty of Kalisz, regulating the division of the Duchy of Warsaw. The obelisk of friendship (designed by Jan Jakub Gay) was unveiled in 1841. It commemorated two meetings of the monarchs of Russia and Prussia in Kalisz: Alexander I and Frederick William III in 1813 and Nicholas I and Frederick William III in 1835). In 1927, the monument was moved to Szczypiorno, where the obelisk was used as a monument to the fallen legionnaires. Blown up by the Germans during World War II – M. Górzyński, *Procesy przestrzenne i nowa architektura w Kaliszu okolo połowy XIX wieku – zagadnienia i postulaty badawcze*, „Polonia Maior Orientalis” 2021, VIII, pp. 67 – 88, doi: 10.4467/27204006PMO.21.004.15455

Интересно было бы узнать, что произошло с этим памятником, когда в 1914 году, в начале войны Калиш был занят прославившимся своим вандализмом знаменитым майором Прейскером⁸⁶⁸.

Рядом с губернаторским домом был расположен костел. На башню костела ежедневно подымались три трубача и в шесть часов вечера, и в шесть часов утра трубили мелодию какой-то молитвы⁸⁶⁹.

[–309–] В тот же самый час, такие же три трубача влезали на башню какого-то костела в Кракове и трубили ту же мелодию. История этой, разыгрываемой на трубах, молитвы довольно любопытна. Лет двадцать тому назад умер некий обыватель города Калиша и завещал капитал, проценты с которого шли на оплату этой затеи. Наследники завещателя пустили слухи, что в этой молитве, одновременно трубимой в двух «разделах Польши», заключается таинственная и опасная для русской государственности демонстрация. Слухи эти дошли до генерал-губернаторского управления, где имели некоторый успех, и интрига наследников имела шансы удалиться. Однако Дараган, любивший все оригинальное и в особенности имевшее *couleur locale*, рассеял предубеждения генерал-губернаторского управления, и воля завещателя была приведена в исполнение. Эти трубные звуки в первое время меня ежедневно будили и поэтому несколько раздражали, но потом я перестал их замечать, а вечером они доставляли мне некоторое удовольствие.

Чтобы покончить с историческими воспоминаниями, отмечу, что верстах в двадцати от Калиша, в местечке Опатувек, в костеле покоилось забальзамированное тело первого Наместника в Царстве Польском, генерала Зайончека⁸⁷⁰. За полтин-

⁸⁶⁸ Hans Rudolf Herman Preusker (1865–1918), Prussian officer who led the pacification of Kalisz from 3 to 7 August 1914.

⁸⁶⁹ From 1896, thanks to the foundation of the merchant Ludwik Mikulski, the bugle call from the Kalisz collegiate tower was played by two musicians at 6 a.m. “Kiedy ranne wstają zorze” at 8 p.m. “Wszystkie nasze dzienne sprawy” (in the evening) – A. Tabaka, M. Błachowicz, *Zdobycie wieżę*, [online] <https://www.swietyjosef.kalisz.pl/Sanktuarium/16.html>

⁸⁷⁰ Józef Zajączek (1752–1826), prince, Polish and French general, from 1815 governor of the Kingdom of Poland, senator voivode of the Kingdom of Poland (1815) – *Encyklopedia PWN*, <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/;3999922> ; On 4 June 1807, Napoleon Bonaparte issued a decree in which he instructed the Governing Commission to put at the disposal of General Zajączek the royal property worth 20 million francs. On 21 August, the Opatówek estate was designated for this purpose. The donation was not handed over until the late autumn of 1807. The donation was confirmed by the Duke of Warsaw, Frederick Augustus, in a rescript of 18 November 1811 and by the Emperor and King Alexander I of 17 (29) June 1816. Zajączek died on 28 July 1826 in Warsaw in the Governors’ Palace, from where, according to the will of the deceased, after a solemn service in the Church of the Holy Cross, the embalmed body was transported to the grave in the parish church in Opatówek, which had been erected during his life – J. Raciborski, *Monografia Opatówka*, [online] <http://www.archiwum.biblioteka.opatowek.pl/>

ник сакристан⁸⁷¹ показывал эту мумию, непочтительно снимая для этого крышку гроба. Лицо Зайончека довольно хорошо сохранилось, пострадал лишь его нос: говорили, что его отгрызли крысы.

До возвращения Дарагана я сделал необходимые визиты, а ранее всего посетил Базина, желая смягчить его естественное о мне чувство недоброжелательства, которое могло возбудить в нем назначение на обещанное ему уже место молодого человека, который [-310-] мог бы быть ему сыном, а теперь, до известной степени, стал его начальником. Наша встреча была довольно характерна.

Непременный член Калишского губернского по крестьянским делам присутствия, действительный статский советник Николай Петрович Базин⁸⁷² был в то время человеком лет уже за шестьдесят. Это был типичный черноземный помещик с крупной фигурой и густым басом.

- Честь имею представиться вашему превосходительству, [-] сказал я шутливо, входя к нему в комнату.

- Я уже имел удовольствие быть знакомым с вами, [-] сказал Николай Петрович. Впрочем удовольствие это довольно сомнительное!

Я вытаращил на него глаза от такой дерзости.

- Да, [-] продолжал Базин, [-] в шестьдесят пятом году я, будучи мировым посредником в Рязанской губернии, как-то завтракал у губернатора, Петра Дмитриевича Стремоухова⁸⁷³. После завтрака губернаторша захотела похвастать своим, лишь недавно родившимся, сыном. Пришла красавица-кормилица с ребенком на руках. Ну что же, пришлось поцеловать ему ручку, а я, кстати, маленьких детей терпеть не могу, а он возьми да и разревись, да еще что-то такое наделал, от чего стало скверно пахнуть, так что его унесли. Ну вот и мое знакомство с вами... ну уж теперь, извините, больше вам ручку целовать не стану!

- Целовать не надо, [-] сказал я, [-] но пожмите мне руку и будем-те друзьями, [-] сказал я.

---

⁸⁷¹ Sacristan, ecclesiastical – a liturgical function including supervision over the sacristy, as well as careful preparation of objects necessary for the celebration of the liturgy.

⁸⁷² Nikolay Petrovich Bazin, in the service and class rank since 1868 (Kiev University), full state councillor since 1905, member of the board of the Moscow-Vindavo-Rybinsk railway. Honorary Trustee of the Alexandria Gymnasium (1 March 1916) – С.В. Волков, *Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь*, Москва 2016, p. 1685; An indispensable member of the Kalisz Provincial Presence – *Памятная книжка Калишской губернии на 1892 год*, Калиш 1892.

⁸⁷³ Father of the author of memoirs, Pyotr Dmitrievich Stremoukhov (1828-1918).

С того времени мы стали приятелями, и Базин ежедневно бывал у нас в доме. Впоследствии он мне, впрочем, изменил, [-311-] почему я прозвал его вместо Базина – *Baseni*-ом.

Приблизительно через неделю вернулся Дараган. Как умный человек, он сделал *bonne tone, a maurais jeu* и встретил меня любезно. На личности Дарагана я полагаю остановиться довольно подробно. Может быть, читатель поставит мне это в упрек, найдя, что не стоит так долго заниматься каким-то губернатором, но дело в том, что Михаил Петрович представлял такой интересный человеческий тип, что нельзя пройти мимо него, совершенно безотносительно к занимаемому им служебному положению. Если в моем описании личность его не выявится ярко и вышукло, то вина уже не в оригинале, а в моей неумелости.

В описываемое время Дарагану⁸⁷⁴ было около шестидесяти лет. Роста он был менее четырнадцати вершков и был еще очень красив. Черные глаза горели огнем, а обильная серебристая шевелюра обрамляла его лицо, как львиная грива. Службу свою М.П. начал в кавалергардах⁸⁷⁵ и был в свое время знаменитым, под именем *le beau Daragan*. Многие встречаемые мной старушки большого света почти полвека спустя не могли вспомнить о нем без восхищения и не чужды были желанья намекнуть, что и они в свое время не были обойдены его вниманием. Описывать более подробно наружность Дарагана не стану. Большинство моих читателей, конечно, видели картину Зичи «Демон и Тамара»⁸⁷⁶, в литографированном виде, висевшую во многих кабинетах домов средней руки и в передних более богатых. Этот демон списан Зичи с Дарагана.

Михаил Петрович окончил академию генерального штаба и уже в чине полковника генерального штаба состоял при знаменитом усмирителе польского мятежа шестьдесят третьего года [-312-], Виленском генерал-губернаторе, графе М.Н. Муравьеве⁸⁷⁷. Однако политические взгляды сурового графа немало не отразились на Михаиле Петровиче. Я не знаю, был ли он где-нибудь вице-губернатором. Моя осведомленность застает его Вологодским губернатором, каковую должность он за какую-то крупную амурную историю потерял. Через некоторое время он вновь получил губернаторский пост в Чернигове, а оттуда вылетел уже за либерализм. После этого он прожил тяжелое время, ютясь у

⁸⁷⁴ See: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 128–134.

⁸⁷⁵ The Chevalier Guard Regiment, a Russian heavy cavalry guard regiment, created in 1800.

⁸⁷⁶ Mihaly von Zichy, *Illustration to the poem "The Demon" by Mikhail Lermontov*.

⁸⁷⁷ Mikhail Nikolayevich Muravyov „Hangman” (1796–1866), Governor-General of Grodno, Minsk and Vilna provinces (1863–1865).

каких-то родственников в Люблине, когда назначенный генерал-губернатором в Варшаву Альбединский⁸⁷⁸, товарищ Дарагана, вновь предоставил ему губернаторскую должность в Калише.

В Михаиле Петровиче удивительно смешивались две противоположности. Он был большим либералом и вместе с тем крайним деспотом. Во взглядах своих он был «левее кадетов» и постоянно ругал правительство за его реакционность. Как характерную черточку, отмечу, что он был отчаянным Дрейфусаром⁸⁷⁹ и весьма сочувственно отнесся к известному выступлению в пользу Дрейфуса сенатора Закревского⁸⁸⁰, исключенному за это со службы.

Припоминаю такой разговор с Дараганом. Если мне не изменяет память, в 1902 году был убит Балмашевым министр внутренних дел Сипягин.⁸⁸¹ Получив это известие, я пришел к Дарагану и высказал ему свое негодование по случаю совершенного убийства. Он тоже был в волнении. При дальнейшем разговоре я начал замечать, что между нами происходит какое-то недоразумение и что мы возмущаемся разными предметами, наконец, Михаил [-131-] Петрович высказался яснее:

– Что Сипягина убили это полбеда, найдутся министры не хуже него, что, кстати, и не мудрено, а скверно, что убийцу предали военному суду!

– Почему же скверно? Надо же истреблять таких господ!

– А потому скверно, что в момент убийства в Петербурге не было военного положения, а потому предание убийцы военному суду незаконно. Пока у нас будут так действовать, министров будут неизменно убивать!

Такие передовые идеи не мешали М.П. быть деспотом. Живя в одной квартире со своей женою, он с ней никогда не разговаривал, а когда их по неизбежности обоих приглашали куда-нибудь обедать, то между супругами устанавливали цветы или вазу, чтобы они друг друга не видели. Приходившим по службе чиновникам, советникам губернского правления, правителю канцелярии он руки не подавал. В его приемной не было ни одного стула, и чиновники, стоя,

⁸⁷⁸ Pyotr Pavlovich Albedinskiy (1826–1883), Governor-General of the Warsaw province (1880–1883).

⁸⁷⁹ Alfred Dreyfus (1859–1935), French army officer, hero of the espionage scandal of the 1890s.

⁸⁸⁰ Ignatyi Platonovich Zakrevskiy (1839–1906), on October 30, 1899, the famous lawyer Ignatyi, Zakrevskiy, senator, privy councillor, chief prosecutor of the First Department of the Senate, was dismissed from service and published a letter in support of them in the London *Times*, which provoked the highest wrath that led to his resignation. A collection of his articles, "On the Dreyfus Affair", was published in St. Petersburg in 1900.

⁸⁸¹ Dmitriy Sergeyeovich Sipiagin (1853–1902), governor of Courland (1888–1891), minister of internal affairs (1899–1902), killed on 2 (15) April 1902.

должны были по часам ожидать приема. М.П. любил редактировать бумаги. Бывало, принесет ему какую-нибудь бумагу пятидесятилетний советник губернского правления, статский советник Цикуленко⁸⁸², Дараган примется за редакцию, а Цикуленко по два часа стоит за его спиной, и ни разу ему не было предложено садиться. Волю свою он проявлял неуклонно, и немислимо было ей не подчиниться. Всякая тень коллегиальности, основанная на законе, была исключена из губернского правления и была более чем эфемерна в других присутствиях. Чиновников он третировал страшно.

Каждый вечер Михаил Петрович играл в клубе в карты [- 314-] с двумя иудеями, крупным фабрикантом Френкелем⁸⁸³ и винокуренным заводчиком Тыкоцинером⁸⁸⁴, причем он заставлял их играть так, как это его забавляло. Назначит, например, один из партнеров малый шлем, а М.П. говорит:

- Вздор какой, у вас пять червей, а малый шлем в пиках буду играть я.
- Слушаюсь!

Да не подумает читатель, что это делалось с целью выигрыша, нет, это было просто «моему нраву не препятствуй»!

Насколько Дараган был невыносим для чиновничьего люда, настолько он был внимателен и заботлив относительно поляков, все что можно было для них сделать, он делал безусловно, и был за это горячо любим ими.

Подчиненных М.П. заставлял трепетать, а людей служебно от него независимых умел подкупать любезностью и вниманием или эксплуатировать их слабости, а иногда и ошеломлять своей дерзостью. Любил он, если кто-нибудь свихнется, вытащить его из беды, но затем уже эксплуатировать по-своему. Я думаю, что одной из причин наших несколько натянутых отношений было то, что за мною не было, что называется, ни сучка ни задоринки, и схватить меня было не за что.

Однако справедливость требует отметить, что Дараган, не щадя ничьего самолюбия, был человеком, безусловно, добрым и никогда не делал никому

---

⁸⁸² Vasilij Nikitich Tsikulenko, advisor of the Administrative Department of the Kalisz Provincial Government - *Памятная книжка Калишской губернии на 1900 год*, Калиш 1900.

⁸⁸³ Heinrich Frenkel, manufacturer, millionaire, owner of the largest embroidery factory in Kalisz, stabbed by a German soldier's bayonet in 1914. - *Kalisz. Jego dzieje i zniszczenie przez Prusaków, Warszawa 1914 rok*. [online] <https://www.schondorf.pl/historia-liskowa-i-okolic/czy-wilhelm-ii-chcial-zburzyc-kalisz-w-1914-roku/>

⁸⁸⁴ Izrael Tykociner, in 1867, founded a distillery and a vodka and liqueur factory in Kalisz - *Fabryki Kalisza i okolic, 1815-1989*, prep. J. Dolat, Kalisz 2016, s. 28, [online] <https://www.archiwum.kalisz.pl/>; he also owned a brewery in the village of Jurydyka - *Kalendarz Rolniczy "Rolnika i Hodowcy" na Rok 1892*, part 2.

зла и никого не погубил, напротив, он проявлял по службе слишком большую терпимость к порочным качествам некоторых лиц. Авторитет свой он сумел поставить [-315-] весьма высоко. Постоянно отсутствуя из губернии, он, однако, ни на минуту не выпускал бразды правления из своих рук. Дело он знал превосходно, и когда был налицо, работал неутомно. Редактором он был превосходным, хотя, может быть, затрачивал на это свое и чужое время слишком непроизводительно, но на такое замечание он всегда возражал *le style c'est l'homme!*

Кто бы и какую бы бумагу ему не приносил, он инстинктивно брался за перо и макал его в чернильницу; не исправить бумаги он органически не мог. Когда мы строили городской театр, то при закладке нужно было, согласно обычаю, замуровать в приготовленном месте фундамента пергамент, на котором вкратце изложена история постройки: год начала и завершения постройки, фамилия архитектора, губернатора, президента города и т.д. Акт этот был написан по-латыни, но и тут М.П., не получивший классического образования, умудрился поставить две запятые. По уверению учителя латинского языка, написавшего акт, они были поставлены не на подлежащем месте. Почерк у М.П. был изумительный, прямо каллиграфический, и Всеподданнейшие рапорты он писал всегда сам, собственноручно.

В частной жизни Дараган был всегда оживлен и весел, и нередко остроумен, а к интересным женщинам всегда особенно внимателен. В губернии ему приписывали чуть не десяток незаконных детей, но подобно Джером-К-Джерому⁸⁸⁵, схватившему насморк и прочитавшему в газетах уже о своей смерти, я скажу, что слухи эти «были несколько преувеличены».

М.П. был эпикурейцем в полном смысле этого слова, он любил все красивое, веселое, всякую неприятность он умел заглушать в себе [-316-] очередной приятной ему безделушкой. Гастрономом он был до мозга костей. На почве этой слабости происходили иногда забавные сценки.

В первые годы моего пребывания в Калише единственным поваром в городе был губернаторский. Зная гастрономическую требовательность М.П., его приглашали обедать всегда со своим поваром.

Бывало, зайдешь к нему, и он говорит:

– *Vous savez, apres demain nous dinoris chez les Z?*⁸⁸⁶

---

⁸⁸⁵ Jerome Klapka Jerome (1859–1927) an English writer and playwright, best known for his humorous book published in 1889 *Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)*.

⁸⁸⁶ You know that the day after tomorrow we are going to dinner at Z?

– *Que, je sius invite.*⁸⁸⁷

– *Et queseque mangeons?*⁸⁸⁸

– *Aucune idee.*⁸⁸⁹

– *Nous l'aurons!*⁸⁹⁰

Дараган вызывает своего повара.

– Что ты готовишь у Z?

– Будет суп *sellerie*⁸⁹¹ судак *orli selle de mouton*⁸⁹², цветная капуста, мороженое.

– Вот еще, я буду такую дрянь есть! Вот что ты приготовишь: *creme au champignons*⁸⁹³, *turbot*, пулярку, непременно *salade demi-demi*⁸⁹⁴ (пополам ломтики картофеля и целых трюфелей), артишоки и *cronte d'anas*, *vous n'avez rien a redire?*⁸⁹⁵ [-] спрашивает он, обращаясь ко мне.

– *Non, mais que diret vous d'une langouste?*⁸⁹⁶

– *Excellente idee!*⁸⁹⁷ Значит, лангуста к закуске.

– Провизии нет, ваше превосходительство.

– Вздор! Можешь выписать из Берлина.

– Слушаюсь!

И вот, через день мы ели в гостях превосходный обед, заказанный по вкусу Михаила Петровича.

Гастрономом он был действительно настоящим. Его нельзя было ублажить каким-нибудь затейливым блюдом, каким-нибудь *chaud fraud*⁸⁹⁸ или аспазией; ему нужен был превосходный, т. ск., сырой материал. Хорошо испеченного картофеля с превосходным маслом он мог съесть целую миску, наслаждался ветчиной или хорошо зажаренным цыпленком, а самое изысканное блюдо, сомнительного приготовления, он бесцеремонно, даже в гостях, от себя отталкивал. Ежедневно он пил простую воду, но когда пил вино или угощал им, то требовал превосходное. Нигде и никогда я не пил такого превосходного *Chateau Leoville*⁸⁹⁹, такого вытрав-

⁸⁸⁷ Yes, I'm invited.

⁸⁸⁸ Correctly: qu'est-ce que – And what will we eat?

⁸⁸⁹ I have no idea.

⁸⁹⁰ We'll have it!

⁸⁹¹ Celery soup.

⁸⁹² Zander, leg of mutton.

⁸⁹³ Cream of mushroom soup.

⁸⁹⁴ Salad with potatoes and truffles.

⁸⁹⁵ Pineapple baked in a salt crust. Nothing to add?

⁸⁹⁶ No, and what would you say about crawfish?

⁸⁹⁷ Very good idea!

⁸⁹⁸ Venison in jelly.

⁸⁹⁹ Château Léoville – Grand Cru Classé, there are three château: Léoville Poyferre, Léoville las

ного венгерского и такого изумительного коньяка 1793 года, под названием *les droit de l'homme*, как у Михаила Петровича, но зато до какой-нибудь *piquette*⁹⁰⁰ или Елисеевского Тенерифа он не дотрагивался.

Свое эпикурейство он доводил до того, что в день причащения для теплоты посылал свое вино! В таком кощунственном поступке не было противоречия со всем мировоззрением Михаила Петровича, он был совершенным язычником и неоднократно высказывал мне, что древний мир был гораздо лучше: в нем существовал действительный культ красоты, а христианство этот культ испортило, словом, Юлиан Отступник⁹⁰¹ вышел бы из него превосходный.

Дараган вставал часов в пять утра и упорно сидел за бумагами до 9-и, когда я обычно приходил к нему. В это время он был еще в некотором дезабилье, в бархатной курточке, надетой на ночную рубашку, довольно сомнительной чистоты, но с кружевным [-318-] воротником и рукавами, руки его, а в особенности ногти, не отличались опрятностью, но всегда были надушены самыми последними изобретенными духами. Мне кажется, что Дараган был бы вполне на своем месте в Екатерининские времена и, вероятно, попал бы «в случай» и стал бы не то каким-нибудь Потемкиным⁹⁰², не то Зубовым⁹⁰³. Ведь он был умен, красив, решителен, располагал достаточным количеством беспринципности. Он был вполне в курсе современности, оставаясь деспотом старого закала, тонко понимал западную культуру, оставаясь в глубине своих привычек настоящим варваром.

Однако, пожалуй, довольно о Дарагане.

Пробыв дней пять в Калише, М.П. уехал уже на более продолжительное время, оставив меня довольно беспомощным.

Провинциальной жизни я не знал совершенно, не знал и обрядностей административной службы. Вместе с тем эти обрядности изображенные в законе, как оказалось, давно уже были отброшены жизнью. Я же положительно не знал, как поступать. Например, по закону полагались заседания губернского правления, обставленные известными формальностями.

Cases, Léoville Barton.

⁹⁰⁰ Piquette – poor wine or the wine of the poor. This comes from the custom of picking up the remains of grapes after the grape harvest by the poor.

⁹⁰¹ Julian the Apostate, Roman emperor in the years 361–363, nicknamed because of his apostasy from Christianity.

⁹⁰² Grigoriy Aleksandrovich Potemkin (1739–1791), Russian field marshal, commander-in-chief in the war with Turkey (1787–1792), one of Catherine II's favourites.

⁹⁰³ Platon Alexandrovich Zubov (1767–1822), lover and favourite of Catherine II.

По отъезде губернатора я вызвал секретаря губернского правления и сказал ему, что на завтра назначаю заседание губернского правления. Секретарь выпучил на меня глаза.

– В чем дело? [-] спрашиваю его.

– Ваше превосходительство, да ведь заседаний губернского правления никогда не бывает.

– Как не бывает?!

– Да, я думаю, их лет двадцать уже не было.

[-319-] – Да как же тогда делают?

– Очень просто: пишут журналы по отделениям, я собираю подписи советников и вице-губернатора и затем подаю губернатору на утверждение.

– А обсуждение доклада, а подсчет голосов, а особые мнения?

Секретарь замялся.

– Да говорите, в чем дело!

– С нашим губернатором особых мнений не бывает!

Я не поверил секретарю и послал за старшим советником, который вполне подтвердил его слова. Пришлось им скрепя сердце поверить. Таких недоразумений и таких наивностей я очевидно в начале своей службы п[р]оявил немало. Вообще, мне пришлось разочароваться в степени моей предполагавшейся подготовленности. Способы работы, сфера мышления и знания техники и законов в управлении генерал-губернатора и губерnskих учреждениях были совершенно различны. Генерал-губернатор подходил к решению каждого вопроса главным образом с политической точки зрения или с контролирующей, а не с хозяйственной и творческой. Он говорил, что так надо поступить, а как это сделать это его уже мало интересовало. А между тем вопрос как сделать был втиснут в тесные рамки не только имперских, но и местных законов (Дневник законов ЦП⁹⁰⁴), и тут требовалась совершенно другая эрудиция, чем у чиновников канцелярии генерал-губернатора.

Одно дело написать губернатору, что у него дороги плохи, а другое написать контракт с подрядчиком так, чтобы он оказался [-320-] приемлемым для него и в достаточной степени обеспечивающим интересы казны и целесообразность постройки. Легко предложить губернатору проявить особую заботливость о квартирном устройстве войск, а другое – приспособлять для сего

⁹⁰⁴ Journal of the Laws of the Kingdom of Poland.

частные помещения или побудить город построить для сего казармы на свои средства. Одно дело обратить внимание губернатора на неудовлетворительное состояние земской стражи и ее обмундирование, а другое – найти хороших людей на содержание в 15 рублей в месяц или прилично их одеть за 25 рублей 50 копеек в год. Словом, с высоты Олимпа мне пришлось спуститься на почву самых мелких житейских вопросов. Сравнительно с генерал-губернаторским управлением ничтожность губернских интересов, конечно, делала службу менее занимательной, но не в одном этом оказалась впоследствии причина некоторого моего разочарования, а в том, что Дараган лишал всех своих сотрудников, а в том числе и вице-губернатора, всякой тени самостоятельности, хотя бы и опиравшейся на указания закона. Уже в первые месяцы нашей совместной службы мне это стало совершенно ясным. Надо было идти или по пути настойчивого требования своих прав с нерестанными столкновениями и неприятностями с Дараганом с очевидной перспективой сломить себе, в конце концов, шею, ибо при столкновениях с губернатором вице-губернатор никогда не выходил из таких победителем, или стать равнодушным к делу, предоставив Дарагану полное самодержавие, но сохраняя с ним приятные отношения. Я старался идти средним путем. Я никогда не был в достаточной степени удовлетворен степенью моей самостоятельности, хотя [-321-] мои сослуживцы и уверяли, что она в значительной степени превосходила таковую моих предместников, что Дараган все таки со мною считался. Как бы то ни было, пятилетие с Михаилом Петровичем было довольно тяжелым, но зато послужило хорошей школой, закаливающей характер.

Должен отметить, что по существу у вице-губернатора дела было немного и занимало лишь время от 3 часов утра до 2-х, да часа два вечером. Пользуясь свободным временем, я усердно предался изучению законов, положенных в основу многочисленных губернских учреждений, и, смею думать, что с течением времени усвоил их не только в степени достаточной, чтобы в них разбираться, но и направлять деятельность своих подчиненных.

Насколько в служебном отношении Дараган был тяжел, настолько в светском он был любезен и приятен. Если бы я захотел ничего не делать и был бы все время в отпусках, то это не только не встретило бы с его стороны отпора, но, напротив, доставило бы ему удовольствие.

Светская жизнь в Калише сложилась довольно приятно. В этом городе был расквартирован Александрийский (тогда драгунский, а впоследствии гусарский

Ее Величества Императрицы Александры Федоровны) полк⁹⁰⁵, в среде офицеров которого было много приятных и вполне благовоспитанных людей, вносивших оживление в общество. В числе гражданских служащих было тоже несколько симпатичных людей. В клубе устраивались довольно нарядные вечера. Было несколько интересных и хорошеньких женщин. Среди них отмечу одну, трагическая судьба которой облетела всю Россию.

София Михайловна Иванова⁹⁰⁶, жена жандармского ротмистра⁹⁰⁷, семнадцать лет спустя [-322-], летом 1914 года, проживала с двумя сыновьями, из которых одному было 17, а другому 15 лет, на Балтийском побережье, в германском курорте Кольберг⁹⁰⁸. Прусские власти, в момент вспыхнувшей войны заподозрили ее в шпионстве и вместе с обоими сыновьями заключили в крепость, где подвергли чрезвычайно суровому режиму. Все усилия русских властей, через испанское посольство, к облегчению ее участи только через два года увенчались успехом, и ее отправили в Данию. София Михайловна⁹⁰⁹ и сестра ее Ковалевская⁹¹⁰ отличались недюжинным артистическим талантом, и устраиваемые моей женой спектакли с их участием доставляли калишанам большое художественное наслаждение.

Дараган умел втянуть в светские развлечения и польское общество, так что русские и поляки встречались в самой благожелательной атмосфере.

Более аристократическое помещичье польское общество держалось в стороне и сходилось с русским только по табели о рангах, находя возможным иметь дело лишь с губернатором и вице-губернатором. С несколькими помещичьими домами мы были в самых лучших отношениях. В особенности сблизилась моя жена с очаровательной графиней Квилецкой⁹¹¹, к которой мы часто ездили в имение.

⁹⁰⁵ 5th Alexandria Hussar Regiment, operated from 1775 to 1918.

⁹⁰⁶ Sofia Mikhaylovna Ivanova née Kovalevskaya (1874–after 1914), daughter of Mikhail Fyodorovich Kovalevskiy, chairman of the Convention of the Judges of Peace of the 2nd District of the Piotrków Governorate, married on 22 October 1894 (in the Orthodox Church in Częstochowa) to Alexander Fyodorovich Ivanov.

⁹⁰⁷ Alexander Fyodorovich Ivanov (1870–after 1917), sub-colonel, officer of the 42nd Mitavian Dragoon Regiment, officer of the Gendarmerie Corps from February 1896, head of the Kalisz branch of the Warsaw Gendarmerie-Police Board of Railway Roads from July 1901 to October 1905.

⁹⁰⁸ Kolberg – now Kołobrzeg in Poland.

⁹⁰⁹ Wife of Alexander Fyodorovich Ivanov, Gendarmerie Corps officer.

⁹¹⁰ Daughter of Mikhail Fyodorovich Kovalevskiy, chairman of the Convention of the Judges of Peace of the 2nd District of the Piotrków Governorate.

⁹¹¹ The Kwilecki family of Bieliny coat of arms. Józef Ignacy Kwilecki (1791–1860) received the Prussian title of count in 1816, with which he proved himself in 1842 in the Kingdom of Poland – *Urzędnicy Królestwa Polskiego* (1815–1915). *Materiały do biografów*, red. A. Kulecka, Warszawa 2019, p. 1587.

В числе калишских развлечений особенной симпатией пользовались поездки за границу, которая пролегалa от нас всего десяти верстах, причем поездка занимала не более трех четвертей часа на извозчике. Все пограничные жители пользовались правом получения двадцати восьмидневных легитимационных билетов, по которым [-323-] можно было ездить хоть каждый день за границу, туда и обратно. По закону этот документ был действителен лишь в семимильной полосе, но т.к. за границей никто паспортов не требовал, то с легитимационными билетами ездили в Бреслав⁹¹², Познань и Берлин. В эти города ездили повеселиться, а больше за покупками, на которые особенно были падки наши дамы. Таможенное начальство у нас было любезное, и на пассажиров смотрело сквозь пальцы. Дамы нередко ездили в пограничное местечко Скальмержице⁹¹³ в стареньких шляпах, которые заменяли, выписанными из Парижа, новыми. Бывало, что так же поступали и с блузами и другими принадлежностями дамского туалета. При идеально налаженных и дешевых сношениях в Пруссии, в Скальмержицах можно было получить все, что угодно. Утром сообщишь свое желание по телеграфу, а на следующий день получаешь в Скальмержицах самую свежие фленсбургские устрицы⁹¹⁴, морскую рыбу и прочие деликатесы. Все это можно было забрать с собой или тут же этим угоститься в довольно чистеньком ресторанчике, запив недурным *sect*⁹¹⁵ (немецкое шампанское). Все это на тогдашние деньги стоило гроши.

При проезде границы сразу замечалось улучшение культуры. Все дороги обсажены были яблонями, доход с которых покрывал содержание шоссе. Мыслимо ли было бы что-нибудь подобное у нас? Кто бывал осенью в русской деревни, тот знает во что обращаются помещичьи яблочные сады. Несмотря на заборы, ежедневно производились покражи, а сторожа всю ночь палили из ружей, как в какой-нибудь осажденной крепости. В Пруссии же даже [-324-] упавшее с дерева яблоко никто не тронет.

Правда, в Пруссии порядки строгие. Однажды, приехав в своем экипаже, я завтракал в вышеупомянутом ресторанчике. Окончив завтракать, выхожу

---

⁹¹² Breslau – now Wrocław in Poland.

⁹¹³ In the nineteenth century, a settlement with a customs chamber was established in the village at the border of the Kingdom of Poland, which in 1908 was separated by the then Prussian authorities as a new village – Skalmierzyce Nowe – *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, Vol. 10, Warszawa 1889.

⁹¹⁴ Oysters from the bay of Flensburg or the port city of Flensburg.

⁹¹⁵ German sparkling wines produced using the champagne method, i.e. the second fermentation method in bottles.

из ресторана, как подходит ко мне жандарм и, взяв руку под козырек, весьма почтительно говорит:

– *Exzellenz sie haben zehn mark zu bezahlen*⁹¹⁶.

– *Für was*⁹¹⁷?

Оказалось, что по местным законам у оставленных без надзора экипажей, полагалось у лошадей отстегивать постромки. Мой кучер, соскучившись ожиданием, тоже пошел в ресторан выпить кружку пива, не исполнив, по незнанию, требования закона. Делать нечего, пришлось штраф уплатить. Мне говорили, что прусскому жандарму предоставлено было право штрафовать за мелкие полицейские нарушения до 50 марок. Что бы у нас сказали, если бы такое право было дано даже не нижнему чину, а самому полицеймейстеру! Боже сохрани от такого возмутительного смешения власти судебной и административной! Мне объяснили, что коррективом к единоличной власти прусского жандарма было право оштрафованного обжаловать его постановление в суд. В случае признания жалобы справедливой, штраф слагался, в противном случае, штраф увеличивался втрое. И правильно! Не беспокой суда пустяками.

На нашей таможене происходили иногда курьезы. Как-то крупный калишский пивовар выписал из-за границы искусственный лед, т.к. зима была у нас очень легкая и природного льда, столь необходимого для пивоварения, в натуре не оказалось. Едет он с сотней подвод за получением льда, но таможня его не пропускает, [-325-] т.к. такой товар никакими тарифами не предусмотрен. Послали телеграмму в Петербург, пока пришел ответ, лед растаял.

Я говорил уже выше, что наши таможенные чиновники были любезными и снисходительными людьми, но все же при провозе контрабанды требовалось соблюдение некоторого приличия.

Был у нас судебный следователь Х., фамилию его забыл. Возвращаясь из Скальмержиц, заходит он в таможню для отметки легитимационного билета, а из кармана его пальто торчит бутылка коньяка. Знакомый таможенный чиновник тихонько говорит Х: «Спрячьте, неловко!» Уже находившийся несколько под винными парами следователь отвечает:

– И не подумаю, хочу и везу!

Тогда чиновник уже более сухо заметил:

– Если хотите везти, заплатите пошлину.

⁹¹⁶ Your Excellency, you must pay ten marks.

⁹¹⁷ And why?

- Не намерен!
- В таком случае, отвезите назад за границу.
- Нет, не повезу.
- Тогда платите.
- Нет, не заплачу!
- Заплатите.
- Хотите пари, что не заплачу?
- Я здесь не частное лицо и пари держать не намерен, а предъявляю вам

требование закона.

- А вот увидим!

Сказав это, следователь откупорил бутылку, приставил горлышко ко рту и с несколькими передышками выпил бутылку до дна.

[-326-] – Ну что? А теперь, прощайте, [-] сказал он и торжественно прошел в комнату, находящуюся уже формально в пределах Российской империи. Обложить таможенным сбором коньяк в чреве следователя или оклеить его брюхо бандеролью оказалось уже невозможным.

Одной из форм светских отношений были охоты, в которых я по своей страсти к этому спорту принимал деятельное участие.

Да позволит мне читатель в этом месте моих записок сосредоточить все, что я могу вспомнить интересного о калишских охотах. Делаю я это для того, чтобы читатель, которого охота не интересует, мог свободно перевернуть эти страницы, не читая их.

Охотились в Польше в то время по-заграничному. Большие помещики вообще очень берегли дичь и устраивали обычно одну охоту в год, приглашая на нее не более двенадцати человек. О результате охоты обыкновенно сообщалось в варшавские газеты, и каждый магнат стремился перещеголять своего соседа. Убивалось количество дичи, по русским понятиям, баснословное. В Калишской губернии убивалось до 800 штук дичи в один день, а в Варшавской – до 1000, главным образом зайцев. Кроме того, убивались козлы, лисицы, фазаны, куропатки, кролики. После охоты давался парадный обед, причем дамы были в вечерних платьях, а мужчины во фраках. Признаюсь, что по русским привычкам последнее было довольно тягостно. То ли дело остаться в охотничьем костюме и за бутылкой доброго вина провести без стеснения вечер [-327-] со своими приятелями, охотниками. Трофеи охоты гостям не отдавались, а заранее были проданы какому-нибудь подрядчику, который увозил их либо на варшавский базар, либо

за границу. Разве особо почетному гостю, при отъезде, клали в экипаж козла или пару фазанов, во всяком случае, убитых лисиц. При тогдашней стоимости дичи хорошая охота, пожалуй, окупала сделанные на нее, даже учитывая парадный прием, затраты.

В поле охоты производились так называемым котлом. Охотники, имея между собою 6–8 загонщиков, вооруженных красными флажками – тогда они еще не были эмблемами свободы и пугали только зайцев, а не консерваторов – становились по линии круга, нередко до двух верст в диаметре. Когда круг был замкнут, подавался сигнал и все потихоньку направлялись к центру, заранее обозначенному веюю. Бывало иногда, что в центр выезжали в экипажах дамы, оставляя его уже при приближении охотников. По мере продвижения охотников, вспугиваемые зайцы и куропатки устремлялись в противоположную сторону, но увидев и там цепь охотников, поворачивали в сторону или назад, всюду встречая грозны фигуры людей. Иногда в хорошо организованной охоте в таком кругу металось до двухсот зайцев. Особенно забавны были лисицы, которые на виду у всех употребляли всевозможные ухищрения, чтобы спасти свою шкуру. Когда половина пути до центра круга была пройдена, зайцы обычно меняли тактику и стремились прорваться из круга. Понятно, что чем ближе к центру была цепь, тем она становилась гуще. Загонщики более примыкали друг к другу, оставляя по обоим флангам каждого охотника пространство около ста шагов. Зайцы, видя более свободное место, [-328-] именно и устремлялись в этот интервал и падали под выстрелами охотников. Зайцы бежали полным махом, и нужно было много сноровки, в особенности на дальнем расстоянии, чтобы в них попасть. При дистанции шагов в восемьдесят надо было брать по крайней мере на два корпуса вперед, и в начале, привыкши стрелять дичь в угонку, я много мазал. Забавно было, когда иной заяц, вместо того чтобы прорваться, мчался параллельно линии, осыпаясь на дальнем расстоянии выстрелами. В особенности это было эффектно в бесснежное время, когда от попавшей дроби за убегающим зайцем подымался столб пыли.

Иногда охота производилась и в лесу, где особенно много дичи было в молодых заказниках. Стрельба тут была очень трудная, т.к. зайцы, а в особенности кролики, выскакивали в последнюю минуту и надо было стрелять в них с быстротой молнии. Тут же порывались и фазаны, и надо было зорко смотреть и

вверх, и вниз. Привычный к стрельбе в лесу и по бекасам⁹¹⁸, я здесь обстреливал поляков, намного лучше меня стрелявших в поле. Из охот, в которых я принимал участие, наилучшая была в имении Мархвач⁹¹⁹ у Немоевского⁹²⁰, где убивали обыкновенно около восьмисот штук дичи в одну охоту. Мой рекорд за все время был 78 штук дичи в одну охоту, а на одном коморе (в котле) я убил 48 штук.

Также хороша, как на зайцев, была и охота на куропаток. Я имел разрешение охотиться в окрестностях города. Обычно занятия в губернском правлении оканчивались в 2 часа. Я немедленно садился обедать, а в три часа выезжал куда-нибудь, верст за 5–8. К 8-ми часам вечера я уже возвращался домой, привозя [-329-] 10–25 куропаток. За осень я обычно брал из-под собаки не менее трехсот куропаток, а за осень и зиму, на облавах, столько же, приблизительно, зайцев. Кстати отмечу, что об охоте с легавой поляки не имеют ни малейшего понятия. Если и появится у них какой-нибудь сеттер или пойнтер, то это обычно такой «хундель», что на него противно было смотреть, а мои красавцы, кровные пойнтера, производили сильное впечатление.

На козлов я охотился весною с подъезда и убивал обычно штуки две-три. Охота эта была довольно трудная. Перед закатом солнца козел имеет обыкновение выходить кормиться со своими самками на лесные поляны. Тогда к ним подъезжают на повозке, которую они охотно подпускают шагов на восемьдесят. Стреляют исключительно пулей, стрельба картечью или дробью считается не джентельменским приемом. При малейшем поползновении сойти с повозки козлы убегали, поэтому надо было стрелять, сидя в экипаже. Такое положение для охотника вообще неудобно, да к тому же лошади редко стоят достаточно смирно. Только приноровишься стрелять, глядь, лошади дернут, что нервирует стрелка. По этим причинам охота не может быть добычлива. К тому же стреляли не всякого козла, а лишь такого, у которого вполне развитые рога, а такие козлы, как нарочно, не подпускали. В одном имении, недалеко от Калиша, был старый козел: его можно было видеть каждый вечер, но в течение двенадцати лет не удалось застрелить этого хитрого зверя, так, кажется, и кончившего естественною смертью.

⁹¹⁸ Snipes – small wading birds belonging to the genus Gallinago.

⁹¹⁹ The former property of the archbishops of Gniezno. From 1819 to December 1939 it was owned by the Niemojowski family – *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, Vol. 6, *Malczyce – Netreba*, Warszawa 1885, p. 104.

⁹²⁰ Waclaw Józef Niemojowski (1865–1939), landowner, president of the Agricultural Society in Kalisz (1900–1910).

Стреляли козлов и на облавах, но это было тоже довольно трудно. Уже в конце октября козлы сбрасывают рога, а потому отличить самца от самки вообще трудно, убить же самку было не только нарушением закона, [-330-] но и почиталось поступком весьма неприличным, а потому на облавах я всегда пропускал их мимо себя без выстрела.

Убил я и трех кабанов, которых в губернии было немного.

На первой охоте большой секач-кабан проскочил мимо меня, стоявшим за деревом. От сильного волнения я выстрелил почти не целясь. Кабан после выстрела, как заяц, три раза перевернулся через голову. Совершенно случайно моя пуля угодила ему прямо в висок. Деревянный хвост Вицлебенской пули⁹²¹ торчал в правом виске, а пуля прошла насквозь, произведя страшное разрушение черепа с левой стороны. В этом кабане оказалось пудов восемь.

Второй раз я охотился с командиром Александрийского полка полковником Карцевым⁹²². Мы стояли рядом. Между нами пробежал кабан. Сначала выстрелил я, уже в угон, а потом Карцев. Мне казалось, что я промахнулся, потому что пулей я вообще стрелял плохо. Карцев же уверял, что после его выстрела кабан дрогнул. Так или иначе отсалютованный двумя выстрелами кабан скрылся в густом молодняке. Мне было очень досадно за сделанный промах, т.к. кабан прошел вполне в меру, шагах в тридцати. Подошли загонщики и прошли в молодняк, направляясь к другому кругу. Вдруг через несколько минут мы услышали крик: «Дик, леже, леже!»

- Вот видишь, [-] сказал Карцев, [-] я тебя сказал, что я попал, а только с маху зверь пошел дальше...

С трудом прорвавшись через густой ельник, мы через сотню шагов подошли к канаве, сплошь затянутой ледяною коркою. В ней, погрузившись в ледяную воду, лежал кабан. Когда мы его выгнали [-331-] то оказалось, что пуля вошла с правой стороны у задней части тела и вышла с левой у правого плеча. Других поранений в нем не было. Было совершенно ясно, что зверя убил я, а не Карцев, хотя после моего выстрела он никаких особых телодвижений не делал. В этом кабане было всего пудов пять.

⁹²¹ It appeared in the 19th century, consisted of two elements. Striking element, head part, monolithic bullet body. Made of lead by casting or stamping.

⁹²² Vladimir Alexandrovich Kartsov (1860–1938), commander of the 15th Alexandria Dragoon Regiment (7 May 1901–12 February 1904).

Третьего кабана я убил при следующих обстоятельствах. Была большая облава. Я стоял на самом крайнем фланге. Уже при приближении загонщиков за фланг выскочило четыре кабана. Я выстрелил им вслед, не особенно целясь. Пройдя по их следу шагов сто, я заметил кровь. Вместе с егерями я пошел по следу и лишь через две версты поднял небольшого кабана, у которого вдребезги была разбита правая задняя нога. Как он мог идти и даже бежать с такой мучительной раной, совершенно непонятно. Вскоре я его догнал и уложил второй пулей.

Так удачно окончились три мои охоты на кабанов, несмотря на мою более чем плохую стрельбу пулей. Просто повезло.

Охота на кабанов вообще имеет репутацию быть опасною. Не знаю почему, но кабан никогда на меня устрашающего впечатления не производил, совершенно обратно медведю, с которым мне впоследствии пришлось иметь дело. Народная пословица «на медведя идешь – песни поешь, на кабана идешь – попа зовешь» чувствовалась мною как раз в обратном смысле.

Пришлось мне раза три в Калишской губернии поохотиться и на оленей в довольно исключительных условиях, интересных не только для охотника, но и для зоолога.

Недалеко от прусской границы существовало имение Бискупнице, принадлежащее когда-то очень богатым помещикам Тачановским⁹²³. [-332-] Когда-то у них был специальный олений парк десятин во сто, окруженный изгородью. С течением времени эту дорого стоившую затею пришлось сократить, а изгородь пошла на отопление. В последнее время названное имение принадлежало урожденной Тачановской, вышедшей замуж за Австрийского посланника в Вашингтоне, Хенкельмиллера⁹²⁴. Это была женщина удивительной красоты и считалась львицей Вашингтонского общества. Когда она приехала с мужем погостить в деревню, то пригласила меня на охоту, а затем предоставила и право охотиться в ее отсутствие. Возвращаясь к оленям. Несмотря на уничтоженную изгородь, олени продолжали жить в когда-то огороженном месте и там плодились и размножались. Чем-нибудь напуганные, например охотой, они уходили, но неизменно дня через два возвращались несмотря на то, что в недалеком расстоянии были леса, гораздо более обширные. Вероятно, какое-нибудь

---

⁹²³ Biskupice near Konin, a village belonging to the Taczanowski family since about the seventeenth century.

⁹²⁴ Ladislaus Hengelmüller von Hengervár (Hungarian - *Hengelmüller László*) (1845-1917), an Austro-Hungarian diplomat of Hungarian origin who was a long-term Ambassador at Washington D.C., wife - Marie, Countess Dunin-Borkowska.

исключительно приятное их вкусу кормовое растение неудержимо влекло их к старому месту. Но мало этого. Осенью, в период течки самок, к ним ежегодно приходили самцы-олени из других местностей, хотя, как это было известно, ближе полутора ста верст нигде оленей не было. Как могли олени-самцы на таком расстоянии узнавать о присутствии в Бискупицах самок, совершенно непонятно, нельзя же допустить, чтобы они чуяли на расстоянии ста пятидесяти верст! Бывали годы, что все (2–4) прибывшие гастролеры-рогачи убивались, и следовательно, никто из них к месту постоянного жительства не возвращался, а потому в следующем году не мог быть проводником к Бискупице другим самцам, почему решение задачи становится еще более трудным.

Инстинкт, – ответят мне, но этого мало, надо же вложить в это [-333-] слово какое-нибудь содержание.

Несмотря на незначительность размера упраздненного Бискупицкого парка, убить оленей было очень трудно. Самцы были необыкновенно умны. Все время маячась у охотника на виду, они не подпускали на выстрел, а иногда красавец-рогач подпускал вас совершенно близко, но так окружал себя своим гаремом-самками, что невозможно было взять его на прицел. В один из сезонов я провозился три дня, пока не удалось перехитрить большого *virzehnder*⁹²⁵ (рога с четырнадцатью концами).

Однако пора перейти к другим предметам моего повествования.

В Калише я прослужил с 1897-го по 1904 год. Произшедшие за это время события, заслуживающие внимания, я постараюсь изложить в хронологическом порядке, но, несомненно, за давностью времени в моем изложении найдутся ошибки, за которые прошу читателя на меня не посетовать, тем более что существенного значения они не имеют.

Очень скоро после назначения моего вице-губернатором, князь А.Д. Оболенский, совершенно разойдясь с Имеретинским, оставил свой пост и был назначен присутствовать в Сенате, а на его место был назначен Сувалкский губернатор Подгородников⁹²⁶, почти всю свою карьеру сделавший при «полякующем» генерал-губернаторе Альбединском⁹²⁷, состоя в централь-

⁹²⁵ Vierzehnder

⁹²⁶ Ivan Grigoriyevich Podgorodnikov (1841–1910), deputy governor of Kielce and Piotrków, governor of Suwałki and Radom, adjutant to the Governor General of Warsaw, senator, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Łatawiec, *Słownik...*, pp. 359–363.

⁹²⁷ Pyotr Pavlovich Albedinskiy (1826–1883), in the years 1870–1880 he was the governor-general

ном управлении, а генералом Гурко был «спущен» в Сувалкскую губернию. Теперь его вновь пришивали в генерал-губернаторское управление. Эта комбинация была, несомненно, победой Ячевского⁹²⁸. Подгородников был человеком [-334-] самым заурядным, хорошим чиновником, знающим свое дело, но не более, будучи ставленником Ячевского, он сделался простой пешкой в его руках. При таких условиях Ячевский мог царствовать, хотя и тайно, но единолично, если бы не помеха со стороны директора канцелярии Менкина, но это была уже не борьба принцов, а просто мелкая чиновничья борьба за власть и интриги, не представляющая общественного значения.

Ко времени водворения моего в Калише, ближайшею злобой дня было введение винной монополии. В губернском городе сооружалось великолепное здание спиртоочистительного завода и склада спирта, такое же здание строилось в одном из уездных городов. Зоилы⁹²⁹ осуждали всю систему монополии и пророчили ей неминуемый крах. Остряки говорили, что нет худа без добра, т.к. в здании «монопольки», которое, по их мнению, в ближайшем времени окажется ненужным, отлично можно будет разместить эскадрон драгун, вместо нынешних неудобных помещений в частных домах. Управляющий акцизными сборами Сиверс⁹³⁰ подал в отставку, находя, что он не может участвовать в такой губительной для государства авантюре. Соображения его оказались ошибочными, а гений Витте⁹³¹ – проницательным.

---

of Vilnius, and from 1880 to 1883 he held the office of the governor-general of Warsaw, he died a few months after his removal from office - Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин, *Члены Государственного совета Российской империи. 1801 – 1906. Биобиблиографический справочник*, Санкт-Петербург 2007. See: S. Wiech, „Dyktatura serca”. *Na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego: dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiędynskiego (1826–1883)*, Kielce 2010.

⁹²⁸ Mikhail Eduardovich Yachevskiy (1865–1920), special-task clerk with the Governor-General of Warsaw (1894), deputy director of the Department of Foreign Religions of the Ministry of Internal Affairs (1904), director of the Chancellery of the Governor-General of Warsaw (1905), governor of Piotrków (1910), see more: A. Górac, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 202–205.

⁹²⁹ Zoilos of Amphipolis (IV century BC), ancient grammarian, cynic and literary critic, here: envious, excessively harsh, unjust critic.

⁹³⁰ Nikolay Alexandrovich Sievers (1837–1899), from 8 August 1888 he managed excise duties in the Kalisz and Piotrków Governorates, on 7 June 1896 he was dismissed from service at his own request, see more: K. Latawiec, A. Górac, J. Legieć, S. Bogdanow, *Naczelnicy organów...*, Vol. 2, Lublin 2016, pp. 215–218.

⁹³¹ Sergey Yuliyevich Vitte (1849–1915), minister of railways (1892), minister of finance (1892–1903), chairman of the Committee of Ministers (1903–1906), state secretary (from 14 May 1896), member of the State Council (from 17 August 1903), prime minister of Russia (1905–1906).

Kalisz, the building of the Municipal Theatre, 1900, destroyed in 1914.

Source: pl.wikipedia

Рядом с введением винной монополии правительство, желая снять с себя odium спаивания народа, учредило и попечительства о народной трезвости. Такое попечительство было учреждено и в нашей губернии с отпуском от 50 до 60 тысяч рублей в год на его нужды. Т.к. пьянства в польском населении, как народного бедствия, вовсе не существует, то мы положительно не знали, что с этими деньгами делать. Завели какая-то, никому не нужные, [-335-] чайные, т.к. поляки чаю не пьют, да читальни с книжками, которых никто не читает. С обычной своей практичностью и остроумием Дараган нашел, однако, приложение деньгам, отпущенным на попечительство; он обратил их, в части, в качестве субсидии к воздвигаемому им зданию городского театра, в предположении, что в нем будут даваться пьесы для народа. Я что-то не припоминаю народных спектаклей, но вспоминаю недурную оперетку антрепризы Мышковского⁹³².

⁹³² Julian Walenty Myszkowski (1852–1913), singer, actor, director, theatre director. In September 1900, he became the director of the Kalisz theatre for several years. His company staged mainly enter-

Правда, театр, выстроенный им в парке, вышел на славу и был бы украшением любого города.

Помимо вышеуказанной совершенно непроизводительной затраты, правительство проявило относительно поляков еще и другую, гораздо дороже обошедшуюся казне, щедрость, а именно выкуп права пропинации, принадлежавшего владельцам земли, на коих арендовались помещения для продажи спиртных напитков. За утрату такого эфемерного права владельцам коренной России ничего не было заплачено. Поляки сумели уверить кого следует в Петербурге, что это «право» в Царстве Польском покоится на совершенно других основаниях, едва ли не на хартиях Яна Казимира и королевы Боны... У поляков, с легкой руки Иосафата Огрызки⁹³³, в Министерстве финансов всегда была своя рука. Эта финансовая афера стоила немалых денег русской казне.

Я уже говорил, что Дараган имел привычку часто уезжать из губернии. При этом он не оставлял мне никаких инструкций, и я в начале моей вице-губернаторской службы делал много промахов.

В одном имении крестьяне систематически нарушали лесные [-336-] права помещика. Когда, по решению крестьянских учреждений (лес был сервитутный), потребовалось лесной материал возвратить по принадлежности, то крестьяне не согласились исполнить этого добровольно, а прибывшую полицию приняли в дреколя. Я решил выехать на место происшествия. Меня встретила толпа крестьян. Разговоры шли довольно миролюбиво, но когда я заявил требование вернуть лес, крестьяне отказались это исполнить. Тогда я вынужден был отдать приказание вернуть его силою. Толпа перестроилась в оборонительное положение, причем впереди оказались бабы, что замечательно, все беременные.

При таких условиях я не решил принимать чисто физические средства воздействия и, пригрозив слушникам судом, решился уже уезжать, как вдруг один из стражников ударил, стоявшую перед ним бабы по животу. Я страшно обозлился и на него заорал. Стражник нагнулся и поднял большой клоч сена...

- Ваше превосходительство, [-] сказал он, [-] это они нарочно так устроили, я их уловку знаю...

---

tainment repertoire, vaudevilles, comedies, operettas, as well as operas. From 2 September 1903 to 5 April 1904 he ran a theatre in Lublin, then again in Kalisz. [online] <https://encyklopediateatru.pl/>

⁹³³ Josaphat Petrovich Ogryzko (1826–1890), official of the Ministry of Finance. In February 1863 he was appointed chief representative of the Warsaw Insurgent Government in St. Petersburg. In 1864 he was arrested, in 1865 – sentenced to death, replaced by twenty years of Siberian penal servitude.

И действительно, оказалось, что все бабы понаделали себе сенное брюхо.

Дела этого, однако, нельзя было так оставить. Вернувшись в Калиш, я переговорил с прокурором⁹³⁴, и мы решили привлечь оказавших сопротивление полиции к уголовной ответственности. Затем я просил следователя принять против обвиненных крестьян, как меру пресечения от уклонения от следствия и суда, заключение под стражу. По существу, в предварительном аресте не было особой надобности, т.к., разумеется, мужики никуда бы не ушли, но я полагал, что эта мера воздействует на их психику и награбленный лес [-337-] будет уже беспрепятственно возвращен законному владельцу. Так оно и оказалось на самом деле. Вскоре после ареста мужиков пришли ко мне знакомые уже мне бабы и коленопреклоненно и со слезами просили выпустить их мужей, обещая немедленно возвратить похищенный ими лес. Мне этого только и было нужно. Поэтому сказал им, что лишь только я получу донесение, что лес возвращен, их мужья будут освобождены. Получив вскоре телеграмму об исполнении крестьянами данного мне обещания, я прошел к прокурору и просил его освободить из заключения арестованных крестьян, заменив меру пресечения другой, указанной в законе. Прокурор заявил мне, что сделать этого не может и что это зависит от следователя. Я к следователю. Последний объяснил, что сделать ничего не может, т.к. принятая им мера, лишение свободы, утверждена обвинительной камерой судебной палаты.

Меня это дело настолько растревожило, что я решился съездить в Варшаву и попросить старшего председателя судебной палаты⁹³⁵ отменить помянутый арест. В свою очередь и председатель ответил мне, что принятая мера не может быть отменена, как уже вырешенная палатой, и что во всяком случае, он ни с формальной, ни с принципиальной точки зрения в желаемом мной смысле своего влияния к этому делу не приложит. Я объяснил ему историю вопроса, указал, что для обеспечения судебного дела, возбужденного против крестьян за сопротивление властям, в аресте не было никакой надобности, а что мера эта была принята следователем по моей просьбе для мирного улажения инцидента, грозившего дальнейшими осложнениями, ныне благополучно и, по моему мнению, [-338-] удачно законченному, и что держать теперь под аре-

---

⁹³⁴ At that time, the prosecutor of the Kalisz District Court was the Alexander Grigoriyevich Zhizhilenko (1840-1905).

⁹³⁵ At the time, the senior president of the Warsaw Judicial Chamber was Vladimir Antonovich Aristov (1840-1902).

стом крестьян нет решительно никакой надобности. Однако все мои убеждения остались тщетными – принятую раз меру, по мнению старшего председателя, изменить невозможно. Я пытался ему объяснить неловкость моего положения перед крестьянами, которые исполнили данное мне обещание, а я оказался бы нарушителем своего слова. На это он ответил мне, что судебная власть не может считаться с последствиями тех или других административных приемов и что мой случай является блестящим к тому доказательством: если бы администрация, в моем лице, не вмешалась в дело, не было бы ненужного ареста и нам не о чем было бы разговаривать.

– Но вы не учитываете, [-] сказал я, [-] что благодаря моему приему мы обошлись без маленького бунта, что не было ни избиения, ни крови?

– Ну уж это дело ваше, а не мое, во всяком случае, я не могу из юстиции делать слугу администрации.

Далее разговаривать было не о чем. Дело о сопротивлении власти было рассмотрено месяцев через десять, и несчастные подследственные все время просидели под замком. Правда, время содержания под стражей было им зачтено, но горячая летняя страдная пора была упущена. Конечно, с формальной точки зрения в этом деле я был неправ, действуя по неопытности, но рознь во взглядах представителей ведомств администрации и юстиции, в этом случае, ярко сказалась. Первой нужна житейская, а последней формальная правда.

Моя неопытность проявилась в другой раз, скорее, в комической форме. Как-то курьер в приемные часы доложил мне, что меня желают видеть две дамы. Я приказываю их принять. Входят ко мне [-339-] две молодые девушки, довольно нарядные, но сильно подкрашенные; последнее меня не смутило, т.к. этим грехом страдали многие польки. Я прошу их садиться. Они отказываются. Я отвечаю, что не привык говорить с дамами стоя и настаиваю на своей просьбе, подвигая кресла. После долгого уламывания они, наконец, садятся.

– В чем дело? [-] спрашиваю.

Тогда одна из посетительниц, довольно путанно, объясняет мне, что она хочет уехать в Варшаву, а хозяйка не отдает ей ее вещей.

– В какой гостинице вы остановились?

– Да мы не в гостинице...

Слово за словом, выяснилось, что передо мною две девицы из публичного дома, которых хозяйка не отпускает, задерживая вещи. Переменить тон разговора было бы, конечно, еще глупее и я до конца выслушав обеих девушек,

никогда не мечтавших комфортабельно и светски быть принятыми в кабинете управляющего губернией. Разумеется, я приказал полицеймейстеру немедленно вызволить их из «Ямы». Хорош я был бы, однако, если бы меня кто-нибудь в эту минуту посетил!

Кстати, о польской женщине. Однажды жена одного не совсем уже незначительного чиновника, поляк, обратилась ко мне с просьбой о повышении ее мужа по службе. Женщина эта была молодая и хорошенькая, т.к., вообще, муж ее имел все права на служебное движение, то я охотно обещал исполнить ее просьбу, и что же? – при прощании она взяла, да и поцеловала протянутую мною ей руку. Я положительно не знал куда деваться от конфуза.

Несомненно, что бывают случаи, что русская молодая и красивая [-340-] женщина способна на многое для карьеры своего мужа, но она пошла бы другим путем: заставить поцеловать себе руку, даже губы, может быть, пошла бы еще далее... Весьма справедливо, что этот прием более безнравственный, но в русской натуре нет такого сервилизма, как в польской.

Расскажу здесь один случай, ярко характеризующий человеческие слабости и чиновничью среду. Этот рассказ хорошо бы выкристаллизовался бы у какого-нибудь Лескова⁹³⁶, а еще лучше у Щедрина⁹³⁷, я же сумею привести только самый факт.

Как-то приехал в Калиш попечитель учебного округа Г.Э. Зенгер⁹³⁸. Кстати, несколько слов об этой довольно незаурядной личности. Получив образование в Пажеском корпусе, Зенгер, возлюбив классицизм, поступил в университет, который блестяще окончил и через несколько лет сделался профессором по кафедре древних языков. В учебной среде он считался большим знатоком своего предмета, а несколько специальных трудов доставили ему почетную известность. Рядом со своей научной деятельностью Зенгер делал блестящую карьеру и всегда при посредстве... обиды. Будучи профессором, он на что-то обиделся – и его сделали ректором университета. Обиделся как ректор – его сделали попечителем округа. Обиделся как попечитель – сделали министром. Обиделся на что-то, уже будучи министром – его назначили, на этот раз, только сенатором,

⁹³⁶ Nikolay Semyonovich Leskov (1831–1895), Russian prose writer and publicist.

⁹³⁷ Mikhail Yevgrafovich Saltykov-Shchedrin – Russian writer, satirist and publicist. Author of works containing sarcastic criticism of the socio-political life in the Tsarist Russia.

⁹³⁸ Grigoriy Eduardovich Zenger (1853–1919), philologist, rector of the University of Warsaw (1897–1899), trustee of the Warsaw Educational District (1900–1901), deputy minister (1901–1902) and minister of public education (1902–1904), corresponding member of the Academy of Sciences, see more: K. Latawiec, A. Górak, J. Legieć, S. Bogdanow, *Naczelnicy organów ...*, Vol. 2, pp. 81–87.

тогда как обычно министров назначали членами Государственного Совета. Далее он умудрился обидеться на что-то уже будучи сенатором, и уже тут вышел в чистую отставку. Я вовсе не хочу иронизировать над Зенгером. Это был просто человек определенных принципов, [-341-] не склонный ни на какие уступки. В обращении с людьми Зенгер был необыкновенно приятен и даже застенчив, но за этими свойствами скрывалась недюжинная воля. Обаянию его личности немало способствовала его внешность: он был очень и как-то интеллигентно красив.

Ввиду обычного отсутствия Дарагана я пригласил попечителя обедать, а также, как это водилось, местных представителей Министерства народного просвещения: начальника учебной дирекции, директоров гимназии и реального училища. За обедом Зенгер, между прочим, сказал, что от усиленной умственной работы он страдает мигренями, но что знаменитый Крафт-Эбинг⁹³⁹ прописал ему какие-то порошки, которые ему чудесно помогают. Начальник учебной дирекции и директор гимназии сейчас же заявили, что от умственных занятий и они тоже страдают мигренями и попросили у Зенгера рецепт, каковую просьбу последний немедленно исполнил, написав сигнатурку на поданном ему блокноте.

В молодости у меня самого часто бывали мигрени, но я не захотел утруждать своего гостя и своей просьбой о рецепте.

Дня два после отъезда Зенгера, гуляя по парку, я встретил начальника учебной дирекции и спросил у него рецепт от мигрени.

- Какой рецепт? Спрашивает он меня.

- Да тот, что вам дал Зенгер.

- Да я его куда-то выбросил!

- Да у вас же постоянно болит голова!

- Ну у меня причины более глубокие и мне такая дребедень не поможет: мне нужен огурец, рассол, а самое лучшее, рюмку хорошей очищенной, опохмелиться.

[-342-] - Да для чего же вы просили у него рецепт?

- Да просто из вежливости. Коли у начальства голова болит, значит и у меня должна болеть. Пусть думает, что я по ночам корплю над комментариями к Горацию и Виргилию или сочиняю, как он, никому ненужные латинские стихи!

---

⁹³⁹ Richard Freiherr von Krafft-Ebing (1840–1902), Austrian-German sexologist, psychiatrist, neurologist and criminologist. In 1886, he wrote the work *Psychopathia Sexualis*, a famous collection of cases of sexual disorders.

Через несколько дней у меня действительно сделалась мигрень, и я послал за рецептом к директору гимназии, но последний ответил мне, что рецепт у него куда-то запропастился... Видимо у него тоже были другие болезни и другие снадобья.

С полгода спустя по водворении моем в Калише, вопрос о постройке железной дороги был решен окончательно в пользу Общества варшавско-венской железной дороги с тем, чтобы ее обязали построить путь ширококолейный и тем ввести ее в сеть железных дорог Империи. Мысль Тизенгаузена была у него украдена.

В городе и губернии сильно обрадовались этому событию, как разрешавшему самые жизненные их интересы. Кроме местного, эта ж.д. приобретала еще значение большого транзитного средне-европейского пути. Все это сулило поднять благосостояние всей местности и оживление всей деятельности населения. В обществе заговорили о предстоящих веселых днях. Говорили, что наедут инженеры, начнут купаться в шампанском и сыпать золотом. В этом предположении энтузиастам пришлось разочароваться. Либо время баснословных инженерных барышей миновало, либо у поляков была другая психика, нежели у их русских собратьев. Приехавшие инженеры вели себя скромно, но энергично делали свое дело. Через [-343-] два года по протекции мы уже ездили в Варшаву со служебными поездами, а через три – в блестящих ширококолейных пультмановских вагонах.⁹⁴⁰

При постройке ж.д. возникла необходимость разрешения многих вопросов, связанных со смычкой нашей линии с прусскими железными дорогами. Для решения их приезжали к нам немецкие власти, а в том числе и Познанский регирунг-президент (Губернатор), г. Конрад⁹⁴¹. Т.к. его приезд совпал с обычным отсутствием Дарагана, то мне пришлось отдавать Конраду визит в Познани вместо губернатора. Этот Конрад был впоследствии начальником канцелярии рейхсканцелярии князя Бюлова⁹⁴².

---

⁹⁴⁰ The railway line from Kalisz to Warsaw was built by the Joint Stock Society of the Warsaw-Vienna Railroad in the years 1900–1902 and launched on 15 November 1902 as a broad-gauge railway (1524 mm). In 1906, the Warsaw-Kalisz Railway was connected to the Prussian railway system by a cross-border standard-gauge section Kalisz – Nowe Skalmierzyce – W. Leszkowicz, *Kolej Kaliska. Budowa. Eksploatacja. Znaczenie dla przemysłowego rozwoju*, [in:] *Studia z dziejów kolei żelaznych w Królestwie Polskim (1840–1914)*, ed. R. Kołodziejczyk, Warszawa 1970, pp. 145–185; A. Dylewski, *Historia polskich kolei*, Warszawa 2021. Pullman Carriage – a railway passenger carriage with a long corridor from which entrances to individual compartments lead. George Pullman – American industrialist and constructor of sleeping railway cars, later called after him.

⁹⁴¹ Alfred Robert Anton von Conrad (1852–1914), from 1901 he was the head of the Reich Chancellery.

⁹⁴² Bernhard Heinrich Martin Karl Fürst von Bülow (1849–1929), German state activist and politi-

Немного времени спустя немцы пригласили меня на открытие памятника императору Вильгельму I в близлежащем уездном городе Острове⁹⁴³. На этом торжестве поразили меня местные жители, бывшие военные; все они, хотя и в штатском виде, стояли сначала шпалерами, а потом продефилировали перед памятником в сомкнутом строю, как настоящие солдаты с полной военной выправкой и с видимой гордостью от таковой. Это не по-нашему! Зато, тоже не по-нашему, было то, что за обед, к которому я был приглашен, мне пришлось заплатить 20 марок. Как представителя соседнего государства меня чествовали тостом, на который пришлось ответить на немецком языке. Говорили, что с этой задачей я справился прилично.

Вспоминаю еще один случай из наших пограничных отношений.

Как-то приезжал в Калиш соседний ландрат прусского города Остров, о котором я упоминал выше, некий фон-Ягов⁹⁴⁴. После обеда [-344-] (меня при этом не было), на котором присутствовал и ранее упомянутый командир Александрийского полка полковник Карцев, когда уже порядочно выпили, Ягов предложил тост за гибель поляков (*die Polen ausrotten*). Карцев своего бокала не поднял.

– Почему же вы не пьете? [-] спросил Ягов.

– Потому что русские люди пьют только за чье-либо здравие, но никогда не за чью-либо гибель.

– Но вы же терпеть не можете поляков! Вы же это сами говорили.

– Одно дело не любить, а другое желать гибели, да я и морально не имею права желать уничтожения двенадцати миллионов подданных моего Государя.

После этого разговора положение Ягова стало весьма неловким и он скоро уехал. Через небольшой промежуток времени мы узнали, что Ягов, вследствие помянутого инцидента, из Острова был куда-то переведен... с повышением. Впоследствии, в 1920 году, какой-то фон-Ягов сыграл большую роль в так называемом монархическом восстании Капша⁹⁴⁵. В декабре он был присужден Лейпцигским судом к семи месяцам тюремного заключения. Интересно было бы знать, не тот ли это самый⁹⁴⁶. В описываемое время о нем говорили, как о человеке

---

cian, Chancellor of the Second German Reich (1900-1909).

⁹⁴³ The monument was erected in October 1900.

⁹⁴⁴ Ernst Ludwig von Jagow (1853-1930), in the years 1895-1899 he was the president of the Poznań regency, and in the years 1901-1905 of the Kwidzyn regency. From 1905 until the abolition of the province in 1919, he was the super-president of the province of West Prussia.

⁹⁴⁵ Kapp-Lüttwitz-Putsch – attempted political coup in Germany in March 1920. The putsch was led by Wolfgang Kapp (1858-1922) and general baron Walther Karl Friedrich von Lüttwitz (1859-1942).

⁹⁴⁶ It wasn't the same person – Traugott Achatz von Jagow (1865-1941), in the years 1906-1916 chief

с большими связями и будущностью Ein kommender Mann. Он был толстый и рыжий.

Зимой 1899 года мой тесть, почти постоянно проживавший в Ницце, пригласил меня со всей семьей к нему погостить. Жена с детьми выехала туда в ноябре, а я должен был присоединиться к семье на Рождество.

Два дня после отъезда жены я получил от нее телеграмму: [-435-]

Chemin de fer detruit par tempete, suis arrete isi, ne sais quond continuerai voyage.

Телеграмма была отправлена со станции Diana Marina. Ищу на карте и нигде таковой не нахожу. Дня через три я получив новую телеграмму от жены о благополучном прибытии ее в Ниццу. Из полученного вслед за сим письма я узнал следующие подробности.

Diana Marina⁹⁴⁷ – небольшая ж.д. станция в Италии на самом Средиземном море, недалеко от французской границы. Во время проезда жены разразилась страшная буря, с гор обвалились скалы и испортили многие сооружения, а главное, завалили входы и выходы из многочисленных железнодорожных туннелей. На маленькой станции публика, накопившаяся от нескольких поездов, никак разместиться не могла. Какие-то итальянцы заверили мою жену, что у них есть гостиница и провели ее туда с двумя детьми, французенкой гувернанткой и русской няней и всем ручным багажом. При приходе на место оказалось, что никакой гостиницы нет, а просто грязная таверна с одною общей комнатой, в которой какие-то подозрительные типы распивали вино. Жена хотела уйти, но итальянцы ее уже непустили: хороший тучный багаж и довольно крупные бриллианты в ушах разлакомили этих господ. Положение было довольно серьезное. К счастью, через некоторое время в таверну вошел один из господ, ехавших с женою в одном вагоне. Жена бросилась к нему за помощью. Он немедленно стал уводить мою жену, но итальянцы отказывались нести вещи и жену не отпускали. Тогда он сказал жене, гувернантке и няне, чтобы они, со всем напряжением своих сил, взяли вещи и шли, сам же выхватил из кармана револьвер и навел его на ближайшего бандита.

[-346-] Только под прикрытием этого оружия благополучно совершилось отступление моей семьи, жизнью которой я, весьма возможно, обязан этому

---

of the Berlin Police, In the years 1916–1918, he was the president of the Wroclaw regency. Later, he was the director of entrepreneurs' organizations in Pomerania. After World War I, he was one of the initiators of the Kappa Putsch. Stremoukhov is also wrong about the verdict. Jagov was sentenced in 1921 to 5 years' imprisonment in the fortress.

⁹⁴⁷ Diana Marina is a town and commune in the province of Imperia, Liguria, Italy.

господину, впоследствии оказавшимся седлецким помещиком, поляком, князем Святополк-Мирским⁹⁴⁸. Я имел удовольствие встретиться с ним в Ницце и выразить ему мою глубокою благодарность.

К Рождеству я присоединился к семье. Зима в том году на Ривьере была изумительная, и карнавал удался на славу. Его Величество Карнавал в том году был изобретен ввиду колоссального шута, которому отдавали царские почести. Наша старуха-няня возмущалась и говорила, что грешно чучелу давать христианское имя Дениса (Carnaval de Nice). Южная публика бесновалась от веселья, как исступленная. Пришлось мне вести из дома, с балкона которого мы любовались на шествие карнавала, в гостиницу, немолодую женщину, известную графиню М. Э. Клейнмихель⁹⁴⁹. На *Place de la Municipalite* (теперь Массена) нас подхватила толпа, графиню схватили за одну руку, меня за другую, и вовлекли в сарабанду, огромным кольцом охватывавшую всю площадь. Хоть нехотя, пришлось потанцевать нам.

Гораздо более понравилась мне *bataille de fleurs*; это, по крайней мере, красиво и благоуханно.

Отмечаю, что в это время появились первые автомобили, на них любовались как на чудище, но езда на них считалась предприятием весьма рискованным.

К сожалению, мне недолго пришлось пользоваться ниццкими удовольствиями, я, как всегда, в отпуске заболел. Я испытывал ужасные страдания в правой нижней части живота и буквально ничего не мог есть. Даваемые мне французом-доктором [-347-] средства не помогали. При этом я заметил, что французские врачи не сочиняют рецептов, как наши доктора, а прописывают патентованные средства. Мне кажется, что это свидетельствует о большем внимании наших врачей к индивидуальности пациентов. Не даром же сложилась поговорка, что нет болезней, а есть только больные. Ввиду обострения моей болезни пришлось созвать консилиум, который определил у меня воспаление аппендикса и признал необходимым для меня операцию. В то время эта операция только что начала применяться и считалась весьма опасной. Надо было выбрать хирурга. Некоторые советовали ехать в Париж к знаменитому Кэри⁹⁵⁰, а другие

---

⁹⁴⁸ Czesław Świątopelk-Mirski of the Białynia coat of arms (1862–1920) from Woroniec, Polish prince.

⁹⁴⁹ Maria Eduardovna Kleinmichel, née Countess Keller; (1846–1931), countess, writer, hostess of a high-society salon in St. Petersburg, which was visited by statesmen and major officials of the late 19th-early 20th centuries. After the revolution, she published her memoirs «Iz potonuvshogo mira».

⁹⁵⁰ This figure could not be identified.

в Берлин к профессору Зонненбургу⁹⁵¹, впервые сделавшему операцию аппендикса и в ней специализировавшемся. Я решил ехать в Берлин, все же, в случае неудачи, было ближе к дому.

Оставив детей у бабушки, мы с женой поехали в Берлин. Я попытался было обратиться за помощью к специалисту по внутренним болезням, очень известному профессору Ренберсу⁹⁵², но тот заявил мне, что на дальнейшее существование он обрекает меня на диету *Eis bischen, milcte und ein bischen Kaviar!*

Такая перспектива показалась мне малопривлекательной и я спросил его, опасна ли в моем положении операция. Он ответил:

Eine operation ist immer eine operation

В русском переводе это означало: а зарезать все-таки могут. Мало утешительного!

Поехал я к Зонненбургу. Осмотрев меня, он признал необходимым сделать операцию, а затем поставил мне ряд вопросов:

- Откуда вы приехали? [-348-]
- Из Нишцы.
- Что вы там делали? Лечились?
- Нет
- Для чего же вы туда ездили?
- Да, так себе.
- А ваша семья была с вами?
- Да
- Из кого же состоит ваша семья?
- Из жены и двоих детей.
- А кто же состоит при ваших детях?
- При мальчике французенка, а при девочке русская няня.

Меня злили эти не имевшие никакого отношения к моей болезни вопросы, но впоследствии выяснилось, что, если не для меня, то для профессора, диагноз моей личности представлял достаточный интерес. Когда я спросил Зонненбурга сколько будет стоить операция, то он ответил мне, что полторы тысячи марок, тогда как я знал, что он всегда берет тысячу, но почему не содрать с человека,

⁹⁵¹ Probably it is about Eduard Sonnenburg (1848–1915), a German surgeon. He standardized appendectomy, i.e. the surgery removing the vermiform appendix.

⁹⁵² Gerhard Victor Rudolf von Renvers (1854–1909) was a German medical officer, director of the Moabit hospital.

который ездит в Ниццу с целой семьей и с двумя сопровождающими, и при том без серьезной надобности!

Как бы то ни было, а операцию надо было сделать. Я попросил врача, собственника санаториума, в котором я собирался поместиться, переговорить с Зонненбургом о том, что не может ли он сколько-нибудь сбавить с назначенной суммы. На следующий день я получил ответ, что если я ему заявлю, что я человек бедный, то он сделает мне операцию за пятьдесят марок, что мне она будет сделана ни на одну йоту хуже чем за полторы тысячи, но, что с последней суммы он ничего сбавить не может.

[-349-] Очевидно, что дальше разговаривать было не о чем.

Операцию мне делали под эфиром, и буквально ничего не чувствовал, но в последующие дни, мне было довольно больно и меня успокаивали морфием. При употреблении последнего средства со мною происходило странное явление. Обычно после вспыскивания жена садилась у меня в ногах на стуле. Я начинал засыпать, а мало-помалу лицо моей жены совершенно изменялось... передо мной сидела тоже молодая женщина с резкими чертами лица, южного типа, тонким орлиным носом, правильно очерченными бровями и серыми холодными глазами, пронзительно устремленными на меня. От этого взгляда мне делалось мучительно тяжело. Я никогда в настоящей моей жизни не встречал этой женщины, и откуда она являлась, мне совершенно непонятно. И каждый раз, когда мне давали морфий, она приходила ко мне. В конце концов, это мне стало так тяжело, что я предпочел физические страдания, чем встречаться с пронзительным взглядом таинственной незнакомки.

После операции я довольно быстро поправился и вернулся в Калиш. Лето 1899 года мы провели у себя дома. В течение наступившей осени я перенес первое горе в моей жизни – скончалась моя пятилетняя дочь – Мисенька⁹⁵³.

Смерть дочери причинила нам большое горе, и единственным утешением было то сочувствие, которое выразило нам почти все население города. Почившую девочку знал весь город и любил за ее красоту и ласковость... Теперь прошло много-много лет. Пути Господни неисповедимы. Он знал, где ей лучше... Что было бы теперь с ней, избалованной жизнью, дочерью нищих родителей, или женой столь же нищего и, может быть, потерянного в кровавой революции мужа...

---

⁹⁵³ Maria Petrovna Stremoukhova (1895–1899). She died on 26 September (9 October) 1899 in Kalisz. She was buried two days later in the Kalisz municipal cemetery.

[-350-] Недаром Ангел Божий унес ее из этого «мира печали и слез».

Мне говорили, что в 1914 году немцы перерыли кладбище, устроив на его месте укрепление, и что погибли могила и поставленный на ней памятник. Впоследствии это не подтвердилось, и я даже получил фотографию могилы и памятника.

В последнее время при моих детях состояла англичанка мисс Моррис. Время это совпало с бурской войной⁹⁵⁴, и между нами по этому поводу бывали частые перепалки. Весьма забавно было то, что мисс Моррис, впрочем, вообще очень хорошая женщина, возмущалась тем, както „*des paysans osent tuer des fils de lords!*”

Нашим военным агентом при Бурской армии был назначен мой приятель Василий Гурко⁹⁵⁵. Во время какой-то переправы через реку он попал в плен к англичанам и был доставлен к главнокомандующему британской армии лорду Китченеру⁹⁵⁶. Гурко потребовал немедленного и непосредственного своего возвращения к бурам, но в этом ему было отказано, и его направили круглым морским путем. Этот поступок английских властей послужил причиной крупной перебранки между Гурко и Китченером. Кто мог думать, что несколько лет спустя оба генерала будут драться против общего врага. Во время бурской войны Гурко сошелся с А.И. Гучковым⁹⁵⁷, сражавшимся в качестве добровольца на стороне буров; эти дружеские отношения между ними закрепились, но после революции они разошлись.

Глубокою осенью я как-то был на охоте у Немоевского (о котором я говорил выше). Хотя у него не было титула, но он принадлежал к самой высшей польской знати. Дом⁹⁵⁸ его был наполнен [-351-] портретами предков, бывших коронными маршалами и сенаторами Речи Посполитой, в жупанах с «карабелями» и

⁹⁵⁴ The Second Boer War (1899–1902) – an armed conflict between settlers of Dutch origin (Boers) and British troops.

⁹⁵⁵ Vasilii Iosifovich Gurko (1864–1937), cavalry general, monarchist. During the Boer War in 1899–1902, he was a military agent (attaché) to the Boer troops who fought the British army in South Africa, for the successful completion of the mission he was promoted to colonel.

⁹⁵⁶ Horatio Herbert Kitchener (1850–1916), British military officer, field marshal and politician. He commanded British forces during the Second Boer War.

⁹⁵⁷ Alexander Ivanovich Guchkov (1862–1936), Russian politician; leader of the 17 October Association; in 1910–1911 chairman of the State Duma. After the overthrow of the Tsarist regime, from 15 March to 2 May 1917 he was minister of war in the Provisional Government. In 1899 he volunteered for the Transvaal, where he fought in the Boer War on the Boer side. He was wounded and interned. His older brother Nikolai urgently left for London to help him. Thanks to his elder brother Nikolai, he was transferred to an English hospital.

⁹⁵⁸ Neo-Gothic palace in Śliwniki. Built in 1848–1850 by Jan Nepomucen Niemojowski.

бритыми головами*. В числе их был и секретарь Марины Мнишек⁹⁵⁹, жены Дмитрия Самозванца. После охоты моими соседями за обедом оказались знаменитый польский художник Веруш-Ковальский⁹⁶⁰ и князь Чарторыйский. Художнику я, конечно, наговорил комплиментов по поводу его весьма известной картины «Волк», а со вторым много говорил о его предке, князе Адаме Чарторыйском^{**961}, друге и министре Императора Александра I, о котором лишь несколько дней перед тем прочел интересную книгу С.С. Татищева⁹⁶².

* Немоевский был впоследствии первым председателем Польского Государственного Совета в 1917 году. Его дед⁹⁶³ в 1830 году на калишском сеймике первый объявил Императора Николая I низложенным⁹⁶⁴.

** Потомки знаменитого князя Адама Чарторыйского все жили за границей, главным образом в Париже, где в занимаемом ими *Hotel Lambert* сосредоточивалась польская эмиграция. Тот Чарторыйский, о котором выше речь, владел имениями где-то в Силезии.

Князь был весьма польщен и удивлен моими познаниями о его предке, причем я, конечно, остерегся признаться в том, что приобрел эти сведения едва ли не накануне.

На следующий день я зашел к Дарагану и застал у него в приемной Чарторыйского.

– *Bon jour, mon prince*, [–] сказал я ему.

Тот посмотрел на меня с удивлением и ответил:

– *Prince ne puis, comte ne daigne, Tatisstcchof, tout court, je suis* (* на стр. 351.

Перифраза девиза Роганов⁹⁶⁵: *Roi ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis!**) Табло!

⁹⁵⁹ Maryna Mniszech (Rus. Marina Yurievna Mnishek) born c. 1588, murdered in 1615, Tsarina of Russia, co-regent of Dmitri the Pretender I.

⁹⁶⁰ Alfred Wierusz-Kowalski (1849–1915), Polish painter, representative of the so-called Munich School in realistic painting, member and honorary professor of the Academy of Fine Arts in Munich. In 1865, when his father moved to Kalisz as a notary, Alfred continued his education at the government-run Boys' Classical Gymnasium.

⁹⁶¹ Adam Jerzy Czartoryski (1770–1861), Polish and Russian state activist, minister of foreign affairs of the Russian Empire (1804–1806), president of the National Government of the Kingdom of Poland (1831), founder of the political camp in exile 'Hotel Lambert'.

⁹⁶² Sergey Spiridonovich Tatishchev. Perhaps it is about the book: *Из прошлого русской дипломатии: исторические исследования и полемические статьи*, Санкт-Петербург 1890.

⁹⁶³ Bonawentura Niemojowski (1787–1835), Polish landowner, lawyer and politician, leader of the 'Kaliszan' parliamentary opposition in the Kingdom of Poland in the years 1819–1830.

⁹⁶⁴ The Act of Dethronement of Tsar Nicholas I passed at the Sejm of the Kingdom of Poland on 25 January 1831 in Warsaw.

⁹⁶⁵ Bonmot associated with Henry II de Rohan, a representative of the Breton aristocracy. In fact, it was not the motto of this family, but words attributed to his mother in response to the circumstances of her son's career. In 1603 Henry IV established the vice-county of Rohan as a peerage of the duchy, and in

Оказалось, что это тот самый Сергей Спиридонович Татищев, написавший книгу об Адаме Чарторыйском, которую я только что прочел и которая послужила материалом для разговора моего накануне с потомком князя Адама, и что самое удивительное, это то, что Татищев был похож на вчерашнего моего собеседника как две капли воды. Можно ли себе представить более изумительное стечение обстоятельств, а между тем еще более странный случай представился мне впоследствии, о котором я поговорю на своем месте.

* С.С. Татищев, бывший дипломат, стал выдающимся историографом. Весьма интересны его монографии Наполеоновской эпохи и труды по биографии Императора Александра II.

Татищев приехал в Калиш хлопотать о получении заграничного паспорта для одной местной красавицы, за которою ухаживал и которую увозил от мужа. После приведенного случая я встречался с ним неоднократно и испытывал всю прелесть его занимательной и полной исключительной осведомленности беседы.

Через неделю я получил ящик и письмо от Веруш-Ковальского. Последний писал мне, что желал бы, чтобы в моем кабинете висела картина его кисти, каковую он позволяет себе мне прислать. Открываю ящик и нахожу небольшую картину, вершков восемь длины и шесть высоты, изображающую бабу, везущую по снежной дороге в санях своего пьяного мужа. Сюжет был не интересен, но [-353-] исполнение было превосходно. В особенности живо были написаны голубоватые колеи снега и пар, идущий от лошадей. Я весьма был сконфужен этим ценным подарком, т.к. картины Веруш-Ковальского расценивались на вес золота, и в свою очередь хотел сделать ему какой-нибудь подарок, но он уехал за границу, и я потерял с ним всякий контакт. Помянутая картина вместе со всем моим имуществом пропала в урагане большевистского переворота.

Еще два слова о письме ко мне Веруш-Ковальского. Как звучит иногда странно, именно для нас русских, родственный язык. Я помню в помянутом письме такую фразу: „*W jakim rodzaju ja maluje*”. Малюю и кисть Веруш-Ковальского! Какое недопустимое для русского уха сочетание!

1604 forced him to marry Marguerite de Béthune, daughter of the future Duke of Sully. He then became Henry I as the first prince. Mother then said: “The king cannot, the prince does not deign, Rohan am”. In fact, Henry gladly accepted from the king the title of Duke of Leon, then prince and peer of France.

Летом 1900 года мы поехали с женой и сыном в Кройцнах⁹⁶⁶, откуда сделали две очень интересные поездки: одну по Рейну, а другую на всемирную выставку в Париж.

Поездка на пароходе по Рейну мимо Лорелейефской⁹⁶⁷ скалы, с виноградниками на правом и развалинами рыцарских замков на левом берегу реки, полна красоты и поэзии. Поразителен по своей величавости памятник императору Вильгельму при слиянии Мозеля с Рейном. Мы доехали до Кобленца⁹⁶⁸, откуда вернулись с первым отходящим пароходом, отходившим вверх по течению. В названном городе меня поразили один памятник, не столько по своей внешности, а по политическому его значению. На пьедестале обелискообразного памятника были следующие надписи: на одной стороне: *Commandant de la Grande Armee, Rossesboir* (если мне не изменяет память) 1813, та на другой: *vu et revu, commandant de l'armee Imperiale russe, colonel prince Kourakine 1813*⁹⁶⁹ (может быть, я тоже ошибаюсь, [-354-] но фамилия русская и княжеская). Какие превратности судьбы! И какое здесь проявилось уважение немцев к историческому памятнику, стоящему на их земле и, во всяком случае, им неприятному. Всякий народ с менее развитой культурой, наверное, бы его уничтожил.

Что мне сказать о Парижской выставке⁹⁷⁰? Я полагаю, что о ней надо говорить или очень много, или ничего. Сделать первое мне не позволяют ни время, ни место, а потому я ближе встану ко второму решению. Скажу, что по богатству, обширности и устройству это было что-то изумительное. Каждая национальность была представлена целым дворцом, совокупность которых образовала настоящий город. Наша, признаваемая за варварскую, страна была представлена превосходно, и можно было гордиться своей родиной.

Трюками выставки было *trottoir rouland* и Сибирский поезд.

⁹⁶⁶ Bad Kreuznach (Kreuznach) – a spa town in the district of Rhineland-Palatinate, Germany.

⁹⁶⁷ Loreley or Lorelei – a rock covered with romantic legends on the right bank of the Rhine near the city of St. Goarshausen and Katz Castle. In 1801, the poet Clemens Brentano composed the ballad “On the Rhine in Baharach”. Brentano reimagined Lorelei as one of the maidens of the Rhine who lured sailors to the rocks with beautiful singing. The myth of Lorelei created by Brentano received many artistic embodiments. The most famous poem written in 1824 by Heinrich Heine (*«Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...»*). Composers Friedrich Silcher and Franz Liszt set Heine’s poems to music.

⁹⁶⁸ Koblenz – a city in Germany.

⁹⁶⁹ Battle of Großbeeren occurred on 23 August 1813 in neighbouring Blankenfelde and Sputendorf [de] between the Prussian III Corps under Friedrich von Bülow and the Franco-Saxon VII Corps under Jean Reynier.

⁹⁷⁰ The 1900 Paris World’s Fair (fr. *L’Exposition de Paris 1900*), 14 April–12 November 1900.

Первый заключался в том, что вся выставка, как кольцом, была окружена полосой тротуара, сложенного из досок, который двигался подобно бесконечному ремню. Вы могли вскочить на него на любом месте и, не делая ни шага, доехать до всякого пункта периферии выставки.

Второй трюк заключался в следующем. Вы садились в вагон-ресторан Сибирского поезда, смотрели в окно, и мимо вас двигалось полотно в две тысячи метров длиною, на котором, как бы в естественную величину, были изображены все виды от Белокаменной Москвы до Владивостока⁹⁷¹. Иллюзия того, что вы едете и проезжаете это громадное пространство, была полная.

Парижскую выставку 1900 года можно назвать истинным праздником культуры и разумно понятого интернационализма. [-355-]

Из театральных представлений наибольшее впечатление произвели на меня *т-те Sans Gene*⁹⁷² и *l'Aiglon*⁹⁷³, в особенности первая пьеса, по некоторому, может быть, пристрастью к Наполеону и изумительной игре *Regane*⁹⁷⁴. Знаменитая актриса была некрасива и к тому же в этот день страдала насморком, почему по минутно прикладывала платок к носу, что было не слишком изящно... Но какая игра и какие оттенки! Я никогда не забуду сцену, когда Наполеон, попробовав пофамильярничать со своей прежней прачкой, понял свою ошибку и, провожая ее, почтительно подает ей манто. Такого выражения торжества и гордости я никогда более не видел и даже не могу представить себе этого чувства более ярко выраженным.

Сара Бернар⁹⁷⁵ в роли герцога Рейхштадтского в *l'Aiglon* мне менее понравилась, она была уже стара для этого амплуа.

Из парижских впечатлений отмечу до какого чудовищного размера доходило в этом мирном городе чревоугодие и служение ему. Поклоннику утонченного буржуазного строя мой рассказ доставить приятное воспоминание, врагу же его – лишний случай выругаться, что тоже не лишено приятности, а историку – такое же удовольствие, как описание современников какого-нибудь пира у Лукулла⁹⁷⁶.

⁹⁷¹ Vladivostok – a city in the Russian Federation on the Sea of Japan.

⁹⁷² *Madame Sans-Gêne* – a historical comedy by Victorien Sardou and Émile Moreau (1893), telling the story of events in the life of Catherine Hübscher, an eighteenth-century laundress, who became a duchess.

⁹⁷³ *L'Aiglon* – Edmond Rostand's drama in six acts. The world premiere took place in Paris on 15 March 1900 with Sarah Bernhardt in the lead role.

⁹⁷⁴ Gabrielle Réjane née Gabrielle Charlotte Réju (1856–1920) was a French actress of the late 19th and early 20th centuries.

⁹⁷⁵ Henriette Rosine Bernardt (1844–1923), a French actress and screenwriter.

⁹⁷⁶ Lucullus, a Roman commander who organized legendarily lavish parties.

Мы как-то обедали с женою в самом шикарном ресторане в *Bois de Boulogne, Chateau d'Armanoville*. Мы заказали *canard de Ronon* и *crepes Janette*, а по-русски попросту утку и блинчики. Но что из этого произошло! Сначала *maitre d'hotel* принес нам показать самую утку в сыром виде, потом в жареном, и только после нашего одобрения ее дезосировал (снял с костей), затем кости тут же были собраны, положены в особую мельницу и при нас смолоты. Полученное месиво было облито красным бургундским [-356-] вином и затем разогрето на спиртовке. Лишь после этих манипуляций, положенные на наши тарелки ломти утиного мяса были облиты этим соусом. Вкусно это было удивительно. Однако описанная операция с уткой была ничем по сравнению с тем, что нас ожидало с *crepes Janette*. Операцию с ними производили три лакея. Один из них принес в кастрюле приготовленное тесто и тут же выливал его небольшими порциями на поставленную на жаровне сковородку. Каждый блинчик по мере приготовления клался на тарелку на сковородке, дабы он не простыл. Другой лакей в это время выдавливал сок из апельсина и смешивал его с каким-то ликером; сделанный соус он передавал *maitre d'hotel'*ю, который поливал им блинчики. Правда, все это было очень вкусно, но смешно и совестно в то же самое время было смотреть на этих трех людей, облеченных во фраки, производивших всю эту стряпню с важностью жрецов, совершающих священнодействие.

Зимой 1900 года мне вновь пришлось перенести смерть близкого мне человека. В Вене, после тяжелой и невыясненной болезни, скончалась моя невестка А.А. Воронина⁹⁷⁷, где она гостила у своего шурина Степана Александровича Воронина⁹⁷⁸, занимавшего тогда должность нашего военного агента в Австрии. Я съездил на три дня в Вену на похороны и застал усопшую уже в церкви. Мне никогда не пришлось перенести такого тяжелого впечатления от покойника. Вероятно, как следствие болезни, она вся почернела и ее маленькую головку раздуло, как котел. Это была какая-то чудовищная голова мавра.

Весною 1901 года в Калише торжественно открылось вновь построенное здание реального училища⁹⁷⁹. На торжество приехал министр [-357-] народного просвещения Глазов⁹⁸⁰. Дараган был где-то в отъезде, так что мне пришлось

---

⁹⁷⁷ Alexandra Alexandrovna Voronina née Saltykova (1862–1899), daughter of Alexander Mikhaylovich Saltykov (1828–1903) and Sophia Yakovlevna Bologovskaya. Lady of the Imperial Court since 1881.

⁹⁷⁸ Stepan Alexandrovich Voronin (1858–1926), lieutenant general of the General Staff, hero of the First World War. From 1893 he was a military agent in Vienna.

⁹⁷⁹ Stremoukhov is wrong about the opening of the Real School in Kalisz. The building was constructed in 1901–1902 and opened in the spring of 1903.

⁹⁸⁰ Stremoukhov is wrong about the presence of minister of public education Vladimir Glazov in

принимать министра. Генерал был очень милый и словоохотливый человек и произвел на всех своей простотой наилучшее впечатление. В здании реального училища министру и другим гостям был предложен завтрак. Должен признаться, что в молодости я был очень боек на язык и нередко говорил вещи, о которых впоследствии приходилось пожалеть. За завтраком подали кулебяку, которую Глазов очень расхвалил и при этом заметил, что он вообще любит поесть и даже сам выдумал рецепт какого-то пирога. Недолго думая я сказал:

– Ну, в таком случае вам как министру обеспечено бессмертие!

– Почему?

– Да ведь у нас только двух министров и помнят: Гурьева⁹⁸¹ за его кашу и Нессельроде⁹⁸² за его пудинг!

К моему счастью, мою не совсем уместную шутку Глазов принял весьма благодушно и громко рассмеялся.

С моим языком было раз хуже.

Под моим председательством в Губернском Правлении вырабатывались обязательные постановления о продаже мясных и молочных продуктов. Ближайшее участие в этом деле принимали врачевный⁹⁸³ и ветеринарный⁹⁸⁴ инспекторы. Первый был человеком очень скромным и застенчивым, а второй весьма дерзок и заносчив. Ветеринарный инспектор стоял на той точке зрения, что лишь только он компетентен в вопросе о пищевых достоинствах животных продуктов, т.к. он изучал и знает здоровье тех животных, от которых получается продукт, а врачи с этим делом будто бы совершенно не знакомы. Со своей стороны, медицинский инспектор [-358-] находил, что пока животное живо, оно

Kalisz. At the time (1903), the minister of public education was G. Zenger. The minister V. Glazov was in Kalisz in early November 1904. Vladimir Gavrilovich Glazov (1848–1920), minister of public education (1904–1905), infantry general (1907) and member of the Military Council of the Russian Empire (April 1909–February 1918).

⁹⁸¹ Dmitriy Alexandrovich Guryev (1758–1825), count, minister of appanages, member of the State Council, minister of finance (1810–1823). Guryev porridge is a dessert semolina porridge layered with creamy foam. Flavoured with nuts, candied fruits and baked in the oven.

⁹⁸² Karl Vasilyevich Nesselrode (Karl Robert Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven) (1780–1862), German-Jewish origin, chancellor of the Russian Empire (from 1845), minister of foreign Affairs. Pudding Nesselraultde – A cold dessert dish, mashed boiled chestnuts mixed with vanilla custard and seasoned with maraschino, served with chilled whipped cream with raisins and cinnamon boiled in sugar syrup after freezing in a mold. Candied fruits were also added to raisins and cinnamon, and garnished with sponge cake and meringue.

⁹⁸³ Vladimir Nikanorovich Zhabotinskiy (1852–after 1915), official of Russian origin, graduate of St Vladimir's University in Kyiv, medical inspector of the Kalisz governorate from 1893 to 1914.

⁹⁸⁴ Alfred Dunin-Krajewski (1858–1920), official of Polish origin, graduate of the University of Dorpat, veterinary inspector of the Kalisz governorate from 1897 to 1914.

принадлежит ведению ветеринара, но лишь только оно убито, то полученное мясо или его продукты, как пища, подлежат компетенции врача, лучше знающего физиологию человека, чем ветеринар, так же он смотрел и на молоко и его продукты. Я всецело присоединялся к последней точке зрения. Спор становился все острее, и ветеринар все яростнее наступал на бедного доктора медицины. Наконец ветеринар в азарте обратился ко мне и сказал:

– Ваше превосходительство, да ведь это глупости то, что говорит доктор (и что поддерживал я), есть же, наконец, какая-нибудь разница между ветеринаром, который знает свое дело и врачом, который ничего не понимает.

– О, конечно, очень большая, [-] ответил я, [-] такая же, как между их пациентами!

Только уже сказав это, я сообразил всю дерзость моих слов и ожидал отпора, но, к удивлению, ветеринар только широко раскрыл рот и снова начал спорить.

Real school in Kalisz, Postcard. 1914

Source: Muzea Wielkopolski, numer inwentarzowy: MOZK/H/3309

Лето того года мы провели в довольно малоизвестном русском туристам немецком курорте на острове Силт⁹⁸⁵, непосредственно расположенном

⁹⁸⁵ Sylt (dan. *Sild*) – an island in the North Sea, Germany, the largest of the North Frisian Islands.

против известных Фленсбургских устричных банок. Кто любит тихую жизнь, хороший морской прибой, тому рекомендую туда поехать. Единственное там развлечение и то только для охотников, это охота на тюленей. Во время отлива выезжают в море на лодке и пристают к какой-нибудь отмели. Там охотники, в платье защитного цвета, ложились на песок и, выдвинув перед собою ружья, не шевелясь, ожидали тюленей, лодки же отплывали куда-нибудь подальше. С наступлением прибоя и уменьшением площади отмели, [-359-] тюлени подплывали и выплзали на берег. Тут в них и стреляли. Ранения должны были быть, безусловно, смертельными, иначе зверь уходил в море и пропадал для охотника. Мне удалось убить лишь одного тюленя, да и то не приведенным способом, а случайно вынырнувшего около лодки.

Последние годы моего пребывания в Калише были гораздо богаче событиями.

Осенью 1902 года происходили выборы в Земском кредитном обществе⁹⁸⁶. Я уже говорил ранее о значении этого общества, представлявшего единственное польское учреждение в крае. Выборы производились весьма торжественно, в роде того, как у нас дворянские. Весьма щекотливым был вопрос о присяге. По закону ее надо было выполнять на русском языке, а поляки со времени нового царствования стали от этого уклоняться. Настойчивое требование выполнения указанного закона, по существу, не имевшего серьезного значения, несомненно, внесло бы большое охлаждение между представителями власти и населением, и поэтому Дараган вышел из положения следующим образом. Открыв заседание, он прошел на квартиру председателя, помещавшуюся на той же лестнице, игнорируя все, а в том числе и присягу, что происходила в его отсутствие. Для любителей оппортунизма такое решение было весьма удачным.

После выборов у председателя всегда был обед, на котором присутствовали все выборщики, свыше полутора человека. Когда подали венгерское, председатель провозгласил тост за здоровье губернатора, который был встречен громким «ура». Несколько минут спустя Дараган ответил небольшою речью по-польски. Это [-360-] выступление было встречено неумолкаемыми криками одобрения. Все стояли. Я стоял против Дарагана. Вдруг я заметил, что он побледнел и

---

⁹⁸⁶ Land Credit Society in the Kingdom of Poland – the first Polish banking institution, an association of landowners of the Kingdom of Poland with its registered office in Warsaw, founded in 1825 on the initiative of Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki. The purpose of the Society's activity was to grant long-term loans. It supported Polish landowners.

тихо сказал мне: *vous avez du?* И метнул глазами в левый угол зала. Оборачиваюсь и вижу, что среди вставших гостей демонстративно сидит исправляющий обязанности губернского Жандармского управления подполковник Плещеев⁹⁸⁷.

На следующий день Дараган поехал в Варшаву к Имеретинскому, и Плещеев, в 24 часа был переведен в какой-то захолустный город.

Должен отметить, что произнесение губернатором речи на польском языке в официальной обстановке совершенно расходилось с нашим правительственными традициями. Революция так отменяла все прошлое, что ныне не стоит задаваться вопросом, правильно это было или нет, но, во всяком случае, поступок жандармского офицера был неприличен. Он мог возмущаться, доносить кому сие надлежало, но не имел права делать публичной демонстрации против губернатора.

Плещеев был съеден, но не жандармы, и это скоро почувствовал Дараган.

Вскоре после приведенного инцидента скорострительно скончался генерал-губернатор, светлейший князь Имеретинский. Положительно пост Варшавского генерал-губернатора был фатален. Генерала Гурко сразил удар. Шувалова⁹⁸⁸ тоже. Имеретинский умер от разрыва сердца. Правда, по отношению к последнему, молва приписывала его преждевременную смерть приему сильных средств, восстанавливающих утраченную молодость...

Кончина Имеретинского была большим ударом для Дарагана [-361-] ввиду его дружеских отношений с покойным.

Вскоре мы узнали о назначении генерал-губернатором генерал-адъютанта Михаила Ивановича Черткова⁹⁸⁹. Это назначение всех изумило. Уже более двадцати лет, т.е. со времени восшествия на престол Императора Александра III, Чертков был не у дел и проживал в качестве частного лица в своем чудном имении Кагарлыке Киевской губернии⁹⁹⁰. Что побудило Государя извлечь из ар-

---

⁹⁸⁷ Lev Ivanovich Pleshcheyev (1843–after 1900), sub-colonel, officer of the 49th Brest Infantry Regiment, officer of the Gendarmerie Corps from July 1880, head of the Gendarmerie Department of Kalisz and Turek Districts (1894–1895) and head of the Gendarmerie Department of Kalisz, Konin and Słupca Districts (1895–1900).

⁹⁸⁸ Pavel Andreevich Shuvalov (1830–1908), count, General-Governor of Warsaw province, 13 December 1894–12 December 1896.

⁹⁸⁹ Mikhail Ivanovich Chertkov (1829–1905), Russian cavalry general, adjutant-general, governor-general of Voronezh province in the years 1861–1864, general-governor of Warsaw province 24 March 1901–17 February 1905.

⁹⁹⁰ Chertkov's removal from mainstream Russian domestic politics was a consequence of his unsuccessful rule in the Kyiv Governorate-General, see more: J. Legieć, K. Latawiec, *Depolonizacja i rusyfikacja na prawobrzeżnej Ukrainie 1869–1880. Czasy general-gubernatorów Aleksandra Dondukowa-Korsakowa i Michała Czertkowa (Historia i materiały)*, Kielce 2022, pp. 33–44.

хива этого старца, было совершенно непонятно. Остряки говорили, что Государь не мог никак найти подлежащего кандидата и после глубокой задумчивости воскликнул: «Чорт, кого бы назначить...?» и назначил Черткова.

Как бы не подходить к оценке Михаила Ивановича, нельзя было не признать, что он был большим баринном, самостоятельным и независимым. Всем своим обликом он напоминал старого боярина. Он одинаково важен был как с первым сановником государства, так и с последним корнетом, своим гостем. О нем ходил следующий характерный анекдот.

Как-то Императрица Мария Федоровна спросила своего мужа, кто был у него сегодня на приеме.

– Чертков, [-] ответил Государь.

– Ну что он?

– Очень был ко мне благосклонен.

И я очень живо представляю себе как «благосклонно» Михаил Иванович беседовал с Государем.

В [18]80-м или [18]81-м году Чертков занимал должность Киевского генерал-губернатора. Михаил Иванович был женат на красавице Ольге Ивановне⁹⁹¹, которая? как говорили, слишком властно распорядилась в Киеве. [-362-]

В то время, в конце царствования Императора Александра II, производились сенаторские ревизии с целью собрания материала для будущей конституции, которою граф Лорис-Меликов⁹⁹² хотел «увенчать здание великих реформ Царя-Освободителя» Злодеяние 1 марта уничтожило все эти благие намерения. Сенаторскую ревизию в Киеве производил сенатор Половцов⁹⁹³. Вследствие полного расхождения во взглядах сенатора и генерал-губернатора Черткову пришлось оставить свой пост. По этому поводу, остряки говорили: «Когда-то Ольга избавила Киев от половцев⁹⁹⁴, теперь Половцов избавил Киев от Ольги».

Я уже говорил выше, что Ольга Ивановна была удивительная красавица. Еще в описываемое время (1892 год), уже свыше шестидесятилетней женщиной,

⁹⁹¹ Olga Ivanovna Gulkevich-Glebovskaya (1840–1912), by the first marriage – Vereshchagina. According to a contemporary, she was a very funny lady and at the same time a positive beauty. As Governor in Voronezh, Chertkov fell in love with Olga Ivanovna, divorced her from her husband and married her in 1864 – С.Ю. Витте, *Воспоминания*, Москва 1960.

⁹⁹² Mikhail Tarelovich Loris-Melikov (1826–1888), Russian military officer and politician of Armenian origin, liberal, minister of internal affairs of the Russian Empire in 1880–1881.

⁹⁹³ Alexander Aleksandrovich Polovtsov (1832–1909), senator (1873), secretary of state (1883–1892). In 1880, he conducted an audit in the Kiev and Chernigov provinces, revealed a number of abuses of the local administration.

⁹⁹⁴ Polovtsians, the Slavic name for the Kipchaks (also known as the Cumans), a nomadic Turkic people.

она была на редкость хороша. Огромные глаза, крутые черные брови и седые волосы маркизы, тонкий орлиный нос и осиная талия при царственном бюсте и росте.

Вскоре после вступления Черткова в должность Дараган поехал к нему представиться, но вернулся из Варшавы довольно кислый. Взгляды вновь назначенного генерал-губернатора и Дарагана были совершенно противоположны. Дараган был полякофилом и либералом, а Чертков полонофобом и консерватором. Чертков чрезвычайно холодно отнесся к Дарагану, и это скоро почувствовалось в делах управления.

Вскоре от Михаила Петровича потребовали объяснения по поводу его речи на польском языке в Земском кредитном обществе. Дараган отписался довольно неудачно, оправдываясь тем, что он говорил не в официальном месте, а в частном доме председателя Кредитного общества. Это объявление, не отвечавшее действительности, успеха не имело, [-363-] Чертков стал кое-где инсинуировать о слишком страстном и небезукоризненном отношении Дарагана к предоставлению концессии на постройку Калишской ж.д. Обществу Варшавско-Венской ж.д. Читатель знает, что в этом вопросе я совершенно расходился с Дараганом и даже имел с ним неприятности, но тем не менее, по всей справедливости, должен отвергнуть всякую тень корыстных побуждений со стороны Михаила Петровича. Дараган мог быть пристрастен и лицеприятен, его можно было подкупить мелочью, вниманием, хорошеньким женским личиком, какой-нибудь грошовой безделушкой, вкусным обедом, но деньгами – никогда! У него их никогда не было. В сущности, он жил весьма скромно и нередко я видел его в заштопанных штанах.

Многие уверяли, что антипатия Черткова к Дарагану находила себе почву в далеком прошлом, в каком-то соперничестве у женщины, когда оба они были еще молодыми офицерами, один конногвардейцем, а другой кавалергардом. Не знаю, справедлива ли эта легенда, но несомненно то, что не нужно было никакого инцидента в прошлом для натянутости отношений между этими двумя людьми – просто они были антиподами во всем своем мировоззрении и вместе служить им было просто невозможно.

Отрицательное отношение генерал-губернатора к губернатору очень скоро дало себя чувствовать: все представления последнего проваливались, и постоянно поступали запросы и требовались объяснения по тем или другим вопросам. Дараган в прежнее время, не спрашиваясь, постоянно ездил в

Петербург и Варшаву, а теперь от него потребовали испрашивать разрешение на поездки с представлением причин, вызывающих их необходимость. Эти [-364-] причины подвергались критике, а иногда их находили недостаточными и предлагали изложить дело письменно и прислать по почте, вместо личного доклада.

Положение Дарагана становилось крайне тяжелым, и на него жаль было смотреть.

Дальше пошло еще хуже. По нужным делам Чертков стал вызывать меня, совершенно игнорируя Дарагана, что было неприятно не только для Михаила Петровича, но и для меня.

Под давлением такой тактики Дараган решил уйти. При содействии своего родственника, И.Л. Горемыкина⁹⁹⁵, он был назначен присутствовать в Сенате.

Уход Дарагана весьма опечалил местное общество. Его двадцатипятилетняя деятельность создала ему в польском обществе многочисленных друзей и поклонников. Предположение, что его опала вызвана его полонофильством, еще подогрела эти симпатии, а потому местные поляки решили ознаменовать его уход торжественными проводами.

Это дошло до Черткова.

Я был вызван в Варшаву. Генерал-губернатор сказал мне, что до его сведения дошло о пышных проводах, которые хотят сделать поляки выживаемому им губернатору, и что он усматривает в этом демонстрацию, направленную против него, которую он предлагает мне, как временно управляющему губернией, ни в коем случае не допускать.

Я заметил на это, что сделать мне это очень трудно, прямо запретить проводы нельзя, а действовать исподтишка, как бы интригуя против человека, с которым я прожил прилично пять лет, не только [365] недопустимо для меня с моральной стороны, но и весьма повредило бы мне в общественном мнении.

- Я ничего предосудительного от вас и не требую, [-] сказал Чертков, [-] но всякое дело можно сделать с тактом, и я настаиваю, чтобы мои указания были выполнены.

---

⁹⁹⁵ Ivan Logginovich Goremykin (1839–1917), minister of internal affairs (1895–1899), member of the State Council (from 1899), senator (from 1894), chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire (1906 and 1914–1916).

Пришлось покориться, но тем не менее я чувствовал себя отвратительно. Вернувшись в Калиш, я узнал все подробности готовившихся торжеств и мне стало ясно, что устраивать их совершенно невозможно, не говоря уже о той сомнительной роли, которая на меня в этом деле выпала.

Поэтому я решил разрубить узел ударом рискованным, но вполне джентельменским. Я откровенно передал Дарагану мой разговор с генерал-губернатором и предложил ему самому решить, как выйти из создавшегося положения, т.к. интриговать простив него я не могу, а навлекать на себя неудовольствие Черткова мне неприятно.

Такое решение было рискованно потому, что обозленный Дараган мог рассказать направо и налево об образе действий Черткова, который, конечно, никогда не простил бы мне разоблачения его конфиденциального поручения, в особенности его неприятелю Дарагану.

Михаилу Петровичу мое сообщение было крайне неприятно. Предстоявшие овации, во-первых, были им заслужены, и во-вторых, тешили его самолюбие, а в-третьих, являлись демонстрацией против несправедливого отношения к нему генерал-губернатора. Дараган сказал мне, что поступок Черткова его ошеломил, почему он сейчас ответить не может.

[-366-] Прошло несколько дней. Общество готовилось к торжественным проводам, я давал на все свое согласие и обещал свое участие. Чувство порядочности и уважение к общественному мнению преодолевали мое опасение вызвать на себя неудовольствие властного генерал-губернатора, но тем не менее невольное беспокойство заползало мне в душу.

Однажды утром, когда я только что встал, мой человек передал мне письмо на мое имя от Дарагана.

Вскрываю конверт и читаю:

«Непредвиденные обстоятельства заставили меня сегодня внезапно оставить Калиш, потому очень прошу Вас, многоуважаемый Петр Петрович, передать мой горячий привет и благодарность всем лицам, желавшим меня почтить при отъезде... т.д.»

Таким образом, провода, овации и демонстрации сделались неосуществимыми.

Не могу не отметить с благодарностью этот благородный, относительно меня, поступок Дарагана, вполне оправдавший мое к нему доверие.

Начальство долго не назначало преемника Дарагану, так что мне более двух месяцев, вполне самостоятельно пришлось управлять губернией. Управление губернией при таких условиях представляло гораздо больше трудностей, чем для настоящего губернатора, т.к. «калиф на час», естественно, всегда не мог иметь достаточного авторитета; все его распоряжения всегда могли быть отменены ожидаемым «барином» – «вот приедет барин, барин нас рассудит...!»

В этом периоде выпала на меня довольно щекотливая задача [-367-] председательствования в затеянных Витте комиссиях по улучшению сельскохозяйственной промышленности. Учрежденные под этим скромным названием комиссии, по программе своей, имели гораздо более широкие задачи. Состав комиссии был смешанным из представителей ведомств – русских и местных деятелей, поляков. Точка зрения на все затронутые вопросы у обеих сторон была диаметрально противоположная. Русские в каждой мелочи видели посягательство на устои государственности, а поляки хотели использовать момент, чтобы вырвать все, что могло оказаться возможным для большей самостоятельности и самодеятельности. Ранее всего начались недоразумения с русским языком. Очевидно, к участию в комиссии были приглашены лишь поляки, владевшие русским языком. Тем не менее некоторые из них, уже во время заседания, заявляли, что хотя и говорят по-русски, но для того, чтобы точно формулировать свои мысли, просят разрешения говорить по-польски. Это вызвало протест со стороны русских, которые утверждали, что ничего по-польски не понимают, хотя продолжительная служба их в Крае вполне опровергала такое заявление. Словом, с обеих сторон проявилось мало доброй воли. Особенно много хлопот своей грубостью доставил мне управляющий казенной палатой Морозов⁹⁹⁶. Когда я просил его употреблять более вежливые формы, то он в свою очередь просил меня его не прерывать, т.к. он сам за себя отвечает. Кончилось тем, что поляки заявили мне, что если Морозов не изменит тона, то они на заседания более приходить не будут.

С одной стороны, в моем положении «калифа на час» укротить Морозова было очень трудно, а с другой, я не мог допустить, чтобы [-368-] поляки сорвали течение наших занятий. Столкновению с Морозовым была бы придана окраска угодливости с моей стороны перед поляками, а уход поляков был бы признан последствием отсутствия с моей стороны умения вести дело...

---

⁹⁹⁶ Vitaliy Dmitriyevich Morozov (1858–1913), head of the Kalisz Tax Chamber (1898–1913), see more: K. Łatawiec, A. Górak, J. Legieć, S. Bogdanow, *Naczelnicy organów ...*, Vol. 2, pp. 289–291.

В моем положении лица, прослужившего уже пять лет вице-губернатором и выработавшего себя губернаторский ценз, все это было весьма неприятно. С большим трудом и более всего жертвуя своим самолюбием и нервами, я довел дело до благополучного конца. О ходе наших занятий я периодически сообщал генерал-губернатору, и, по-видимому, мои записки сильно его заинтересовали.

Труды комиссии составили убористый том, написанный на Ремингтоне⁹⁹⁷. Совокупность этих томов, собранных со всех концов России составила, вероятно, целую библиотеку, но судьба их осталась неизвестной.

В это время в Петербурге состоялось торжество столетнего юбилея Пажеского корпуса, на который, ввиду серьезности моих служебных занятий, мне не удалось попасть.

Наконец стало известным, что губернатором в Калише назначается Псковский губернский предводитель дворянства, Николай Иванович Новосильцев⁹⁹⁸.

Недели через две после приказа Новосильцев водворился в Калише. Первое его обращение ко мне было весьма любезно, причем он отметил, что я ему горячо рекомендован Чертковым и его шурином, князем А.Д. Оболенским (б. помощником генерал-губернатора), что дела он не знает и надеется на мою помощь.

Новосильцев начал свою службу в Преображенском полку, где прокутился и перешел на службу в казаки в Туркестан, затем [-369-] получил наследство, женился на княжне Е.Д. Оболенской⁹⁹⁹, поселился у себя в имении в Псковской губернии, где был избран в предводители, сначала Порховским – уездным, а затем и Псковским – губернским.

Дела Николай Иванович не знал совершенно и даже не проявлял особого желания с ним познакомиться. К бумагам он относился поверхностно и подписывал их, не читая. По своим привычкам и воспитанию он был человеком большого света и понравился полякам, чиновники же не чувствовали его существования, и его власть расплылась между второстепенными деятелями. Много пошло вкривь и вкось. Мне, щадя доверившегося мне Новосильцева, приходилось вмешиваться в дела вице-губернатору не подведомственные, что соз-

⁹⁹⁷ Typewriter brand.

⁹⁹⁸ Nikolay Ivanovich Novosiltsov (1849–1916), governor of Kalisz (1902–1913), senator (1913), see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Latawiec, *Słownik...*, pp. 335–338.

⁹⁹⁹ Yelizaveta Dmitriyevna Morozova née Obolenskaya (1853–1926), princess, daughter of Dmitriy Alexandrovich Obolenskiy (1822–1881).

дало мне много врагов. В противность властному Дарагану, Новосильцев любил сплетни, и нас скоро поссорили. Как это ни странно, с властным и подавляющим Дараганом оказалось легче служить, чем с милым, но слабохарактерным Новосильцевым.

В хорошей компании Николай Иванович не прочь был выпить лишнюю рюмку вина, и тогда был довольно занимателен.

Однажды он рассказывал нам забавный о себе анекдот.

– В молодости, [-] рассказывал он, [-] я здорово пил. Однажды с моим товарищем мы закутили в одном из ресторанов на Каменном острове¹⁰⁰⁰. Часов в пять утра, чуть забрезжило утро, мы возвращались в город; вдруг, приближаясь к Неве, мы увидели на мосту что-то страшное. Мы переглянулись и заметили, что оба побледнели.

– Что это Коля? [-] спросил меня мой товарищ.

– Слон, [-] ответил я.

– Неужели мы до слона допились?!

[-370-] – По-видимому.

– Ну, дело дрянь!

– Что делать?

– Поедем к Спасителю, авось отмолимся!

Поехали к Спасителю. Поставили свечки. Прислуживающий монах заинтересовался причиной такого богомольного настроения двух молодых офицеров, к тому же проявленному в шесть часов утра. Мы объяснили ему, что допились до «белого слона» и приехали молиться, чтобы нас не хватил бела горячка.

Монах объяснил нам, что в таких условиях одна молитва не помогает, а нужно и дело, т.е. дать зарок не пить хотя бы год. Что поделаешь! Пришлось подчиниться. Зарок был дан. Поехали домой, выспались. Проснувшись, потребовали кофе и газеты, и что же? В Петербургском листке читаем: «Последние новости. Уже перед самым выпуском газеты нам сообщили о необыкновенном происшествии. Сегодня ночью и зоологического сада сбежал слон. Напугав ночных гуляк, слон был изловлен и водворен в постоянное место жительства».

Мы опять переглянулись.

– Так это был настоящий слон, а не «Белый»?

¹⁰⁰⁰ The part of St. Petersburg located in the Neva delta.

- Как видишь!
- Зачем же мы в таком случае дали зарок не пить?
- Неизвестно.
- А все-таки зарок держать надо.

Так мы год и прожили, ничего не пивши.

Николай Иванович был страстным и убежденным кнейпистом¹⁰⁰¹, [-371-] и деятельность его в Калише проявлялась лишь в том, что он устроил лечебницу по кнейповской системе. Не знаю, имела ли она успех впоследствии, но в то время из желания понравиться губернатору многие сделались кнейпистами. Непосредственно к себе кнейповскую систему Ник.[олай] Ив.[анович] применял в том, что сидел в своем кабинете босой. Когда к нему являлись посетители, то он усиленно прятал ноги под стол и бывал в трагикомическом положении, когда надо было встать и обнаружить свои босые ноги при форменном сюртуке со звездой и погонами.

В 1902 году мы никуда не ездили, и мой тесть провел у нас лето. Здоровье его начало сильно подаваться. Ему минуло 72 года, появилась отдышка и вода в легких, скоро перешедшая в водянку ног. Я вызвал своего шурина из Тульской губернии, где он за год перед тем был избран алексинским уездным предводителем дворянства. Несмотря на сопротивление тестя, мы пригласили из Варшавы известного там профессора Кудревецкого¹⁰⁰², который и выпустил воду из легких и старику стало легче. В конце сентября тесть мой собрался и, несмотря на большую слабость, уехал один в Ниццу.

Перед самым Рождеством я как-то поехал в Варшаву и между прочим заехал к Черткову. У него было много представляющихся, и к тем, которые заявили, что у них особого дела нет, Чертков вышел в приемную. Рядом со мной стоял какой-то молодой офицер в немецкой гусарской форме. Поговорив со мной, Чертков обратился к гусару на французском языке. Тот ответил ему по-русски.

– Откуда вы говорите по-русски? [-] удивленно спросил его Чертков [-372-]

– Я граф Бнинский¹⁰⁰³ и женат на русской.

¹⁰⁰¹ Sebastian Kneipp (1821–1897), Bavarian Catholic priest and theologian, supporter and promoter of hydrotherapy, varied and complete diet and herbal medicine. In his publications and activities, he encouraged basic hygiene procedures such as daily washing of the whole body, washing hair, using running water for washing, regular washing of clothes and underwear, walking, physical exercise or rest.

¹⁰⁰² Vasily Vasilyevich Kudrevetsky (1859–after 1936), general practitioner, tenured professor and rector of the Imperial University of Warsaw (1911–1912).

¹⁰⁰³ Jan Nepomucen Rafał Piotr Bniński (1873–after 1914), son of Stanisław Bniński and Maria Zofia

- На ком же?
- На М.-м Стремоуховой.
- Значит, вы родственники? [-] спросил Чертков, обращаясь ко мне.
- Первый раз об этом слышу, [-] ответил я.

Впоследствии мы разобрались. У графа Бнинского, прусского подданного, было имение в Подольской губернии. Ему часто по делам приходилось ездить в Киев, где он познакомился с г-жой Стремоуховой и женился на ее дочери. Эта Стремоухова была вдова того самого Стремоухова, о котором я говорил в начале моих записок (гл. 1, стр. 10), что он, будучи полковником Конной гвардии, убил на дуэли своего товарища, был разжалован в солдаты и впоследствии командовал Владимирским уланским полком.

Но какая удивительная встреча со мной! Однако далее она оказалась еще более достопримечательной.

От Черткова я вернулся в гостиницу, где застал телеграмму от жены из Калиша, в которой она извещала меня, что ее отец в Ницце при смерти, о чем ее извещали родные. Я сейчас же вернулся к генерал-губернатору и получил от него разрешение ехать за границу.

Приехав в Ниццу, мы застали тестя в сравнительно удовлетворительном состоянии. Испугавший наших родных сердечный припадок обошелся благополучно. В Ницце я пробыл две недели, оставив там жену ухаживать за отцом, и вернулся в Калиш через Берлин. Когда я садился в купе на вокзале на Фридрихштрассе, то я не мог занять места, т.к. на скамейке растянулся какой-то господин накрытый пледом и, по-видимому, спавший. Шафнер его едва [-373-] растолкал и тот начал громко ругаться. К удивлению моему это оказался граф Бнинский, с которым я едва двадцать дней перед тем познакомился в Варшаве. Ни до этих двух встреч, ни после них, мы никогда более не встречались. Бывают же удивительные стечения обстоятельств!

13 февраля 1903 года я получил от жены телеграмму о смерти тестя, которого и похоронили в столь любимой им Ницце.

Смерть Александра Михайловича, которого я полюбил как отца, меня очень огорчила.

Дней через десять вернулась и моя жена с братом Александром Александровичем.

Sobierayska, married in Kiev on 21 June 1899 Yekaterina Stremoukhov, daughter of a general, adjutant to the Russian Emperor and Yeliza Karageorgevich, born on 4 November 1874.

Покойный тесть оставил своим детям хорошее состояние, разделив его поровну между сыном и дочерью. Состояние заключалось в разных акциях, находившихся на хранении в Петербургском учетном и ссудном банке. В плохие годы на каждого из наследников доходы были в 8 [тысяч], а в хорошие достигали до 12 тысяч в год.

Мне и шурина пришлось съездить в Петербург для получения наследства, которое мы и поделили в течение получаса.

Пользуясь пребыванием в столице, я решился представиться министру внутренних дел Плеве¹⁰⁰⁴.

Представление это вышло довольно забавным. Следует отметить, что Плеве был человеком очень суровым и лица, имевшие с ним дело, входили в его кабинет не без трепета.

Должен в своем рассказе на этом месте несколько отступить.

Будучи избран предводителем дворянства, мой шурин по своей широкой натуре стал тратить деньги выше своих средств, и его [-374-] отцу приходилось нередко давать ему субсидии, что раздражало старика. Вообще последний находил, что его сыну не по средствам было нести исключительно почетную и безоплатную службу, а потому, пользуясь своими давнишними хорошими отношениями с Плеве, написал последнему письмо, прося предоставить ему должность вице-губернатора. В этой просьбе не было ничего предосудительного, т.к. А.[лександр] Ал.[ександрович] лет восемь был земским начальником, состоял уездным предводителем дворянства, был уездным и губернским гласным, словом, имел все права на такое назначение.

К министру мы поехали с Салтыковым. Первым был принят я. Плеве спросил меня, для чего я приехал в столицу. Я ответил, что по делу наследства, оставленного после тестя.

- А кто ваш тесть? [-] спросил министр.
- Александр Михайлович Салтыков¹⁰⁰⁵.
- Ах да, я слышал, что он умер в Ницце, как это случилось?
- Я не был при его смерти, при которой присутствовал его сын, и если это

---

¹⁰⁰⁴ Plehve, Vyacheslav Konstantinovich (1846–1904), senator (1884), secretary of state (1896), 4 April 1902, after the assassination of D. Sipyagin, appointed minister of internal affairs and chief of the Gendarmerie Corps (4 April 1902–15 July 1904), killed by bomb in St. Petersburg.

¹⁰⁰⁵ Alexander Mikhailovich Saltykov (1828–1903), head of the Military Campaign Chancellery, lieutenant general, wife: Sofia Yakovlevna Saltykova, children: Yekaterina Alexandrovna Levshina; Alexander Alexandrovich Saltykov and Sofia Alexandrovna Stremoukhova.

вас интересует, то он может рассказать вам это подробно, кстати, он здесь, у вас в приемной.

– Отлично, приму одновременно обоих beau-fre'ов.

Позвали Салтыкова. Плеве очень много расспрашивал его о покойном и вообще был весьма любезен.

Когда мы уже откланивались, Салтыков сказал министру:

– Ваше Высокопревосходительство, извините, у меня к вам есть просьба.

Только что бывший очаровательно любезным Плеве сразу изменился.

– Знаю, знаю вы хотите быть вице-губернатором... [-375-]

– Да вот именно по этому поводу я и хотел...

– Знаю все, что вы мне скажете, но у меня просьб лиц, желающих занять вице-губернаторскую должность, столько, что я мог бы оклеить ими вместо обоев этот кабинет.

– Но я...

Министр не дал говорить Салтыкову

– Словом, теперь не могу, можете подождать.

Мой шурин загорячился и уже, не обращая внимания на министра, выпалил:

– Да я, ваше высокопревосходительство, только для того и приехал к вам, чтобы сказать, что эту глупейшую должность я соглашался взять только уступая просьбам отца, а теперь от нее отказываюсь!

Плеве остолбенел, потом усмехнулся и вымолвил:

– Что же вы мне этого ранее не сказали.

– Да вы мне не дали сказать!

– Ну ладно. Верьте мне, что государству хорошие предводители тоже нужны.

На этом аудиенция и закончилась.

7 апреля, на Пасху, я совершенно неожиданно для себя был пожалован в камер-юнкеры; этому я несомненно обязан был Черткову.

Сэтого времени начал делать карьеру. Впоследствии мои недоброжелатели уверяли, что карьеру я сделал по протекции моего тестя. Довольно странно однако, что она стала проявляться после его смерти. За всю мою долгую службу я лишь первую должность получил по протекции, а именно тогда, когда мой товарищ [-376-] Гурко рекомендовал меня своему отцу. Но и эта рекомендация вытекала не из одной приязни ко мне Гурко, слишком уважавшего своего отца,

чтобы рекомендовать ему лицо, в котором он не был бы совершенно уверен. Однако я не могу отрицать, что косвенно мой покойный тесть мне много помог теми средствами, которые он давал своей дочери. При наших скромных вкусах эти средства давали мне возможность держаться совершенно самостоятельно и давать понять, кому и когда это было нужно, что в службе я не нуждаюсь. Быть самостоятельным и проявлять гражданское мужество было величайшим счастьем моей жизни. Правда, при хороших материальных средствах особой доблести в этом не было, хотя я и знал людей, гораздо более богатых, которые готовы были терпеть многое, чего бы я относительно себя никогда бы не позволил.

Повторяю, мы с женой всегда были очень скромны в наших личных привычках, ничего не тратили на рестораны, театры, сравнительно мало на туалеты, но дом, стол, сервиз, прислуга, экипажи и лошади всегда были поставлены на широкую ногу, долгов у нас никогда не было и нас даже всегда считали более богатыми, чем мы были на самом деле. Начальство считалось с этим, и я уверен, что никогда и никто, даже мои враги, не сомневались в моей честности. В этом в значительной степени я действительно был обязан моему тестю.

Лето 1903 года мы решили провести у моего шурина в деревне, куда он давно меня звал. После моих многочисленных поездок за границу и многолетнего пребывания в Польше, захотелось и [-377-] мне подышать черноземным русским воздухом. Жена моя в это время была беременная, а потому в мае месяце я поехал в деревню сначала лишь на короткое время, чтобы отвезти туда сына с гувернанткой.

Кажется, на второй день моего пребывания в деревне Салтыков должен был ехать к своему соседу, Великому Князю Николаю Николаевичу¹⁰⁰⁶ в его имение Першино, тоже Алексинского уезда Тульской губернии, и уговорил меня ехать с ним. При широком гостеприимстве Великого Князя лица, хорошо у него принятые, свободно могли привозит к нему своих друзей.

Имение Першино было охотничьей резиденцией Великого Князя, где им была устроена его знаменитая и единственная в мире по своему великолепию охота с русской густопсовою борзою собакою. Многие иностранцы, а в особенности англичане, приезжали дивиться ей. Охотой В[еликого] К[нязя] за-

---

¹⁰⁰⁶ Grand Duke Nicholas Nikolaevich (the Younger) (1856–1929), the first son of Grand Duke Nicholas Nikolaevich (senior) and Grand Duchess Alexandra Petrovna (nee Princess of Oldenburg), grandson of Nicholas I; adjutant general (14 November 1894), cavalry general (1 January 1901).

ведовал Д.П. Вальцов¹⁰⁰⁷, который считался таким знатоком псового дела, что его постоянно приглашали в Англию. В качестве судьи-эксперта на собачьи выставки и псовые садки. По нынешним временам скажут, что вся эта псовая охота – пустая и ненужная затея, барская забава... Заграницей донныне были иного мнения; охотничий спорт всегда считался делом благородным: охота на лисиц в Англии признается национальным делом. Создание или вывод какой-нибудь чистокровной собачей породы считалось культурной заслугой. Не знаю, создаст ли демократия более высокие способы и приемы удовольствий...

В Першино у Великого Князя было до ста борзых в рабочем возрасте и две стаи гончих, тоже до ста штук: одни, т. наз. арлекины, другие костромичи. Борзые были расквартированы по [-378-] мастям отдельными дворами. Самые красивые псы составляли три своры Его Высочества, которыми он травил сам.

Приехали мы в Першино¹⁰⁰⁸ к часам двум. Меня представили Великому Князю как, хотя и не борзятника, но большого любителя охоты. Тогда Великий Князь пожелал мне показать ту область охоты, которая могла меня заинтересовать. Мы сели в коляску, запряженную четверкой удивительных буланых лошадей, и поехали осматривать фазанник. Николай Николаевич, имевший в то время репутацию весьма резкого по службе человека, как хозяин был очаровательно любезен. Вся его фигура, огромный рост и жесты носили на себе отпечаток исключительной кровности. После осмотра фазанов мы, конечно, поехали на псарный двор.

В 7 часов мы сели обедать. Мой шурин предупредил меня, что В.[еликий] К.[нязь] первый день делает *les honneurs* своему гостю, а затем предоставляет ему полную свободу распоряжаться своим временем, но что в число *honneur'* ов будет и то, что он меня накачает, и чтобы я в этом отношении держал ухо востро.

Во время обеда я сидел рядом с г-жой Бурениной¹⁰⁰⁹, в то время бывшей близкой к Николаю Николаевичу. Женщина это была уже немолодая, седоволосая, простая и очень милая.

¹⁰⁰⁷ Dmitry Pavlovich Valtsov (1850–after 1918), Tula nobleman, privy councillor. An expert in dog hunting, the creator and permanent manager of the Pershin Grand Ducal Hunting (hunter), the author of books and articles about hunting.

¹⁰⁰⁸ In 1887, Nikolay Nikolayevich bought a decayed estate in the village of Pershino, Aleksinsk district, Tula province, and founded the Pershin Grand Duke's hunting there. In Pershin, the selection work was well organized. Pershin Russian Borzoi was considered exemplary. In Pershin, the manager of the Grand Duke's affairs D.P. Valtsev bred the breed 'Russian Spotted Hound'.

¹⁰⁰⁹ In the late 1880s, he had an affair with the daughter of a small shopkeeper, Sofia I. Burenina, the wife of a furrier merchant and the mother of two children.

Обеду Вел.[икого] Князя был превосходный, а вино еще лучше. Признаюсь, я очень люблю вино, но цену в нем гораздо больше качество, чем количество, состояние же опьянения для меня крайне тягостно. Выпив за закуской добрую рюмку водки, после супа – мадеры, после antree – хороший стакан Бордо, после рыбы – шабли, после жаркого – Бургундского и порядочный фужер Шампанского, затем, как полагается, рюмку коньяка, я считал уже себя победителем. Но не тут-то было! После обеда Буренина ушла в свои апартаменты, а в Вел.[икий] Князь сел на ее место. [-379-]

– Какое шампанское вы предпочитаете? [-] спросил меня, [-] сухое или сладкое?

– Среднее.

– Хорошо.

Затем, обратившись к метрдотелю, он приказал наливать мне полусухое.

Посуду поставили перед мной основательную, и Николай Николаевич стал предлагать здравицы, которые я не мог отклонить: за здоровье егерей, т.е. полка в котором я служил, лейб-гусар, в которых служил сам Вел.[икий] Князь, за здоровье предводителя дворянства, присутствующих гостей, отсутствующей хозяйки, наконец, его самого. На пятом или шестом стакане я почувствовал, что положительно не мог бы выпить еще ни одной капли и что земля уходит у меня из-под ног. Салтыков говорил мне потом, что я был бледен, как полотно, но что корректность я не потерял ни на одну секунду.

Наконец, я встал и сказал Великому Князю:

– Ваше Высочество, простите, я очень устал с дороги, позвольте мне уйти в свою комнату.

– Отчего же вы устали?

– Да два часа ехал по самому солнцепеку.

– Ну, как хотите, я вас не держу.

Затем я помню себя уже в своей комнате. Было уже позднее утро, когда я проснулся, солнце ярко светило. Голова у меня трещала во всю. Но самое удивительное было то, что я лежал в своей постели совершенно одетый: в корректном черном сюртуке... на который была надета ночная рубашка!

Должен отметить, что мой чемодан открывался довольно мудреным [-380-] английским ключом. Следовательно, из столовой я спустился к себе в комнату, вспомнил, что все порядочные люди, отходя ко сну, надевают ночную рубашку, умудрился открыть свой чемодан, достать рубашку, но тут уже,

видимо, сознание сразу оставило меня: я надел рубашку на платье и свалился на кровать, как сноп.

Это был последний и, может быть, третий или четвертый раз в жизни, что я был пьян.

Великий Князь пил много, замечательно элегантно и абсолютно никогда, по уверению его окружающих, не хмелел, и потому не может быть причислен к числу лиц, злоупотребляющих спиртными напитками.

Салтыков и другие «опытные» гости разными рассолами, черным кофе и ванной живо привели меня в порядок, и к завтраку я появился уже как ни в чем не бывало.

После завтрака были садки на зайцев и я мог налюбоваться на изумительную резвость великокняжеских борзых.

В этот день на почетном месте сидел уже другой приезжий. По странному стечению обстоятельств это оказался старик Болдырев¹⁰¹⁰, бывший вице-губернатор моего отца в Рязани, интриговавший против него и севший на его место. Это не помешало старику быть особенно со мной любезным и восхищаться умом и красноречием моего отца, которого он называл «Лордом» и «Златоустом». Т.к. Болдырев был частым гостем в Першино, то его уже не накачивали, а после обеда все прошли на террасу, где мы уселись на мягких соломенных креслах и потихоньку попивали венгерское и коньяк.

Настроение было почему-то молчаливое, то, что называется: «тихий ангел пролетел». Был чудный вечер конца мая. Перед нами [381] расстилалась обширная равнина, по которой змеилась среди заливных лугов, серебрясь под лучами заходящего солнца, тихая Упа. С лугов тянуло медвяным запахом луговых цветов и, стоявшего еще в стогах, прошлогоднего сена. Слышались колокольчики возвращавшегося в усадьбу стада, а с лугов и полей торжествующий и задорный любовный крик дергачей и перепелов... Сумерки тихо спускались на землю, и в далеких небесах послышались трубные крики пролетающих на юг журавлей...

На душе было так тихо, так безмятежно спокойно, и никто не думал, что уже через год над этой благодатью пролетит мимолетная буря, а что через

---

¹⁰¹⁰ Nikolay Arkadyevich Boldarev (1826–1904), colonel, organizer of the state horse breeding, in the years 1865–1866 deputy governor of Ryazan, in 1866–1873 governor, 1877–1882 member of the Main Board of the State Horse Breeding – *Сборник биографии кавалергардов. 1826–1908*, ed. С. Панчулидзе, Санкт-Петербург 1908, p. 145.

пятнадцать лет эту барскую широкую жизнь сметет с лица земли социальная революция.

В 1917 году все собаки Вел.[икого] Князя были переповешены. Помимо общей природы нашего бунта, по словам Пушкина «бесмысленного и беспощадного», здесь примешивалась еще и специфическая ненависть к собакам, «которым жилось лучше, чем людям», причем забывалось, что содержание этих собак давало экономическую жизнь всей округе. Об этом не думали. Кровные собаки, кровные быки, жеребцы и кобылы уничтожались. Это ведь были тоже избалованные судьбой «буржуи», которым хорошо жилось и за которыми «честному пролетарию» приходилось ухаживать, получая постоянные неприятности при недостаточно тщательном за ними уходе. Какое наслаждение выпустить кишки какому-нибудь «Галтимуру», за которого было заплачено 200 000 рублей, за то, что его приходилось мыть, за то, что он лягался, за то, что за ним надо было прибирать навоз... Тем более было основания уничтожать борзых, признаваемых исключительно предметом роскоши... как многое другое, как тонкие кружева, изящные материи, художественная мебель, розы [-382-] и орхидеи... Но, как определить грань между нужным и ненужным? Ведь не нужны и гобелены, и картины Ватто¹⁰¹¹, романы Бурже¹⁰¹², комедии Сарду¹⁰¹³, балет, философия Фихте¹⁰¹⁴, Монна Ванна¹⁰¹⁵, Апполон Бельведерский¹⁰¹⁶. Мне скажут, что между каким-нибудь борзым кобелем «Обругаем» и Апполоном Бельведерским «дистанция огромного размера». Это верно, но расположите все предметы человеческого творчества (создать породу животных тоже творчество) от самых высших до самых низших, и вы не установите грани между тем, что нужно и не нужно. Одни отдадут преимущество кровной кобыле, а другие – скрипке Страдивариуса. Мне кажется, что культура заключается в том, чтобы всякое произведение, в чем бы оно ни заключалось, было доведено до высшего совершенства, и в самом совершенстве его заключается его польза.

---

¹⁰¹¹ Jean-Antoine Watteau (1684–1721), French painter, draughtsman and engraver, precursor and leading representative of the French Rococo, creator of a new painting genre *Fête Galante*.

¹⁰¹² Paul Bourget (1852–1935), French writer and critic, whose works at the end of the 19th century enjoyed great success.

¹⁰¹³ Victorien Sardou (1831–1908), French playwright who reigned on the Paris stage during the Second Empire.

¹⁰¹⁴ Johann Gottlieb Fichte (1762–1814), German philosopher.

¹⁰¹⁵ «Monna Vanna» (Belcolore), a painting by the English Pre-Raphaelite painter Dante Gabriel Rossetti, created in 1866.

¹⁰¹⁶ Apollo Belvedere – an antique statue depicting the ancient Greek and Roman god of sunlight Apollo as a young handsome man shooting a bow.

На другой день, рано утром, мы уехали домой, а дня через три Великий Князь был у Салтыкова с ответным визитом. Были гости, было весело, пили привезенные мною из Польши старку¹⁰¹⁷ [18]63 года и доброе венгерское.

Несколько дней спустя получил телеграмму, что моя жена преждевременно разрешилась и что новорожденная девочка скончалась. С первым же поездом я уехал в Калиш.

Мне так понравилась жизнь на Руси, что в июле, взяв 28-дневный отпуск, я вновь поехал к шурина в Глинище. Пробыл там недели две, мы с женой сделали поездку по Каме до Перми, где губернатором состоял мой старый приятель по Варшаве, А.П. Наумов¹⁰¹⁸. К сожалению, это путешествие оказалось неудачным. На пароходе я заболел горлом, а в Пермь я приехал с нарывом. Когда он был прорезан, наступило уже время возвращаться домой.

[–383–] С глубокой осени 1903 года начались тревожные слухи об осложнении наших дел на Дальнем Востоке.

В декабре я поехал в Петербург представиться Государю и Императрице по случаю пожалования меня в придворное звание.

Ввиду тревожных событий на Востоке Государь против обыкновения, хотя и непродолжительное время, жил в столице, в Зимнем дворце. Дежурным генералом в этот день оказался командир лейб-гусарского полка, кн. Енгальчев¹⁰¹⁹. Енгальчев был старше меня по корпусу на два выпуска. Давно потеряв его из вида, я обратился к нему на «вы», но он пожурил меня за это и просил возобновить прежние отношения.

Разговор мой с Государем, ввиду незначительного тогдашнего моего служебного положения, не представлял интереса и закончился в расспросах о прохождении моей службы.

Пользуясь своим придворным званием, я побывал как на большом, так и на концертном балах в Зимнем дворце. Я нашел, что со времени моей военной службы они стали еще красивее; по-видимому, и в этом чувство изящного эволюционировало. Во время ужина Государь обходил все залы и разговаривал со многими из гостей и, вообще, производил впечатление любезного хозяина.

¹⁰¹⁷ Starka – traditional, dry rye vodka, produced mainly in Poland.

¹⁰¹⁸ Alexander Petrovich Naumov (1861–1915), graduated from the Faculty of History and Philology of Moscow University (1883). Special-task clerk with the Governor-General of Warsaw province (1887–1892); vice-governor of Simbirsk province (1896–1903), governor of Perm province (1903–1905).

¹⁰¹⁹ Pavel Nikolayevich Yengalychev (1864–1944), prince, Russian lieutenant general, adjutant general, the last Governor-General of Warsaw province.

Был и на Высочайшем выходе в день Нового Года, и 6 января на Крещении. В обществе и во дворце только и шли разговоры о «наглости зарвавшихся маков». Не помню точно, 1-го или 6-го, на выходе передавали, что Государь публично довольно серьезно говорил с японским послом, который был очень сконфужен. Несколько дней спустя я представлялся Вдовствующей Императрице. К ожидавшим представляющимся вышел состоящий при Марии Федоровне князь Шервашидзе¹⁰²⁰ и сказал:

– Господа, я могу вас поздравить и успокоить – войны не будет, Государь этого не хочет!

[-384-] В тот же вечер я выехал в Варшаву, где в утренних газетах прочел о нападении японского флота на наши суда в Порт-Артуре¹⁰²¹...

Японская война была непопулярна. Общество мало понимало наши задачи на Дальнем Востоке и склонно было видеть в этой войне только результат авантюризма Абазы¹⁰²², Вонлярлярского¹⁰²³, Алексеева¹⁰²⁴ и других с их концессиями на Ялу¹⁰²⁵. Широкий размах нашего империализма, работавшего на пользу грядущих поколений, не понимался нашей обывательщиной и столкнулся с работавшею уже против старого строя интригой и клеветой.

¹⁰²⁰ Georgiy Dmitriyevich Shervashidze (1847–1918) came from the house of the Sovereign Princes of Abkhazia. From November 1899, he was under Maria Feodorovna in the post of Ober-Hoffmeister (managed of the court widowed Empress), In 1905–1913 he was in charge of the Empress's office.

¹⁰²¹ Contrary to what Stremoukhov wants, the war was caused by Russia's aggressive policy towards Japan. The Japanese fleet under Admiral Tōgō began the war on the night of 26 January (8 February) 1904 with a torpedo attack by 10 destroyers on Russian ships anchored in the outer roadstead of Port Arthur.

¹⁰²² Alexey Mikhaylovich Abaza (1853–1915 or 1917), from 1 April 1901 he was promoted to Rear Admiral, from 20 January 1903 he was acting deputy head of the Ministry of Merchant Shipping and Ports. On 10 October, he was appointed manager of the Special Committee for the Affairs of the Far East. Along with his cousin, State Secretary Alexander Mikhaylovich Bezobrazov (1853–1931), he had a great influence on diplomatic work with Japan, actually pushing aside the Foreign Ministry. The so-called "Bezobrazov clique", confident in the weakness of Japan, negotiated from a position of strength, which as a result contributed to the outbreak of war. A note submitted by Abaza to Nicholas II in March 1903 actually resolved the issue of the outbreak of war.

¹⁰²³ Vladimir Mikhaylovich Vonlyarlyarsky (1852–1946), officer, large landowner and industrialist, owner of gold mines in the Urals, chairman of the board of the North-Eastern Siberian Society. Together with A.M. Bezobrazov and A.M. Abaza, he participated in the organization of concessions on the Yalu River, which became one of the main reasons for the Russo-Japanese War.

¹⁰²⁴ Yevgeniy Ivanovich Alekseyev (1843–1917), adjutant general (6 May 1901), admiral (6 April 1903). As the chief commander of the Kwantung Region, like no one else, he contributed to the outbreak of the Russo-Japanese War. Viceroy in the Far East and Commander-in-Chief of the Russian troops in Port Arthur and Manchuria.

¹⁰²⁵ Concessions on the Yalu River – timber concessions on the Yalu River on the border between China and Korea, received on 9 September 1896 from the Korean government by the Vladivostok merchant Yuli Briner for a period of 20 years. Concessions on the Yalu River as one of the factors of Russian penetration into Korea extremely irritated Japan and served as one of the causes of the Russo-Japanese War.

Впрочем, у нас в Калише (антипод Владивостока, в смысле границ империи) война мало чувствовалась, если не считать устроенной моей женой мастерской для шитья белья солдатам и отъезда на войну командира Александрийского полка, В.А. Карцева. На место последнего был назначен граф А.Ф. Келлер¹⁰²⁶. (Впоследствии, в бытность в 1918 году Малороссийским гетманом Скоропадско-го¹⁰²⁷ – командующий Украинской армией. Убит большевиками).

Провинциальная жизнь шла своим чередом. Настал уже седьмой год моей вице-губернаторской службы и я начал ею тяготиться. При Дарагане было тяжело, потому что он подавлял меня своей личностью, а при Новосильцеве досадно было сознавать, что я знаю дело лучше его, пользуясь гораздо большим авторитетом и уважением, а вместе с тем, обслуживая его своими знаниями и опытом, должен играть второстепенную роль... В обоих случаях, чтобы сохранить добрые отношения и житейское благополучие, не только нельзя было проявлять всей своей энергии и тех небольших дарований, которыми наградило меня Провидение, а напротив того, тщательно их скрывать. Мне минуло 39 лет [-385-], и я считал себя в праве занять самостоятельный пост, но добиваться его не умел, т.к. карьеризм совершенно не был свойственен моей натуре. Я все с большей, хотя и доброжелательной, завистью смотрел на самостоятельную деятельность моего шурина и начинал задумываться над тем, не приобрести ли имение и изменить род деятельности.

Произошедшая социальная революция, как я полагаю, навсегда закончила помещичий быт, и потому мне кажется, что я не погрешу, если посвящу воспоминаниям о нем несколько страниц. Летом 1904 года меня снова потянуло в деревню.

Про Салтыковский дом можно было сказать, что не красна изба углами, а пирогами. Дом был обширный, простой и никакой роскошью не отличался. Единственным воспоминанием более роскошного прошлого, были два портрета, деда и бабушки Салтыковых кисти Анжелики Кауфман¹⁰²⁸, да ваза и кубок подлинной работы Бенвенуто Челлини¹⁰²⁹. Повар был немудреннейший, но стол был обильный, и за него никогда менее десяти человек не садилось, а часто число

---

¹⁰²⁶ Fyodor Arturovich Keller (German: Theodor Alexander Graf von Keller) (1857–1918), count, cavalry general, one of the leaders of the White movement in 1918.

¹⁰²⁷ Pavel Petrovych Skoropadskiy (1873–1945), lieutenant general of the Russian Imperial Army, after the revolution of 1917 he was a Ukrainian military and political figure, hetman of all Ukraine from 29 April to 14 December 1918.

¹⁰²⁸ Angelika Kauffmann – 18th century Swiss painter and portraitist.

¹⁰²⁹ Welcome Cellini – 16th century sculptor, goldsmith, writer and Florentine medallist, mannerist.

доходило и до пятидесяти. Хороших настоек и наливок было вдоволь, подавалось в желаемом количестве, получающееся через меня, как жившего на границе, хорошее французское вино. К обеду приглашался каждый приезжий, будь то помещик-князь, становой пристав или настройщик. Не только кормили и поили, но и оставляли ночевать, снабжая ночной рубашкой, мылом и зубной щеткой. Когда было много гостей, то выпивали иногда лишний стакан доброго вина, и тогда начиналось пение и танцы. Пели цыганские песни под аккомпанемент гитары, если и не всегда хорошими голосами, то всегда с чувством и пониманием. Создавалась какая-то чисто русская атмосфера, какая-то смесь удалства и грусти и бесконечного благодушия. Особое оживление вносили сыновья Льва Николаевича Толстого, приезжавшие из Ясной Поляны. [-386-] Были они порядочными кутилами и мало отвечали аскетическим идеалам своего отца.

Весь обиход Салтыкова был обычно русский, помещичий. Прислуга была не парадная, но многочисленная и долго жившая в доме, приветливая и любившая гостей. Экипажи и лошади не элегантные, но крепкие, и на его тройке серых можно было проехать пятьдесят верст в три часа, не меняя аллюра. Лихой кучер в желтой шелковой рубаше и бархатной поддевке ловко спускал тройку без тормозов, на одних вожжах, на крутых оврагах и птицей подымал ее в гору. Красавцы борзые свободно бродили по двору и ласкались к гостям. Были и приживальщики. Особенно был типичен некий внук французского эмигранта Депелпор (*de Pelpor*), который ходил в черкеске и всегда был пьян. У него был хутор десятин в десять и поразительной резвости борзые. Ежегодно он уходил на Кавказ в горы, где служил в пастухах у кабардинцев¹⁰³⁰, и приводил оттуда чудесных лошадей.

Охотно принимая разную уездную мелкоту, гостеприимный Глищенский помещик становился совершенно иным, когда приходилось иметь дело с высшими. Оппозиционность *quand teme* русского общественника, даже если он и консерватор, характерно в этом сказывалась. Вот типичный пример.

Однажды, в то время, что я гостил в Глинищах, Салтыков получил письмо от правителя канцелярии губернатора, своего приятеля, которым последний извещал его, что тогда-то, положим в пятницу, губернатор, производя ревизию волостных правлений, собирается к нему заехать. Сейчас же поднялся вопрос, почему о приезде губернатора извещает не он сам, а правитель канцелярии.

---

¹⁰³⁰ Kabardians (Adyghe) – ethnic group living in the North Caucasus.

Если это официальная поездка, то предводитель дворянства – не подчиненный губернатора, а «какой-то» правитель канцелярии [-387-] (уже «какой-то», а не вчерашний приятель Иван Иванович) не смеет, «каналья», писать предводителю дворянства официальные бумаги, а губернатор может написать и сам. Если это частная поездка, то тем более всякое посредничество неуместно. Да и вообще, к чему такое предупреждение?!

– Что он воображает, что я для него разносолы стану делать! Пусть «лопает», что дадут... и так далее...

Затем начались бесконечные разговоры встречать ли губернатора на вокзале (в трех верстах) или не встречать, надевать ли дворянскую фуражку или нет, надевать ли сюртук или быть просто в летнем костюме... и все это для того, чтобы, Боже сохрани, не показать представителю власти излишнего уважения. Конечно, все эти разговоры разговорами и кончились. Губернатора отлично приняли, отлично пообедали, остались друг другом очень довольны... и на следующий день опять ругали...

Отношения с крестьянами у Салтыкова были самые лучшие. Уже давно перестал он быть земским начальником, а они все еще ходили к нему частным образом судиться и просить помощи советом и делом. Нередко он орал на них, как извозчик, но они говорили про него: «вспыльчив (sic) Ляксандра Ляксандрович, а барин хороший». Отношения между ними были самые патриархальные. Несмотря на признанный крестьянами авторитет «барина», Салтыкова, они держались с ним смело. Не было и тени того подобострастия, которое я видел в польском мужике, целовавшем пану не только руки, но и ноги. Ни тени робости я не видел в будто бы столь забитом русском мужике.

Нередко приезжали к Салтыкову земский врач и ветеринар. Беседа вращалась около местного земского дела, касалась главным образом улучшений [-388-] крестьянского быта. Не замечалось ни тени классовой борьбы, желания улучшить экономическое положение помещиков за счет крестьян, а напротив того думали о благе последних, выражая скорбь о неудаче всех наилучших в этом отношении порывов, разбивающихся о косность и нежелание крестьян улучшить условия своего существования. И не только крестьянин не хотел жить лучше, но напротив он с неодобрением смотрел на попытки к этому некоторых своих более развитых односельчан. Бывали случаи поджога домов, крытых гонгом вместо соломы, уничтожения посаженных около крестьянских усадеб фруктовых деревьев, искалечения более кровного скота... Как будто бы все

стремления мужиков были направлены к экстенсивности, а не к интенсивному труду: побольше бы землицы – вот *lest notif* их пожеланий, но приложить к имеющейся уже земле побольше труда, применить усовершенствованные способы обработки, улучшить семена, на что земство давало им все средства, они в подавляющей своей массе не имели ни малейшей охоты. Как будто бы в крестьянине жило еще чувство кочевника, едва перешедшего к земледелию... побольше земли, поменьше труда. Не скажу, чтобы и у помещиков проявлялась особая жажда к обогащению, как я замечал это в Польше. Жили тем, что было, и даже часто тем, чего не было. Быть может, и даже, наверно, это было мало практично, но зато такое настроение налагало на помещичий обиход характер особого, нигде не существующего быта... Говорить о кровопийстве помещиков как о характерном явлении просто нелепо.

Чудно, хорошо было в русской деревне! Чудно было пить дневной чай с жирными сливками, есть душистую, только что сорванную землянику под ароматной сенью цветущих столетних лип. Чудно было пройтись вечером в поле по узкой тропинке между наливающейся рожью, пахнувшей [-399-¹⁰³¹] вкусным черным хлебом и слушать дробь перепелиной песни. Чудно было ехать в жаркий полдень на тройке по дорожке, выющейся по заливному лугу и вдыхать в себя аромат только что скошенного сена... Тихо и безмятежно... и только слышен клекот реюющих над нами в далекой синеве неба на неподвижных крыльях ястребов... Чудно было после ужина слушать задушевную цыганскую песнь о любви, неге и страсти...

Все это кончено никогда не возвратится. Что бы ни произошло, люди на долгое время не станут лучше и возгорится между ними борьба не на жизнь, а на смерть, и более, чем когда-нибудь, оправдывается выражение *homo homini lupus*.

После деревенских идиллий я вернулся в Калиш.

30 июля у Государя родился сын, давно ожидаемый наследник престола. Радость по этому случаю, не знаю, насколько искренняя, была всеобщая. Служили молебствия, учреждали стипендии имени Цесаревича, основывали заведения, которых всеподданнейше испрашивалось наименование «Алексеевских». Мог ли несчастный Государь думать, что во всех этих проявлениях нет реальной ценности...

---

¹⁰³¹ Stremoukhov made a mistake in the numbering and on page 388 he gave the next page the number 399.

Около 30 августа я получил телеграмму от Черткова, вызывавшего меня по делам службы в Варшаву. Я недоумевал, что бы это приглашение могло означать, т.к. со вступлением Новосильцева в управление губернией прекратились его деловые ко мне обращения.

Помню, что, когда я приехал к генерал-губернатору, в приемной его сидел состоящий при нем, по должности командующего войсками, генерал кн. Туманов^{1032*}, женатый на моей приятельнице по Тифлису, княжне Н.Л. Меликовой.

* Расстрелян большевиками в 1919 году в Пятигорске.

[400-] Я спросил у Туманова, не знает ли он почему меня вызвали.

– Ну, [-] сказал он, [-] начальство вызывает только по двум причинам: или для разноса, или, чтобы предложить какую-нибудь должность, а т.к. разносить вас, вероятно, не за что, то, конечно, вас ожидает второе.

Вхожу в кабинет Черткова. Он усаживает меня в кресло и говорит:

– Петр Петрович, Арцимович¹⁰³³ переходит в Петроков. Я пригласил вас, чтобы предложить вам Сувалкскую губернию. Вы согласны?

Сознаюсь, что я чуть не подпрыгнул от радости, но у меня хватило выдержки довольно равнодушно ему ответить, что я очень польщен его доверием и с удовольствием его предложение принимаю.

– Очень рад, [-] ответил Чертков, [-] потому что я вполне уверен, что из вас выйдет отличный губернатор.

Сказав это, Михаил Иванович примолк; потом, пристально заглянув мне в глаза, вымолвил:

– Я кончил как генерал-губернатор, теперь позвольте мне переговорить с вами как старику с молодым человеком? Ведь я мог бы быть вашим отцом.

– Пожалуйста, ваше высокопревосходительство, буду очень вам благодарен.

На этом месте моих записок я должен очень извиниться перед читателем в том, что буду говорить о себе в хвалебных выражениях, делаю это не для себя, а для характеристики Черткова, даже и в том случае, если он ошибался.

¹⁰³² Georgiy Alexandrovich Tumanov (1856–1918), general for Special Assignments under the commander of the Warsaw Military District (29 December 1901–20 August 1904), major general (1902). After the Japanese War, he was the District Duty General of the Staff of the Warsaw Military District (2 February 1907–1 May 1910), lieutenant general (1910).

¹⁰³³ Mikhail Viktorovich Artsimovich (1859–1933), governor of Suwałki, Piotrków, Tula and Vitebsk, senator, see more: A. Górak, J. Kozłowski, K. Łatawiec, *Słownik...*, pp. 76–82.

– Ни ваши друзья, [-] сказал Михаил Иванович, [-] не могли вам помочь в этом назначении, ни ваши враги вам помешать. Я давно уже слежу за вами, и вы мой собственный кандидат. Вы умны, преданы делу, у вас [-401-] отличное направление, уравновешенный характер, вы отличный семьянин и, вообще, человек безукоризненной нравственности и будете служить примером в губернии, но простите меня, Петр Петрович, у вас есть одно свойство, которое наполовину портит все приведенные положительные качества: вы слишком озабочены тем впечатлением, которое вы производите на окружающих, каждое ваше слово, каждая поза взвешены заранее, и вы собой, извините еще раз, слишком любуетесь... Бросьте это! В вас так много положительных качеств, что будут вас любить и уважать за то, что вы есть, и вам ни к чему демонстрировать свои качества, от чего только теряют.

Мне оставалось только благодарить почтенного старца за его более чем благожелательное и прямо отеческое ко мне отношение. Слова Михаила Ивановича запали мне в душу. С того времени я стараюсь работать над собой, чтобы быть совершенно естественным. Совет старого генерал-губернатора, несомненно, принес мне пользу в моей двенадцатилетней губернаторской службе. Быть может, впоследствии я уже слишком распустился и перестал следить за собой, и многие мою простоту и естественность принимали за слабость. В особенности я почувствовал это в Петербургском периоде моей службы, где все решительно были на дыбах и умели «втирать очки». Самые ограниченные люди, презрительными минами и критикой всего окружающего, умели вселять веру в свой ум, люди ничтожные, высокими и громкими фразами – внушать представление о их высоких нравственных качествах. Рецепт Черткова оказался полезным только для провинциального пациента.

Перед прощанием Михаил Иванович, как и когда-то Имеретинский, [-402-] просил меня ничего не говорить о предстоящем моем назначении, по-видимому, лиц много послуживших научил этому горький опыт.

Я, конечно, точно выполнил желание генерал-губернатора.

На следующий день, утром, я выехал домой. Подъезжая к Калишу, из окна вагона, я увидел на дебаркадере большую толпу моих знакомых, машущих мне издали платками. Выхожу из вагона, и все поздравляют меня с назначением Сувалкским губернатором. Я отказываюсь принимать поздравления и говорю, что ничего подобного не знаю.

– Как ничего подобного! [-] отвечают мне, [-] вчера Тыкоцинер (еврей, владелец водочного завода) телеграфировал об этом из Варшавы, и известие об этом напечатано уже в Калишской газете.

Как мог узнать об этом Тыкоцинер, осталось невыясненным. Я твердо знаю, что никому ни слова о сделанном мне Чертковым предложении не говорил. Неужели проболтался сам Михаил Иванович? Во всяком случае, «пантофлева почта», как всегда, опередила официальную.

Как бы это ни было, сообщение о моем назначении в газете было мне очень неприятно. Это могло дойти до генерал-губернатора и вызвать его справедливое неудовольствие, как неисполнение данного ему мною обещания. Конечно, он не приписал бы помещение газетной заметки своей собственной болтливости.

Наконец, после томительного и долгого ожидания, 16 октября я получил телеграмму о назначении меня Сувалкским губернатором. Не скрою, что я был очень счастлив получить, наконец, самостоятельное назначение. Мне пошел сороковой год, я был в [-403-] полном расцвете своей работоспособности, жаждал деятельности, был полон желаний делать добро окружающим и жертвовать во имя дела своими личными интересами. Я шел на губернаторскую службу, как под венец, но недолог оказался мой медовый месяц.

Калишане тепло меня проводили. Служивцы поднесли мне прекрасный бювар¹⁰³⁴ с моим фамильным гербом и своими факсимиле на задней его серебряной крышке. Все общество дало мне обед, на котором присутствовало более ста человек, в числе их было много поляков. Новосильцев, с которым в последнее время мы были в довольно холодных отношениях, в застольной своей речи заявил, что всему у меня научился и что без меня он был бы весьма затруднен на первых шагах своей деятельности.

Оглядываясь на семь лет моего пребывания в Калише, я с благодарностью судьбе вспоминаю эти годы. Несколько тяжело было от гнета властного Дарагана и от бесхарактерности Новосильцева, но личная жизнь протекала легко и приятно. Общественная и, если можно так выразиться, государственная жизнь не выдвигала трудных вопросов, или они не докатывались до нашего захолустья, хотя на горизонте уже накапливались грозные тучи. В конечном итоге с

---

¹⁰³⁴ From the French word *buvard* – “blotting paper”, lit. “He who drinks (ink)”, from *boire* «to drink») A desk pad, sometimes called a desk mat or a blotter, is a table protector used when work such as painting or writing would otherwise damage the table or desk. They appeared in the middle of the 19th century in the form of leather folders. The buvars were decorated with embroidery, various inscriptions, and inlays.

благодарностью должен я вспомнить о Дарагане. Он научил меня работать, а главное, проникнуться сознанием, что мы, чиновники, существуем для населения, а не оно для нас. Моя варшавская практика службы приучила меня было к несколько иному взгляду или, вернее, привычкам. Правильно поставленный принцип подчинения народной жизни интересам государственности в исполнении второстепенных агентов власти склонен был [-404-] перерождаться в подчинение интересов населения интересам чиновников. Школа Дарагана открыла мне глаза на это зло.

Уезжал я из Калиша с верою в себя и сопутствуемый пожеланиями многочисленных друзей. Грустно только было оставлять могилу моей милой кроткой девочки.

Приложение

Родословная рода Стремоуховых.

Нижегородского наместничества, Горбатовского округа в дворянскую опеку помещен бригадир Михаил Адрианов сын Стремоухов.

[-405-] По основанию Высечайшей от Ея Императорского Величества в 21 день апреля сего 1785 года всероссийскому дворянству всемилостивейше пожалованной грамоты, каково предоставлено от меня о начале и происхождении и о предках моих и о мне самом по всегдашнему жительству моему Харьковского Наместничества Чугуевского округа дворянской опеке, таково же и здесь представить честь имею, со испрошением о сем учрежденному в Наместничестве по силе той же Высочайшей грамоты к сочинению дворянской родословной книги высокопочетному собранию подобающего засвидетельствования а Арзамасской и Сергачской дворянским опекам где разномерно части имения моего находятся о том же сообщении.

Бригадир Михаил Стремоухов

При дворе Греческого Императора мануила Палеолога был в лето 6946/14(3)38 имянутый муж Стрематорас, Афонасий Ухо, коего дети Александр да Юрья, во время продолжавшагося от турок греческой Империи сильного утеснения переселились в Польшу, где Король Польский из приняв, повелел быть в роде и в маетность им место Пржемысль пожаловал. Из них Юрья Афонасьевич [-406-], приняв веру Римско-Католическую и женись, остался в Польше, где дети и потомки его пребывают и доньне и пишутся Стремоуховские, а брат его Александр, не восхотя оставить веры греческой, предков своих исповедания, прибыл в Россию. Великий же Князь Василий Василиевич Московский принял его в 6959 (1351) году а службу свою, определил дать жалование. С того времени, он, Александр, пишется Атремоухов о чем пространно явствует в поданой по указу Великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича 7190 (1682) состоявшагося в разряде от предков наших Стремоуховых в 7194 (1686) году марта в 4-ый день думным дьяком Василием Григорьевичем сыном помеченный, и бывшему тогда у боярской книги и сботу родовых расписей подьячему Ивану

Тимофееву, сыну Кобякову отданной родовой расписи по которой Стремоуховы в разряде в родовую книгу записаны.

В лето 6963 (1455) от Великого Князя Василия Василиевича послан был Александр к Римскому Цесарю. В лето 6990 (1482), когда Великий Князь Василий Василиевич разделил уделы детям своим, тогда, дав в удел сыну своему Князю Борису Василиевичу город Волоколамский, Ржев и Рузы, с ними отдал и Александра Стремоухова ему же, Князю Борису Василиевичу.

У Александра Афанасиевича сын Гаврила служил при Князе и дано было ему казенное жалование. В лето 6979 (1471) с Князем Борисом Василиевичем ходил в поход к Великому Князю (...) Гавриил Стремоух и сын его

Тимофей были в полку (...)скаго у в бою с Новгородсами и в сей брани Гавриил ранен и сын его Тимофей убит и за эту [-407-] службу Князь Борис Василиевич пожаловал ему, Гаврилу, на Волоку да на Рузе поместье, на которое дана жалованная грамота, но сия грамота за ветхостью от предков не дошла до рук наших. У Тимофея Гавриловича сын

Михайло в лето 7088 (1550) был в полку Ивана Васильевича Шереметева и в походе от Литовских войск убит под Соколовым.

У михаила Тимофеевича дети:

Сергий и Евстафий, по прозванию Станислав, служил по Волоколамску обще с родственниками своими от того же Гавриила Александровича произшедшими, Василием Назарьевым да Сергием Михайловым и детьми. Из них Василья Назаревича сын, Никита, был у Царя и Великого Князя Ивана Васильевича во дворянх в 7059 (1551) году, во время Казанского похода написан в сторожевом полку наместник, а в немецком 7067 (1559) походе ж с князем Василием Семеновичем Серебряным, в товарищах,

Сергея ж Михайловича у сына Андрея дети:

Третьян и Леонтий служили по Москве в дворянах. Из них, Третьян Андреевич Стремоухов в 7100 (1592) году по свейским вестям был у служилых татар воеводою, а в 7112 (1604) году, против изменника растриги в большем полку в бояри и воеводы у большого снаряда воевода. За которою службу дан ему, Третьяну Андреевичу, вместе с протчими бояры и воеводы золотой целой. О чем явствует в разряде. К сему (...) о даче золотых за рунею князь в 7115 (1607) году он же Третьян Андреевич был воеводою в Калуге.

[-408-] Предложение родов сих имеют объяснить произшедшие от них потомки. Я же к предку моему, Станиславу Михайловичу, обращаюсь.

Когда Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич бразды России принял и к своей державе присоединил Северское княжение и в то время к утверждению невоприсоединенных городов Новгородка Северского с прочими, повелел Государь взять дворян из городов своих и перевести в невоприсоединенные как то Новгород Северский с прочими, тогда из Волоколамскаго переведен в Новгородок Станислав Михайлович Стремоухов. Написан по Новгородку в первой статье, где ему в поместье селы Олтыпо-Чигин, Клим, Заболтово и Студенок, да в Брянске село Голубея с деревнями, на что ему, в 7082 (1579), и грамота жалована выдана. Евстафия – он же Станислав – Михайловича сын Василий, по прозванию Василиск, служил по Новгородку в первой статье, и, в лето 7089 (1581), когда по указу Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича разбирали Иван Петров сын Новосильцев по Новгородку Северскому дворян и детей боярских для службы за Государем в немецкий поход, и в том разборном списке написано: «из дворян первая статья оброку из четверти четырнадцать рублей четьреста четвертой. Василий Станиславов, сын Стремоухов быти ему за Государем на аргамаче, в зайдаке, в сабле, в пансыре, в шапке железной, да за ним два коня простых да четьре человек в пансырем и в тяшляех с сандаком и с рогатины, да четьре на вьюки».

[409-, 209] У Василия Станиславовича дети: 1ой Дмитрий, 2-ой Уваб служили в Москве в дворянах. Из них:

Дмитрий Васильевич в походе с Государем, Чарем и Великим Князем Феодором Ивановичем всея Руси на Лифляндию у сотни дворянской Ржевича был голова, а

Иван Васильевич был в полку боярина и воеводы князя Никиты Романовича Трубецкого, когда он осажденных по Новгородку 7113 (1606) года, от растриги бояр и воевод был послан в Брянск за дворянами и стрельцами, и когда по прибытии сих с пушками растрига от города отбил, то он Иван, от начальствующаго боярина был послан к Царю Борису с ведомостью и сеучем, за что Чарь Борис пожаловал его тем самым платьем, которое тогда на себе имел, да саблю булатную, сверх того бархату пятнадцать локоть, да серебряный с позолотою кубок. В 7125 и 7126 годах (1617, 1618) послан Иван Васильевич из разряду по изследованию о поступках воевод и губных старост в Курск, Корчмы, Карачев и Свеск. О чем явствует в книге сыскной в 7151 (1643) году, при казначее Богдане Дубровском. В лето 7190 (1682), когда снаряженный под состоящий в те время во владении Короля Польскаго Новгород Северский, князь Василий

Григорьевич Ромодановский заболел и полк его препоручен Ивану Васильевичу Стремоухову, который приступил к городу и помощью Божией оный взял и за ту службу Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Руси пожаловал ему, Ивану из отписных князя Барятинского (Федора) вотчин в Новгородском уезде село Зноб с деревнями. В 7142 (1634) году, Мая 23 дня, прислана ему Государем грамота и веление ему быть в Трубчевске воеводою. В 7148 (1640) году, быв воеводою в Ливнах, по силе данного ему, Ивану Васильевичу, указу, сделал черту от степи и реке Сосне между Ливен и Ельцы, устроил [-410-] город Чернавск, в который в 7156 (1648) году, по силе грамоты из разряда объяснения, определен воеводою. В разрядеж в боярской 7155 (1648) года книге написан он, Иван Васильевич Стремоухов под именем князя Григория Семеновича Куракина. В лето 7159 (1651), февраля в 4-ый день, да в 7160 (1652) году, однородцы нали, Федор Константинович, Никита Афанасьевич, Емилиан Дмитриевич Стремоуховы били челом в разряде на Рьльскаго воеводу Нелединского, да на Ждана кондырева о местах и по тому им счет по отечеству. Где наши родичи Стремоуховы в обоих случаях оправданы.

У Ивана Васильевича дети: 1-ый Петр, 2-ой Федор служили в стольниках. А Федор у рейтар полковник. Оклад им был в боярской по окладе книг написан новичной. Петру тристапятьдесят четвертей денег и 30 рублей, а федору шестьсот четвертей денег и 30 рублей. У Петра Ивановича сын Михаил служил в стольниках. В лето 7191 (1686), Июня в 26 день, от Государей и Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича дана ему Михаилу петровичу жалованная грамота на поместье его в карачевском уезде в Симовской волости, жеребий села Суслово в вотчину № 1, и он, Михаил умре бездетным. Федор же Иванович в 7174–7175 (1666–1667) был в Орле воеводою. В 7184–88 годах (1678–80) был он письчем из приказа большого дворца в 2 городах. За что ему, Федору ивановичу, в Марте, 23 дня (...) прислана от Государя Чаря и Великого Князя Феодора Алексеевича жалованная с милостивою похвалою грамота. В 7200–2 (1692–94) годах был воеводою в калуге. Где ему, Федору Ивановичу по указу из разряда и из Володимирскаго приказа были подчинены воеводы [-411-, 210] же Перемышльский, Михайловский и Козельский. В 1703–6 годах, он же, Федор Иванович, был в Переяславле комендантом и силою указа из посольскаго приказа даннаго, веление ему при всех переписках с малороссийским Гетманом именовать себя: «Стольник и полковник, Переявлавский комендант Феодор Иванович Стремоухов».

В 1705 году, Декабря 15 дня, прислана ему из посольского приказа жалованная грамота, изъявляющая, что Великий Государь жалует его, Федора, за службу его и за радетьельныя учиненныя прибыли милостиво похваляет. В лето 1675, Февраля 21 дня, от Государей и Чарей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича и петра Алексеевича, дана ему, Феодору Ивановичу, жалованная Их Величества грамота на Кормское его в Добрынском стане в разных урочищах поместью в вотчину № 2.

У Феодора Ивановича дети: 1-ый Василий, 2-ой Иван служили в стольниках, 3-ий Александр. Сии последние в 1708 году, будучи оба бездетны, от шведов убиты, а Василий Федорович был напоследок бригадиром. В продолжении службы его стольником даны ему, Василию Федоровичу вде жалованныя грамоты: 1-ая, в лето 1685, Июня в 11 день, от Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и петра Алексеевича всея Руси на поместье его в Кромском уезде и Добрынском стану в пустыши Таторченковой и других урочищах, в вотчину № 3. Вторая от них же Госудаей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и петра Алексеевича в лето 1690 февраля 21 на Кормское же его имение Добрынского стану в пустоши Титовой слободке с другими урочищами в вотчину № 4.

У Василия Федоровича сын Иван служил во флоте офицером.

У Ивана Васильевича сын Федор служил в лейб гвардии и отставлен [-412-] поручиком и от сего однородца моего при особе и от всего до него касающемся объяснение грамоты выше сего № 1, 2, 3 и 4-м ознаменованные и в хранении его находящиеся по жительству его в карачевском благородстве оригинально представлены. Я же к первому и выше упомянутому Василию Станиславовичу сыну, паки обращаюсь.

У Дмитрия Васильевича дети: 1-ый Алексей, 2-ой Емельян служили в дворьнах. Лучник Емельян в 1658 году убит в бою при Конотопе. У Алексея Дмитриевича сын Михаил в 1664 году был в полку боярина и воеводы князя Ивана васильевича Лобанова Ростовскогоу дворянской сотни голова.

У Мицаила Алексеевича сын Иван в стольниках о чем также и что имени как сего так и прочих предков наших в родовых дворянских книгах действительно состоят написанными при явке меня и других однородцев моих по силе прежних узаконений малолетними перед лицо Правительствующего Сената и по учиненным от Герольдмейстерских Дел запросам от разряднаго архива сделано многожда прежде и потом делано было подобающее засвидетельствование.

У Ивана Михайловича 1-ый сын Адриан, 2-ой Глеб и 3-ий Афонасий.

О двух сих последних имеют показать потомки их каждый в своем месте.

Адриан Иванович есть мой родитель. Служил он во Всероссийской армии подполковником. Дети его и мои братья, большой Иван в отставке прапорщик, да меньший Вселий Адрианович ныне Харьковского Наместничества верхняго земскаго суда председатель имеет [-413-, 211] о себе и о принадлежащем до них показать, каждый на своем месте. Я же, о сем представляющий, в службу Ея Императорского Величества Всероссийской военную, вступил в 1750 года Анпреля 5-го числа и происходя по кавалерии чинами по порьдку, был в Прусском походе на всех четырех генеральных баталиях в действительных с неприятелем сражениях о чем известно по государственной военной коллерии. В 1767 году, по объявлении турками войны, был во исполнение имянного повеления, его сиятельством, бывшим тогда генералом-аншефом (ныне генерал-фельдмаршал) графом петром Александровичем Румянцевым-Задунайским отъравлен на реку Куму к Убаще, наместнику ханства калмыцкаго, именуемых торгоутов, к принятию двадцатитисячного калмыцкаго войска, которое с четырма их владельцами приняв и препроводив до второй армии при чем челую кампанию при корпусе господина генерал-порутчика и кавалера Борха, в Крыму наряженного имея шестисотный донских козаков полк с из полковником в точной моей команде. По окончани кампани сей, оно калмыцкое войско, с их влельцами, обратно препроводил через реку Дон в окрестность всегдашняго из обитания. В 1771 году, по силе имянного повеления, определен к четверем, под покровительством Российской державы вступивших ногайским, яко то Едиенской, Баджинской, Едишкульской и Джамбойлуцкой ордам главным приставом. При которых, имея в команде моей особый деташмент находился дотоле, как, по Высочайшему соизволению, препоручены они было от меня самими ими выбранному Сираксер-Султану (бывшему потом Крымским Ханом) Шакир Гирею. О чем известно государственной коллегии иностранных дел и Ея Императорскому Величеству, ибо за сию службу мною имянным Ея приказом [-414-] всемилостивейше пожалован я, во первых, на исправление экупажа пятью стами рублями, потом, сверх обыкновенного жалования моего, на все время при ордах бытности моей, каждый месяц, по сту рублей. Наконец, в награду моих трудов, пожалован был теремя тысячью рублей, а при всемилостившем от воинской службы в 1725 году увольнении, чином бригадира. В 1782 году, Июня 22 дня, по Высочайшей конфирмации, определен я нынешним настоящим чином в

Орловскаго гражданскаго суда палату, председателем. О трудах и радений моем по сей части известно Правительствующему Сенату. А сего, 1788 года, августа 4-го дня, имянным Ея Императорскаго Величества указом, по слабости сил и здоровья моего, уволен я от всех дел со всемилостивейшим за долголетнюю и безпорочную службу мою получаемого мною жалования моего по смерти мою о производстве пожалованием. От рождения моего живу ныне 54-ый год. В супружестве имею дочь покойнаго действительнаго статскаго советника, Алексея Романовича Тургенева, Екатерину Алексеевну. Дети мои от первого брака: Петр, 15 лет, Лейб-Гвардии Преображенскаго полку подпрапорщик, дочь девица Надежда 19 лет. Недвижимаго с мною имеются вотчины: Харьковскаго Наместничества, Чугуевскаго округа в селе Богородицком, где настоящий дом и всегдашнее мое пребывание мужскаго пола малороссиян 395, великороссиян 253 души. Тульскаго неместничества, Алексинскаго округа в селе Темьянго приданных от первой жены моей, покойнаго генерал-майора Петра Ивановича Бутурлина дочери, Екатерины Петровны, Нижегородскаго Наместничества, Горбатовскаго округа в селе Груцъне 201, Пашигорове – 62, Сергачскаго в селе Покрове 69, Арзамасскаго в селе карманах – 65, Нумайлеве 35 душ. Нынешней супруги моей, Орловскаго наместничества карачевскаго округа в сельце Сергиевском, Юшковотож – 206, да Калужскаго наместничества (...)венскаго округа в деревне Абакумовой – 37 душ.

Герб употребляем мы от предков, передательно до рук наших дошедший: под дворянскаго короной в щите зеленое поле, сверху до половины белым по голубому прозрачным светом покрытое, с правой стороны в свете изображен бегущий до половины открытый дикаго цвета единорог, противу головы котораго с левой стороны три стрелы по середине перевязанныя и с отделением обоих один от другаго концев топорами в поле вооруженныя.

Бригадир Михаил Стремоухов. Октября 8 дня, 1785 год.*

* Орфография родословной точно передана с копии подлинника.

Общий гербовник дворянских родов всероссийской империи

[416-] Сын составителя родословной:

Петр в Преображенском полку.

Его дети: Дмитрий (мой дед), Владимир и Алексей и Михаил.

Владимир и Алексей, гражданские инженеры, тайные советники, члены совета министерства путей сообщения.

Сын Владимира, Николай – инженер путей сообщения. Сын Михаила, старший председатель Харьковской Судебной палаты – Петр.

Его сын Михаил, обер-прокурор Правительствующего Сената,

умер в эмиграции в Париже.

Дмитрий, его сын –

Петр, мой отец, бывший Рязанский губернатор. Тайный советник, рожден в 1826 г. Скончался в 1918 г.

Его дети: Дмитрий, Николай и Петр.

Дмитрий – член Московской Судебной Палаты, умер в 1922 году в Москве, профессором геологии в народном университете.

Николай – командовал корпусом на южном фронте, теперь в Сербии.

Петр – составитель настоящих воспоминаний, сенатор, егермейстер Высочайшего Двора.

У Николая сын Дмитрий, ныне лектор русской литературы в Страсбургском университете.

У Петра сын Александр, род. 1893 г., был ш.к. Лейб Гвардии Саперного батальона, ныне работает по горной части во Франции. Женат на француженке.

У него сын Михаил, род. 1928 г.

[-417-, 213]

ИТАК

Не пожелавшие выносить турецкого ига, греки Стрематоросы выселились в Россию, где с 1438 по 1921 год, т.е. без малаго 500 лет, верою и правдою служили Великим Князям и Царям Московским и Императорам Всероссийским и, гостеприимно принявшей их, новой Родине, Революция выбросила их из России, а интернациональной власти, как некогда их дальние предки турецкой, Стремоуховы не пожелали. Сыдьба привела их во Францию.

Первым русским гражданином был Александр Стремоторос, последним тоже (мой сын) Александр. Мой внук Михаил – французский подданный¹⁰³⁵. Будут ли Стремоуховы 500 лет служить Франции, как они служили России или им суждено вернуться в лоно своей второй родины?

АМИН

¹⁰³⁵ Apparently, monarchist Stremoukhov did not know the word “citizen”.

Index of persons

- Abarinov, Ivan Alexandrovich – 129, 165.
Abarinova, née Reichelt, Antonina Ivanovna – 127, 130.
Abaza, Alexey Mikhaylovich – 341.
Adlerberg, Alexander Vladimirovich – 171, 201.
Albedinskiy, Pyotr Pavlovich – 285, 300.
Alekseyev, Yevgeniy Ivanovich – 341.
Alexander Battenberg – 138, 139.
Alexander I Romanov – 121, 124, 139, 215, 281, 282.
Alexander II Romanov – 65, 81, 121, 127, 131, 173, 174, 177, 179, 197, 201, 202, 268.
Alexander III Romanov – 25, 41, 64, 82, 92, 98, 114, 121, 202, 221, 226, 235, 258, 262, 263.
Alexandra Fyodorovna, Alice of Hesse-Darmstadt – 122, 222.
Alexandra Fyodorovna, Friederike Luise Charlotte Wilhelmine von Preußen – 64, 94.
Alexey Alexandrovich Romanov – 179.
Alexey Nikolayevich Romanov – 181.
Alfonso XII Bourbon – 133.
Andreyev, Yuliy Ardalionovich – 241.
Anichkov, Viktor Viktorovich – 139.
Anna Ivanovna Romanova – 121.
Antropov, Luka Nikolayevich – 128.
Apukhtin, Alexander Lvovich – 96, 203, 229.
Apukhtin, Alexey Nikolayevich – 25.
Aristov, Vladimir Antonovich – 304.
Artsimovich, Mikhail Viktorovich – 346.
Astor IV, John Jacob – 179.
Baer Edler von Huthorn, Karl Ernst Ritter von – 62.
Bagration-Mukhranskiy, Konstantin Alexandrovich – 92.
Baranov, Nikolay Ivanovich – 161.
Baranov, Sergey Nikolayevich – 161.
Baranova, née Zhuravleva, Mastridia Nikolayevna – 161.
Baranovskiy – 255.

- Barantsov, Mikhail Alexandrovich – 200.
Bardovskiy, Nikolay Fedorovich – 208.
Baryatinskiy, Alexander Ivanovich – 234.
Baryatinskiy, Alexandr Vladimirovich – 178.
Baryatinskiy-Borets, Fyodor Petrovich – 36.
Bazin, Nikolay Petrovich – 266, 283.
Beauharnais, Darya Yevgeniyevna – 184, 243.
Benois, Alexandr Nikolayevich – 24, 27.
Berg, Fyodor Nikolayevich – 127.
Bergholz, Richard Alexandrovich – 98.
Bernardt, Henriette Rosine – 318.
Bernhardt, Sarah – 318.
Béthune, Marguerite de – 318.
Bezak, Fyodor Nikolayevich – 88.
Bezak, Maria Nikolayevna – 95.
Bezobrazov, Alexander Mikhaylovich – 341.
Bilbasov, Vasiliy Alexeyevich – 169.
Bippen, Alexander Nikolayevich von – 45.
Bippen, Anna Fyodorovna von – 45.
Bippen, Katharina Nikolaevna von (Catharina Augusta Anna) – 45.
Bippen, Nikolay Nikolayevich von – 31, 45.
Bippen, Vasiliy Nikolayevich von – 45, 106.
Bismarck-Schönhausen, Otto Eduard Leopold – 139.
Bloch, Jan Gottlieb – 243, 256, 276, 274, 275, 278.
Bniński Stanisław – 331.
Bniński, Jan Nepomucen Rafał Piotr – 331.
Boccaccio, Giovanni – 106, 154, 219.
Boldarev, Nikolay Arkadyevich – 50, 338.
Bologovskiy, Yakov Dmitriyevich – 182.
Boret, Victor – 42.
Borghi-Mamo, Adelaide – 132.
Boris Vasilyevich Rurikovich – 37.
Botkin, Sergey Petrovich – 141.
Boulanger, Georges Ernest Jean-Marie – 183.
Bourget, Paul – 101, 339.
Bozhovskiy, Konstantin Vasilyevich – 189, 192.
Branicka, Maria Róža – 206.

-
- Brezhinskiy, Ananiy Ivanovich – 263.
Brok, Nikolay Petrovich – 230.
Bronstein, Lev Davidovich – 25.
Buch, Nikolay Nikolayevich – 112.
Bülow, Bernhard Heinrich Martin Karl von – 308.
Bülow, Friedrich von – 317.
Bulygin, Mikhail Vasilyevich – 77.
Bunge, Nikolay Karl Paul von – 94.
Bunin, Narkiz Nikolayevich – 112.
Burenin, Viktor Petrovich – 127, 128.
Burenina, Sofia I. – 336.
Butkevich, Viktor Stanislavovich – 211.
Candia, Giovanni Matteo Mario di – 71.
Carmen – 133.
Cellini, Welcome – 342.
Chakrabong Puwanath – 88.
Chaliapin, Fyodor Ivanovich – 71.
Charles Augustus – 125.
Charles I the Great – 119.
Chateaubriand, François-René de – 128.
Chekhov, Anton Pavlovich – 126.
Cherevanskiy, Vladimir Pavlovich – 157.
Cherevin, Pyotr Alexandrovich – 93.
Chernyshev, Lev Lvovich – 88.
Chertkov, Mikhail Ivanovich – 249, 323, 324.
Chościak-Popiel, Wincenty Teofil – 207.
Chulalongkorn (1853–1910), Rama V – 88, 255.
Conrad, Alfred Robert Anton von – 308.
Czacki, Feliks Szczęsny Maria – 223.
Czartoryski, Adam Jerzy – 315.
Czetwertyński-Światopełk, Włodzimierz Ludwik Stanisław – 206.
d’Alembert, Jean Le Rond – 125.
Dadiani, Tariel – 151.
Danilov, Vladimir Nikolayevich – 138.
Danilovsky, Anatoliy Alexeyevich – 85.
Daragan, Mikhail Petrovich – 211, 254, 262.
David, Jacques-Louis – 121.

- Davydov, Vladimir Nikolayevich - 134.
Delsal, Alexey Petrovich - 201.
Derfelden, Karl Bernard Karlovich von - 234.
Dieterikhs, Fyodor Karlovich (Friedrich Gustav Dieterichs) - 75-76.
Dmitriy I, False (Lzhedymitr) - 36.
Dolgorukov (Dolgorukiy) Alexander Sergeyeovich - 258.
Dolgorukova, Yekaterina Mikhaylovna - 174.
Dolukhanov, Khozrew Mirzabekovich - 116.
Dondukov-Korsakov, Alexandr Mikhaylovich - 148.
d'Osmond, Adèle countess de Boigne - 31.
Dostoyevskiy, Fyodor Mikhaylovich - 73, 126.
Dragomirov, Mikhail Ivanovich - 142.
Drenteln, Alexander Romanovich - 200.
Drewing, Alexander Eduardovich - 53.
Drewing, Victoria Alexandrina (Victoria Ludvigovna) - 11, 53.
Dreyfus, Alfred - 185, 285.
Drucki-Lubecki, Franciszek Ksawery - 322.
Drygas, Jan - 266.
Dubelt, Mikhail Leontiyevich - 137.
Dunin-Krajewski, Alfred - 320.
Durnovo, Ivan Nikolayevich - 226.
Duse, Eleonora - 134.
Dzhaparidze, Agrippina Konstantinovna - 151, 152.
Dzhunkovskiy, Vladimir Fyodorovich - 86.
Edward VII Windsor - 149.
Ekaterina (Yevgeniya Borisovna Yefimovskaya) - 270.
Ellis, Alexander Veniaminovich - 67.
Erdeli, Ivan Georgievich - 15.
Esméralda - 133.
Falk, Alexander Petrovich - 159.
Fichte, Johann Gottlieb - 339.
Flavian (Nikolay Nikolayevich Gorodetskiy) - 207.
Flint, Alexander Ivanovich - 100.
Frederick Augustus Wettin - 282.
Frederick II the Great Hohenzollern - 169.
Frederick William III Hohenzollern - 173, 281.
Frenkel, Heinrich - 286.

-
- Frenkiel, Bonawentura Adam Mieczysław - 220.
Freze, Alexander Alexandrovich - 107.
Friedrich Wilhelm Nikolaus Karl von Hohenzollern - 173.
Frisch, Eduard Wilhelm Vasilyevich - 132.
Fullon, Ivan Alexandrovich - 232.
Gaudin, Martin-Michel-Charles - 213.
Gay, Jan Jakub - 281.
Georgiy Alexandrovich Romanov - 262.
Georgiy Mikhaylovich Romanov - 135.
Giers Nikolay Karlovich de - 25.
Gilbert, Robert Otto - 58.
Glazov, Vladimir Gavrilovich - 319, 320.
Glinka, Mikhail Ivanovich - 91, 131.
Glinka-Mavrin, Nikolay Borisovich - 243.
Glinskiy, Boris Borisovich - 82.
Gnedych, Pyotr Petrovich - 132.
Godunov, Boris Fyodorovich - 36.
Goethe, Johann Wolfgang von - 124.
Gogol, Nikolay Vasilyevich - 64, 73.
Golitsyn, Grigory Sergeyeovich - 209.
Golitsyn, Sergey - 209.
Golitsyna, née Jezierska, Maria - 209.
Goncharov, Ivan Alexandrovich - 126.
Gorbunov, Ivan Fyodorovich - 64, 241.
Gorchakov, Alexandr Mikhailovich - 40.
Goremykin, Ivan Logginovich - 246, 247, 326.
Górska, née Golitsyn, Julia - 209.
Górska, Zofia - 209.
Górski, Konstanty - 209.
Górski, Ludwik - 206, 209.
Grabbe (Vsevolozhskaya), Sofia Ivanovna - 95.
Grabbe, Alexander Nikolayevich - 95, 182.
Grabbe, Mikhail Nikolayevich - 95.
Grabbe, née Orlova-Denisova, Alexandra Fyodorovna - 94, 181.
Grabbe, Nikolai Nikolayevich - 88, 135, 137.
Grabbe, Nikolay Pavlovich - 137.
Grevenits, Vladimir von - 184.

- Grisier-Montbazon (Livergne), Marie - 106.
Gromeka, Stepan Stepanovich - 237.
Gubaidulla Dzhangerovich Genghis Khan (Gubaidolla Shyngyskhan) - 88.
Gubonin, Pyotr Ionovich - 68.
Guchkov, Alexander Ivanovich - 314.
Guitry, Lucien Germain - 134.
Guizot, François Pierre Guillaume - 53.
Gulkevich-Glebovskaya, Olga Ivanovna - 324.
Gurko (Romeyko-Gurko), Vasiliy Iosifovich - 12, 84, 181, 314.
Gurko, Iosif Vladimirovich - 90, 188, 197, 198, 208, 214, 225.
Gurko, nee Salias de Tournemire, Maria Andreyevna - 90, 196.
Gurko, Vladimir Iosifovich - 196.
Guryev, Dmitriy Alexandrovich - 320.
Halske, Johann Georg - 184.
Hengervár, Ladislaus Hengelmüller von - 299.
Henry I - 316.
Henry II de Rohan - 315.
Henry IV - 315.
Henry VIII Tudor - 119.
Hessen and bei Rhein, Alexander von - 201.
Howard, Andrey Andreyevich - 98.
Hryniewiecki, Ignacy - 173
Hugo, Victor Marie - 133
Hurtado, «la Perricholi», Maria Micaela Villegas - 130
Ignatyev, Nikolay Pavlovich - 135
Ignatyeva, Maria Nikolayevna - 135
Ilovayskiy, Dmitriy Ivanovich - 31
Imeretinskiy, Alexandr Konstantinovich - 246
Ioann of Kronstadt (Ivan Ilyich Sergeev) - 91
Ivan III Vasilyevich - 37
Ivan IV the Terrible (Grozny) - 35, 119
Ivan V Alexeyevich - 169
Ivanov, Alexander Fyodorovich - 292
Ivanova, née Kovalevskaya, Sofia Mikhaylovna - 292
Jagow, Ernst Ludwig von - 309
Jagow, Traugott Achatz von - 309
Jerome, Jerome Klapka - 287

-
- Julian the Apostate - 289
Kantakouzen, Mikhail Mikhaylovich - 148
Kantakuzin, Mikhail Rodionovich - 124
Kapger, Alexandra Ivanovna - 246
Kapp, Wolfgang - 309
Karamzin, Nikolay Mikhaylovich - 29, 35
Karandeyev, Alexandr Alexandrovich - 198
Karmalin, Alexander Nikolayevich - 88
Karmalin, Nikolay Nikolayevich - 88, 91, 146
Karmalina, née Belenitsyna, Lyubov Ivanovna - 91, 146
Kartsov, Vladimir Alexandrovich - 298
Kasatkina-Rostovskaya, née Montrezor, Nadezhda Karlovna - 182
Kashchenko, Mikhail Pavlovich - 228
Kauffmann, Angelika - 342
Kaulbach, Wilhelm von - 219
Kautsky, Karl Johann - 121
Keller, (Theodor Alexander Graf von Keller) Fyodor Arturovich - 342
Keyserling - 185
Khalturin, Stepan - 201
Khilkov, John Magill, Mikhail Ivanovich - 76
Kinast, von Kienast, Rudolf Rudolfovich - 90, 106
Kitchener, Horatio Herbert - 314
Kleinmichel, née Keller, Maria Eduardovna - 311.
Kleinmichel, Pyotr Andreyevich - 181.
Kleygels, Nikolay Vasilyevich - 209.
Kneipp, Sebastian - 331.
Kochubey, Lev Mikhailovich - 184, 243.
Kochubey, Mikhail Viktorovich - 184.
Kochubey, née Bibikova, Yelena Pavlovna - 175.
Kokovtsov (Kokovtsev), Vladimir Nikolayevich - 66.
Koni, Anatoliy Fyodorovich - 180, 241.
Konstantin Pavlovich Romanov (Holstein-Gottorp-Romanov) - 65, 142, 221.
Koptev, Nikolay Nilovich - 93.
Koreisha - 124.
Korob'in, Vladimir Grigoryevich - 48.
Kotsebue, Yelizaveta Petrovna (Wilhelmine Elisabeth von Manteuffel) - 238.
Kotzebue, Paul Demetrius von - 237.

- Kovalevskiy, Mikhail Fyodorovich – 292.
Kozen, née Kleynmichel, Alexandra Petrovna – 181.
Kozlovskiy, Dmitriy Ionovich – 102.
Krabbe, Nikolay Karlovich – 130.
Krafft-Ebing, Richard Freiherr von – 307.
Krestyanov, Nikolay Nikolayevich – 190.
Kronenberg, Leopold Julian – 275.
Kronenberg, Zinaida Dmitrievna – 131.
Kropotkin, Pyotr Alexeyevich – 77.
Krupenskiy, Pavel Nikolayevich – 197.
Krylov, Viktor Alexandrovich – 141.
Kudrevetsky, Vasily Vasilyevich – 331.
Kühner, Raphael – 69.
Kurakin, Grigory Semyonovich – 36.
Kutuzov, Mikhail – 74.
Kuzmin, Pyotr Petrovich – 107.
Kwilecki – 292..
Kwilecki, Józef Ignacy - 292
l'Enclos, Anne de – 128.
Labry, Raoul – 42.
Laloue, Ferdinand – 141.
Lamsdorf (Lamsdorf or Lambsdorf), Vladimir Nikolayevich – 76.
Lannes, Jean – 214.
Łaska, née Blachowska, Michalina Konstancja – 205.
Lefebvre, François Joseph – 214, 215.
Lenin, Vladimir Ilyich Ulyanov – 25.
Leontiy, Ivan Alekseyevich Lebedinskiy – 207.
Leontyev, Nikolay Stepanovich – 70.
Leskov, Nikolay Semyonovich – 306.
Leuchtenberg, Nikolay Nikolayevich of – 95.
Levashov, Vladimir Vasilyevich – 125.
Levshin, Dmitriy Dmitriyevich – 86.
Levshina, née Saltykova, Yekaterina Alexandrovna – 333.
Leyden, Ernst Viktor von – 221.
Lohengrin – 81.
Loris-Melikov, Mikhail Tarelovich (junior) – 179.
Loris-Melikov, Mikhail Tarelovich (senior) – 52, 324.

-
- Loris-Melikov, Zakhar Mikhaylovich – 88.
Louis XI Valois – 119.
Louis XIV “the Great” Bourbons – 31, 119, 128.
Lubomirska, née Branicka, Maria – 206.
Lucullus – 318.
Lüde, 2 v. Žmurko, née Kobylínska, Alexandra Laura Barbara – 220.
Lukin, Alexander Galaktionovich – 159.
Lukin, Alexander Petrovich – 162.
Lukin, Pyotr Alexandrovich – 161.
Lukina, née Chernysheva, Olga Alexandrovna – 161.
Lukina, née von Stackelberg, Natalia Antonovna – 159.
Lüttwitz, Walther Karl Friedrich von – 309.
Lvov, Alexandr Nikolayevich – 232.
MacMahon, Patrice de – 74.
Macoeh, Damazy – 218.
Maksimov, Vasiliy Maksimovich – 23.
Maltsov – 164.
Maltsov, Ivan Sergeyevich – 163
Mandelstam, Iosif Yemelyanovich – 75.
Mansur, Said Mir – 88.
Manuel II Palaeologus – 34.
Marcello-Palińska, née Chraszczewski (Marcello), Anna Helena – 220.
Marenberg, Georg Nikolai von – 179, 186.
Marenberg, Sophia Nikolayevna – 136.
Maria Alexandrovna, (Maximiliane Wilhelmine Auguste Sophie Marie von Hessen und bei Rhein) – 70, 139.
Mariyeva, Lidia Grigoryevna – 128.
Martignac, Jean-Baptiste Sylvère Gay de – 53.
Marx, Karl – 121.
Masini, Angelo – 70.
Maslov, “Bezhetskiy” Alexey Nikolayevich – 132.
Maximilian I (Ferdinand Maximilian Joseph Maria von Österreich) – 210.
Mecklenburg-Schwerin, Yelena Pavlovna – 229.
Medem, Nikolay Nikolayevich – 194, 205, 247.
Medici – 124.
Medici, Cosimo I de – 187.
Mehmed Rifaat Pasha – 212.

- Melikov, Levan Ivanovich – 146.
Melikova, née Orbeliani, Alexandra Makarowna – 146.
Mellier, Emil – 44.
Menkin, Yevgeniy Vasilyevich – 248.
Menshikov, Alexander Danilovich – 124.
Menshikov, Mikhail Osipovich – 122.
Menzhinsky, Rudolf Ignatyevich – 75.
Merenberg, Georg Nikolai von – 178, 186.
Merenberg, née Pushkin, Natalia – 186.
Merenberg, Olga Yekaterina Adda von – 179.
Merenberg, Sofia Alexandrovna, de Torby – 137.
Meshcherinov, Alexander Grigoryevich – 99.
Meshcherskaya, née Ofrosimova, Varvara Alexandrovna – 68.
Meshcherskiy, Vladimir Petrovich – 128.
Meyer, Fyodor Karlovich – 102.
Meyer, Pyotr Petrovich – 219.
Michelangelo – 124.
Mickiewicz, Adam – 253.
Mikhail Alexandrovich Romanov – 263.
Mikhail Fyodorovich Romanov – 36.
Mikhail Mikhaylovich Romanov – 135, 137.
Mikhail Nikolayevich Romanov- 94, 95, 131, 135, 148.
Mikucki, Leon – 226.
Mikulski, Ludwik – 282.
Milyutin, Dmitriy Alexeyevich – 82.
Milyutin, Nikolai Alexeyevich – 46.
Mirsky, (Leon Fyodorovich) Lev Filippovich – 200.
Mnishekh, Maryna – 315.
Moreau, Émile – 318.
Morozov, Vitaliy Dmitriyevich – 328.
Morozova, née Obolenskaya, Yelizaveta Dmitriyevna – 329.
Munst, Caroline – 134.
Muozalov, Kerim Skander-Ogly – 149.
Murav'yov, Alexander Nikolayevich - 46
Murav'yov, Mikhail Nikolayevich – 284.
Mussa-Bulguchev, Alexander Alexeyevich – 239.
Myszkowski, Julian Walenty - 302

-
- Nachamkis, Ovshiy Moiseyevich – 25.
Naglovskiy, Dmitriy Stanislavovich – 198.
Napoleon I Bonaparte – 85, 119, 121, 172, 213, 214, 215, 217, 318
Napoleon III, Charles Louis Napoleon Bonaparte – 172.
Nassau, Nikolaus Wilhelm zu – 137.
Naumov, Alexander Petrovich – 192, 193, 194, 209, 340.
Neidgardt (Neidhardt), Alexey Borisovich – 140.
Nesselrode (Karl Robert Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven), Karl Vasilyevich – 320.
Ney, Michel – 214.
Nicholas I Romanov – 122, 315.
Nicholas II Romanov – 121, 138.
Niemojowski, Bonawentura – 315.
Niemojowski, Jan Nepomucen – 314.
Niemojowski, Waclaw Józef – 297.
Nikitin, Alexey Petrovich – 124.
Nikolay Nikolaevich (the Younger) Romanov – 335, 336.
Nikolay Nikolayevich (the Elder) Romanov – 271, 64.
Nilsson, Christina countess de Casa Miranda – 70.
Nolde, Emmanuel Yulyevich von – 161.
Notbek, Vladimir Vladimirovich – 89, 93.
Novosiltsov, Nikolay Ivanovich – 329.
Obolenskaya, Maria Nikolayevna – 95, 137.
Obolenskaya, née Trubetskaya, Darya Petrovna – 248.
Obolenskiy, Alexander Dmitrievich – 247.
Obolenskiy, Alexey Dmitriyevich – 248.
Obolenskiy, Nikolay Dmitriyevich – 248.
Obolenskiy, Nikolay Nikolayevich – 164.
Obolenskiy, Sergey Platonovich – 179.
Obolenskiy, Vasilii Semenovich Serebryany – 35.
Obruchev, Vladimir Nikolayevich – 83.
Offenbach, Jacques – 121.
Ogryzko, Josaphat Petrovich – 303.
Oldenburg, Alexander Konstantin Friedrich von – 115.
Oldenburg, Konstantin Friedrich Peter Petrovich – 151.
Olga Fyodorovna (Cäcilie Auguste von Baden) – 148.
Oom, Fyodor Adolfovich – 65.
Opochinina, Darya Konstantinovna – 184.

- Orlov, Nikolay Alexandrovich – 100.
Orlov, Vladimir Alexeyevich – 218.
Orlova-Denisova, Yelizaveta Alexeyevna – 94, 95.
Parenssov, Pyotr Dmitriyevich – 242.
Pashkova, Anna Eremeevna – 38.
Patti, Adelina (Adela Juana Maria) – 70.
Pavel I Romanov – 120.
Penkhezhevskiy, Ivan Alexandrovich – 208.
Perepelitsyn, Nikolay Nikolayevich – 107.
Petrov, Alexandr Ivanovich – 132.
Petrov-Baturich, Semyon Vasilyevich – 156.
Philip II Habsburg – 119
Pinter, Julius von – 210
Pisemskiy, Alexey Feofilaktovich – 126.
Pius IX (Giovanni Maria Mastai Ferretti) – 185
Planquette, Jean Robert Julien – 153.
Pleshcheyev, Lev Ivanovich – 323.
Pleske, Eduard Dmitriyevich – 65.
Pleve, Vyacheslav Konstantinovich von – 333
Podgorodnikov, Ivan Grigoriyevich – 300.
Polovtsov, Alexander Aleksandrovich – 324.
Polovtsova, Anna Alexandrovna – 525.
Polyakov, Samuel (Shmuel) – 52.
Polzikov, Pyotr Vladimirovich – 138.
Popiel, Marcell – 237.
Poppe, Georgy Vladimir Georgiyevich – 164.
Potekhin, Vladimir Filippovich – 101.
Potemkin, Grigory Alexandrovich – 24, 289.
Potocki, August – 206.
Praskovia Fyodorovna, née Saltykova – 169
Praxiteles – 123.
Preusker, Hans Rudolf Herman – 282.
Publius Vergilius Maro – 69.
Purishkevich, Vladimir Mitrofanovich – 173.
Pushkin, Alexandr Sergeyevich – 73, 137.
Pushkina, Natalia Alexandrovna – 137.
Puzyrevskaya von Korff, Yevgeniya Ferdinandovna – 205.

-
- Puzyrevskiy, Alexander Kazimirovich – 205, 214
Pyotr I Romanov – 119.
Quintus Horatius Flaccus – 69.
Raffaello Santi – 123.
Rapacki, Wincenty son of Wincenty – 220.
Rapacki, Wincenty son of Wojciech – 220.
Rebecque, Henri Benjamin Constant de – 53, 128.
Récamier, Juliette (Julie) – 128.
Reichelt, Nikolay Petrovich – 130.
Réjane, née Réju, Gabrielle Charlotte – 318.
Rejman, Jan Gwalbert – 218.
Renvers, Gerhard Victor Rudolf von – 312.
Rephan, Emil Karol – 275.
Reszke, Edward – 267.
Reszke, Jan – 267.
Richter, Alexandr Alexandrovich – 182.
Riesenkampff, Nikolay Alexandrovich – 212.
Riman, Nikolay Karlovich – 77.
Rocca, Albert Jean-Michel de – 128.
Rodzianko, Mikhail Vladimirovich – 92.
Romanovskiy, Yevgeniy Maksimilianovich – 179.
Romeiko-Gurko, Iosif Vladimirovich – 188, 197.
Romodanovsky, Vasiliy Grigorievich “Big” – 36.
Roop, Vladimir Khristoforovich – 92.
Rosen, Jan Bogumił – 221.
Rossetti, Dante Gabriel – 339.
Royer-Collard, Pierre Paul – 29, 53.
Rozenschild-Paulin, Alexey Alexandrovich von - 143
Rozenschild-Paulin, Nikolay Konstantinovich - 89
Rubens, Peter Paul – 123.
Rubinstein, Anton Grigoryevich – 65.
Rumyantsev-Zadunaisky, Pyotr Alexandrovich – 37.
Ryleyev, Alexandr Mikhaylovich – 173.
Ryzhov, Pyotr Nikolayevich – 84.
Sabler, Vladimir Karlovich – 270.
Saltykov, Alexander Alexandrovich – 12, 127.
Saltykov, Alexander Mikhaylovich – 12, 127.

- Saltykov, Lev Mikhaylovich - 170.
Saltykov, Mikhail Alexandrovich - 169.
Saltykov, Mikhail Mikhaylovich - 169, 333.
Saltykov, Pyotr Semyonovich - 169.
Saltykova, Alexandra Alexandrovna - 140.
Saltykova, née Bologovskaya, Sophia Yakovlevna - 170.
Saltykova, Sophia Alexandrovna - 12, 140.
Saltykov-Shchedrin, Mikhail Yevgrafovich - 51, 64, 306.
Saltykowa, née Grużewska, Luiza - 169.
Salvini, Tommaso - 134.
Sardou, Victorien - 318, 339.
Savina, Maria Gavrilovna - 128.
Schroeders, A.F. - 142.
Seddeler, Login Loginovich (Ludwig baron Seddeler) - 100.
Seraphim (Leonid Mikhailovich Chichagov) - 77.
Sergey Alexandrovich Romanov - 177.
Seroichkovskiy, Severian Ivanovich - 270.
Sforza - 124.
Shakespeare, William - 134
Shakhovskoy, Ivan Nikolayevich - 62.
Shcherbinskiy, Sergey Ivanovich - 159.
Shchirovskiy, Yevgeniy Pavlovich - 232.
Sheremetev, Ivan Vasilyevich "Bolshoi" - 37
Shervashidze, Georgiy Dmitriyevich - 341.
Shiryayev, Georgy Mikhaylovich - 194.
Shishkin, Ivan Ivanovich - 145.
Shompoulev, Viktor Antonovich - 67.
Shuvalov, Pavel Andreevich - 228, 323.
Shuvalova, born Komarov, Maria Alexandrovna - 228.
Siemens, Ernst Werner von - 184
Siemens, Johann Georg - 184
Siemens, née Gavriluk, Natalia Vasilyevna von - 184
Siemens, Werner Hermann von - 184
Sievers, Nikolay Alexandrovich - 301.
Simeon, Stremoukhov bishop - 37.
Simon-Girard, Juliette-Joséphine - 153.
Sipiagin, Dmitriy Sergeyevich - 158, 285.

-
- Skalon, Dmitriy Antonovich – 41, 271.
Skalon, Georgiy Antonovich – 249.
Skobeleva, Beauharnais, Zinaida Dmitriyevna – 179.
Skoropadskiy, Pavel Petrovych – 342.
Slavina, Maria Alexandrovna – 134.
Sluchevskiy, Konstantin Konstantinovich – 160.
Solovyov, Sergey Mikhaylovich – 29.
Solovyov, Yakov Alexandrovich – 46.
Solskiy, Dmitriy Martynovich – 124, 177.
Sonnenburg, Eduard – 312.
Spasskiy, Georgiy Alexandrovich – 270.
Speranskiy, Mikhail – 124.
Spiridovich, Alexander Ivanovich – 82.
Stackelberg, Konstantin Antonovich – 11, 63, 159.
Staël von Holstein, née Necker, Anne-Louise Germaine de – 128.
Stephan Báthory – 35.
Stieglitz, Alexander Ludvigovich von – 255
Stradetskiy, Semyon Ivanovich – 75.
Stravinsky, Igor Fyodorovich – 134.
Stremoukhov, Alexey Petrovich – 38.
Stremoukhov, Andrey Mikhaylovich – 39.
Stremoukhov, Dmitriy Petrovich – 38, 59.
Stremoukhov, Nikolay Petrovich – 38, 42.
Stremoukhov, Pyotr Dmitrievich – 44, 283.
Stremoukhov, Pyotr Nikolayevich – 39, 41, 79.
Stremoukhov, Pyotr Petrovich – 42.
Stremoukhov, Vladimir Petrovich – 38.
Stremoukhova, Maria Petrovna – 313.
Stremoukhova, née Baranova, Vera Nikolayevna – 161.
Struve, Pyotr Bergardowicz – 181.
Süleyman Hüsnü Pasha – 198.
Suvorov, Alexander Arkadyevich – 81.
Svistunov, Alexander Pavlovich – 212.
Światopełk-Mirski, Czesław – 311.
Taine, Hippolyte Adolphe – 31, 53.
Talleyrand-Périgord, Charles-Maurice – 29.
Tamberlik, Enrico – 71.

- Tarnovskaya, Maria Nikolayevna - 194.
Tatishchev, Sergey Spiridonovich - 315.
Tatishchev, Vasilii Nikitich - 213.
Thiers, Louis Adolphe - 53, 213.
Thorvaldsen, Bertel - 123.
Tiesenhausen, Alexander Yevgeniyevich - 276.
Tikhon (Vasilii Ivanovich Bellavin) - 270.
Tikhonov, "Lugovoy" Alexey Alexeyevich - 132.
Tolstoy, Alexey Konstantinovich - 140.
Tolstoy, Dmitriy Andreyevich - 51, 202.
Tolstoy, Lev Nikolayevich - 64, 73, 126.
Trepov, Fyodor Fyodorovich - 69.
Trubetskaya, Natalya Alexeyevna - 62.
Trubetskaya, née Belosselskaya-Belozerskaya, Yelizaveta Esperovna - 185.
Trubetskoy, Nikita Romanovich - 36.
Tsikulenko, Vasilii Nikitich - 286.
Tumanov, Georgiy Alexandrovich - 346.
Tur, Yevgeniya (Elizaveta Vasilyevna Sukhovo-Kobylyina, Salias de Tournemire) - 196.
Turau, Yevgeniy Fyodorovich - 231, 262.
Turgenev, Ivan Sergeyelevich - 73, 126, 128.
Turgeneva, Yekaterina Alexeyevna - 37.
Tykociner, Izrael - 286.
Valtsov, Dmitriy Pavlovich - 336.
Valuev, Peter Alexandrovich - 52.
Vandal, Albert - 213.
Vannovskiy, Pyotr Semyonovich - 174.
Varlamov, Konstantin Alexandrovich - 134.
Vasilii II Vasilyevich "Tyomnyy" - 34, 37.
Vasilyev - 124.
Veidenstrauch, Andrey - 106.
Veidenstrauch, Fyodor Yakovlevich - 97.
Viardot, Pauline - 130.
Villamov (pseudonym V. Sulkovsky), Vladimir Alexandrovich - 102.
Villèle, Jean-Baptiste-Guillaume-Joseph de -
Vinci, Leonardo da - 124.
Vitte, Sergey Yuliyevich - 277, 301.
Vladimir Alexandrovich Romanov - 131, 268.

-
- Volkonskiy, Mikhail Sergeyeovich - 132.
Voltaire - 125.
Vonlyarlyarsky, Vladimir Mikhaylovich - 341.
Voronin, Alexandr Alexandrovich - 177
Voronin, Alexandr Stepanovich - 177
Voronin, Stepan Alexandrovich - 319.
Voronina, née Saltykova, Alexandra Alexandrovna - 319.
Voronina, née Solskaya, Olga Martynovna - 177
Vorontsov-Dashkov, Illarion Ivanovich - 163.
Voyeykov, Nikolay Vasilyevich - 173
Voyeykov, Vladimir Nikolayevich - 173
Voyeykova, Nadezhda Alexeyevna - 127.
Wangenheim, Hans von - 210.
Watteau, Jean-Antoine - 339.
Werder, Bernhard Franz Wilhelm von - 183.
Werfel, Theodor - 112.
Wielopolski, marquis of Gonzaga-Myszkowski, Zygmunt Andrzej - 205.
Wierusz-Kowalski, Alfred - 314.
Wilhelm II Hohenzollern - 184, 228
Yachevskiy, Mikhail Eduardovich - 228, 301.
Yashvil', née Philipson, Natalia Grigoryevna - 208.
Yashvil', Nikolay Vladimirovich - 198, 208.
Yashvil', Vladimir Vladimirovich - 208.
Yefimovich, Alexander Fyodorovich - 89.
Yekaterina II, Sophie Friederike Auguste von Anhalt-Zerbst - 24, 27, 74, 120, 169, 289.
Yengalychev, Pavel Nikolayevich - 340.
Yermolova, Maria Nikolayevna - 132.
Yevdokimov, Nikolay Ivanovich - 124.
Yuryevskaya, (Baryatinskaya) Olga Alexandrovna - 178
Yuryevskaya, (Dolgorukova) Yekaterina Alexandrovna - 174, 178.
Yuryevskiy, Georgiy Alexandrovich - 178.
Zakrevskiy, Ignatiy Platonovich - 285.
Zamoyski, Adam Michał Ludwik - 269.
Zamoyski, Maurycy Klemens - 206.
Zarudnyy, Sergey Sergeyeovich - 77.
Zavadsky, Alexander Ignatyevich - 75.
Zeddler, Alexandr Logginovich - 182.

- Zenger, Grigoriy Eduardovich – 76, 306.
Zhabotinskiy, Vladimir Nikanorovich – 320.
Zherebkov, Vladimir Alexeyevich – 89.
Zhizhilenko, Alexander Grigoriyevich – 304.
Zhukovskiy, Vasiliy Andreyevich – 23.
Zhuravlev, Mikhail Nikolayevich – 159, 160.
Zhuravlev, Nikolay Mikhaylovich – 159.
Zhuravleva, née Fonvisin, Varvara Ivanovna – 161.
Zhuravleva, née Lukina, Sofia Alexandrovna – 159
Zichy, Mihaly von – 284.
Zinovyev, Grigory Yevseyevich – 25.
Zinovyev, Nikolay Alexeyevich – 141.
Zoilos of Amphipolis – 301.
Zotov, Nikita Moiseevich – 39.
Zotov, Vasiliy Ivanovich – 112.
Zubov, Platon Alexandrovich – 289.
Zucchi, Virginia – 132.

REFERENCES

Printed sources

- Апукхтин А.Н., *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy*, introduction M.V. Otradin, prep. R.A. Shatsevoy, third edition, Leningrad 1991 [Апукхтин А.Н., *Полное собрание стихотворений*, introduction M.V. Отрадин, prep. Р.А. Шацевой, third edition, Ленинград 1991].
- Kalendarz Rolniczy „Rolnika i Hodowcy” na Rok 1892.*
- Kartiny po russkoy istorii*, ed. S.A. Knyaz'kova, Moskva 1908–1913, № 38: A.N. Benua. Vychod imperatritsy Ekateriny II. 1912 [*Картины по русской истории*, ed. С.А. Князькова, Москва 1908–1913, № 38: А.Н. Бенуа. Выход императрицы Екатерины II. 1912].
- La Confession de Talleyrand*, vol. 1–5 *Mémoires du Prince de Talleyrand (Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord)*, ed. Albert de Broglie, February 11, 2007 [EBook #20564, <https://www.gutenberg.org/files/20564/20564-h/20564-h.htm>].
- Ратушатная книжка Калишской губернии на 1892 год*, Kalish 1892 [Памятная книжка Калишской губернии на 1892 год, Калиш 1892].
- Ратушатная книжка Калишской губернии на 1900 год*, Kalish 1900 [Памятная книжка Калишской губернии на 1900 год, Калиш 1900].
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii, sobraniye III, t. 24, 1904, № 25014* [Полное собрание законов Российской Империи, собрание III, t. 24, 1904, № 25014].
- Solov'yev Yu.Ya., *Vospominaniya diplomatа. 1893 – 1922* [Соловьев Ю.Я., *Воспоминания дипломата. 1893 – 1922*], [online] http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html
- Stremoukhov P.P., *Imperator Nikolay II i russkoye obshchestvo v kontse ego tsarstvovaniya v osveshchenii inostrantsev*, „Russkaya Letopis” Vol. 7, Paris 1925 [Стремоухов П.П., *Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев*, „Русская Летопись” Vol. 7, Paris 1925].
- Stremoukhov P.P., *Imperatritsa Aleksandra Fedorovna v EYe pis'makh*, „Russkaya letopis” Vol. 6, Paris 1924 [Стремоухов П.П., *Императрица Александра Федоровна в Ее письмах*, „Русская летопись” Vol. 6, Paris 1924].
- Stremoukhov P.P., *Moya bor'ba s episkopom Germogenom i Ilidorom*, [in:] *Arkhiv russkoy revolyutsii*, Vol. 16, Berlin 1925 [Стремоухов П.П., *Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором*, [in:] *Архив русской революции*, Vol. 16, Berlin 1925].

- Vereshchagin A., *Doma i na voine. 1853–1881. Vospominaniya i rasskazy*, Sankt-Peterburg 1886 [Верецагин А., *Дома и на войне. 1853–1881. Воспоминания и рассказы*, Санкт-Петербург 1886].
- Vitte S.Yu., *Vospominaniya*, Moskva 1960 [Витте С.Ю., *Воспоминания*, Москва 1960].
- Zhukovskiy V.A., *Sobraniye sochineniy v 4-t.*, vol. 1, Moskva–Leningrad 1959 [Жуковский В.А., *Собрание сочинений в 4-т.*, vol. 1, Москва–Ленинград 1959].

Press

„Tyuremnyy vestnik“ [„Тюремный вестник“] 1914.

Studies

- Bogdanov S., *The Stremoukhovs. Local Nobility and Administrative Apparatus of the Russian Empire in the 19th-early 20th Century*, „Res Historica“ No. 51, 2021, DOI:10.17951/rh.2021.51.373-385
- Boret V., *Le paradis infernal (U.R.S.S. 1933)*, Paris 1933.
- Bukhe A.A., *Spisok titulovannym rodam i litsam Rossiyskoy imperii s 1894 do 1908 goda*, Moskva 1908 [Бухе А.А., *Список титулованным родам и лицам Российской империи с 1894 до 1908 года*, Москва 1908].
- Demin V.A., *Verkhnyaya palata Rossiyskoy imperii. 1906–1917*, Moskva 2006 [Демин В.А., *Верхняя палата Российской империи. 1906–1917*, Москва 2006].
- Dulewicz A., *Encyklopedia sztuki francuskiej*, Warszawa 1997.
- Dylewski A., *Historia polskich kolei*, Warszawa 2021.
- Fabryczno-lódzka droga zelazna*, [in:] *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, Vol. II, *Dereńek–Gzack*, Warszawa 1881.
- Fabryki Kalisza i okolic, 1815–1989*, prep. J. Dolat, Kalisz 2016, s. 28, [online] <https://www.archiwum.kalisz.pl/>
- Fudel' I.I., *Nashe delo v Severo-Zapadnom krae*, Moskva 1893 [Фудель И.И., *Наше дело в Северо-Западном крае*, Москва 1893].
- Glinskiy B.B., *Revolutsionnyy period russkoy istorii (1861–1881 gg.). Istoricheskiye ocherki*, Sankt-Peterburg 1913 [Глинский Б.Б., *Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки*, Санкт-Петербург 1913].
- Gorak A.G., *Delo polkovnika S.N. Myasoyedova v vospominaniyakh P.P. Stremoukhova*, [in:] *Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*, ed. A. S. Minakov, Orel 2014 [Горак А.Г., *Дело полковника С.Н. Мясоедова в воспоминаниях П.П. Стремухова*, [in:] *Первая мировая война и российская провинция. Материалы международной конференции*, ed. A. S. Minakov, Orel 2014].
- Gorak A.G., *Institut gubernatorstva v Rossiyskoy imperii v istoricheskoy retrospektive: po vospominaniyam P.P. Stremoukhova*, „Visnyk Chernihivskoho natsionalnoho pedahohichnoho universytetu“

- series „Istorychni nauky” Vol. 87, no. 8, 2011 [Горак А.Г., *Институт губернаторства в Российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П.П. Стремouxова*, „Вісник Чернігівського національного педагогічного університету” series „Історичні науки” Vol. 87, no. 8, 2011].
- Gorak A.G., *Petr Petrovich Stremoukhov v Kostrome (31 XII 1912–19 I 1915)*, [in:] *Kostromskoy kray i sopredel'nyye territorii v drevnosti, Srednevekov'ye i v Novoye vremya. K 160-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Bekarevicha: sb. nauch. tr.*, eds. A.S. Lazarev, I.S. Nagradov, V.L. Shcherbakov, Kostroma 2021 [Горак А.Г., *Петр Петрович Стремouxов в Костроме (31 XII 1912–19 I 1915)*, [in:] *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича: сб. науч. тр.*, eds. А.С. Лазарев, И.С. Наградов, В.Л. Щербаков, Кострома 2021].
- Gorak A.G., *Revolutsiya v vospominaniyakh gubernatora Petra Petrovicha Stremoukhova*, [in:] 1917 god: gosudarstvo, vlast', territoriya, ed. L.D. Shapovalova, introduction A.S. Senin, Moscow 2017 [Горак А.Г., *Революция в воспоминаниях губернатора Петра Петровича Стремouxова*, [in:] 1917 год: государство, власть, территория, ed. Л.Д. Шаповалова, introduction А.С. Сенин, Москва 2017].
- Górak A., *The Institution of Russian Imperial Governorship in Historical Retrospective According to P. P. Stremoukhov's Memoirs*, “Russian Studies in History” Vol. 53, Issue 3, 2014, <https://doi.org/10.1080/10611983.2014.1020230>
- Górak A., Latawiec K., Kozłowski J., *Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867–1918)*, second edition, amended and corrected, Lublin 2015.
- Górzyński M., *Procesy przestrzenne i nowa architektura w Kaliszu około połowy XIX wieku – zagadnienia i postulaty badawcze*, „Polonia Maior Orientalis” 2021, VIII, s. 67 – 88, doi: 10.4467/27204006PMO.21.004.15455
- Kalisz. *Jego dzieje i zniszczenie przez Prusaków, Warszawa 1914 rok*. [online] <https://www.schondorf.pl/historia-liskowa-i-okolic/czy-wilhelm-ii-chcial-zburzyc-kalisz-w-1914-roku/>
- Kolej Dęblin–Dąbrowa Górnicza*, [in:] *Encyklopedia PWN*, [online], <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/;3923887>
- Kostomarov N.I., *Istoriya Rossii v zhizneopisaniyakh eye glavneyshikh deyateley. Vtoroy otдел: Gospodstvo doma Romanovykh do vstupleniya na prestol Ekateriny II*, vol. 2, Moskva 2014 [Костомаров Н.И., *История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II*, vol. 2, Москва 2014].
- Labry R., *Alexandre Ivanovic Herzen 1812–1870 : essai sur la formation et le développement de ses idées*, Paris 1928.
- Labry R., *L'industrie russe et la révolution*, Paris 1919.

- Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S., *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny*, Vol. 1, Ministerstwo Oświecenia Publicznego, Lublin 2015.
- Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S., *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny*, Vol. 2, Ministerstwo Finansów, Lublin 2016.
- Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S., *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny*, Vol. 4, Resorty komunikacji, poczt i telegrafów, dworu oraz spraw wewnętrznych, Lublin 2020.
- Leszkowicz W., *Kolej Kaliska. Budowa. Eksploatacja. Znaczenie dla przemysłowego rozwoju*, [in:] *Studia z dziejów kolei żelaznych w Królestwie Polskim (1840–1914)*, ed. R. Kołodziejczyk, Warszawa 1970.
- Lazarev S.E., *Stremoukhov Nikolay Petrovich*, [in:] *Rossiya v Grazhdanskoj vojne. 1918–1922: Entsiklopediya: v 3 t.*, ed. A.K. Sorokin, vol. 3, R–Ya, Moskva 2021 [Лазарев С.Е., Стремухов Николай Петрович, [in:] *Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т.*, ed. А.К. Сорокин, vol. 3, Р–Я, Москва 2021].
- Legieć J., Latawiec K., *Depolonizacja i rusyfikacja na prawobrzeżnej Ukrainie 1869–1880. Czasy gubernatorów Aleksandra Dondukowa-Korsakowa i Michaiła Czertkowa (Historia i materiały)*, Kielce 2022.
- Les Origines De La France Contemporaine*, vol. 1, *L’Ancien Régime*. Paris 1986.
- Levshin D.M., *Pazheskiy Ego Imperatorskogo Velichestva korpus za sto let 1802–1902*, Sankt-Peterburg 1902 [Левшин Д.М., Пажецкий Его Императорского Величества корпус за сто лет 1802–1902, Санкт-Петербург 1902].
- Murashova N.V., *Myslina L.P., Dvoryanskiye usad’by Sankt-Peterburgskoy gubernii. Kingiseppskiy rayon*, Sankt Peterburg 2003 [Мурашова Н.В., Мыслина Л.П., Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисептский район, Санкт Петербург 2003].
- Obshchii gerbovnik dvoryanskikh rodov Vserossiyskoy imperii*, [*Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*], part 16, <https://gerbovnik.ru/arms/2625.html>
- Pazhi za 183 goda (1711–1894). Biografii byvshikh pazhey s portretami*, prep. and ed. O.R. Fon-Freyman, Fridrikhsgamn 1894 [Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей с портретами, prep. and ed. О.Р. Фон-Фрейман, Фридрихсгамн 1894].
- Ponomarëv V.P., *Draka generalov A. P. Svistunova i N. A. Rizenkampfa: stsena iz byta vysshikh ofitserov russkoy armii, „Istoriya rossiyskogo byta”*, Sankt-Peterburg 1899 [Пономарёв В.П., Драка генералов А. П. Свистунова и Н. А. Ризенкампа: сцена из быта высших офицеров русской армии, „История российского быта”, Санкт-Петербург 1899].
- Raciborski J., *Monografia Opatówka*, [online]

- Sbornik biografii kavalerгардов. 1826–1908*, ed. S. Panchulidze, Sankt-Peterburg 1908 [*Сборник биографии кавалергардов. 1826–1908*, ed. С. Панчулидзе, Санкт-Петербург 1908].
- Shilov D.N., Kuz'min Yu.A., *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy imperii. 1801–1906: Biobibliograficheskiy spravochnik*, Sankt-Peterburg 2007 [Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А., Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник, Санкт-Петербург 2007].
- Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*, Vol. 6, *Malczyce–Netreba*, Warszawa 1885.
- Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, Vol. 10, Warszawa 1889.
- Stremoukhov A.M., *Kratkiy ocherk meropriyatiy v oblasti tyuremnogo dela v Rossii v period s 1900 po 1905 god*, Sankt Peterburg 1905 [Стремоухов А.М., *Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России в период с 1900 по 1905 год*, Санкт Петербург 1905].
- Stremoukhov P.D., *Nizhegorodskiy gubernator A. N. Murav'yev, „Russkaya starina“* Vol. 106, 1900, № 5 [Стремоухов П.Д., *Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев, „Русская старина“* Vol. 106, 1900, № 5].
- Struve P.B., *Krepostnoye khozyaystvo. Issledovaniye po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX v.*, Sankt Peterburg 1913 [Струве П.Б., *Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX в.*, Санкт Петербург 1913].
- Szwarc A., *Emil Karol Rephan*, [in:] *Polski słownik geograficzny*, Vol. 21, ed. E. Rostworowski, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1976.
- Szychowski L.S., *Zarys dziejów drukarstwa łódzkiego 1859–1918*, Łódź 1993.
- Szymański J., *Nauki pomocnicze historii*, Warsaw 2001.
- Tabaka A., Błachowicz M., *Zdobycь wieżę*, [online] <https://www.swietyjosef.kalisz.pl/Sanktuarium/16.html>
- Tatishchev S.S., *Iz proshlogo russkoy diplomatii: istoricheskiye issledovaniya i polemicheskiye stat'i*, Sankt-Peterburg 1890 [Татищев С.С., *Из прошлого русской дипломатии: исторические исследования и полемические статьи*, Санкт-Петербург 1890].
- Tolstoy D.A., *Rimskiy katolitsizm v Rossii. Istoricheskoye issledovaniye*, vols 1–2, Sankt-Peterburg 1876 [Толстой Д.А., *Римский католицизм в России. Историческое исследование*, vols 1–2, Санкт-Петербург 1876].
- Urzednicy Królestwa Polskiego (1815–1915). Materiały do biografów*, ed. A. Kulecka, Warszawa 2019.
- Wiech S., *„Dyktatura serca”. Na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego: dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedyńskiego (1826–1883)*, Kielce 2010.
- Volkov S.V., *Generalitet Rossiyskoy imperii. Entsiklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II*, Vol. 2, L–Ya, Moskva 2009 [Волков С.В., *Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II*, Vol. 2, Л–Я, Москва 2009].

- Volkov S.V., *Vyssheyeye chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar'*, Moskva 2016 [Волков С.В., *Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь*, Москва 2016].
- Zenger G.E., *Kriticheskiy kommentariy k nekotorym spornym tekstam Goratsiya*, Varshava 1886 [Зенгер Г.Э., *Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация*, Варшава 1886].
- Znamierowski A., *Heraldyka i weksylogia*, Warszawa 2017.

Literature

Schiller F., *Gedichte. Aus: Das Lied von der Glocke*, 1799.

Websites

- https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Gro%C3%9Fbeeren#/media/File:Grossbeeren_Turm.jpg
- <https://encyklopediateatru.pl/>
- <http://www.citywalls.ru/house2334.html>
- <https://www.geni.com/people/Alexander-Galaktionovich-Lukin/6000000017469409464>
- <https://www.ria1914.info>

